

РА 144/612

Ехалов А. К.

**ЖИВОГО
ОГНЯ**

Анатолий Ехалов

**Страна
ЖИВОГО ОГНЯ**

**Москва
2011**

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рое—Рус)6
Е93

Ехалов А. Страна живого огня. – М.: 2011. – 400 с.

Книга «Страна живого огня» появилась на свет в результате долгих откровенных бесед с удивительным человеком с яркой, наполненной созиданием, жизнью, – Владиленом Валентиновичем Никитиным. Пареньком из глухого сибирского селения он испытал на себе тяготы военного лихолетья – у него погиб на фронте отец, а мать была безвинно арестована органами ГПУ. В 80-е гг. был назначен Министром сельского хозяйства России, а затем избран Первым заместителем Председателя Совмина СССР. Является активным участником описываемых событий.

«Страна живого огня» – повествование об отдельных сторонах эпохи освоения нефтегазовых месторождений Сибири, где участниками были все народы Советского Союза. Была Великая Страна.

Автор считал нужным характеры и поступки, действующие лица книги сделать собирательными, а имена их вымышленными. События книги реальны.

ISBN 978-5-8493-0103-7

© Ехалов А.К., текст,
© Фалин А.В., оформление обложки

«Сравни время с вечностью, настоящее – с будущим, живых людей – с мертвыми, и так просвятится ум твой, что худо те делают, которые *собирают сокровища для себя, а не в Бога богатеют*»

Святой отец Тихон

Ночь на сеновале

Назавтра у Васьки была очередь пасти скотину, и его с вечера отправили ночевать на скотный двор. Ночлег был устроен под крышей на сене, Васька лежал в сладкой истоме лугового разнотравья, слушая истории сторожа Петровича, занимавшего рассказами обряжавшихся внизу женщин.

– А что, Петрович, – спрашивала сторожа доярка Лукерья, – правду ли, нет ли говорят, что ты по молодости в Беловодье за счастьем ходил. Страну Живого Огня искал?

Слышно было, как Петрович неторопливо раскурил козью ножку:

– Беловодье, девки, многие искали, да вот не каждому оно открывается Беловодье-то, – наконец начал он рассказ. – Оно, сказывали, где-то между Бухтармой и Обью. Место большое, жизни не хватит, чтобы обойти.

– Чего уж там такого хорошего, что все ищут и ищут...

– Говорили, старики, будто бы там Живой Огонь из-под земли выходит, и от этого огня все вокруг согревается особым духовным теплом, так что люди, там живущие, не знают обид и горестей, злобы и ненависти. Там царит всеобщая любовь и справедливость. Огни согревают целебные источники, они любую хворь с человека снимают, а реки там молоком и медом текут.

– Ой, врешь ведь, – засмеялись бабы.

– За что купил, за то и продаю.

– А ведь никто и не бывал в Беловодье-то, кто знает?

– А вот я вам и расскажу. Еще до революции было. Поехали мы рыбачить артелью на Обь. Вот тогда беловодские люди к нам выходили. Есть, говорят, тайные ходы в тайге через болота и топи. Верхами ихние мужики приезжали.

А однажды беловодская женщина вышла. Ростом она высокая, станом тонкая, лицом против наших девок блеее будет, очи голубые, раз глянул и навеки утонул.

Я молодой был, горячий. «Вот, – думаю, – такую бы себе в жены высватать, век при счастье бы жил».

Мы с Ванькой Истоминским, дружкой моим, решили за ней след в след идти. Долго шли. День шли, ночь шли. Она словно по воздуху плывет и устали не знает.

– Окликнули бы девку-то. Может бы, донесла вас! – хотнули бабы.

Петрович не обиделся.

– На третий день совсем уж близко были. Слышим, петухи кричат, коровы мычат, люди перекликаются, и тут напал такой туман, что все утонуло в нем. Так и потеряли мы и девку, и Беловодье.

– Недостойным да несправедным душой не дается оно. А ты, Петрович, ты уж никак на праведника не похож.

– Вот нам и не далось. Стали мы обратно с Ванькой выбираться, чуть было не потопили... Еле-еле живы остались...

Петрович умолк. Молчали и скотницы.

Васька лежал на сене, закинув руки за голову, и разглядывал в щель на крыше далекую звезду, призывно мигающую ему, и думал про эту сказочную страну Беловодье, по которой текут молочные и медовые реки и где все люди веселы и счастливы... Но скоро сон сморил его, и мальчишка уснул глубоким сном праведника.

Утро на Иртыше

Ваську разбудил петух, торжественно и радостно заголосивший внизу. Тут же ему отозвался второй, третий, и петушина побудка понеслась по всей округе, укрытой легким туманом, наползавшем с дремотной глади Иртыша.

Васька сладко потянулся в своем логове под крышей двора, вдыхая всей грудью истому сеного разнотравья с примешавшимся бодрящим запахом речной поймы и тумана, прислушался...

Во дворе уже всю гомонила жизнь. Курицы порхали в лопухах, выискивая жирных червяков, важно выхаживали петухи, выпячивая атласные груди, гуси торопились вперевалку к пруду, громко гогоча. Мерин Серко увлеченно хрустел овсом, а во дворе в подойники звонко бились молочные струи.

Внизу, подвыпивший с вечера Петрович, приставал с разговорами к обряжавшимся на дворе женщинам.

– А хотите, девки, мадрид твою в лиссабон, расскажу, как я в Китае с особой миссией был?

Женщины не отвечали, занятые делом.

– Вот бабы, я сейчас, может быть, вам строжайшую военную тайну открою, а вы воротитесь от меня, героя.

– Да некогда нам, Петрович, твои истории слушать. Надо скотину обряжать...

– Ну и глупые вы тогда создания. Несознательные.

Васька скатился по сему, как с горки, отряхнулся.

Заблеяли взволнованно овцы и козы, телята капризно мычали в глубине двора, просясь на волю.

Васька пошире распахнул тесовые ворота двора и пошел выпускать скотину. Сегодня он был главнокомандующим всего детдомовского стада. И это большое взрослое дело гордой радостью наполняло Васькину грудь. Вышли с полными ведрами молока доярки.

– Здравствуй, Василий Васильевич, батюшка! Хорошо ли ночевал? – поздоровались они по-особому степенно и уважительно.

– Знамо, добро, – отвечал так же степенно Васька. – На сеновале, дак... спишь, как убитый!

– Давай-ко, скорее кружку, молока тебе парного нальем! – ласково заворковали они.

Васька вытащил из холщевой сумки алюминиевую битую кружку, коврижку хлеба и с аппетитом принялся есть.

Бабы, пряча жалость, посматривали на босоного мальчишку, собиравшего гнать на пастбище скотину, на его ноги, изъеденные цыпками, на выношенные почти до утка штанишки, выгоревшую до бела рубаху, осторожно вздыхали.

– Батько-то у тебя, Васютка, ой и добрый был человек, – сказала тихо одна. А вторая подхватила: – И мамка. Родимая была у тебя мамка-то...

Васька поперхнулся, кусок застрял было в горле, и на глаза навернулись слезы.

Старшая встрепенулась, прижала русую Васькину голловку к своей груди:

– Ох, ты, голубок, прости нас, милый...

Васька подавил накатившую было на него тоску и расправил плечи.

– Ты ешь, ешь молочко-то. Мы тебе еще плеснем, – приговаривала доярка...

– Нельзя, – сказал строго Васька. – Нельзя мне боле. Глядишь, не хватит кому. Вон малышни-то сколько опять прибыло. Надо бы еще пару дойных коров заводить, – отвечал он по-взрослому, доставая из-за опояски маленький ловкий кнут на черемуховом кнutowище...

Тут из сторожки появился осоловелый Петрович. Видимо, он успел уже хватануть бражки.

– Так вот, бабы, глупая ваша порода, слушайте, чего я вам скажу. Вызывают меня в штаб армии. Да... Там генерал на генерале сидит. Один и говорит: «Нужен человек, способный выполнить любое задание товарища Сталина!»

Я шаг вперед чеканю: «Есть такой человек. Это я, старший сержант Битюков!»

Хорошо. Направляют меня в Читу. В особую секретную школу на обучение китайскому языку.

Бабы не слушали. Петрович оглядел двор и подмигнул озорно Ваське.

– Вот ты к примеру, Васька, можешь за месяц китайскую грамоту постичь?

– Я еще и русский-то плохо знаю, – отвечал Васька. – Новая учительница мне тройка за четверть по русскому вывела.

– А ты не подсказывай другим. Подсказал ведь дружку-то? Подсказал. Вот она и обиделась! Ну да ладно, Васька, не горюй, на будущий год исправишь, – ободрил его Петрович. – А вот я, Васька, китайскую грамоту за месяц постиг. Потому как приказ! А рядом со мной два генерала учились, так один через неделю с ума сошел, а второй дольше продержался. Этого на третьей увезли. Китайский язык, Васька, это тебе не фунт изюму...

...Небольшое разношерстное стадо, повинувшись воле пастушка, оглашая долину мычанием и блеянием, потянулось от двора к речной пойме. Васька шагал по пыльной дороге следом, ощущая ногами и холодок утренней росы, лежащей поверх пыли, и тепло вчерашнего дня, хранившееся в глубине ее. Пыль приятно щекотала ноги, пробиваясь фонтанчиками, через пальцы.

По краям дороги стояли столетние липы, сквозь могучие кроны их косо падали на землю золотистые снопы солнца. Туман в низинах таял на глазах, и взору открывалась величественная панорама речной излучины.

Очнувшись от ночной дремы великая сибирская река несла на своих плечах могучий водный поток, окрашенный поднимающимся из-за таежных кряжей солнцем, похожим на огромный медный поднос. Здесь были и багровые тона, переходившие в самые нежные розовые, бирюзовые, голубые. Река еще дымила туманом, но на безмерной глади ее видны были и расходившиеся круги от всплесков жирующей рыбы, и бакены с еще не потушенными огнями, и лодка бакенщика, оставляющая радужные водовороты от весел, и сам бакенщик, неспешно гребущий фарватером...

А на угоре за трактом в окружении столетних деревьев, словно корабль у причала, белела высокими стенами двухэтажная церковь, лишённая крестов, приютившая в последние годы под кровом своим один из бесчисленных послевоенных детских домов.

Там все еще спали, и только над рубленой кухонкой куржавился дымок. Это повариха, добрейшая тетка Окулина, уже готовила для ребятишек кашу на завтрак.

Стадо спустилось на речной наволок, где обильно росла густая трава, расцвеченная желтыми, лиловыми, красными, синими цветами и осыпанная бриллиантовыми россыпями росы. Все успокоилось вдруг, и только сочный хруст травы нарушал утреннюю тишину.

Васька скинул штаны и рубаху, захватил побольше воздуха в грудь и нырнул ласточкой в дымящуюся воду. Здесь была глубокая подбережица, вымытая течением, и в бесчисленных норах ее водились раки и скользкие головастые налимы.

Мальчик открыл глаза. В неясном зеленоватом свете, пробивающемся сквозь толщу воды, увидел он стайки стремительных рыб, колеблющиеся на течении водоросли и размытые очертания береговых нор. В первой же норе рука его коснулась холодной осклизлой налиимьей головы. Налим пытался уйти, но безуспешно, ловкие пальцы мальчика зацепили его за жабры и поволокли на свет божий.

Васька шумно вынырнул из воды, поднимая руку с извивающимся налимом и выгребая второй к берегу.

– Килограмма два будет! – радовался мальчик, прыгая на одной ноге и вытряхивая из ушей воду. – Завтрак, что надо!

Он выкинул налима подальше от воды и стал вылезать в крутой глинистый берег. В каком-то месте босая нога его оскользнулась, и Васька полетел обратно на приплесок реки. Руки его машинально цеплялись за береговую кручу, и, наверное, поэтому вслед за ним на приплесок свалилась большая глыба коричневой глины, в которой тускло блеснул какой-то посторонний предмет. Васька очистил глину, с удивлением разглядывая похожую на медную тарелку, сильно зазеленевшуюся от времени, диковину.

Загадочная находка взволновала его. Сохранилась частичка проволоки, которая, видимо, крепила этот предмет

с другим. Васька, прихватив находку, выбрался на берег и принялся внимательно разглядывать ее. Сквозь темно-зеленую патину на пластинке проглядывала гравировка. Васька потер пластинку песком, и она быстро очистилась и засияла золотистым светом. На пластинке был изображен, как догадался Васька, орлений герб.

– Что же это такое? – подумал он взволнованно, чувствуя причастность свою к какой-то великой тайне. – Надо будет показать ее Виктору Акимовичу. Может он знает что-нибудь про эту находку?

Васька завернул находку в лопушок и спрятал ее в своей пастушьей сумке.

Он насобирал по берегу дров, запалил костерок, выпотрошил налима, посолил его и принялся обмазывать береговой глиной. Скоро от костерка остались одни угли, Васька разгреб их и положил в исходящее жаром кострище обмазанную глиной добычу, засыпав сверху толстым слоем углей.

– Порядок! – сказал он сам себе и лег спиной на просохшую уже луговину, закинув руки за голову и глядя бездумно в синеву утреннего неба.

По небу плыли редкие кучевые облака. Васька долго следил за их неспешным перемещением и превращением то в диковинных зверей, то в узнаваемых людей. Вот проплыло облако, похожее на нетрезвого бородатого ночного сторожа Петровича с заржавевшей без дела берданкой, а это было, скорее, похоже на толстую повариху тетку Окулину с половником, а вот это... да ведь это сам директор детдома Виктор Акимыч, едущий по небу верхом на мерине Серке...

О Викторе Акимовиче Васька подумал с теплотой и благодарностью. Директор их детдома был человеком мягким, прощавшим ребятишкам многие шалости. У него были сильные и добрые руки, ласковые, но усталые глаза. Говорят, что медалей и орденов у него столько, что на пиджак не вмещаются, что на фронте он был разведчиком и повидал много смертей и горя, получил инвалидность.

Одна нога у него совсем не гнулась и осколки от немецкой мины сидели во всем теле и мучили его. Другой бы от всех этих страданий ожесточился, озлобился. А Виктор Акимович слова худого никому не говаривал. И особенно благоволил он почему-то Ваське. Может быть, потому, что Васькин отец тоже был на войне, тоже был героем, но вернуться с нее ему не посчастливилось.

Виктор Акимович скоро растаял в небе вместе с Серком, а Васька стал с грустью думать уже об отце. Отца он почти не помнил. Всплывали в памяти лишь отдельные картинки: большой сильный человек приходил в их дом, умывался, фыркая под умывальником, мать подавала ему полотенце, и после этого брал он на руки его, Ваську, и с веселым смехом подкидывал к потолку.

История Юраловых

Юраловы пришли в Сибирь с казаками Ермака да и прижились в этом суровом и благодатном краю навсегда. Про Васькиного деда, Ивана Никитовича Юралова говорили так: «Выкинь его на голые камни, а часа через два поверни, так он с той стороны уже мхом обрастет... Иван Никитич не сможет жить плохо, где бы он не оказался!».

У деда на берегу стоял дом в два этажа, крытый железом, над крышей была башенка, в которой были установлены большие часы с боем. Всей деревне юраловские часы задавали время.

Васькин дед был человеком предприимчивым. В городе держал два трактира. Один трактир был лично его, а второй он отдавал внаем землякам.

Но Иван Никитович жил не для того, чтобы иметь много денег. Ему нравилось, когда вокруг его все кипело и бурлило.

Когда он собрался жениться, невеста, будущая Васькина бабка, Мария Дмитриевна, поставила условие: «Купи земли десятин сто пятьдесят, сто десятин лесу да поставь дом, тогда и приезжай свататься. А в твои трактиры я не верю». К тому же Иван Никитович любил компанию да и выпить был не дурак.

Но условия, поставленные невестой, выполнил. Бабка в деревне осталась на хозяйстве, а он в городе заправлял трактирами, приезжая время от времени к семье, которая едва ли не с каждым его приездом прирастала.

Все ему удавалось легко. В деревне построил маслозавод, да не простой, а который масло делал «парижское», только для заграницы. С крестьянами заключил договор, чтобы своих коров они кормили сеном только с заливных лугов, где богатое разнотравье.

А чтобы заинтересовать крестьян, за такое молоко он платил в полтора раза больше.

К крестьянам дед благоволил, ссужая деньгами без всяких процентов. А вот дворянское сословие не любил, считая его самым бесполезным в обществе.

Недалеко от их деревни было имение графа Геленшмидта. Так вот этот граф с его непутевым сыном, бывало проиграются, пропьются в Питере, приедут в имение и посылают управляющего к Юралову денег в долг просить.

— А чего это граф сам не приедет ко мне? — обижается Юралов. — Почему тебя посылает?

— Да разве может он к тебе, мужику, обращаться с просьбами. Он же граф!

— Да у меня вот в этом кармане граф сидит, а в этом — другой. — Вот пусть приедет, да поклонится, тогда я ему, может быть и ссужу.

Делать нечего. Старый граф к Юралову едет с поклонном. А тот такой процент завернет, что граф взмолится:

— Да это же чистой воды грабеж!

— Да на что вам деньги? Все равно прогуляете их да проиграете. А я хоть крестьянам эти деньги раздам, они их в дело пустят.

Перед революцией закрыл Иван Никитович трактиры в городе, уложил посуду в сундуки и уехал в деревню, чтобы целиком заниматься сельским хозяйством. Было тогда у деда к тому времени одиннадцать дочерей и два сына.

В 1927 году стали поговаривать, что богатых скоро начнут прижимать. И вот как-то ночью юраловская маслобойка вспыхнула и сгорела до тла... Потом отобрали лес...

В тридцатом деда хотели раскулачить, но буквально вся округа встала за него. Мужики помнили добро. И Юралова раскулачивание не тронуло.

Правда, дом со светелкой и часами мог подвести. Юралов железо с крыши снял, часы, посуду, все, что было ценного, потихонечку распродал, и к 30-му году дом уже был дранкой покрыт, и светелки не было.

Впрочем, Иван Никитович не сильно горевал о пропавшем богатстве. Он считал, что более-менее легко нажил имущество. Когда стал помирать, перед смертью сказал жене:

– Не грехи, мать, на людей. Маслобойку-то я сам сжег, чтобы семью не тронули.

А помер Иван Никитович от огорчения. В хозяйстве у него было две лошади. Одна – рабочая, а вторая – выездная – Воронуха. Эту лошадь Илья, сын младший, привел с гражданской войны.

Илья Иванович воевал в коннице Буденного аж до 26-го года. Последний поход первой конной армии был в Среднюю Азию, и когда басмачи там были разбиты, Буденный сказал, что все кавалеристы уедут домой на своих конях.

Илья Юралов отчаянный был рубака, семнадцати лет попал на империалистическую войну, его ранили в плечо, привезли домой. Сосед, Ваня Пиков, дураковатый такой малый, спрашивает:

– Расскажи, Илюшка, как там на фронте-то?

– Ну, Ваня, лучше и не спрашивай. Вот сидим мы в окопах, вдруг как закричат командиры-то: «Вперед, в атаку!». Мы – винтовки на перевес, вскакиваем и бежим: «Ура!». А немец по нам из пулеметов, из пушек так и бьет,

так и жарит! Кому ногу уже оторвало, кому руку, кому голову. А мы на это внимания не обращаем, бежим и кричим: «Ура!».

— А как же без головы-то?

— А тряпицу какую-нибудь навьем, голову подмышку, дальше бежим в атаку! Потом в лазарете голову-то и приставят, нитками суровыми пришьют до следующего боя.

Илья Юралов в армии Буденного прошел всю гражданскую, вернулся домой на Воронухе в полной кавалеристской форме, с карабином, шашкой и наганом.

Сдал он в военкомат только один карабин, седло и лошадь оставил, наган спрятал, а саблю на стену повесил. Бывало, как выпьет на празднике, хватается за саблю и побежал по деревне: «Изрублю в капусту!».

Марья Дмитриевна, боясь, чтобы спяну сын не натворил беды, призвала кузнеца и попросила перерубить шашку пополам. Тот сделал из нее два великолепных косаря лучину щепать. Наган она спрятала под крыльцо, и остался Илья Иванович без оружия...

Зато Воронуха на загляденье была кобылица. Старший Юралов полюбил эту лошадь всем сердцем. Без куса сахара в стойло не входил.

Бывало на праздник запряжет ее в легкий возок, украсит гриву яркими лентами, колокольчиков под дугу навесит, понесется по улице, только снежная пыль клубится — глаз не отыметь!

Когда колхозы начались, лошадей у них отобрали. Месяца три-четыре прошло, наверное, пришел Юралов на конский двор, а Воронуха-то и голову повесила. Иван Никитович с расстройства заболел да и умер. А вслед за ним убралась и Мария Дмитриевна.

...В то время Васькин отец Василий Иванович уже заканчивал техникум механизации сельского хозяйства. И быть бы ему одним из первых председателей колхозов, но судьба повернула на другую дорогу.

Тогда прозвучал призыв партии и правительства: «Стране нужно 150 тысяч летчиков!». И молодежь откликнулась

на него всем сердцем. В авиационные училища буквально хлынул поток молодого народа. Приемные комиссии уже не выдерживали этого напора, и тогда комиссии стали выезжать на места и отбирать кандидатов на поступление.

Приехала комиссия и в техникум, где учился Васькин отец. Юралов ради интереса пошел взглянуть на будущих летчиков. А там нужно было пройти врачей. По здоровью, прежде всего, отбирали. А у Юралова здоровье было хоть куда. Занимался на турнике, на брусках, двухпудовую гирию выкидывал столько, что надоедало считать. Вот и решил: «А чем черт не шутит: пройду-ка и я этих врачей».

Комиссия прошла, председатель комиссии, комиссар — две шпалы в петлицах — и говорит:

— Вашему техникуму повезло больше всех. С вашего заведения четверо юношей имеют право по состоянию здоровья поступать в авиационное училище.

Ну, и зачитывает фамилии, в том числе и Юралова.

У друга Василия, Гриши Сухарева давно была мечта стать летчиком во что бы то ни стало. Но его фамилии в списках не оказалось.

— А Сухарев? — спрашивает он комиссара.

— А Сухарева нет.

— Посмотрите еще раз!

— А, вот товарищ Сухарев, нашел Вашу карточку. Вы не прошли, по здоровью. У вас три минуса. Не годен.

— Как так? Вот, Юралов десять километров на лыжах идет 49 минут, а я — 42 минуты. Он попадает, годен, а я не годен? Где же тут логика, где же справедливость?

Комиссар усмехнулся и говорит:

— Все верно, товарищ, Сухарев. У вас 42 минуты, но нам нужны не лыжники, а летчики.

...В 38-м Юралов закончил летное училище. Впереди открывались необозримые горизонты. Еще в училище Юралов стал заниматься изобретательством: пытался сконструировать автоматический компрессор к самолетным двигателям. Конструкция получилась удачная.

Молодого курсанта направили с чертежами на слет изобретателей и рационализаторов в округ, где он повстречался с легендарным конструктором авиационной техники Ильюшиным.

Когда Юралов развесил чертежи и коротко изложил суть своей конструкции, к нему подошел один большой инженер с двумя ромбами в петлицах и ласково потрепал по плечу:

– У этого младшего лейтенанта котелок варит. Вы его направьте учиться в авиатехническую академию, ему не летать надо, а изобретать. У него цепкий ум. Смотрите, как он просто решил этот вопрос автоматике.

Это был Ильюшин.

– Смелее парень, – сказал он Василию. – Все у тебя будет хорошо.

Юралов знал, что Ильюшин незадолго до начала первой мировой ушел из глухой вологодской деревни, имея два класса церковно-приходской школы, копать канавы под строительство аэродрома в Питере...

Спустя пятнадцать лет он был уже ведущим авиаконструктором страны. А сколько их тогда, в буквальном смысле от сохи, пришло в промышленность, науку, сумев в кратчайшие сроки освоить весь предшествующий опыт цивилизации и вывести страну в мировые лидеры, создав новые технологии, сконструировав и выковав оружие победы, поднявшись до вершин космоса... Этот феномен русского крестьянства поверг в изумление мир.

Юралову придется воевать на самолетах Ильюшина, признанных потом лучшими штурмовиками второй мировой.

...Летом тридцать восьмого приехал Василий отдыхать в лагерь для активистов молодежного движения и познакомился там своей будущей женой, энергичной и веселой красавицей Надюшей, которая заведовала в райкоме отделом пионеров и школьников. Через год у них родился сын Васька. Молодые жили в маленькой комнатухе, выделенной им при войсковой части. Ваське было всего два года, когда грянула война.

В первый день войны аэродром разбомбили, отлаженная немецкая военная машина железной поступью шла по советской стране, уничтожая все на своем пути.

Немцы были совсем рядом, и отец отправил Надежду с маленьким Васькой в срочном порядке на родину в Сибирь. К дяде Илье.

Но и дядя Илья скоро ушел на фронт и пропал где-то там далеко в гибельной пучине войны. Больше никого из близких не было рядом с ними. И они стали жить одни, из всех сил борясь с сибирскими морозами и голодом. А на фронте бился с врагами отец.

...Были, были в советском командовании светлые головы. Из полуразбитых летных частей собирали мощный воздушный кулак. Юралова посадили на штурмовик, и он оказался в числе тех, кто должен был нанести Германии непоправимый урон.

В самом начале войны Геббельс заявил, что ни один вражеский самолет не проникнет на территорию Германии и ни одна бомба не упадет на ее города и города союзников. Авиации противника больше не существует.

Советские самолеты летели черной тучей. Нефтеперегонные заводы Плоешти в Венгрии были залиты электрическим огнем. В городах не было никакой светомаскировки, противовоздушная оборона ни чем себя не проявляла.

Уже через несколько минут гигантское пространство бушевало морем огня. Нефтеперегонные заводы были уничтожены полностью. Последствия этой бомбардировки были для Гитлера катастрофическими. С этого времени Германия постоянно испытывала нефтяной голод... Потому-то они так рвались к бакинской нефти...

Юралов был в полку штурмовиков любимцем. В штурмовой авиации требуется сохранять особую выдержку, идти под обстрелом, как бы не замечая зенитного огня, а потом, выбрав цель, нужно круто сваливаться в пике...

У Юралова это получалось хорошо. Можно сказать лучше всех.

Судьба его берегла. Но однажды противник все же достал его самолет. Снаряд попал в двигатель, выбросило масло, залило стекло, приборную доску. Юралов все же дотянул до своих, самолет сажал на брюхо, имея лишь боковой обзор. При ударе лопнули позвонки и тазовые кости.

Два месяца лежал на полном скелетном вытяжении. Товарищи по госпиталю уже радовались за него. Вот поправишься, говорили, на фронт тебя не пустят, поедешь домой, станешь хозяйствовать на земле, к мирной жизни приставать...

А когда Юралов бросил костыли и уже ходил с палочкой, приехал из части его друг Петр Кузнецов, ведомый Юралова, со слезами на глазах стал рассказывать, что прибыли в часть «грачи», необученные молодые летчики, и что Петру придется теперь летать с ними. А это верная гибель.

И Василий решил бежать на фронт в свою часть. Петр достал одежду, а Василий спустился ночью по простыням со второго этажа, и они нарезали в свою часть.

...Немного погодя к летчикам прибыл тыловой генерал с проверкой. Летчики выстроились на летном поле, а генерал стал обходить строй. Заметил Юралова с палкой, поднял скандал.

Командир полка вступился за Юралова:

– Товарищ, генерал! Вы на это не обращайте внимания, он немного не долечился, но он скоро бросит палку. Бросит. За то он летает хорошо. Хотите взглянуть?

И Юралов устроил показательное выступление. Самолет резко вырулил на взлетную посадку, стремительно оторвался от земли и пошел закладывать фигуры высшего пилотажа так, что у начальства быстро закружились головы.

Юралову приказали вернуться на аэродром.

– Вот, грачи, – восхищенно сказал генерал, – учитесь летать так, как летает Василий Юралов!

...Война катилась на Запад. Уже давно в воздухе было превосходство Советской Армии, но каждый день война забирала все новые жертвы и среди летчиков.

А летали каждый день. И каждый раз перед вылетом комиссар эскадрильи зачитывал перед летчиками приказ Главнокомандующего за номером 227. Знаменитый приказ Сталина «Ни шагу назад!».

И вот однажды Юралова словно бес подтолкнул в ребро. Когда комиссар в очередной раз стал зачитывать приказ, он, не выходя из строя, с усмешкой сказал: «Приказы читать не приказы выполнять!». Эта молодецкая бравада стоила ему дорого.

К вечеру он был уже в особом отделе, из лап которого вызволить человека было практически не возможно.

Но все же Юралов был любимцем. Ему благоволили и командир, и начальник штаба полка. Чтобы их любимца не расстреляли, они разжаловали его из капитанов до сержанта задним числом и передали в запасной полк.

Допросы шли день и ночь. Юралова пытались обвинить в пособничестве врагу. Сменилось четыре следователя, а четвертый доверительно уговаривал:

– Вот что парень, у тебя все равно выхода нет, давай подписывай, иначе тебя здесь заморят и забьют, а после, война уж к концу идет, разберутся, а сейчас некогда.

Но Юралов не дрогнул и вины своей не признал. А вскоре его освободили, и все обвинения с него сняли. Отстояли его друзья-однополчане.

...Похоронка на Юралова Василия Ивановича пришла уже после окончания войны. Васькин отец погиб смертью храбрых, штурмуя последнюю цитадель фашизма – Берлин. Ваське было в ту пору шесть лет.

Мечты и грезы

Васька представил себя таким же сильным и взрослым, представил, как он воюет на фронте вместе с отцом, как они вместе идут в бой, как самолет отца прошивает

вражеский снаряд, и как Васька спасает его, вытаскивая с немецкой стороны через линию фронта...

Потом вместе с отцом возвращаются они в родной дом на берегу полноводной реки, умываются вместе, фыркая под умывальником, и как мама подает им большое махровое полотенце. А рядом с мамой...

В этом месте сердце Васькино наполнилось щемящей радостью. Рядом с мамой была она – Васькина невысказанная любовь – девочка Лариса с распахнутыми небесной голубизны глазами, тяжелой русой косой до пояса и ласковым мягким голосом... Она жила с Васькой в этом детдоме, они вместе ходили в школу, вместе сидели за обеденным столом, вместе работали на огороде... Когда она проходила мимо, Васькино сердечко замирало в сладостной истоме, и казалось Ваське, что ради нее, ради этой воздушной, неземной девочки, он готов совершить самый отчаянный, самый безрассудный поступок вплоть до самопожертвования. Но об этом не знал никто, тем более сама девочка Лариса. Это признание в любви было выше Васькиных сил.

Но однажды стояли они рядом на школьной линейке, и нечаянно руки их коснулись. Ваську словно пронзило всего электрическим током. Но он не убрал руку. Не убрала и Лариса. Больше того, пальцы их сплелись и согрелись общим теплом.

Все линейку простояли они рука в руку, словно бы слившись воедино. Васька был на седьмом небе от счастья. Но вот слова у Васьки застревают в горле, когда он пытается заговорить с Ларисой.

Так и жил он в своих сладостных мучениях невысказанных чувств. И лишь один человек знал о Васькиных страданиях, и этого человека Васька ждал сегодня у своего костра.

На угоре, в детском доме, началось движение, зазвенели голоса и утренний прохладный воздух наполнился энергичными чудными звуками трофейного немецкого аккордеона.

Это играл Виктор Акимович, и, вторя голосу аккордеона, пел весь их детдом:

*«Ну-ка, солнце, ярче брызни,
Золотыми лучами обжигай!
Эй, товарищ, больше жизни!
Поспевай, не задерживай, шагай!».*

Песня звучала согласно и дружно. Васька тоже не удержался, вскочил и принялся маршировать, подхватив песню, которую пели его друзья:

*«Чтобы тело и душа,
Были молоды, были молоды!
Ты не бойся ни жары и ни холода!
Закаляйся, как сталь!».*

Козы, овцы, телята и коровы бросили есть траву и недоуменно уставились на своего командира, весело марширующего на лугу и поющего задорную песню. Они тоже, может быть, подхватили бы ее, если бы умели говорить и петь.

А с угора катилось дружно:

*«Физкульт-ура-ура-ура! Будь здоров!
Когда настанет час бить врагов,
Со всех сторон ты их отбивай!
Левый край! Правый край! Не зевай!».*

Скоро зарядка кончилась, дети ушли с улицы, а Васька, приложив козырьком руку ко лбу, стал выглядывать: не бежит ли кто в его сторону от детского дома. И верно, с угора к реке вприпрыжку бежал мальчишка, направляясь в их сторону.

– Колька! Покачев! Я тут! Беги сюда скорее! – Васька радостно запрыгал и замахал призывно руками.

Колька Покачев – ровесник Васькин. Только росточком поменьше, волосы потемнее, глаза с прищуром...

Колька Покачев – хант. Год назад нашли его геологи на разоренном хантыйском стойбище без сознания, с глубокими ранами на теле. Какой-то неведомый свирепый убийца пронесся над стойбищем, разметав жилище, порвав собак и оленей, убивая больших и маленьких обитателей чумов.

Геологи выходили мальчика, но добиться от Кольки, что же произошло в стойбище, не смогли. У мальчика от перенесенных травм развилась амнезия, из памяти, казалось, напрочь исчезло это страшное событие.

Старики-ханты говорили, что стойбище Покачевых из рода Шуки разорил разбуженный злой дух тайги Тарен, который обманным способом поселился в лесном человеке-медведе, и что теперь нужно опасаться всем.

Но больше ничего об этой страшной трагедии никто рассказать не мог. Геологи привезли Кольку в детский дом и уехали дальше искать под землей кладовые, полные несметных богатств.

Мальчика определили на учебу в первый класс, хотя по возрасту, ему нужно было ходить в шестой. Там в стойбище Кольку учили только премудростям таежной жизни да хантыйским представлениям о мире.

Коля оказался способным учеником, за один год одолел три класса, но поначалу он сидел молча, забившись в какой-нибудь уголок, ко всему безучастный и отрешенный. Васька решил взять над ним шефство, втягивал его в круговорот детдомовской жизни, вставал стеной, если требовалось, на защиту. Вскоре подружились они и стали друзьями «не разлей вода».

– Ну садись завтракать! – широким жестом хозяина пригласил Васька своего друга. Из холщовой своей сумки он вытащил краюху хлеба, луковицу, соль, постелил на траву сумку и пошел разгребать угли. Глина в кострище спеклась, окаменела, Васька стукнул по ней камнем, и та раскололась на несколько частей, открыв парившее и исходящее дурманящим запахом белое мясо налима.

Мальчишки дружно принялись есть, обжигаясь и дуя на сочные куски.

– Вот это еда! – похвалил Покачев Ваську.

– На все сто! – согласился довольный Васька. – Завтра еще испечем. Тут этого налима в норах – пропасть!..

Скотина уже наелась и лежала, коровы задумчиво пережевывали жвачку.

– Теперь они часа два с места не тронутся, – сказал Васька. – Побежали на Крутой ручей в землянку!

Колька согласно кивнул головой.

Мальчишки, подхватив Васькину котомку, припустили бегом, только засверкали пятки, туда, где к высокому берегу реки подступали густые заросли ивняка. Васька первым скатился по откосу к реке. Прямо над ним темнел в песчаном берегу вход в землянку, прикрытый спускающимися ветками ивняка, так, что постороннему вряд ли можно было отыскать эту ребячью ухоронку.

Отодвинув ветки, ребята проникли внутрь просторной землянки. Если стоять в ней надо было согнувшись, то сидеть и лежать было хорошо и свободно. Стены и потолок были зашиты разнокалиберными досками. По бокам землянки были сделаны лавки и стол, у входа стояла прогоревшая в нескольких местах, но все еще пригодная к делу железная печь буржуйка, должно быть выброшенная рыбаками с катера.

Ребята зажгли лучину и уселись на лавки.

В землянке

Дел в мальчишеском хозяйстве не переделать. Коля извлек из-под лавки вышитый зеленой каймой кожаный мешок, перетянутый сыромятной кожей, развязал его. Родовой бубен был в его мешке сверху. Коля поднял его над головой, ударил в тугую кожу рукой. Бубен отозвался, но голос его был глухим и неясным.

– Однако, отсырел! Вот когда этот бубен согреет женщина в красном халате, тогда он заговорит. Шаман с бубном любую хворь из человека выгонит. Я сам видел.

– Женщина? В красном халате? – удивился Васька, произвольно оглядываясь.

– Так у нас огонь называется. Он живой. К нему надо бережно, уважительно относиться, иначе может беда случиться, – отвечал Покачев.

Бубен лег на стол. Вслед за ним из мешка появился на свет охотничий нож в кожаных ножнах.

Коля вытащил сверкнувшую в зыбком свете лучины сталь и вздохнул глубоко.

– Этот нож из поколения в поколение передается. Теперь он мой, а я его своему сыну должен передать. Этот нож ханту во всем помощник. И на охоте, и на рыбалке, и в хозяйстве. Но им нельзя пролить кровь другого человека.

– Даже если другой человек хочет тебя убить? – Васька был поражен. – Даже если это Гитлер?

Покачев задумался.

– У нас нет между людьми вражды. У нас всего всем хватает: и земли, и тайги, и оленей. И рыбы в озерах, и муксуна в реках... Надо помогать друг другу, зачем убивать? Так всегда в нашем роду Щуки делалось.

Теперь Васька был озадачен словами друга. Если бы все любили друг друга, помогали, друг другу, то откуда же тогда взялась бы смертельная вражда? Тогда бы не было ни Гитлера, ни Муссолини, тогда бы отцу Васькиному в страшном бою не пришлось бы сложить голову за Родину, за Ваську и маму его, за миллионы таких вот детей, которые сами не в силах себя защитить... Может быть, ханты какой-то совершенно другой народ. Не такой, как все?

– Так что же, получается, если ваш род произошел от щуки, так ваши предки из озера что ли вышли? – спросил обескураженный Васька. – Мы же проходили в школе, что все люди от обезьян произошли.

– Так мне дедушка говорил. Мы много, много лет, этого уже никто и не помнит, живем, на берегу своего родового озера. Он говорил, что щука нашему роду жизнь дает.

– А разве не олень? – удивился Васька. – Хантов всегда с оленями изображают. Да еще с собаками.

– Одни от рода горностая произошли, другие от оленя, третьи от куропатки. Наш – от щуки. А вот ты когда-нибудь хантыйский хлеб пробовал?

– Эка невидаль, хлеб, он хлеб и есть.

– Не, Васька, наш хлеб особенный. Он из щучьей икры делается. Я тебя как-нибудь по весне таким хлебом угощу. И щукой нашего хантыского приготовления. У нас ведь все без соли готовится.

– Без соли? Без соли невкусно, – усомнился Васька.

– А вот увидишь! – возразил горячо Колька. – Пальчики оближешь!

Он вытряхнул содержимое мешка на стол. Тут были в основном рыбацкие снасти: лески, крючки, поплавки, поводки.

– Ты меня налимом угостил, я тебя угощу щукой. Я видел, здесь в устье ручья щука мелочь гоняет. Сейчас только снасть сделаю.

Коля принялся терпеливо привязывать к лесам поводки и крючки.

– Я Васька все равно вернусь к себе на озеро. Мне сон был, что надо на озеро возвращаться. Родственники ждут. Они пришли на озеро, а там никого. Говорят, ты Николай, главный теперь в роде Щуки, тебе за озеро ответ держать. Вот только припасы сделаю и уйду. Сначала на лодке поплыву до Оби, потом по Оби, потом тайгой пойду. Нельзя, чтобы наше озеро осталось без хозяина. Я чум поставлю, олешек заведу, собак. Потом женюсь, детей стану растить... Хочешь пойдем со мной! Два чума рядом будет. Вместе станем рыбу ловить, куницу добывать, соболя... Тебе жену высватаем, – совсем, как взрослый заговорил маленький хант Покачев.

– Мне, Коля, навсегда нельзя. Я маму жду, – удрученно отвечал Васька, опустив русую головушку, – и еще почему, ты знаешь!

– Я тебя понимаю, тебе насовсем нельзя. Но ты ко мне будешь приезжать в гости!

– На оленях, – оживился Васька, – или на собаках.

– Я тебя на собачьей упряжке приеду встречать.

– А как ты узнаешь, что я еду? Ведь в стойбище почты нет. Кто телеграмму доставит?

– К тому времени у нас будут рации. Я видел у геологов. В такую черную трубочку говоришь, а слышно за сто километров...

Теперь Васька вытащил из-под своей лавки деревянную шкатулку. Здесь хранилось самое сокровенное его достояние. Фотокарточка отца с фронта. Васькин отец высокий, плечистый в кожаной летной куртке, кожаном шлеме с летными очками и планшетом в руках. Глаза с веселым прищуром. Знакомые ямочки на щеках. На обратной стороне надпись: «Моим дорогим и любимым сыну Ваське и жене Надюше. Вернусь с Победой!».

На другой фотокарточке они были сняты все вместе: Васька в валенках с блестящими калошами, матросском костюмчике сидел на руках у отца и рядом мама – коса короной, глаза лучатся счастьем и теплом.

Здесь было несколько писем отца с фронта и письмо мамы с казенным фиолетовым штампом «Проверено цензурой».

Васька развернул последнее:

«Здравствуй, дорогой сыночек!

Верю, что ты у меня сильный и самостоятельный мальчик, что ты достойно перенесешь эту вынужденную разлуку.

Я верю, что справедливость восторжествует и скоро мы будем вместе. Главное в нашей жизни, милый Васенька, не утратить веру в добро и справедливость. Ради этого наш папа, как и миллионы других отцов, сложил свою голову на этой жестокой войне... Учись лучше, будь твердым и смелым и не бойся смотреть правде в глаза...».

Васькина мама жила с отцом всего каких-то три года. Но каких! Это время было для них счастливым, определившим всю дальнейшую судьбу. Надежда Петровна Юралова пронесла любовь к своему мужу через всю жизнь и всю жизнь хранила верность ему.

В последнее время она работала заведующей детским садом поселка лесопромышленников. Она по-прежнему была стройна и красива, и многие мужчины подолгу оставались на ней взгляды.

Васька видел, что к ним в дом не раз приходил человек в полувоенной форме с недобрыми вороватыми глазами. Мальчишка слышал, что они о чем-то напряженно разговаривают с мамой в прихожей, и каждый раз этот недобрый мужчина уходил раздосадованный, громко хлопая дверями.

Однажды летом они выехали вместе со всем детским садом на дачу – бывшую усадьбу графа Геленшмидта. Место было прекрасное: река, сосновый бор с целительным воздухом, парное молоко прямо с фермы. Детишки хороши на глазах.

И тут произошла досадная история. Некоторых ребятшек, видимо от перемены питания, пронесло. День-два поили их рисовым отваром, и напасть эта отступила. Что тут скажешь? Дело-то обычное.

Однако не все так думали. Поздно вечером к воротам лагеря приехала машина «черный ворон», и Васькину мать увели хмурые люди в черных плащах. Васька даже не успел сказать ей слова. А потом всю ночь в кабинете Надежды Юраловой был обыск. Искали, как прошел слух, отраву, с помощью которой враг народа Юралова пыталась отравить пролетарских детей.

Вот уже год живет Васька в Погореловском детском доме, веря и надеясь на скорую встречу с мамой. А ее все нет и нет.

...Васька бережно уложил на дно коробки письма, достал со дна ее чистый тетрадный лист, деревянную ручку с пером и чернильницу-непроливашку, переменял лучину

и задумался. «Надо быть твердым и смелым», надо защищать маму, надо отстаивать справедливость. Но как?

Он прикусил от старания язык и вывел на листе первую строчку:

«Дорогой товарищ Сталин! Пишет Вам пионер Василий Юралов».

Дальше пошло легче:

«Я живу сейчас в Погореловском детском доме, мы живем хорошо, но я сильно скучаю, потому что мою маму Юралову Надежду Петровну забрали в тюрьму, потому что она хотела отравить детей.

Товарищ Сталин! Я даю вам честное пионерское слово, что это неправда. Просто ребята наелись зеленых ягод и запоносили. Я им не давал ягоды есть, но разве за всеми уследишь. Моя мама самая добрая и самая лучшая.

Во время войны она едва не умерла с голода, потому что делила свой паек с детьми, которых привезли из блокадного Ленинграда.

Пожалуйста, помогите мне, товарищ Сталин, добиться правды и вернуть домой маму.

Василий Юралов, пионер».

Васька свернул листок вдвое, заложил его в конверт, на котором четко вывел адрес: «Москва. Кремль. Товарищу Сталину».

Васька достал второй лист и, собравшись с духом, написал: «Погореловский детский дом. Ларисе Жарковой».

Как не хватает Ваське сейчас смелости хотя бы на бумаге рассказать о том, как влечет его к этой девочке. Как начинает сладко волноваться сердце, лишь слышит он ее шаги на лестнице, как не в силах он отвести глаз от нее, как страдает, когда не видит ее долго.

Зашел с улицы Колька Покачев, сел на лавку и с сочувствием посмотрел на друга.

– Хочешь, я тебе помогу. Чтобы девушка на тебя обратила внимание, нужно попросить об этом между кочек живущую.

– Кого-кого? – не понял Васька.

– Вот ее, – хант вытащил из кармана тряпицу и развернул. На ладони сидела лягушка. Самая обыкновенная лягушка.

– И как ее надо просить? – опешил Васька.

– Между кочек живущая считается у нас священным существом. Она всегда влюбленным помогает. Ее косточки нужно зашить в рукав и коснуться рукавом любимого человека.

– Нет, Колька. У нас в этом деле лягушка не помогает. В наших сказках на лягушках женятся... – ответил Васька с сожалением. – Уж я попробую сам.

...Покачев ушел, а Васька терпеливо склонился над тетрадным листом, шмыгая носом и поправляя лучину, пока не появились на листе эти три волшебных слова, давшие Ваське с таким трудом: «Я люблю тебя, Лара!».

Мальчик бережно свернул листок в трубочку, достал из-под лавки заготовленную бутылку и опустил в нее письмо. Потом он залил горлышко прихваченным на почте сургучом.

Первый конверт с письмом товарищу Сталину Васька отнесет на почту. А это послание, где открыты самые сокровенные чувства, про которые знает лишь он да его друг Покачев, будет хранить зеленая бутылка, которая отправится по реке, может быть, до самого Северного Ледовитого океана, где плавают на льдинах усатые моржи да бродят в снегах белые медведи. Там под сиянием сумрачных небес будет замерзать во льдах Васькино чувство, а, может быть, оно станет таким сильным, что растопит льды, и здесь, на диком Севере, зацветут сады и вырастут новые сказочные города, где не будет места человеческой несправедливости, злу и насилию. Где только дружба и любовь, где только верность и взаимовыручка будут жить в человеческом сообществе.

Васька вывалился из землянки на приплесок реки. Она катила могучий поток, теряясь в мареве жаркого дня. Колька Покачев рыбачил с лодки, привязав ее к шестам, воткнутым глубоко в илистое дно. Высоко в небе кружили черные вороны, распластав крылья.

Воздушным потоком, поднимавшимся от реки, их выносило все выше и выше в безбрежную синеву неба. И вот уже кажутся они с земли маленькими черными крестиками, рассыпанными в синеве. Видят ли с такой головокружительной высоты эти былинные вещице птицы ребячьи хлопоты и заботы? Говорят, что живут вороны по двести и даже триста лет...

Что видели они, черные птицы на этих пустынных берегах в запредельно давние времена? Ватаги промысловиков, пробиравшихся таежными тропами вслед уходящему на восток соболю, артели искателей золота и драгоценных камней, этапы заключенных, в серых казенных шинелях, звенящих кандалами... Что увидят они завтра? Увидят ли разбуженную, очнувшуюся от тысячелетней спячки, Сибирь?

Васька размахнулся и бросил в темную рябь реки заветную бутылку. Бутылку подхватило течением, и скоро пропала она вдали, слившись с водами великой реки.

Ваське сразу стало легко на душе. Он поднялся по обрыву на берег и припустил догонять ушедшее далеко по берегу стадо.

Уроки русского

Одно слово – Сибирь. Местные племена называют ее спящей землей, не разбуженной за тысячелетия, но хранящей в своих кладовых несметные богатства...

А за Уральским хребтом лежит измученная недавней войной и тяжкими трудами Россия. Только-только поднялись из руин разрушенные города, только-только начали отстраиваться сожженные деревни. Еще хранят хлебные нивы смертоносные плоды минувшей войны: неразорвавшиеся мины и снаряды, еще не погребены в лесах отмытые дождями и белены ветрами косточки русских солдат. А Россия снова вынуждена крепить Армию и Флот, загляды-

вать в космические пространства, при этом учить детей добру и справедливости, мыслить высоко и масштабно.

Невыносима доля побежденного, но так ли легок крест победителя, когда полмира смотрит на победителя с верой и надеждой на избавление рабства, на помощь и поддержку в исканиях добра и справедливости...

...Сколько столетий сюда за Уральский хребет в дикие нехоженые урманы сибирской земли из обжитых, обустроенных вотчин пробираются люди. Что ищут они в этих непроходимых чащобах, зыбучих болотах, где черные тучи кровососов преследуют человека неотступно, и готовы заесть насмерть, где морозы такие, что птицы каменеют на лету и падают на землю с глухим стуком. Каких богатств алчут они, какую правду для себя ищут в этой спящей земле? А может и впрямь есть такая земля Справедливости и всеобщего Счастья – Беловодье, о которой говорил вчера Петрович.

...Ваське запали в душу ночные рассказы не совсем трезвого Петровича, учившего в молодости китайскую грамоту.

– Так вот, девки, слушайте, – рассказывал на дворе Петрович дояркам. – Есть, будто бы, в горах Гималаях древние предания о давно минувших временах. Говорят, когда давно была планета Дея, пятая в Солнечной системе, но разрушили ее злые серые Кощеи. В то время у Земли будто бы были три Луны: Луна Леля, которая обращалась вокруг Земли за семь дней, Фата – за четырнадцать и Месяц за двадцать девять.

Вот перебрались серые на Луну Лелю и порешили Землю извести. Но верховный наш в те времена Дажьбог уничтожил Кощеевы оплоты на Леле и спас Землю от разрушения. Но расплатилась за эту победу Земля дорогой ценой. Упали с небес воды на Землю и сотворили Великий Потоп, который скрыл под собой Северный материк – священную страну Дарию, в которой жили наши предки.

Было это будто бы в добиблейские времена. И могло бы так случиться, что народы в Дарии погибли под водами Ве-

ликого Потопа, если бы не предупредил их о грядущей гибели Великий Жрец по имени Спас.

И будто бы предки наши покинули Священную Землю Дарию и по Уральским горам стали уходить от наступающего потопа.

Шли он год, второй, справа и слева уже подступали к горам моря, ревели злые волны, набрасываясь на замшелые скалы.

А люди все шли и шли, терпя лишения, голод и холод. И лишь на шестнадцатое лето вышли они на благодатные просторы Беловодья и заселили его, плодясь и умножаясь и заселяя далее пространства Рассении... Так-то, девки!

Сказано будто бы в том предании: «В Восточном море-океане, на острове Буяне, стоит Светлый град Асгард, и омывают его две Священные реки Ирий и Обь»...

«А, может быть, утренняя находка имеет какое-то отношение к этим преданиям, о которых говорил Петрович? Может быть, эта медная тарелка не что иное, а деталь доспеха древнего воина, искавшего путь в свое Беловодье – Страну Добра, Истины и Справедливости?» – Васька решил показать находку Виктору Акимовичу на вечерней политинформации.

Сегодня докладчиком был Покачев. Перед этим он целый час сидел в библиотеке, читая газеты.

– Ну что, Коля, скажете нам о событиях в мире? – спрашивал Виктор Акимович.

– Империалисты бряцают оружием, Виктор Акимович, очень сильно бряцают, – озабоченно доложил Покачев. – Американцы взорвали водородную бомбу. Они хотят запугать всех, чтобы народы мира поступали так, как захотят того американцы. Но народы мира не хотят танцевать под американскую дудку. Растет освободительное движение в Африке.

– Молодец, Коля, – похвалил Покачева Виктор Акимович, и мальчик расцвел. – Ты хорошо подготовился к политзанятиям. Продолжай.

– Народ Северной Кореи дает отпор американским агрессорам. Корейские летчики с помощью своих китайских братьев сбили пять американских летающих крепостей Б-52. Очень метко стреляют наши корейские товарищи, Виктор Акимович!

– Хорошо, Коля. Садись, – ласково посадил Покачева Виктор Акимович. – А теперь давайте-ка подумаем, ребята, почему в мире столько зла. Почему одни стремятся все время пугать других да и не только пугать, но применять насилие: стрелять, бомбить, готовить такое ужасное оружие, которое способно уничтожить все живое на планете?

Ребята задумались.

– Они хотят завладеть всеми богатствами мира! – догадался Васька.

– Правильно, Юралов. В том мире, где на нас точат ножи, там царит власть золота, денег, наживы. Все, что там не делается, всем заправляет этот желтый дьявол – золото. И он лишает людей смысла жизни, потому что деньги, материальные богатства не могут человека сделать счастливым.

– Но как же без денег жить? – спросил Васька.

– Правильно, Василий. Без денег пока нельзя. Деньги это кровь экономики, инструмент для организации производства и всего государственного механизма.

Если деньги используются как инструмент для организации производства, жизни общества – это благородная задача денег. Если они удовлетворяют потребности человека, кормят, одевают его – это тоже хорошо, но если деньги становятся основной целью человеческой жизни – это беда.

– Так в чем тогда счастье-то? – спросил кто-то.

– Счастье, ребята, в том, чтобы быть свободным от жадности, зависти, корыстолюбия. Эти страшные качества разрушают человека, делают его глубоко несчастным, хотя он этого может и не замечать. А счастье, ребята, в общении и любви друг к другу, взаимопомощи и поддержке. Счастье в том, что мы живем в такой стране, где для вас открыты все пути. Где деньги не играют решающей роли. Если ты

заболел, – тебя будут лечить бесплатно, если ты хочешь учиться – учишь, никто с тебя за это не спросит денег.

– Вот кем ты хочешь стать, Юралов?

– Я хочу быть инженером в деревне, чтобы облегчить труд на земле.

– Я рад за тебя, Вася.

– А ты, Коля Покачев?

– Я хочу стать оленьим доктором. Хочу лечить зверей, птиц, рыб. Хочу, чтобы не только люди, но все, кто живет с нами рядом, никогда не болели. А еще хочу быть учителем, чтобы учить детей в стойбищах. Я еще окончательно не решил.

– Это очень благородное занятие, Коля. И то, и другое. И мы поможем тебе стать таким либо доктором, либо учителем...

– А ты, Ваня, – обратился Виктор Акимович к невзрачному рыжему пареньку в россыпи веснушек.

– Я хочу полететь в космос открывать новые миры!

– И ты полетишь, Ваня, – убежденно сказал Виктор Акимович. – Если ты только этого сильно захочешь. Я верю в тебя.

– А я хочу быть артиллеристом, – сказал совсем маленький мальчик.

– Молодец, Петенька! – поддержал его радостно Виктор Акимович. – Кто-то должен защищать нашу Родину. И если случится беда, то мы все, Петя, придем тебе на помощь.

– А вы верите, Виктор Акимович, что есть такая таинственная страна, которую ищут люди – Беловодье, – спросил Васька, – страну, где каждому хорошо и счастливо живет.

– Верю, Вася, – твердо отвечал Виктор Акимович. – И мы ее с вами обязательно найдем. А вернее построим.

Когда стали расходиться Васька подошел к директору и вытащил из-за пазухи тускло сверкнувшую медно-зеленую пластину.

– Скажите, что это такое, Виктор Акимович? Я нашел ее в береговой осыпи.

Директор взволнованно взял из рук мальчика находку, пристально разглядывая ее.

– Да это же зеркало с воинского доспеха! Времен Ивана Грозного. Это орление его. Эта пластина закрывала грудь воина и ослепляла в бою врага.

– Я нашел его сегодня. Очень интересно узнать его историю.

– Вот что, ребята, – обратился Виктор Акимович к столпившейся вокруг ребятне, – если не возражаете, то после ужина я поведаю вам историю Ермакова похода. Потому что это зеркало могло быть утрачено кем-либо из его воинов, а может быть, и самим Ермаком. Годится?

Никого уговаривать не пришлось. Дружное «ура!» было ответом учителю.

О великом Ермаке

– В жизни каждого народа, каждого государства, дорогие мои, – начал Виктор Акимович свой рассказ, – бывают взлеты и падения. Но одни, испытывая трудности, давление, агрессию извне, распадаются, сходят с исторической арены, а другие, наоборот, набираются сил, крепнут и в результате умножают численность свою и пространства. История русского народа, российской государственности, Советского Союза – яркое тому подтверждение.

Когда мы рассматриваем с Вами вот эту деталь воинского доспеха, – Виктор Акимович поднял вверх найденное утром зеркало, – мы обращаемся с вами к тому периоду нашей истории, когда Россия времен Ивана Грозного испытывала колоссальное давление со стороны своих соседей, а существование ее и ее народа было поставлено под

вопрос. Многие считали, что, оказавшись между молотом и наковальней, Русь рассыплется в прах.

Бывшее под жестоким гнетом на протяжении многих веков русское государство и русский народ не сломались. При Иване Грозном Русь стала быстро крепнуть и расширять свои границы. И это вызвало беспокойство у всех ее соседей. Мало того, Папа Римский, по сути, объявил крестовый поход против России, послав польскому королю Стефану Баторию меч с благословением похода на Восток. И Баторий начал войну против нас, с сорокатысячным войском вступив в русские пределы.

С другой, южной, стороны не давали покоя крымские татары, ногайская орда, в Азове сидели турки, и турецкого султана в друзья России тоже нельзя было причислить.

Русские крестьяне не успевали строить деревни, как тут же нападали кочевники, жгли избы и посевы, угоняли в полон людей.

Русскими рабами были полны невольничьи рынки Генуи и Кафки...

За Уралом тоже точили кривые мечи. Хан Кучум, воспользовавшись трудностями Москвы, пришел из Бухары со своими нукерами, вырезал семью законного сибирского правителя Едигера под корень и сам стал хозяином гигантских территорий. Но уже в то время Едигер был под покровительством Москвы и платил ей меховую дань.

Ободренный успехом, Кучум начал готовить поход на Русь.

Но и это были далеко не все беды России. В семидесятых по стране прокатился страшный мор. Бубонная чума выкосила едва ли не половину населения. Из семи миллионов осталось четыре.

А тут еще из Крыма пришел Давлет Гирей со своей ордой и выжег незащищенную Москву дотла, забрав все, что можно было забрать, уведя в плен огромное количество русаков.

Казалось бы, участь России решена. Она лежала у ног алчных завоевателей бездыханная, и оставалось только разорвать ее труп на части...

Но не все в этом мире свершается по воле злодейской. На севере страны народ накапливал силы и физические, и духовные, занимаясь, не смотря ни на что, созидательным трудом...

Сотни наших монастырей становятся и центрами просвещения, и передовых сельскохозяйственных технологий, и военными крепостями, с хорошо обученными гарнизонами, и заводами по производству оружия...

Устюжна Железопольская добывает железную руду, кует мечи и льет пушки, Тотьма варит соль, ценимую на вес золота, Устюг Великий осваивает торговые пути студеных морей и становится богатейшим городом не только России, но и Европы, солепромышленники Строгановы уходят на Урал и начинают его промышленное освоение, ставя заводы по производству меди, олова, железа...

Летом 1581 года, Кучумов сын Алей с татарами, войском пелымского князя перешел Урал и попытался напасть на Чусовские городки Строгановых. Последние призывают на помощь Ермака, который стремительным переходом меньше, чем за месяц приходит с Волги на Чусовую.

Казаки отбили Алею охоту воевать за строгановские владения. Орда повернула на север и пошла по Каме, разоряя поселения и «учиня над православными много дурного», на город Чердынь. Это был пробный поход сибирских ханов перед началом более грозного вторжения.

И тогда казаки применили новую тактику ведения войн, рожденную ими в Поволжье в борьбе против крымцев и ногайской орды. Тактику упреждающего похода.

Первого сентября 1582 года, надо помнить, ребята, что в то время новый год приходился на 1 сентября, Ермак, отслужив молебен, выступил на плотах и стругах из Чусовских городков численностью около в пятьсот сорок воинов.

Мог ли он со столь малым количеством своих товарищей изменить ход истории и геополитического устройства мира? Но я говорю, не всегда победа даруется тому, кто сильнее, наглее, нахрапистее. Не в силе Бог, а в правде!

Так было и в случае с походом Ермака. Слушайте.

Перевалив Урал, казаки стремительно шли на легких стругах вниз по течению, подгоняемые попутным ветром по кучумову царству, стремясь как можно быстрее достичь Искера, столицы сибирского царства. По пути они овладели несколькими городками, разбили в устье реки Тобол отряд мурзы Карачи, главного сановника Кучума, и к середине октября вышли на Иртыш.

Кучум, встревоженный успехами отряда казаков, готовил генеральное сражение на Чувашском мысу. Здесь была его ставка, здесь было татарское городище.

Отвесные, неприступные берега высотой в шестьдесят метров, где только две ложбины, вырытые во время дождей водой, давали надежду при большом усилии подняться наверх, на ровное плато, поросшее по краям деревьями. Внизу изгиб своенравного Иртыша, который оставляет вдруг крутизну берега, уходит в сторону, освобождая сухой речной наволок, на который и высадились 23 октября 1581 года казаки под водительством Ермака...

Силы, по свидетельству летописей, Кучум собрал огромные. Здесь были и татары, пришедшие с Кучумом из Европы, и воинство местных племен. Всего их было на Чувашском мысу около тридцати тысяч, армия по тем временам огромная. Командовал ею племянник Кучума Маметкул. Для отражения атак они соорудили по краю обрыва засеки из деревьев, прежде всего, закрывая эти две вымытые водами ложбины, установили пушки...

Накануне всю ночь атаманы совещались со своими товарищами: что делать?

Летописец рассказывает: «Голос слабых раздался: «Мы удовлетворены мезтью, – сказали они, – время идти назад. Всякая новая битва для нас опасна, ибо скоро некому будет побеждать».

Но атаманы ответствовали: «Нет, братья! Нам путь только вперед! Уже реки покрываются льдом, обратив тыл, замерзнем в глубоких снегах, а если и достигнем Руси, то с пятном клятвопреступников: мы обещали смирить Кучума

или великодушной смертью загладить наши вины перед государем. Мы долго жили худою славою, умрем же с доброю! Бог дает победу кому хочет: нередко слабым помимо сильных, да святится имя его!».

Дружина сказала «Аминь!» и с первыми лучами солнца 23 октября устремилась к засеке на Чувашском мысу...

Есть синодик или список на поминовение погибших в Сибири казаков Ермака. Этот список находится в своде российских летописей. Если следовать этому синодику, то в битве под Чувашским мысом не погибло ни одного казака... Ни одного! Чудо?

Возможен ли такой фантастический исход генерального сражения? Может быть, ошиблись монахи, опрашивая старых казаков.

Нет. Если бы в войске Ермака были бы большие потери, то вряд ли бы он смог удержаться в чужом суровом краю, и, более того, победоносно утвердиться.

Как же тогда происходило это сражение? Кто опишет его? Увы, нет живых свидетелей. Но стоит взглянуть снизу, с наволока на эти неприступные берега, как многое становится ясным.

Сколько казаков высадил на берег Ермак у Чувашского мыса? Триста, четыреста, пятьсот? Не более. Остальные были на стругах, держа их в готовности.

Утро. Туман. Осторожно подходят казаки к этим неприступным обрывам, укрепленным засеками, и убеждаются, что штурмовать их нет ни какого смысла. Всех перебьют по одиночке. Казаки в растерянности, а в это время наверху, как снежный обвал, нарастает ликование. Кого бояться? Неужели эта жалкая кучка людей способна была навести такой страх на великих татарских воинов? И еще минуту назад страх перед грозной казачьей силой, тяготивший их, сменился ликованием еще не свершившейся, но уже божьим провидением дарованной победой...

В один миг были разобраны засеки, и по ложбине во главе с Маметкулом устремились потоком жаждущие славы воины.

Их много, их очень много, а еще больше желания достичь врага, обрушить на него всю силу кривого меча. А врагов мало, слишком мало, чтобы хватило на всех, нужно спешить, торопиться, чтобы прославиться, добыть в бою оружие врага...

Но ложбина сыра, узка, и чем дальше, тем становится все уже. И вот кто-то упал, вслед за ним упал другой, третий, и вот уже целый вал человеческих тел бьется в теснине.

И в это время казаки разворачиваются в строй. Вскинуты заряженные пищали, блеск огня в сером утреннем тумане, оглушительный грохот пищального залпа, и тотчас душераздирающие крики, стон раненых и умирающих, новый залп, огонь и грохот, еще залп, еще...

Знаменитый казачий пищальный бой. Это когда один стреляет, двое других заряжают. Если стреляло сто пятьдесят человек, то скорострельность должна быть огромная, как будто бы работало несколько пулеметов в узком ущелье. А сверху все напирало, катились вал за валом, жаждавшие легкой победы...

Все поменялось в один миг. Несомненная, казалось бы, победа улетучилась, и тут же явился страшный образ ужасного поражения.

Кучум со своими имамами и мурзами, слыша страшные крики и вопли, грохот орудий, бросил свой стан и ускакал в сторону ишимских степей...

Кто-то еще пытался стрелять из пушек по казакам, но пушки не могли стрелять вниз, и после нескольких неудачных попыток произвести выстрелы, их сбросили к подножию берега...

Вряд ли этот бой продолжался более получаса.

Виктор Акимович замолчал.

Потрясенные рассказом ребятишки сидели не дыша. Наконец класс загомонил.

– Расскажите, как погиб Ермак, Виктор Акимович. Не верится, чтобы такой человек погиб.

– Хорошо. Слушайте, – Виктор Акимович внутренне собрался и голос зазвенел его тревожными нотками. – Это

случилось в ночь на 6 августа 1585 года, недалеко от впадения реки Вагай в Иртыш. Накануне Ермак получил известие о том, что в устье Вагайя Кучум удерживает бухарских купцов.

За то время, пока Ермак находился в Сибири, казаки установили тесные торговые отношения с Китаем, Ираном, Средней Азией, Россией. Дремотная тишина Сибири улетучивалась. Надо сказать, что Ермак был не только искусным воином, но и мудрым правителем. Он повелел казакам, чтобы ни один волос не упал с голов местного населения. Так оно и было. Но Кучум все еще рыскал в ишимских степях.

Получив тревожное известие, Ермак, не мешкая, выступил в поход с пятьюдесятью казаками. Они плыли по Иртышу день, второй, не встречая ни караванов бухарских купцов, ни дозоров врага.

К вечеру разразилась страшная непогода. Дождь обрушился на землю с неистовой силой, молнии с оглушительным грохотом вспарывали небо, словно дырявый мешок, шквальный ветер гнал по Иртышу пенные волны, превратив его в кипящий котел. Природа словно заранее оплакивала героя.

Многие историки говорят, что в этом ночном бою погибли все казаки и лишь одному удалось бежать. Это не так. Не могли казаки ночью, причалив к берегу, подняться в крутой размытый обрыв, чтобы на лугу установить шатры и лечь в них спать беспробудным сном. Слишком опытные они были, многие годы проводя в походах и боях. Скорее всего, они спали в стругах, и когда напал враг, то в этом бою погиб лишь один человек: Ермак Тимофеевич. Видимо, прыгая из лодки в лодку, он оступился в кромешной тьме, и его скрыла кипучая вода.

Семь дней спустя после этой драмы татарин Яныш Бегишев ловил рыбу на перемет. И тут он заметил в воде ноги, которые раскачивали волны Иртыша. Он не растерялся и, накинув переметную петлю на торчавшие из реки ноги, вытащил на берег утопленника.

На нем был богатый панцирь с царскими печатями и золочеными орлами, с медною опушкой. Ясно, что это был непростой утопленник. Яныш слышал, что несколько дней назад выше по течению была сеча.

Взволнованный татарин бросился бежать в гору, где стояли юрты Епанчинского селения. Скоро на берегу собрались все его жители. Сомнений не было: перед татарами на берегу лежал сам Ермак, облаченный в панцирь, подаренный ему в честь сибирского взятия Иваном Грозным.

Татары похоронили его на священном Баишевском кладбище под кудрявой сосной по своему закону, насыпав над упокоившемся героем огромный земляной холм, ставший скоро вместилищем таинственной силы...

В ремезовской летописи по этому поводу говорится:

«И собираша на поминки 30 быков, 10 баранов и учиниша жренье по своему извычаю, поминающе реча: аще ли жива ты учинили бы себе царя, и се видим ты мертва безпамятна рускаго князя».

Проще сказать, сожалея о его смерти, татары на поминках говорили, что будь он жив, сделали бы его своим царем.

Одежду, оружие, доспехи Ермака знатные татары подели между собой. И с тех пор стали они священными, оберегаемыми, передаваемые из поколения в поколение. Панцирь, подарок царя, достался Кайдаулу, который вскоре стал верным сторонником московского царя.

Могила Ермака стала являть многие чудеса исцеления. Предания говорили о том, что над могилой Ермака целый год стоял огненный столб, свидетельствующий о божественной силе усопшего. При чем, виделся он только татарам, русские же его не видели.

Про Ермака слагались песни и сказки, и когда пели их или рассказывали, слезы текли у слушателей и исполнителей.

Именем Ермака стали божиться и клясться. В летописи сказано:

«И нарекоша богом и погребоша по своему закону...».

Ермак остался в памяти народов Сибири почитаемым героем, божественным посланником. И долго еще могила его была культовым местом и источала всевозможные чудеса...

А хан Кучум, сын бухарского правителя, поддерживаемый крымским ханом, ногайской ордой, захвативший власть в сибирском царстве, этот коварный Кучум, вырвавший весь род правителя Сибири Едигера, спустя недолгое время был окружен русским воинством, под предводительством Ивана Кольцова, и разбит.

– Так, может быть, это зеркало, которое я нашел, утром, принадлежало самому Ермаку.

– Несомненно, оно принадлежало русскому воину, но нельзя сказать кому. Потому что, многое за эти столетия изменилось в природе. Не зря Иртыш зовут «землероем», он ежегодно срывает пять-шесть метров берега.

Но теоретически это вот то самое место, где свершилась кровавая драма Ермакова воинства, с поправкой на пять-шесть километров...

– Значит, и могилы Ермака нет? – спросил Васька, как громом пораженный.

– И могилу Ермака и могилы его товарищей, все поглотил Иртыш и вынес в мировой океан... – отвечал, грустно покачивая головой, Виктор Акимович.

Васька ушел один на берег Иртыша. Внизу свивала мутно-желтые струи великая труженица-река, поглотившая и древнюю столицу сибирского царства Искер, и следы Ермака с дружиною, городища и аулы Кучума, капища и стойбища вогулов и остяков, устраивая природу по своему, только ей ведомому закону...

Было грустно, но странное чувство испытывал он, будто бы за его плечами, заполняя все видимое и невидимое пространство стоял дух великого воина, ставшего таким же до боли родным и близким, как его отец и мать. Ермак Тимофеевич...

Не щадя живота своего

Спустя несколько часов, пока оставалось время до ужина, Васька в хорошем расположении духа отправился погулять и заглянул на задворки детского дома.

Там слышно было сдержанное сопение и звон монет. Кто-то из старших затеял игру в деньги.

...На кону стояло больше рубля. Кон – черта, отведенная на земле. На черте стопкой монеты. Кто больше поставит, тот первым и бьет. Бить надо свинцовой лепешкой с расстояния метра в три.

Когда Ленька Кропачев, долговязый конопатый парень лет пятнадцати, наклонялся с битой в руке, то казалось, что он чуть-чуть не дотягивается рукой до кона. Такому бить полдела, промахнуться трудно.

Раз! И стопка монет опрокинута. Один десятюничик лежит кверху орлом. Ленька тут же его в карман отправил. Ударил битой по остальным, сразу несколько монет перевернулось. Так до остальных очередь и не дошла, все деньги у Леньки в кармане.

– Ну что, пацаны, – загоготал Ленька. – Есть еще желающие поддержать голодающих...

Денег больше ни у кого, кто играл, не было. Да и откуда возьмутся они у безотцовщины... Все что было заработано на сдаче макулатуры и металлолома или проиграно Леньке, или потрачено на сладости.

Ленька Кропачев, по прозвищу Клоп, с другом своим, Андрюшкой Чекановым, коротко называемым Чеканом, держали в детдоме негласное первенство. Андрюха кидал двухпудовые гири, как резиновые мячики. Но, несмотря на свою силу, Андрюха у Кропачева был в подручных.

Они уже и в деревню ходили на гулянки, и курили тайком от взрослых, не стесняясь малышни.

– О, почти трояк! – пересчитал куражисто Ленька выигранную мелочь. – Маленькие игроки понуро хлюпали

носами. Все же жалко было проигранных денег, добытых с таким трудом. А Ленька все не унимался:

– Хватит на папиросы и на пряники. Вот пойдем мы с Андриюхой на беседу в деревню, папиросы в зубы, кепки на ухо, пряники в кульке – все девки наши будут.

– А зачем вам девок пряниками кормить, дали бы лучше нам! На наши деньги-то, – промолвил кто-то из салажат.

– Были ваши, стали наши. А насчет девок-то вам, салапетам, не понять. Вам еще об этом и думать рано.

Васька участия в игре не принимал. На задворки забрел ради любопытства да и засмотрелся, как играют другие.

Леньку Кропачева он не любил. Какой-то он был не настоящий, в разговорах и поступках подленький. С младшими разговаривал сквозь зубы, пренебрежительно, Андриюху Чекана на словах хвалил и возносил, а за его спиной плевался, перед учителями и старшими заискивал...

Васька знал, что Кропачев заглядывается на Ларису Жаркову, что и пряниками ее угощал и пытался по дороге из школы остаться с Ларисой наедине. Только вот Лариса, это знали все, от Леньки всякий раз отворачивалась, убежала. И это обстоятельство, видимо, не давало покоя Ленькиному самолюбию.

И язык у Леньки был поганый. Мог обидеть ни за что, ни про что.

– Девки, салапеты, имеют под юбками такие соблазнительные штучки. Ты ее пряником угости и веди в кусты. Она тебе эту штучку и покажет...

Ленька окинул взглядом ребяташек, заметил Ваську и вдруг дурашливо оскалился.

– Вот у Лариски Жарковой такая штучка есть. Лариска за пряники тоже не откажет показать! Васька знает!

Кровь ударила Ваське в голову. Словно пружина сработала внутри его тела. Он в полете ударил головой Леньку в живот и поверг наглеца на землю. В следующее мгнове-

ние он уже сидел верхом на извивающемся противнике и дупил его кулаками.

– Гад! Фашист проклятый! – хрипел Васька. – Я вырву тебе поганый язык, гнида!

Испуг парализовал Леньку. В глазах его был ужас. И Ленька завизжал, как поросенок, которого собрались резать.

Этот истошный визг отрезвил Ваську. Он хотел было оставить поверженного врага, как тут почувствовал, что сильная рука оторвала его от противника, подняла в воздух. Васька уже не хватал ногами земли, его, словно нашкодившего щенка, таскали за шиворот из стороны в сторону.

Но Васька сумел зацепиться ногами за невидимого противника и вырваться из его клешней. Перед ним стоял ухмыляющийся Чекан. Васька опустил голову и бросился на нового врага. Однако силы были слишком неравные. Андрюха перехватил парнишку и бросил на землю...

Что творилось в этот миг в груди у Васьки, передать невозможно. Васька вскочил и бросился бежать, куда глядят глаза.

Он летел во весь опор, боясь, что сердце его сейчас выскочит из груди, но не от напряжения, а от жестокой обиды. И нужно было как-то унять эту боль, охватившую все Васькино существо, убежать, умчаться от нее, или совершить сейчас что-то такое, что смыло бы с него и со всего окружающего мира эту ужасающую несправедливость, невозможность защитить и отстоять самое для него дорогое...

Дети сразу поняли, что с их товарищем произошло что-то из ряда вон выходящее и что дальше может случиться непоправимое. Они бросились за Васькой вдогонку, пытались остановить его, удержать. Но догнать Ваську было невозможно.

Тут небо над миром расколосось, блеснули молнии такие огромные и страшные, что казались они корнями

гигантских деревьев, выдернутых невиданной силой из земли.

Следом ударил оглушающий, раскатистый гром, тут же на землю обрушился ливень, и в потоках его скрылся мир: и белая бескрестовая церковь, похожая на Ноев ковчег, наполненный перепуганными детьми, и берег великой реки, и дальние кряжи вековой тайги, и белая рубашонка мальчишки, для которого в один миг ушла из-под ног матушка земля.

Кто-то из ребятишек бросился в деревянный флигелек директора. Виктор Акимович понял все без лишних слов. Превозмогая себя, он не шагал, а буквально летел к скотному двору, не чувствуя бьющих по телу плетей дождя.

Он быстро оседлал Серка и помчался во весь опор по речному наволоку, пытаясь оглядеть в темных лугах белую рубашонку мальчишки. Какое-то время показалось ему, что видит он в бурунах взывавшей стремительно реки белое пятно. Кинулся было к берегу, но пропало виденье за пеленой дождя.

...Гроза, ворча и громыхая, медленно уходила за таежные кряжи.

В парке у церкви меж стволами деревьев летали как призраки светящиеся неземным светом шаровые молнии. Глядя в окна, дети видели, как взрываются они словно бомбы, и долго после каждого взрыва плыло в глазах негативное отражение мира.

А в доме том, забившись в темный уголок, тихо плакала голубоглазая девочка Лариса.

Всю ночь в окнах директора не гас свет. Виктор Акимович не спал, ходил по комнате, время от времени останавливаясь у буфета, наливая из графина в стакан водки, и снова мерил покалеченной ногой пространство...

На утро выяснилось, что еще одного человека недо считался детдом. На утреннем построении не оказалось и Коли Покачева.

Ночь на реке

Только к ночи успокоилась река, взбаламученная небывалой грозой. Усмирились его буруны, спрятали под воду белые бараньи шапки, вышла на небо полночная луна и осветила мир призрачным неживым светом. Где-то на разливах кричала с протяжной тоской, леденя душу, тревожная птица – выпь, утки крякали настороженно, прислушиваясь в полудреме, не пробирается ли болотными кочками в поисках добычи лисовин.

Глубоко по ямам забились рыба, напуганная бурей и грозой, не вышел на разбой даже ночной хищник – невозмутимый сом.

А в землянке, вырытой ребятами в обрыве Иртыша, метался в горячечном бреду Васька. И виделось ему, что бредет он тайными тропами, преодолевает непроходимые болота, горные перевалы, укрытые снегами, и оказывается наконец в удивительной стране, наполненной ласковым теплым светом, где цветут удивительные деревья, а на ветвях их порхают радужные птицы, поющие нежными головами. Звонкие ручьи там полны меда, а говорливые реки полны парного молока...

Васька шагает этим чудным цветущим садом, вздыхая ароматы невиданных цветов, и вдруг останавливает его голос такой родной и близкий:

– Вася! Васенька! Иди скорее сюда!

Васька оборачивается и видит, что к нему протягивает руки его мама, а рядом с нею отец, радостный и улыбочивый, с веселым прищуром глаз... А рядом с ними его девочка, любимая его девочка, голубоглазая Лара.

Она берет его за руку, и все они устремляются по воздушным дорогам этой чудесной страны...

– Это страна счастья, сынок, – говорит ему ласково отец. – Здесь нет вражды, нет злобы и обид, здесь все любят и уважают друг друга. Здесь царство мира, согласия и дружбы...

...Коля Покачев знал, что Юралов должен быть в их землянке. Кому-то постороннему найти друга будет невозможно. Как только стемнело, он отправился к Иртышу. Его не пугали, ни леденящий хохот филина в парке, ни крики выпи, ни холод сырой травы. Колька привык жить в природе, так же, как человек привыкает к своему дому или квартире.

Лунный свет, проникавший в землянку, закрыла тень маленького человека, но Васька уже не увидел спешащего на помощь друга. Он был уже весь в этом волшебном горячечном полете. Губы его были воспаленно красны, на лбу выступила холодная испарина, руки нервно теребили ворот рубахи на груди. Васька задыхался.

Колька действовал быстро. Он затопил буржуйку, сразу же наполнившую теплом их маленькое убежище, достал из мешка бубен и стал греть его на открытом огне. Скоро бубен подсох и туго натянутая кожа его загудела. Колька, как заправский шаман, поднял бубен над головой и ударил в него пальцами, извлекая рокочущие звуки. И в унисон этому рокочущему звуку бубна горловым голосом Колька затянул заунывную древнюю песню без слов.

Все быстрее выбивали пальцы рокочущие звуки бубна, все быстрее вторило ему горловое пение Кольки, словно и не мальчик был это, а великий шаман из рода Щуки, который знает такие сокровенные таинства бытия и космоса, которые даны лишь очень немногим на этой земле. Все быстрее ритм, все быстрее движения Колькиного худого тельца, все выше и пронзительнее звуки, клокочущие в горле маленького ханта.

Казалось, что душа и тело разделились. Душа воспарила, и казалось, что нет для нее ни преград, ни расстояний, нет невозможного. И только звук бубна, ставший уже таким далеким, что рокот его еле слышен и тоньше комариного писка, но голос тот волнует, зовет вернуться обратно на землю, напоминая о незавершенных на земле делах...

...Утро было светлым, промытым дождями, очищенным грозой. Васька открыл глаза, чувствуя в теле необы-

чайную легкость. Он словно забыл весь ужас вчерашнего дня, свершившейся драмы на задворках детдома. Он вскочил на ноги, но его кинуло к стенке, ноги были слабы и предательски дрожали.

В это время в проеме землянки появился Колька с дымящимся котелком в руке.

– Сейчас я тебя буду поить травами, чтобы к тебе вернулись силы. Меня этому учил дедушка. Он много знал всяких целебных трав, и я от него учился.

Васька с благодарностью принял из рук товарища кружку с зельем. Напиток был горьким и противным, но с каждым глотком по телу разливалась волнами энергия и кровь закипала в жилах.

Васька остановился, перевел дыхание, взглянул на Покачева и твердо сказал:

– Ты как хочешь, Колька, но я обратно не вернусь. И если вернусь, то не сейчас, а когда стану сильным и смелым, как отец, как Ермак. Я уйду с тобой на поиски твоего родового озера! Ты-то не передумал?

– Я готов хоть сейчас, – отвечал Колька, и лицо его озарилось на мгновение радостью, но тут же забота пролегла складкой меж бровей...

– Нужно оставить ребятам и Виктору Акимовичу письмо, что мы живы, и что мы обязательно вернемся. Они переживают за нас, Виктор Акимович тот всю ночь не спал, а с утра опять оседлал Серка и отправился на поиски. Я слышал, он рыбакам в колхоз звонил, будут неводом тралить, нас искать...

Васька при этих словах встрепенулся, и на глаза его навернулись непрошеные слезы. Но он пересилил себя.

– Решено так решено! Достань, Коля, мою коробку изпод лавки, я напишу им. А ты незаметно отнесешь и бросишь в почтовый ящик.

Не прошло и полутора часов, как письмо было написано и доставлено, вещи собраны и уложены в лодке. Колька принес еще и железную буржуйку из землянки и тоже примостил ее на железном листе, оборудовав камбуз.

Мальчишки налегли дружно на весла, отталкиваясь от берега, и скоро их утлый челн, возвращенный к жизни из брошенной плотоведами прохудившейся лодки, качался на волнах Иртыша. До свидания, детдом! До свидания, дорогой Виктор Акимович! Прощайте, ребята, с которыми сдружились и сроднились за эти два года. Прощайте, тетка Окулина, кормилица и поилица, прощай и ты, добродушный ворчун и сказитель Петрович. Прощай, мерин Серко и все обитатели детдомовского подворья...

Прощай, невысказанная Васькина любовь, неземная девочка Лариса! Васька вернется к тебе сильным и непобедимым!

У рыбаков

– Глянь, мужики, к нам подмога прибилась! – крикнул высокий костистый мужик, вышедший из рыбного склада и увидевший уткнувшуюся в берег лодку, на которой крепко спали мальчишки.

Неспешно вываливались из рыбацкого домика заспанные мужики, закуривали папиросы, разглядывая неожиданных гостей.

Утро выпало с тихим дождичком и густым туманом. Река была рядом, но ее не было видно – весь утренний мир поглотил этот молочный туман. И только вытащенный на берег красный бакен, рыбацкий стол под навесом с приклеившимися перламутровыми рыбьими чешуйками, да керосиновый фонарь под железным абажуром придавали миру некоторую реальность. Да слышно было, как дышит река неуловимым движением вод.

Васька и Колька спали сладким сном. Они плыли уже третьи сутки и сильно устали. Картины проплывающих мимо берегов не отличалась большим разнообразием. Ред-

кие убогие поселения, склады древесины с затонами, где формировали сплавщики длинные плоты для транспортировки их по реке. Однажды, ближе к ночи, попался им встречный пассажирский теплоход весь в сиянии огней, из радиорубки его неслась музыка, а на верхней палубе парень с девушкой танцевали вальс.

Пароход, шлепая плицами по воде, исчез, как видение за излучиной реки, и ребята долго еще заворожено глядели ему вслед, думая каждый о своем.

Ждали слияния двух великих рек. По их расчетам, это место должно было появиться с часу на час. Все ближе подступали к берегам с правого борта густые кедрачи, с левого – простирались широко заливные поймы – «соры», на которых нагуливала к зиме жир сорная рыба – язь, плотва, щука...

Потом природа стала зримо менять свой характер, лиственные леса уступали место хвойным, все чаще степные просторы сменялись гигантскими болотами, с чахлой растительностью... Малые реки, впадающие в реку, несли с собою темные болотные воды. Менялись краски ночного неба, оно уже не было похоже на темный бархат, на котором зажигались яркие крупные звезды. Небо теперь и самой глухой ночью было сумеречно светло.

Однажды ночью почувствовали ребята дыхание самого Ледовитого океана, лодка ночью покрылась инеем, который растаял только по утру...

Этой ночью ребята не сомкнули глаз, стараясь как можно дальше продвинуться по намеченному маршруту. Покачев считал, что после слияния рек нужно пройти по еще километров пятьдесят, а потом уже углубляться по правому берегу в тайгу, чтобы выйти к своему родовому озеру.

Первым открыл глаза Колька. Он увидел проступивший в тумане ветхий сарай на берегу, где ютилась рыбацкая артель, горы деревянных ящиков, залепленных рыбьей чешуей, большие просмоленные лодки на берегу,

развешенные на колах вдоль реки невода с большими деревянными поплавками.

– Давайте, гости дорогие, к нашему шалашу! – у лодки стоял высокий, заросший щетиной, мужик и приветливо улыбался.

Горел костер на берегу, фыркал на огне большой закопченный чайник, на стол, сколоченный из досок, принесли огромное блюдо с холодной вечерней ухой, уже схватившейся, как студень.

Колька растолкал друга, и они с опаской сошли на берег.

Рыбаки выдали им ложки, усадили за стол, но есть не начинали.

– Где-то там Костюшка с девками хороводится? С вечера – гармошку в рюкзак и ускакал верхами в деревню, – озабоченно проговорил старый рыбак с лицом, похожим на печеную картошку.

– Вернется твой Костюшка. Это настоящий рыбак. И погулять не промах, и порядок знает, – успокоил его высокий артельщик.

В тумане слышался глухой стук копыт и тихое ржание.

– Во, что я говорил, – довольно подытожил артельщик.

Из тумана выплыла сначала голова гнедой кобылы, потом над нею показалось довольное лицо Костюшки с запутавшейся в русых кудрях сенной трухой.

Рыбаки понимающе хохотнули и принялись хлебать уху, держа под ложками ломти ржаного хлеба.

...Уха была необычайно вкусна, но все же артельщики хлебали ее без особого аппетита, видимо уже приелась за сезон, но чай со смородиновым листом пили с чувством. Скоро задымились папиросы и самокрутки, и старший артельщик поинтересовался деликатно:

– Куда, ребятки, путь держите?

Отвечал Васька:

– Плыдем на каникулы к хантам на озеро Шаман. Слышали, небось? Там у Кольки Покачева родовое озеро.

– Шаман? Далеко, однако. Надо тайгой да болотами недели две идти. Глухое место. Не зная троп долго ли заблудиться?

Артельщики качали головами.

– Оставайтесь-ка, лучше с нами, – предложил старший. – А то у нас хозяйство некому вести. Да скоро уж и путина, муксун пойдет, заработать можно хорошо. Вся-ко и денежка к школе пригодится...

Колька глянул на друга и уверенно отвечал:

– Спасибо вам, дяденьки. Однако нельзя нам оставаться. Озеро ждет.

Рыбаки уважительно посмотрели на Кольку.

– Ну тогда погостите, припасы в дорогу сделайте. Вот сегодня туман рассеется, так с нами на тоню сходите, рыбки хорошей в дорогу возьмете, – рассудил старший артельщик.

Ребята с радостью согласились.

– А до слияния рек далеко? – взволнованно спросил Васька.

– Рукой подать. Сегодня туда и пойдём. Особое это ребятки место, былинное, сколько про него легенд да сказок в народе живет не переслушать.

Костюшка, молчавший до сих пор, оставил кружку и кивнул на старого рыбака с лицом, похожим на печеную картошку.

– Вы Каева вечером попросите, он вам расскажет. И мы послушаем за компанию.

Каев согласно склонил голову.

– Ну, с Богом! – подал решительный голос бригадир. Артельщики поднялись из-за стола, раскатывая голенища сапог.

Туман все еще укрывал мир. Но рыбаки погрузились в лодки и поплыли от берега в сплошном молоке. Как они угадывали направление, понять было трудно. Но артельщики гребли уверенно, и лодки ходко скользили по воде.

Через час подул легкий ветерок, и туман начал рассеиваться.

– Подходим, – сообщил доверительно Костя ребятам, – смотрите внимательно. Вот чудо, так чудо!

Ветерок окончательно сорвал с реки туманную занавесь, и взору детей открылась величественная картина.

Две могучие реки несли свои потоки навстречу друг другу. Одна несла желтые воды, другая – голубые. Вот берега распахнулись, разбежались по сторонам и два потока, ударившись друг о друга по касательной, подняли бурун и еще какое-то время бежали рядом, не желая уступать друг другу главенства. И уже в одной реке, в одних берегах бежали, не смешиваясь, два потока – желтый и голубой.

– Ничего, обнюхаются, приноровятся друг к дружке и скоро станут одной рекой, – сказал раздумчиво Каев. – Так вот и в семейной жизни бывает. Муж да жена – одна сатана!

И тут Колька взволнованно ахнул.

– Васька, смотри скорее сюда! – Покачев даже привстал от волнения: – Рыбий Дед!

– Где, где, Колька?

– Да вот же! На высоком-то берегу. С носом.

И верно, на высоком берегу стояла высеченная из дерева фигура старика, с неестественно длинным носом. Таким длинным, что нос этот скорее походил на хобот.

Ваську рассмешил деревянный идол. Но Покачев не заметил Васькиной иронии.

– Это у него потому такой нос, что этим носом он рыбу к берегу притягивает. Теперь то уж точно будет удача.

...Невод выметывали на обскую сторону. Он охватил едва ли не полкилометра русла и речной поймы. Одну сторону невода тащили веревками с помощью артельной кобылы, на которой приехал к берегу рыбак, другую – осиливали сами.

– Навались! – командовал старший артельщик, – раз два взяли!

Жилы на шеях у рыбаков напряглись, лица покраснели, упиралась артель во все человеческие и одну лошади-

ную силу, и невод, обозначенный цепочкой пляшущих на воде поплавок, нехотя стал продвигаться к берегу.

— А ну, ребяташки, взяли, — подбадривал старшой. — Идет родимый, идет.

Каев, сидевший в лодке на чупе невода на случай непредвиденного зацепа, заволновался.

— Стенки, стенки держите, не дайте уйти! С рыбой будем!

Веревки вышли на берег, теперь выводили крылья невода. Уже сейчас видно было, что рыбы попало изрядно, еще до берега было далеко, а чупа уже вскипала бурунами и поплавки бешено плясали на воде, а то и вовсе уходили под воду.

Васька с Колькой тащили невод наравне со всеми, загораюсь все больше и больше рыбацким азартом и предчувствием небывалого улова.

Вот уже вышли на берег и стенки невода, в воде оставалась одна чупа, буквально кипевшая рыбой.

Лошадь перезапрягли в телегу, подогнали к самой воде. Два рыбака с черпаками на длинных ручках зашли в воду и стали вычерпывать добычу, сгружая в телегу.

Пятнистые щуки извивались, как змеи, бронзовые крупные лещи с тяжелым стуком падали на дно телеги, серебрястые, с синим отливом, благородные муксуны мощно бились в сетках черпаков, тут же были и стерлядки, похожие хребтами на плотницкие пилы.

Радостный подъем царил среди артельщиков. Скоро телега была полна. Стали заполнять и привезенные со склада ящики, одну лодку завалили рыбой чуть ли не вровень бортов, а рыбы, казалось, в чупе все не убывало.

В самом конце ее билось что-то несуразно большое, и азарт разжигал рыбаков. Наконец Костюшка не выдержал и коршуном бросился прямо разверзнутую пасть чупы.

Вода вскипела, завязалась борьба между молодым и сильным рыбаком и кем-то, пока еще не видимым и лишь угадываемым по силе, с какой свивал он рыбацкую снасть.

Костюшка все же не устоял на ногах, в какое-то мгновение он ушел под воду с головой, но тут же вынырнул и выдохнул хрипло:

– Держу!

Он уперся ногами в дно, подтаскивая к берегу добычу, но через мгновение полетел с ног. В воздухе мелькнул огромный косой хвост с мощными зазубринами.

– Осетр! – несколько человек выкрикнули разом это слово, как заклинание, и повались на Костюшку и бьющуюся под ним огромную рыбину.

...Домой возвращались уставшие и тихие. Часть рыбаков ушла пешком. Покачев щептал слова благодарности Обскому Деду, пославшему богатый улов.

Каев рассказывал:

– Был у нас в прежние времена, когда я на Волге жил, один рыбак. Как звали-то по-христиански, так я уж не помню. А прозвище зацепилось: «Карась». Тот Карась промышлял белугой. А знаете, какая это рыба? Бывало по тонне весом попадалась.

Ребята слушали и не знали верить Каеву или нет. Как такую рыбу представить? Она, наверное, с лодку будет.

– Так вот, ребята. Изымает он белугу, пропустит ей под жабры веревку и катит на ней, как на самоходном катере аж до Астрахани... Да и продаст там ее по большой цене. Потом до дому на тройке прикатит пьяный, с дорогим вином, в обновах. За неделю спустит заработок и снова на ловлю едет.

Одинова такую поймал, что она дорогой задурила да и разнесла Карасеву лодку в щепки. А у него веревка к ноге привязана была, и утянула, сказывали, белужина Карася к себе в пучину. С тех пор никто его и не видывал.

Ребята не нашли, что ответить Каеву. Молчали до самого рыбацкого стана, переживая впечатления дня.

Вечером варили стерляжью уху, готовили малосолого муксуна. Старший артельщик принес из сарая припрятанную бутылку спирта.

– Давайте-ка выпьем мы за нашу артель, – сказал он, поднимая кружку. – Не зря говорят: «Дружно не грузно, а врозь – хоть брось!». Этакую работу сегодня свернули.

– Да уж, – поддержал Каев. – Артельная каша гуще кипит.

– Выпьем, братцы, и за наших гостей, – продолжал бригадир. Это они нам удачу такую принесли. Пол месячного плана взяли. Один осетр на четыре пуда потянул... Так пусть же и им во всем сопутствует удача!

Стукнулись кружками, крякнули и долго до седьмого пота стучали ложками по блюду, вылавливая расплавленное золото стерляжьего жира.

После чая, разморено закурив, повернулись к Каеву.

– Ну что, дедко, скажи-ко, ребятишкам сказку. Мы тоже давно уж от тебя сказок-то не слушали.

Каев не отказывался. Наоборот, видимо ему нравилось сказывать истории рыбакам.

– Ну что, – откашлявшись, начал он, – расскажу про наши великие реки... Сказки сказывать не дрова рубить. Слушайте.

У каждой птицы – свое гнездо, у каждого человека – своя малая родина. А как же без родины реке быть? Не бывает без родины даже больших рек...

...Тихо над рыбацким станом. Чайки, накричавшись за день, угомонились в речных протоках, лишь изредка доносились с Иртыша глухие удары, то крупная рыба выходила на промысел, ударами хвоста глушила задремавшую молодежь. Стреноженная рыбацкая лошадь топала в росных лугах да хрустела травой.

Старик замолчал. Полночные звезды густо сияли на небе, пора было ночевать.

...Мальчишки, убаюканные красивой сказкой, уже клевали носами. Рыбаки потянулись в сарай, только за столом под навесом оставались еще старший артельщик Пылов да старый рыбак Каев.

Уже засыпая, Васька слышал, как старший артельщик рассказывал Каеву.

– Разведка боем, дядя Саша, – это когда тебя посылают на верную смерть. У тебя отбирают все документы, награды, знаки различия. И ты идешь в открытую, а тебя противник изо всех огневых средств лупит, так, что небесам тошно.

Вот мы и пошли. Нас было двести человек отобрано, а вернулось только семь...

Хантыйский хлеб

С утра собирались припасы в дорогу. Пылов положил ребятам пяток больших присоленных муксунов, связку вяленых лещей.

– А можно я, дядя Ваня, возьму муксуньей икры хантыйского хлеба сделать, да щук небольших.

– Бери, бери. У нас этого добра не убудет, – согласился старший артельщик. – А мы у тебя поучимся.

Колька раскочегарил железную печку, попросил у рыбаков большую сковороду. Насыпал из своих припасов на сковороду кедровых орешков и принялся давить плоским камешком, пока на сковороде не выступило ароматное таежное масло. Потом он взбил в большом блюде муксунью икру, выкинул из нее пленки и стал примешивать в нее муку. Получилось тягучее, пахнущее сырой рыбой, тесто. Колька выложил его на разогретую сковороду, и скоро хантыйский хлеб спекся в тугую лепешку.

Первую лепешку Колька разломил на всех. Рыбаки с интересом пробовали, деликатно хвалили Колькинустряпню, обещали перенять опыт.

Тем временем Васька выпотрошил несколько небольших щук, нарезал в прибрежных кустах палочек, очистил их, заострив концы.

Принесли из сарая плошку клюквы. Покачев ловко разворачивал на столе щук, натирал их с внутренней сто-

роны давленной клюквой и осторожно протыкал их палочками, так, чтобы заостренный конец палочки оставался в щучьем теле.

– Так всегда в нашем роду делали. Нельзя, чтобы палочка насквозь проходила, иначе щука на человека обидится, и вся сила из нее уйдет.

Рыбаки удивленно качали головами.

– Теперь я поставлю щук к стенкам печки, и пусть они сохнут, – рассказывал Колька увлеченно. – Как высохнут, можно их в мешок складывать и в дорогу с собой брать. Все ханты в дорогу сушеную щуку берут. Бросишь в котелок с водой, вот тебе и еда. Щука много сил дает.

...Пополнив запасы, ребята погрузились в лодку и поплыли дальше. Рыбаки провожали их всем станом.

– На обратном пути приворачивайте! Будем ждать!

Не успели они доплыть до слияния рек, как услышали перестук копыт. Следом за ними скакал верхами Костя.

Ребята заволновались и направили лодку к берегу.

– В деревне был, – сказал, отдышавшись Костя. – Я уж при всех не стал говорить. Ищут двух мальчишек. Из детства сбежали. Участковый в клуб приходил, наказывал, что если объявятся, то ему сообщить.

Костюшка замолчал, а ребята повесили головы.

– Ну чего засмурели? Рассказывайте, куда путь держите? Я не выдам, а, может быть, подскажу чего или помогу.

– Нам, Костя, обратно никак нельзя. Нам на Шаман надо, – отвечал Колька, – нам надо родственников найти. Там, на Шамане, наши чумы стоят.

– А точно найдете? – засомневался Костюшка. – Про Шаман-то я слышал. Богатые места, но нехоженые. Там где-то говорят, в старину раскольники скрывались от царских властей. Это надо вверх по Кондасу подниматься.

– Я, Костя, дорогу найду. Не сомневайся. Я ведь хант. В тайге вырос.

– Ну коль так, больше задерживать не стану. Зверя в тайге стерегитесь.

Он подошел к лошади и вытащил из-за седла старенькую бердану.

– Держите. В тайге без ружья нельзя. Вот и патроны к ней, – Костюшка протянул ребятам туго набитый кожаный подсумок. – Обратно пойдете, вернете.

...Костя забрел в воду, сильно оттолкнул лодку. Скоро ее вынесло на течение, а через полчаса она качалась уже в обских волнах.

Все те же черные птицы кружили над рекой и утлой лодчонкой, на которой два юных существа отправились в безрассудное путешествие в поисках земли, где царят Добро и Справедливость, Любовь и Добросердечие, в Страну Живого Огня.

И если посмотреть сверху, с той высоты, где кружат черные птицы, то увидеть можно, как великая река пересекает гигантские пространства бесконечных озер и болот, разъединенных узкими перешейками лесов. Небольшие гривы кедрача и снова озера и болота, болота и озера, насколько видит глаз.

Малопригодная для жизни современного человека земля, доставшаяся рыбам, птице и зверю в наследство от великого потопа, вызванного растаявшим в древние времена ледником, под которым скрылась легендарная страна Дария. Для случайного пришлого покажется она сумрачной, неприютной. Только случайных людей здесь не случается...

В тайге

Лодку спрятали в устье Кондаса под нависшими над водой ветвями ив. Дальше путь их лежал через тайгу и болота. Но ребят не страшила дорога. Колька хорошо ориентировался в тайге по солнцу, по свету звезд, по лишайнику, нараставшему на елках с северной стороны.

Первый день прошли без приключений. Ночевали на сухой гриве под вековыми кедрами. Разожгли костер, наелись отварной щуки, напились чаю с брусничным листом. Дым от костра отгонял надоедливых комаров и мошку, было хорошо и покойно. Постепенно отступала, уходила прочь горечь обиды и смятение, царившие в Васькиной душе в первые дни после побега.

Колька подкидывал в костер сухие ветки и, глядя на огонь, рассказывал:

– Однажды муж с женой ночевали у костра. Выскочил из костра уголек и попал на ладонь мужу. Больно ему стало. Он рассердился, схватил топор и стал рубить топором кострище. Огонь и угас.

Наутро встали, никак жена не может развести костер, сколько ни билась. Муж разжигал, – нет огня. Обиделся огонь.

А люди уж совсем замерзать стали, только тут появился крохотный такой огонечек и говорит: «Отдайте мне вашу дочку, тогда я и появлюсь. Поставьте ее в костер и ничего не бойтесь, ей не будет больно».

Чего делать-то. Поставили девочку в кострище, тут охватило ее пламя, а она стоит и улыбается. Потом пропала совсем, как будто ее и не было. А огонь разгорелся, сильным стал и жарким.

– Ну это сказка! – засмеялся Васька.

– Наши люди верят, что нельзя огонь обижать. Нельзя в костер мусор бросать, плевать нельзя... Огонь защищает человека от злых духов, очищает...

– А в кого еще ваши люди верят? – спросил с интересом Васька.

– Есть такой большой человек, он объезжает свет на белом коне, наблюдает за миром. Зовут его Мув-керты-ху. Но он не вмешивается в людские дела, а вот бог Торум и его сын Медведь, его еще лесным человеком зовут, они с людьми рядом.

– И чего они делают? Чем медведь может человеку помочь?

– Медведь охраняет людей от болезней, стережет их жилище, разрешает споры, даже судит. Вот если кто у кого чего-нибудь украдет, и на этого человека покажут, то ему дают в руки медвежьей лапу, ставят под медвежьим черепом и спрашивают: виновен он или нет?

– И что, человек уже не может соврать?

– Никак, нельзя. Иначе лесной человек накажет лгуна.

– А почему же геологи говорили, что на ваше стойбище напал разъяренный медведь.

– Я не знаю, но у нас так бывает, если охотники убили медведя, то они должны задобрить его душу. В стойбище устраивают медвежий праздник.

– А если только ранят, и он уйдет разгневанный?

– Тогда говорят, что в медведя может вселиться злой дух Тарен. Это очень опасно.

...Тихо в вековой тайге. Чуть слышно потрескивает костер. Да изредка налетевший с севера ветер – полуночник качнет вершины кедров, скрипнет где-нибудь сухая древесина и опять тишина.

Смолкли в чаще птичьи голоса, с севера напоззли тучи, укрыли небо сплошным серым одеялом, и сразу стало тепло.

Но что это? Замерли ребята, затаили дыхание. Будто хрустнула ветка под чьей-то тяжелой ногой, одна, вторая. И вот за деревьями, в непроглядной темноте, явно было слышно, как раздался тяжелый утробный вздох.

Ребята напряглись, а Васька подтащил в себе берданку.

Стало заметно светлее. Видимо, взошла луна и через облака осветила ночной мир. Тревожно вскрикнула ночная птица и стихла. И тут внутренним чутьем оба мальчишки ощутили в окружающем их пространстве появление кого-то еще. Его присутствие словно разливалось в воздухе, заполняло пространство, подчиняло себе всякую другую живую волю, от мелкой птахи до человека.

Мороз пополз за ворот, сердце застучало часто-часто. Прошло несколько минут, и снова такой же тяжелый, но уже полный страдания, вздох прозвучал в ночной тайге.

Васька передернул затвор берданки. Стало слышно, как осторожные вкрадчивые шаги удалялись вглубь леса.

– Это он! – прошептал Колька. – Лесной человек.

– Мне, кажется, не с добром он пожаловал. Может быть, это тот самый, что ваше стойбище разорил, – отвечал ему шепотом Васька. – Может, шатун какой. Я читал. Если его ранить, то он будет людям мстить, пока его не убьют.

– Давай побольше кинем в костер дров, чтобы он не вернулся... Мы попросим огонь, чтобы он нас защитил.

Языки пламени поднялись к ночному небу, но в тайге оставалось все так же темно и таинственно. И только Кондас, бежавший неусыпно к большой реке, отражал отблески костра, унося с собою быстротекущее время.

Ребята уснули только под утро.

У старообрядцев

Все дальше и дальше уходили в глухие таежные урманы наши маленькие герои. Все глуше лес, все зыбучее болота.

Днем, когда солнце поднималось в зенит, тайга превращалась в настоящее пекло. Плавилась на соснах смола, над болотами поднималось знойное марево, настоящее на сладковато-терпких запахах торфа и багульника, от которых кружилась голова.

Путались ноги в зарослях брусничника, соленый пот застил глаза, струился потоками по лицу, разъедая уголки губ.

От комариного гула стоном стонала тайга. И только марлевые накидки, запасенные в детдоме и вываренные в дегте, спасали ребят от этой адской напасти.

Но ребята все шли и шли без остановки.

Непуганые глухаринные выводки сновали под самыми ногами, лисы не спешили уступать людям дорогу при встрече, и даже зайцы, пасшиеся на полянах, не скакали испуганно прочь, увидев человека.

Шли тайгой уже третьи сутки. Колька шел впереди, лицо его было сосредоточено, чувствовалось, что парнишка всей душой стремился туда, где на берегах родного озера прошло его детство. А вот у Васьки таежные урманы рождали в душе смятение и тревогу. Он вспоминал с грустью маму, их родной, опустевший разом, деревенский дом, голубоглазую девочку Лару, детдом и Виктора Акимовича. Иногда Ваське казалось, что этот побег, который устроили они с Колькой, был глупой затеей. Но тут же в глазах его вставали ухмыляющиеся лица Леньки и Андрюхи, и Васькин шаг становился увереннее и тверже.

К середине третьего дня Колька неожиданно остановился и прислушался.

Васька, шедший сзади, тоже притормозил и взял на изготовку бердану.

– Слышишь? – Колька поднял кверху палец, замирая.

Васька тоже затаил дыхание. Шумела тайга, попискивали малые пичуги, звенели комары, позванивал невдалеке ручеек. И тут в таежную тишину где-то далеко вошел до боли знакомый задиристый боевой клич.

– Петух! – обрадовался Васька.

...Не прошло и получаса, как в тайге образовался просвет и ребята вышли к вырубкам, густо заросшим малиной и цветущим иван-чаем. За вырубкой начиналась изгородь. Ребята пролезли между жердинами и осторожно вышли на опушку. Отсюда открывалась картина довольно большого таежного поселения.

Прямо перед ними колыхалась уже вышедшая в трубку рожь, слева голубело льняное поле, за хлебной полосой стояли крепкие, рубленные в лапу, амбары, за амбарами – дома. На задворках домов видны были огороды с па-

секой колод в двадцать, покрытых сверху соломенными шапками. В центре деревни возвышалась маковка часовни с деревянным крестом. За деревней виднелось серебряное зеркальце озера в оправе темного леса. На озере в лодке зависал над сетями рыбак.

Справа, чуть в стороне от деревни, при впадении таежного ручья в озеро стояла водяная мельница. Ее замшелое колесо неспешно вращалось, роня искрящуюся на солнце воду.

— Вот это да! — выдохнул пораженный Васька. — Красотища какая! Хотел бы я здесь пожить хоть недельку.

Колька не успел ему ответить. От деревни к лесной опушке бежала девчонка лет тринадцати в сарафанчике, ладных лапоточках, красных, аккуратно навернутых на ноги онучах.

— В лаптях! — ахнул Васька. — Как в кино!

В одной руке девчонка несла деревянную бадеечку, а во второй была палочка, которой девочка громко стучала по бадеечке.

— Зорька, зорька! — весело кричала она. — Звездка, Звездка! Идите сюда!

Девчонка бежала прямо на ребят. Мальчишки попятнулись и спрятались в заросли иван-чая. И тут за их спинами что-то затрещало, зафыркало, ребята оглянулись и замерли от ужаса. Рядом с ними лезли сквозь заросли огромные горбоносые лоси. Они едва-едва не наступили на ребяташек.

Лоси уверенно шли к девчонке, которая уже перелезла через изгородь и достала из бадейки ржаные ломти хлеба. Лоси хватали хлеб большими мягкими губами.

А девчонка, зажав покрепче одной рукой бадейку, сноровисто принялась доить лосиху.

Васька аж задохнулся от увиденного.

— Нет, ты смотри, Колька, — прошептал он с жаром, — доит! Лося доит! Вот чудо!

Струи густого лосиного молока уже не звенели о дно подойника, видимо, он быстро наполнялся. Лосиха покор-

но позволяла себя доить. Кажется, ей это доставляло удовольствие. А рядом своей очереди ждала вторая лосиха.

Васька, чтобы лучше разглядеть эту, поразившую его картину, привстал в своей ухоронке. И тут девчонка увидела его.

Подойник выпал из ее рук и глухим стуком упал на землю.

– Держи молоко-то! Прольется! – крикнул ей хозяйственный Васька, порываясь спасти удой.

Девчонка завизжала. В округлившись глазах ее стоял ужас, словно она увидела не деревенских мальчишек, а что-то невообразимо страшное.

– Эй! Не балуй, – тут же раздался басовитый окрик. Из-за деревьев появился молодой русоволосый мужик в окладе бороды и длинной поясной рубахе. В руке его блестел топор.

Но, увидев ребяташек, он тоже опешил, застыв с раскрытым ртом. Васька с Колькой посмотрели друг на друга. Вроде бы ничего необычного в их облике не было, чтобы привести людей в такое изумление.

– Здравствуйте! – нашелся, наконец, Васька. – Мы, это, идем с Оби, нам на Шаман надо!

Мужик и девчонка оторопело молчали.

– А скажите, это какая деревня? – продолжал Васька начатый разговор.

Мужик не отвечал. Но лицо его, фигура не выражали агрессии или злобы, и Васька решил подойти.

– Это Колька Покачев, – показал он на друга, тоже присмирившего и пялившегося во все глаза на девчонку. – Он хант. Мы на его родовое озеро пробираемся. На Шаман. Стойбище там. Не слышали? – еще раз объяснился мальчишка.

Мужчина с топором молча покачал головой.

В это время лосиха наклонила морду к Васькиной голове и дохнула горячо прямо Ваське в ухо. Мальчишка отпрянул, а мужчина чуть заметно улыбнулся.

– Не бойся. Они у нас ласковые. Не обидят.

Девочка тоже прогнала, наконец, с себя оцепенение, подняла подойник.

– Ты, вот что, Анютка, заканчивай обряд, а я с гостями пойду в деревню, – сказал бородатый, видимо Анюткин отец, и жестом пригласил ребят следовать за собой.

Прошли межой к деревне. Посреди ее стояли пахучие стога сена, меж ними возвышались деревянные качели для детворы, колодезный журавель тянул длинную шею к небу.

– Какой веры? – спросил строго ребятишек мужик. – Старого обряда или нового, бесовского?

– Чего, чего? – не понял Васька вопроса.

– Крещеные, спрашиваю вас, али нехристи?

– Не, дяденька. Мы не верующие. У нас давно религию отменили. И старую, и новую. Колька, вон, правда, верит, так у них своя вера, хантыйская. Они, дяденька, щуке поклоняются...

– Тьфу ты, Господи, прости меня грешного! – рассердился было мужик. – Вот она власть царская, сатанинская! Каково, дети малые без креста живут!

– Да у нас, дяденька, власть давно не царская. У нас советская власть, – теперь черед удивляться пришел Ваське.

– Как не царская? Неужели конец пришел антихристу?

– Давно уже пришел, – радостно сообщил Васька. – В семнадцатом году скинули царя и всех его пособников.

Мужик упал вдруг на колени и стал молиться, отбивая поклоны.

– Господи, велик ты в деяниях своих, покарал отступников веры твоей.

– Дяденька, так вы что же не знали, что царя давно уже нет? Тогда вы не знаете, что была революция и гражданская война...

– Война? – поднял мужик голову от земли. – И кто с кем воевал?

– Богатые с бедными. И победили в той войне бедные.

– Бедные? Ну-ка, ну-ка, скажи, а как же приверженцы старого обряда? Утвердили они веру свою, победили ли вероотступников?

– Мы про это, дяденька, не проходили еще в школе. Мы знаем, что веру отменили, и многие церкви закрыли, потому, как Бога, говорят, нет!

Мужик снова начал молиться и отбивать поклоны.

– Так вы, должно быть, дяденька, не знаете, что и другая война была. Великая Отечественная.

Мужик поднялся с колен и уставился на Ваську полными смятения глазами:

– Говори!

– Русские воевали с немцами. В сорок первом году эта война началась. Вообще-то это была вторая мировая война. Там все кто-нибудь с кем-нибудь воевал. Наших двадцать миллионов погибло. Мой папа тоже погиб. Он летчиком на войне был, – сказал Васька с дрожью в голосе. – Но мы все равно победили.

Мужик молча положил на русую Васькину головушку широкую ладонь, потом обернулся к дому.

– Марья! – крикнул он, обращаясь к раскрытому окну, – готовь погану посуду, гости к нам.

Слышно было, как в доме что-то сбрыкало. После этого на волю выглянуло испуганное женское лицо.

В доме был полумрак, видно было, что изнутри освещают его мятущиеся огоньки лампад, висящих перед иконами.

Женщина истоиво перекрестилась.

Анютка

Под навесом у дома хозяева накрыли стол. Посреди стола – горшок с постным варевом, мед в глиняной плошке, хозяйка принесла каравай ржаного хлеба, и хозяин нарезал его крупными ломтями.

– Хлеб на стол, так и стол – престол! – сказал хозяин.

Прибежала с опушки Анютка с подойником, в глиняную плошку налили лосиного молока, накрошили хлеба.

Хозяин широким взмахом двумя перстами перекрестился и перекрестил стол.

– Хлебайте, с Богом! С вами Анютка побудет, а мы стога метать. Вечером, говорить станем. Все людишки наши соберутся.

Взрослые ушли, а ребята принялись за еду.

– Мне тятя сказал, что вы некрещеные! За стол сели, лба не перекрестив, – сказала Анютка, со страхом поглядывая на ребятешек.

У Васьки с Колькой ложки застряли на полпути. И оба они почему-то покраснели.

– Наука доказала, – пробормотал Васька, – что Бога нет. Это эволюция сделала из обезьяны человека, а не Бог. Люди скоро в космос полетят, как можно верить в бабушкины сказки?

Девочка в испуге подняла руки, словно защищаясь от страшных слов.

– Не говорите никогда такого. Господь на Крест за всех нас взошел, а протопоп Аввакум мученическую смерть принял, врагами старой, не искаженной Никоном, веры заживо сожжен был... И вместе с ними тысячи истинных ревнителей православия...

В словах девчонки было столько страсти и непоколебимой веры, что юные богоотступники замолчали.

– Ты, прости нас, Анютка, но ни о протопопе, ни о Никоне ничего не знаем. У нас в школе такого не проходят. Расскажи, кто они такие и почему меж ними борьба была, – попросил уважительно Васька.

– Я мигом, – посветлела лицом Анютка. Она скрылась в доме и скоро вернулась с большой старинной книгой в кожаном переплете.

– Я прочитаю вам из жития преподобного протопопа Аввакума, – Анютка бережно открыла книгу. – Это писано им собственноручно в Пустозерске, в царской ссылке, куда протопопа Аввакума сослали за то, что не покорился лживым церковным нововведениям. Это было двести пятьдесят лет назад. До того православная наша вера семьсот

лет была неизменной. А царь Алексей Михайлович допустил до церковных книг пришлых людей, лживых да завистливых, которые православие на католический манер стали перекраивать. И стали они те книги переписывать да править, церковную службу менять, вместо двуперстного крестного знамения щепоть бесовскую вводить. Главную молитву «Символ веры» переписали. А патриарх Никон стал несогласных с нововведениями гнать, на цепь сажать, головы им рубить и огнем жечь. И стал на Руси Великий раскол...

Ребята смотрели на эту девчущку, не видевшую ни разу в жизни иных людей, кроме своих деревенских, не знавшей достижений науки и техники, не ведавшей о ходе мировой истории, а жившей в остановившемся времени, и не понимали, то ли ее жалеть, то ли восхищаться ею и завидовать ей. Что-то было в ней настоящее, уверенное и мудрое, что заставляло чувствовать себя рядом с ней маленькими и несмышлеными...

Ее глаза были полны смиренного достоинства и непоколебимой веры:

– Вот протопоп Аввакум оставил нам слова истинной правды: «Мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинскаго патриарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаем, – стала читать она из принесенной книги, – ...привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Читали в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив того плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восемь и больши, да братья паки есть велели.

...Посем Лазаря-священника взяли и язык весь вырезали из горла; мало пошло крови да и перестало. Он же и паки говорит без языка.

...Тоже, положи правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченная, на земле лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно.

...Посем взяли соловецкого пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекли четыре перста!

...Посем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же.

И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. Чудо, как то в познание не хотят прийти: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить!..».

Ребята слушали старинный слог жития, затаив дыхание. Трудно было представить, что ради каких-то незначительных поправок в церковных книгах, ради незначительных изменений обряда одни люди шли на смерть, а другие были способны жечь на кострах несогласных.

— Так вы и есть те самые староверы? Нам про вас говорили рыбаки с Оби. Получается, что у вас никакой связи с миром не было. И как давно вы так живете? — спросил Васька.

— Наш батюшка рассказывал, что во времена раскола многие несогласные с царем и патриархом, затеявшими нововведения, уходили от преследования на Волгу, на реку Керженец. Там, на озере Светлояр, в недоступных местах построен был град Китеж, и жили в нем, следуя старой вере, многие знатные и простые люди. И что даже скрывался там царский сын, первенец царя Алексея, Михаил со своей семьей, которому дорога была неисправленная, незамусоренная вера.

Тогда рассерженный царь лишил его престола, а сам стал воевать с Соловецким монастырем, где 300 монахов восстали против новой веры. Шесть лет не сдавался Соловецкий монастырь, пока обманом и подкупом не взяли спящих монахов, истинных хранителей веры.

Всех их по приказу царя казнили. Одних подвешивали за ребра на железные крюки, других вмораживали живьем в лед... А спустя коротко время и сам «безумный царьшко», помер весь в гное и струпях.

Потом уже царь Петр послал свои войска на поиски града Китежа и своего старшего брата Михаила, законного наследника престола.

Когда войска подошли совсем близко к граду Китежу, то город стал невидим и погрузился, рассказывают, в воды озера Светлояр. И явится на свет град Китеж только с пришествием Христа на землю. Вот.

Девчонка передохнула, аккуратно перекрестила себя двумя перстами и закончила рассказ:

– А Михаил со своими сыновьями взошел в огонь и закончил свою жизнь самосожжением, чтобы уберечь невинный народ от преследований и казней.

Ребята сидели потрясенные, оглушенные и повзрослевшие, казалось, сразу на много лет...

– Вот я вам еще из протопоба Аввакума прочту, – сказала, наконец, Анютка, открыв книгу на странице с березовой закладкой: – «А в огне том здесь небольшое время потерпеть, аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно? Боишися печи той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До печи той страх-от, а егда в нея вошел, тогда и забыл вся...».

Анютка замолчала. Над скитом стояла такая тишина, что казалось, слышно было, как растет трава и как паук под сенью крыши плетет свою паутину.

– А как же ваши-то попали сюда? – тихо спросил Колька, не сводя восторженных глаз с Анютки.

– Наши-то? Старцы тогда прокляли царя Петра и весь царский род, назвав его антихристовым, и увели многих за Урал, в Сибирь, где царская воля не могла их достать. Ушли в поисках Беловодья – Страны Добра, Истины и Справедливости.

«А нашли эту страну?» – хотел было спросить Васька, но не спросил. Слишком много мыслей и чувств теснилось в его голове и груди.

...К вечеру в деревне стал собираться народ. Возвращались покосники, рыбаки, полесовики. Мужчины все до одного в окладистых бородах, волосы на голове удержива-

ли берестяные обручи, на всех домотканые рубахи и порты. Женщины в вышитых сарафанах с покрытыми головами, и ребятишки, необычно сдержанные и степенные.

Народ с настороженным любопытством поглядывал на неожиданных гостей, ждал, когда старшие начнут разговор.

Наконец в центр круга вышел белый, как лунь, старик, опиравшийся на деревянный посох, на конце которого был искусно вырезан крест.

— Бог послал нам вестников из греховного мира, из которого мы, гонимые антихристом, ушли уже более двух столетий назад. Мы жили по священным заповедям, как жили до Великого раскола семьсот лет наши предки и наши великие святые Кирилл Белозерский и воитель Александр Невский, протопоп Аввакум и Соловецкие мученики.

Бог хранил нас от всех бед и невзгод. И теперь спрашивайте этих неискушенных грехами чад, что расскажут они о том, мире, что остался за пределами нашими.

Колька Покачев подтолкнул вперед себя Ваську.

— Ты говори. Ты уже пятилетку закончил.

Васька сделал шаг вперед. Сотни глаз были устремлены на него. И Васька вдруг почувствовал ответственность всего мира перед этими людьми, ушедшими из него от обид и унижений. Что сделал за это время человеческий мир, чем он может погордиться? Жил ли он в любви и согласии, к чему стремились, как понял он, истинные христиане?

Васька вспомнил, что по земле за эти двести пятьдесят лет прокатилось столько опустошительных войн, столько было разрушено сел и городов, убиты, сожжены, наврное, не десятки, а сотни миллионов ни в чем неповинных людей... Он вспомнил своего погибшего в огненном пекле отца, мать, безвинно осужденную и страдающую где-то за колючей проволокой... И ему стало не по себе. Он не знал, что сказать этим людям.

— А у нас изобрели радио, телефон и рацию. Можно в черную такую трубочку говорить, а тебя услышат за ты-

сячу верст, – выдавил наконец он из себя. – Люди стали летать по небу на самолетах, ездить на быстроходных машинах и поездах.

Люди молча слушали. А Васька снова подумал, что все эти изобретения опять-таки работают на войну...

Беседа затянулась едва ли не до полуночи. Хозяин отвел ребят ночевать на сеновал.

– Хорошие вы ребята, – говорил он. – Оставались бы у нас. Веру бы нашу приняли, мы бы оженали вас здесь, дома бы вам всем миром поставили. Надо нам кровь свою разбавлять со стороны, а то вся деревня давно уж родня. Детей от этого много мрет, – сказал он с грустью.

– Нам, дяденька, никак нельзя, – отвечал Колька, – нам на Шаман надо.

– Жалко вас, без веры живете, без любви, в грехе и жестокосердии...

– Как без любви? – поперхнулся Васька. И он вспомнил сразу и маму, и девочку Лару, и Виктора Акимовича, и своих детдомовских друзей...

– А так, что без любви к Богу никакой другой любви быть не может, – отвечал хозяин. – Как протопоп Аввакум наставляет нас: «Любити Бога всем сердцем и всею душою, и всем разумом и всем помышлением... чти родителей, прочих сродников», потом «вся человеки во истину любви, Бога ради... аще время привлечет и пострадать брата ради по Христову словеси, больше бо любви несть, да кто душу свою за друга своего положит...».

Васька и Колька долго лежали на сеновале и могли уснуть.

– А как ты, думаешь, Колька, отец мой разве не ради любви к нам погиб на фронте... Разве не положил он душу за друга своего?

– Я думаю, Васька, твой отец был настоящим мужчиной.

– А ты бы мог ради веры, ради друга своего войти в огонь и сгореть в нем?

Колька долго молчал, наконец выдохнул:

– Я не знаю, Васька.

– Я тоже не знаю, Колька. Страшно даже представить.

Они долго лежали молча без сна.

– А знаешь, Васька, вот я вырасту большой и приеду сюда сватать Анютку, – сказал Покачев. – Как ты думаешь, отдадут ее за меня?

В трясине

В путь выступили с рассветом. После отдыха у староверов шагалось легко и уверенно, словно влил кто-то в ребят новые силы. Скоро вышли к Кондасу и стали подниматься вверх по его течению.

Однако к середине дня река пропала, спрятавшись во мхи огромного болота, которому, казалось, нет конца и края. Обойти болото тоже казалось задачей невыполнимой.

Колька решил идти напрямик. Они вырубали прочные легкие шесты и стали медленно продвигаться болотом. У кромки оно хорошо держало людей, только ноги проваливались меж кочек, и трудно было сохранять равновесие. Они прошли уже, наверное, с полкилометра, как Васька почувствовал затылком чей-то тяжелый взгляд.

Он остановился и медленно повернулся. Никого сзади не было. Он снова пошел было вперед, и снова его остановил этот почти физически ощутимый взгляд.

Васька обернулся резко. Никого. Только на кромке болота в полном безветрии качала вершинкой тоненькая березка.

– Коля, – взволнованно проговорил Васька, – за нами следят.

Покачев тоже повернулся, долго рассматривал кромку леса.

– Не бойся, днем он на нас не нападет, а ночью нас защитит огонь.

И они снова тронулись в путь.

К середине дня вышли на середину болота. Все чаще приходилось останавливаться. Болото зыбало. Казалось, что под ногами лишь тонкий слой сцепившегося меж собой мха да клюквенных плетей. Все чаще открывались в болоте темные пугающие окна недвижимой, настоящей на торфяниках, воды. Шедший впереди Покачев не раз пытался шестом нащупать дно этих зияющих чарус и не мог, шест уходил в трясины полностью.

В сердце у Васьки давно уже поселилась щемящая тоска, но он не подавал вида, тем более что его друг уверенно шел вперед.

В одном месте окно открытой воды было столь велико, что по нему даже ходили волны, отчего болото тоже волнообразно колыхалось.

Неожиданно на темной воде Васька увидел белые пушистые комья снега, и только он хотел указать на них Покачеву, как снежные комья превратились в белых лебедей, которые, ударяя по воде крыльями, разбежались, и с криками взмыли в небо, и ушли за дальнюю кромку леса.

— Вот бы нам так уметь! — восхищенно заметил Васька. И в этот миг Колька, сделавший шаг вперед, замер. Со стороны суши, оттуда, откуда они пришли, со стороны Кондаса нарастал какой-то странный гул. Ребята увидели, как там, по реке, идет, невесть взявшаяся откуда, высокая волна, высотой едва ли не в половину леса.

Болото встретило эту волну, но погасить ее не смогло. Ребята видели, как болотный покров поднялся и мощная волна быстро побежала к центру его. И на гребне этой волны вздымались то кусты голубичника, то чахлые сосенки, то черные окна чарус, с которых поднимались обезумевшие болотные птицы...

Ребята стояли, как замороженные, не зная, как объяснить это явление. Но тут волна добежала и до них, болото под ногами вздыбилось и ухнуло вниз. И в тот же миг раз-

дался испуганный крик. Моховой покров под ногами Кольки Покачева разорвался, и мальчишка оказался в черной утробе болота.

Он попытался зацепиться за моховую кочку, но покров уже не держал, а со дна болота, с неведомой его глубины поднялся огромный газовый пузырь и чавкнул на поверхности, распространяя кругом зловоние. Вслед за ним на поверхности образовавшейся полый болотной воды появилось большое черное маслянистое пятно, в центре которого и оказался мальчишка.

Колька отчаянно барахтался в этой вонючей жиже, но все попытки выбраться были бесполезны, болото быстро затягивало его в свою смрадную пучину.

— Васька! — прохрипел он. — Не подходи близко. Провалишься.

Но Васька уже сбросил с плеч походный мешок, берданку, и, перехватив покрепче жердь, пополз на выручку другу.

Колька сделал порывистое движение навстречу другу, но тут же еще больше погрузился в липкую пучину.

— Сейчас, Колька, я сейчас, — молили Васькины губы. — Держись. Только держись!

Он дополз почти до края трясины и протянул Кольке конец жерди. Кольку уже по шею засосала топь, и чтобы ухватиться рукой за палку, ему пришлось погрузиться в трясину с головой. Васька начал что было сил тянуть на себя жердь. Но трясина не хотела отпускать от себя жертву. Болотный покров под Васькой прогибался, и на поверхность его выступала вода. Казалось вот-вот и порвется этот моховой ковер, и тогда оба они окажутся в смертельной ловушке. Но у Васьки не было страха за себя, он боялся только за друга, за то, что не сумеет его вытащить из трясины. Одной рукой удерживая жердь, второй Васька попытался дотянуться до Колькиной палки, которая при падении вывалилась у него из рук.

Напрягаясь из последних сил, Васька сумел-таки захватить и вторую жердь, подтащить ее к себе и лечь

на нее грудью. Теперь болото не так опасно прогибалось под ним.

Покачев, перебираясь руками по жерди, подтянулся к краю чарусы и лег грудью на край болотного покрова. Мох под ним прогнулся, но выдержал. Осторожно, сантиметр за сантиметром вытягивал он свое тело из трясины.

Прошел, наверное, час, прежде чем Покачев оказался вызволенным. Ребята отползли подальше и долго лежали не в силах ни говорить, ни двигаться.

Наконец Васька сел и, глядя на Покачева, будто плененного из болотной грязи, спросил:

– Как ты думаешь, Колька, что это было?

– Не знаю.

– Может это твой лесной человек, в которого злой дух вселился, преследует нас?

– Я думаю, что ему не под силу целое болото поставить на дыбы...

– Тогда что?

Колька молчал.

– Похоже на землетрясение, – размышлял Васька. – Ты слышал: сначала шум был, потом эта волна пошла... Постой, а что это у тебя на одежде черное и жирное?

Колька провел ладонью по куртке, растер пальцами жирную грязь и понюхал.

– Пахнет, как керосин.

– Так это нефть, Колька. Нефть. Это ее ищут геологи. И легенда про несметные богатства Иртыша и Оби, я думаю, про нее.

– Давай, Васька, поскорее отсюда выбираться, вот я чего думаю. Выйдем на твердое место, отмоемся, обсушимся, чай пить будем...

Ребята поднялись и с великими предосторожностями двинулись к едва видневшейся кромке леса. А над болотом все витали кругами потревоженные птицы и никак не осмеливались снова сесть на эту предательски ненадежную воду.

Только под вечер почувствовали ребята под ногами твердь. Кондас, спрятавшийся было в болото, вновь озабоченно нес свои воды в крутых берегах. Беломошный бор, словно диковинный ковер лежал перед ними. Сосны свечками поднимались в небо, хрустел и пружинил под ногами сфагнум, среди которого то тут, то там темнели крепкие, словно из сургуча отлитые, шляпки белых грибов и торчали веточки черники, сплошь усеянные крупной и уже зрелой ягодой.

Здесь и решили остановиться на ночлег. Разожгли костер, выполоскали на реке и повесили на просушку одежонку. Приготовили на ужин грибницу, из черники сварили густой компот.

Постепенно напряжение прошедшего дня уходило. Кольку Покачева первого сморил сон. За ним уснул и Васька, подложив под голову заплечный мешок и обняв берданку.

И приснился Ваське сон, будто идут они с Колькой густой тайгой, и вдруг чаща расступается перед ним и открывается взору прекрасный белоснежный город с широкими улицами и проспектами, высокими домами, более похожими на дворцы, фонтанами, играющими всеми цветами радуги, парками и скверами, в которых прогуливаются горожане с детьми.

А они идут с Колькой среди этого счастливого великолепия в оборванной старой одежонке, с заплечными мешками, шагают осторожно, словно по зыбкому болоту и удивляются этому чудному видению, возникшему в тайге.

И видит Васька, что на скамейке у пруда, где плавают лебеди, сидят и беседуют увлеченно его мама и девочка Лара в белых, почти воздушных одеждах, Колькины родители в праздничных, расшитых и отороченных мехом, кухлянках.

И Васькина мама замечает вдруг усталых путешественников и приветливо машет им руками.

— Видите, — говорит она, — они вернулись. Я знала, что они вернутся. Они преодолеют все трудности и найдут нас.

Нужно только верить. Нужно верить и идти вперед, как бы ни было трудно.

И Васькино сердце счастливо замирает, и он уже готов броситься навстречу дорогим своим людям, но что-то удерживает его. Он оборачивается и видит, как над тайгой вскипает и клубится темное злое облако, как наплывает оно на этот чудесный город, разрастается, закрывая уже полнеба. А может и не облако это вовсе, а само зло, намерившееся поглотить сказочный город в тайге и самых близких ему людей.

И хочется Ваське крикнуть, предупредить людей об опасности, а голоса нет, хочет он взмахнуть руками, а руки не поднимаются, хочет он побежать навстречу маме и закрыть ее своим телом от опасности, а ноги не слушаются, словно налиты они тяжелым свинцом.

И никто, кроме Васьки не видит этой опасности, а черное облако все ближе и ближе и будто уже не облако это, а огромный свирепый медведь-людоед. И зверь уже дышит смрадно и алчно Ваське в затылок и ревет страшно, скаля огромные клыки. Но никто не видит и не слышит этой страшной опасности.

И бежит уже навстречу сыну счастливая мама и кричит радостно:

– Они вернулись! Отныне мы всегда будем вместе, сынок!

И тут, преодолевая страшную тяжесть, повернулся Васька навстречу грозному зверю, поднял свою берданку и только хотел было выстрелить в нависающее над городом черною тучею зло, как страшный рык потряс все пространство от земли до самого неба, до самой последней клеточки Васькиного существа.

Васька проснулся, словно вынырнул из глубины темного омута. Утро едва брезжило, и в серой пелене его увидел Васька, как мечутся по поляне две огромные тени. И тут же раздался ужасный рев и рык, от которого, казалось, в клочья разлетелся предутренний сумрак.

Огромный медведь, словно неуклюжий, но яростный наездник, оседлал огромного лося, увенчанного мощными рогами. Лось метался по поляне, делая отчаянные попытки сбросить с себя этого страшного наездника, и при этом ревел так, что в жилах леденела кровь. Его предсмертный обреченный рев сливался с торжествующим ревом медведя, который разорвал когтями у жертвы холку и бок, и дымящаяся кровь поливала белый ковер мохового покрова.

Мгновение – и эта страшная пара оказалась в нескольких метрах от Васьки. Васька даже ощутил смрад, исходящий от медведя. В тот же миг в руках мальчишки оказалось ружье. Он передернул затвор, загоня в ствол патрон, вскинул бердану, и, перекрывая рев и стон дикой этой борьбы, грохнул над поляной выстрел.

Еще пуце взревел медведь, еще отчаяннее рванулся окровавленный лось, унося в чащу своего страшного всадника.

Васька трясущимися руками прижал к себе горячее ружье и обернулся. Колька стоял рядом, и в глазах его было смятение. Он открывал рот и не мог ничего сказать. И Васька тоже лишился дара речи.

Но ужасный рев, откатившийся было в глубину тайги, стремительно стал возвращаться. Не успели наши герои оглянуться, как раздался треск, и вновь на поляне появилась эта окровавленная пара, сотрясая утробным рыком тайгу.

Васька, не помня себя от ужаса, бросился бежать, оставив на поляне и ружье, и мешок с походным снаряжением, забыв о верном друге своем.

...Сколько прошло времени, час, два ли, или целый день, Васька не мог сказать. Где он был это время, что делал – все стерлось, исчезло из памяти. Он пришел в себя на берегу маленького ручейка, к которому припал позвериному.

– Что со мной? Где я? – со щемящей тревогой думал он. – Где Покачев?

Вспомнив о своем друге, Васька похолодел от стыда и страха за своего оставленного товарища. Может быть, он уже лежит изувеченный страшными когтями лесного чудовища, может быть не жив, а может быть ждет помощи. И он, Васька Юралов, сын героя, друг, бросил товарища в минуту смертельной опасности. Даже если бы ему было суждено погибнуть от когтей этого разъяренного зверя, он должен был, прежде всего, защитить своей грудью друга. Он не должен был бросать предательски ружье и бежать трусливо в тайгу, а должен был поднять ружье и стрелять прямо разверзнутую, окровавленную пасть зверя.

– Надо немедля идти на поиски Покачева, – решил Васька. – А найти его не так уж и трудно. Нужно только идти вдоль ручья, и он выведет тебя к Кондасу, а Кондас к болоту, рядом с которым и лежит эта страшная поляна.

Он умылся из ручья и решительно двинулся в путь. Тайга хранила молчание, лишь озабоченно позванивали по кустам синицы, выпрашивая кого-то неведомого Витьку,

– Витьку видел? Видел? – звенело по ручью.

– Отстаньте вы! Не видел я вашего Витьки! – отвечал им сокрушенно Васька, словно синицы могли понимать человеческую речь. – А вы вот Кольки Покачева не видели?

– Видели, видели! – отвечали синицы.

Васька торопил шаги. Он прошел по ручью, наверное, километра полтора, как его обостренное чутье уловило тонкий запах дыма.

Сердце его радостно и тревожно забилося. Он бросился бежать, не разбирая пути, проламываясь через кусты и запинаясь за валежник. Скоро в прогале меж деревьями он увидел огонек костра и согбенную фигурку товарища, который, опустив голову, отрешенно сидел под огромным еловым выскирем.

– Колька! Живой! – радостно завопил Васька, нарушив девственную тишину тайги.

Колька вскочил и, увидев Ваську, бросился ему навстречу.

Мальчишки обнялись и долго стояли так, не смахивая с глаз навернувшихся слез.

– Ты прости, меня, Васька, – разразился вдруг Покачев признанием. – Я нехороший человек. Я оставил тебя в трудную минуту. Я уже не хотел жить.

– Это ты меня прости, Колька. Это я струсил и бросил ружье, когда надо было бить ему прямо в пасть, – растроганно отвечал Васька. – А он, как взревет! А дальше я ничего не помню.

– И я, Васька. И я ничегошеньки не помню. Очнулся в тайге. Помню только, как страшно они ревели. Я теперь, Васька, тебя никогда не брошу, – сказал Покачев растроганно.

– И я тебя, Колька. Даже если надо будет в огонь шагнуть.

...Только теперь они стали приходить в себя. Солнце уже садилось за вершины кедров и сосен, еще час-два и ночь накинёт на тайгу свой мешок, тогда сиди, не двигаясь, под выскирем, пали костер, чтобы не тронул тебя дикий зверь, а если вернется сюда это страшное чудовище, так зверски расправившееся с огромным лосем-красавцем, которому не помогли ни стремительные ноги, ни смертоносные рога, то безоружным ребятишкам и подавно не сдобровать. И, скорее всего, Васька ранил его, и теперь зверь должен мстить человеку, посягнувшему на веками установленные кровавые законы тайги.

– Чего делать станем, Колька? – тревожился Васька. – Пойдем на поляну за снаряжением и берданой?

Колька долго молчал.

– Ты не подумай, Васька, что я боюсь. Но нельзя нам туда.

– Почему? Ты, думаешь, медведь станет нас там дожидаться?

– Да, Васька. Такая у лесного человека повадка. Лесной человек всего лося не съест на раз. Он его закатает в мох и станет стеречь. Будет лежать в стороне в чащобе да

зализывать раны. А если кто придет на запах да попытается его добычу украсть, он из засады выскочит и убьет вора. Он в темноте видит лучше, чем мы днем.

– И долго он так будет караулить?

– Неделю ждать надо.

– А как же наши припасы? Чего есть-то станем? У меня так уже кишка кишке бьет по башке.

– Наши припасы, Васька, считай, пропали. Их мелкие зверушки растащат, мешки прогрызут и все подчистят.

– Так нам с голоду что ли пропадать?

– Будем ягодами да грибами питаться. У меня вот крючок с леской за воротником есть, спички. С голоду не пропадем.

– А сколько нам еще идти до стойбища?

– Совсем рядом, Васька! Дня два ходу. Только, Васька, теперь медленно пойдем, надо пропитание добывать. А это в два раза будет дольше.

– А если на стойбище никого не будет? Если твои родственники ушли из этих мест? Как же нам быть?

– Если они живы, Васька, они будут там.

– А если не живы? – спросил Васька, напрягшись.

Покачев долго не отвечал.

– Когда я блуждал по тайге, не зная где и зачем, мне показалось, что слышал ржание лошади и собачий лай.

– Лошадь? Не может быть! Откуда в этой глуши лошадь?

– Может мне показалось?..

– Это, Колька, галлюцинацией называется. Слуховой. Это как будто ты слышишь что-то, а на самом деле это внутри тебя самого звучат голоса.

Колька покачал головой.

– Мне рассказывал мой отец, что в неделе езды от нашего стойбища должен быть таежный кордон, что там жил старый охотник, который будто бы всю жизнь искал клады. И что он ходил проводником с геологической партией.

– Я слышал! – подхватил Васька. – Они искали нефть. Нам на уроке географии рассказывали, что в Сибири, в на-

ших краях ищут нефть, из которой бензин да керосин делают, мазут, масла для техники.

– Однако это еще до войны было.

– Так, может, он еще жив? Может это у него лошадь ржала?

– Я не знаю, – отвечал уклончиво Колька. – Надо пойти поискать его.

– Я готов, – отвечал Васька. – Веди.

Лукьянов кордон

Малолюдна Сибирская земля. Деревня от деревни на десятки километров, стойбище от стойбища в нескольких днях езды на собаках или оленях...

Кружит над просторами ее неоглядными черный ворон, хрипло грает. Седые замшелые елки стерегут тишину, бродит таежными урманамы косматый лесной человек, встает на задние лапы и рвет когтями стволы сосен и кедров, показывая свою силу и власть. Страшно попасть сюда человеку городскому, где на каждом шагу опасность, где следят за тобой напряженно сотни встревоженных глаз.

Колька шел так, как будто знал это место, как пять своих пальцев. Вскоре меж деревьев образовались явные признаки тропы. Она, петляя между деревьями, вывела их к речке, на которой был устроен заезок – излюбленный на Руси способ лова рыбы. Небольшая речушка была перегороджена частоколом, укрепленным еловым лапником. В этой искусственной плотине оставалось лишь малое место для прохода рыбе, а в самом проходе стояла сплетенная из ветвей ивы ловушка – «морда».

Ребята обрадовались. Место явно было обжито человеком. Было видно, как в «морде» серебрится попавшаяся рыба. И это тоже был добрый знак.

Повеселевшие путники сразу ощутили приступ голода и по найденной тропинке пустились дальше.

Вскоре тайга стала редеть, послышалось фырканье лошади, и следом залилась лаем собака. Ее веселый лай благовестом звенел в тайге, отдаваясь в самых ее дальних углах.

Еще несколько минут хода, и они вышли на уютную поляну, с избушкой посреди ее, крытой еловой корой. На крыше вместо конька сидел живой глухарь, распушив хвост. На лужайке мирно паслась лошадь, а у избушки вертелась собака-вострушка, хвост которой был загнут лихим калачом.

Собака бросилась им навстречу, обнюхала, не выражая агрессии, а затем, дружелюбно вильнув хвостом, повернулась к дому, словно приглашая гостей отправится за ней.

Из избушки вышел высокий, одетый в длинную рубашку без пояса старик, с седой стриженной бородой и такими же седыми стриженными под горшок волосами. Казалось, что его несколько не удивило появление в этой глуши ребятшек. И только дрогнувший голос выказал, насколько обрадовало старика неожиданное появление детей.

– Соболько, – крикнул он ласково собаке. – Что плохо гостей встречаешь?

Тотчас Соболько принялся усиленно вилять хвостом и кружиться волчком вокруг ребят, заливаясь безудержным радостным лаем. Лошадь, пасшаяся на поляне, подняла голову и приветственно заржала, глухарь заходил взволнованно по крыше...

– Имею честь представиться, – по-военному доложил старик, подходя с улыбкой к ребятам: – Лукьян Северьянов, по образованию и призванию геолог, по существу – охотник и отшельник.

– Василий Юралов! – чувствуя расположение хозяина и теперь уже нескрываемую радость гостям, также весело и радостно ответил Васька. – Ученик шестого класса Погореловской семилетней школы.

Он обернулся к Покачеву:

– А это вот Николай Покачев. Он мой друг. Мы вместе с ним идем на Шаман-озеро. Он хант. Это его родовое озеро.

По лицу старика пробежала тень.

– Хант, говоришь, – сказал он, погрузнев, – Покачев из рода Шуки. А я знаю это озеро. И отца твоего, Коленька, Петра Андреяновича, – он запнулся на этом слове и продолжил, ласково глядя мальчику в глаза, – хорошо, Коля, знал... И тебя, Коля, видывал...

Колька Покачев вспыхнул, и лицо его озарилось радостной надеждой.

Старик покачал головой, помолчал:

– Экая вот история приключилась. Тебя же ведь, Коля, геологи в детский дом отправили. А тебя, понимаю, снова в родные края потянуло...

Колька потупил голову.

– Ну что же это я гостей дорогих держу у порога, – смутился хозяин. – А ну проходите в мои палаты...

Ребята вошли внутрь убогого Лукьянова жилища. В переднем углу висели иконы, подсвеченные снизу горячей лампадой. Пахло дымом и ладаном.

В углу стояла печь-каменка, топящаяся по-черному, маленькое оконце, стол, пара лавок, дощатый топчан с овчинным тулупом, над ним полка с тетрадами и бумажными папками.

– Сейчас я сгоношу скоренько вам поесть, а уж потом мы с вами разговаривать станем, – хлопотал гостеприимный дед Лукьян.

Он положил в глиняную миску мелких сухариков из полотняного мешка, залил их квасом, бросил туда пригоршню дикого лука черемши, брызнул в похлебку с птичьего перышка маслом, стоящем в глиняном гашничке на печи:

– Вы хоть и некрещеные, но все же давайте помолимся Отцу Нашему и Пресвятой Богородице, за то, что питают нас неустанно.

Ребятва неумело перекрестились и сели за стол.

– Вот такая наша таежная еда. Прошу не осудить.

Но ребят не надо было просить трижды. Они тут же дружно застучали деревянными ложками. Лукьянова похлебка показалась им верхом кулинарного искусства.

А хозяин тем временем принес на стол вяленое прикопченое мясо и нарезал его длинными ломтями. Мясо дивно пахло, на срезе аппетитно алело.

— Это вам на прикуску вместо хлеба. Ешьте от пуза, как говорится. А я пока чайку заварю.

Скоро они пили душистый таежный чай, все страхи минувших дней отступили, покой и тихое блаженство разливалось по мальчишеским телам и душам.

— Мы к вечерку еще и баньку соорудим! — радовался Лукьян. — А пока расскажите-ка мне, что за нужда привела вас в эту глухомань. Гляжу на вас и сам себе не верю, вы словно с неба свалились.

— Ох, дедушка Лукьян, тут такое было, такое! — округлил Васька глаза. — Мы тут такое видели, такое, что другому бы я и не поверил. Вот как! Вот вы когда-нибудь видели, чтобы целая деревня жила в тайге и слыхом не слыхивала ни про революцию, ни про войну, ни про то, чего сейчас на белом свете делается, видели, как болото дыбом встает, или как медведище страшный верхом на лосе скачет?!..

Лукьян понимающе покачал головой.

— Ну об этом мы еще поговорим. А вы начните-ка сначала.

И Васька стал рассказывать про свою жизнь. Наверное, это был его первый рассказ о родителях, о самом себе, о том, как он попал в детдом, о друге своем Кольке Покачеве, как бежали они в страшную грозу из приюта, решив твердо пробираться на родовое Колькино Шаман-озеро, как скитались по тайге, как потеряли все свои припасы и ружье.

Потом рассказывал Колька про свой род Щуки, про то, как они жили счастливо и как однажды произошло что-то страшное, о чем Колька знает лишь по рассказам геологов, доставивших его в детдом. И как Колька решил вернуть-

ся в родные места, чтобы отыскать родственников и поставить на озере свой чум.

Лукьян слушал ребят внимательно, не перебивая. Лишь изредка покачивая головой. А когда смолкли ребята, закончив рассказ о своих приключениях, убрал со стола остатки трапезы и расстелил на нем старую истертую карту, с которой, должно быть пройдено было не мало дорог.

– Вот смотрите, что я вам скажу, – склонился Лукьян над столом, – вы говорите, что вошли в устье Кондаса и пошли вверх по течению, чтобы выйти к Шаман-озеру. Все правильно. Только вот тут-то у вас и вышла ошибка. Вы пошли не по Кондасу, вы до него не доплыли километров десять. Вы пошли по другой таежной речке – Стриге. А она увела вас в сторону от Шаман-озера прямо на Великую чисть. Вот, видите, какое это гигантское болото, – старик чертил по карте крепким своим ногтем, словно указкой. – По нему, должно, вы первые прошли. И то хорошо, что вы его перешли поперек, а идти по нему вдоль – настоящая гибель. Вот таким путем вы и попали ко мне. И можно сказать ваши усилия не приблизили вас к цели, а отдалили ее. Ведь от моего кордона до Оби рукой подать. На лошади я за день обернусь. Так-то, братцы-путешественники...

Покачев повесил голову. Опечалился и Васька...

– Интересно, интересно, – продолжал старик. – Однако я вокруг болота этого хаживал когда-то давно, но вот старообрядческой деревни не находил. Слышал от стариков, что есть в тайге такое место – Белый Уймон, а не находил его. Видимо, не каждому дается. Вот вам, чистым душам, – открылся он, а я стар и многогрешен.

– А где же наше стойбище? Где Шаман-озеро, дедушка Лукьян? – взволнованно спросил Покачев.

– А вот и Шаман-озеро ваше, – толстый ноготь Лукьяна скользнул по карте на север, упершись в голубое пятно, очертаниями своими походившее на щучью голову. – От моего кордона до Шаман-озера теперь не меньше десяти дней ходу.

Ребята пригорюнились.

– Но вы не печальтесь, – поддержал их Лукьян, – то, что я вам расскажу, думаю, поменяет ваши планы. Я думаю и заблудились вы не зря, не зря и болото вставало дыбом, я думаю, что это, ребятаки, судьба нас свела вместе. Но утро вечера мудренее, говорят. По утру все и решим, а сейчас, пойдемте-ка мы в баню.

Ребята обрадовались бане, но и удивились, поскольку никакой бани, подходя к жилищу Лукьяна, они не видели.

– Банька-то у меня особая, ребятаки, геологическая. Сейчас вы мне ее поможете поставить.

...За избушкой ребята увидели каменный очаг, с замазанным в него котелком, в котором Лукьян грел воду. В очаге, пока они беседовали, горел костер. Сейчас угли под камнями были уже подернуты серым пеплом.

– Идите-ка сюда, – позвал он ребят к соседнему неказистому строению, рубленному из мелкого леса, крытому еловым корьем.

Ребята с любопытством заглянули в дверной проем, там, в полумраке, лежали какие-то странные приспособления, похожие на земляные коловороты, с помощью которых деревенские мужики сверлят в земле ямы под столбы.

– Что тут такое, дедушка Лукьян? – спросил Васька.

– Это, братцы мои, примитивное геологическое оборудование, – ответил дед с гордостью. – С этим оборудованием мы с экспедицией Васенина в тридцать пятом искали нефть.

– И нашли? – спросил нетерпеливо Васька.

– И об этом потом, – отвечал загадочно Лукьян, – а сейчас берите-ка вы эту палатку, будем из нее баньку делать.

Под руководством деда, ребята растянули над горячими камнями очага палатку, подняли ее на кольях, закрепили растяжки.

Дед Лукьян тем временем принес всю банную справу, пару ладных березовых веников и один пихтовый, деревянный ковш, ушат под воду, мочалки из лыка и торжественно поднял полог палатки.

– А ну залезай, путешественники! – скомандовал Лукьян ребятам.

В палатке было уже жарко. Дед Лукьян плеснул на камни воды, и каменка восторженно ахнула. Аромат хвои наполнил палатку, дышать стало легко и приятно. А дед уже охаживал ребятишек березовыми вениками по их давно не мытым, изъязвленным комарами и гнусом спинам.

...Что может быть лучше и благодатнее для души и тела, чем русская баня?

В ней сошлись и бьются не на жизнь, а на смерть две стихии: вода и пламень. В сумерках прокопченных стен – жаркая истома, керосиново желтеет на окне фонарь «летучая мышь», алыми отсветами исходит в углу каменка, ждет своей минуты, когда ядреный квас из ковша падет на нее, и ахнет она восхищенно облаком горьковато-хлебного пара, и распахнет настежь в морозную стынью набухшие банные двери.

А на полке уже настелено клеверного сена, смешанного с разнотравьем, не под палящими лучами солнца сушеного, а под навесом, вяленого в тенечке, чтобы не потеряло оно целебных качеств своих и, главное – медового аромата. И только отволгнет оно на полке, только вберет банного пара, как поплывут под низким потолком дивные запахи знойного лета. Тут уж ложись на полок и царствуй! Вдыхай всей грудью целительный аромат северных лугов. А потом подымай на себя веник, березовый ли, дубовый ли, или пихтовый и легкими взмахами гони на себя горячую волну воздуха: на лицо, на истомленную грудь...

И когда тело твое по цвету сравняется с цветом камней, срывайся с полки и, распахнув двери, падай в снежную перину зимы, катайся властью, а потом полежи с полминуты на спине, привольно раскинув руки, и гляди в высокое звездное небо, чудно украшенное изморозью сияющих звезд.

И снова в жар! Снова бросай на каменку воду, и пусть ахнет она восторгом, ударит в потолок тугой волной пара. И пусть веник поработает над твоим телом до полного твое-

го изнеможения. И снова в снег! Или ледяную прорубь! И снова в жар!

А когда облетит с веника листва, когда спадет банный жар, сядь спокойно на лавку, вытяни одну руку, не напрягая пальцы, и, пока есть терпение, секи ее прутьями, затем вторую руку, затем стопы. И это гарантия, что организм твой будет способен сопротивляться любым болезням...

Не зря же в русских сказках Ванька-дурачок трижды прыгает в котел сначала с холодной, потом горячей и снова ключевой водой. Каким красавцем становится он!

Напарившись, ребята и дед Лукьян лежали около палаточной баньки на траве, остывая и наслаждаясь прохладой наступающего вечера.

– А знаете ли вы, братцы, что в трактатах древних путешественников писалось, что у русских людей под баней обыкновенно закопан покойник? – спросил вдруг Лукьян, усмехаясь.

Васька от неожиданности даже прискочил.

– Как покойник?

– Ну это не совсем правду писали древние путешественники. Но дыма без огня не бывает. На самом деле никого русские люди под баню не закапывали, но вот баня была для наших древних предков священным местом, где человек общался с миром ушедших предков.

– Как общался? – теперь Колька Покачев при всей его видимой невозмутимости, подскочил на траве.

– А знаете обычай, что перед битвой, тяжелой и ответственной работой русские люди шли в баню. Зачем? Чтобы умереть чистыми, или чтобы чистыми завтра начать грязную и тяжелую работу? Нет же, – рассказывал Лукьян, – а чтобы, пообщавшись с предками, заручиться их поддержкой, попросить у них помощи и сил. С тех пор и повелось баней начинать большие дела.

– А что мы тоже накануне больших дел? – спросил Васька. – Или мы просто грязь смывали?

– Я думаю, ребятки, перед нами очень большие дела, – дед сел на траву. – Уж поверьте моему слову. И я, думаю,

эти дела придется вершить вам, замечательным моим друзьям.

После бани, под крышей, без надоедливых комаров и мошки ребята спали в эту ночь, как убитые. Они не слышали, как еще затемно поднялся Лукьян, взял ружье, патроны, оседлал лошадь и, в сопровождении Соболька, скрылся в тайге.

Васька с Колькой проснулись поздно. Выглянули на улицу. Роса на траве уже высохла, солнце стояло выше елей, в воздухе, серебрясь, летали паутинки, стояла перво-зданная тишина. Лукьян чистил у очага свежую, по всему видно, только что выловленную рыбу.

– Васька, – в волнении прошептал Покачев, – гляди!

Васька обернулся.

У порога избушки стояли их походные мешки и бердана.

Первые поиски

Лукьян Северьянов родом происходил из обедневшей дворянской семьи. Еще до революции закончил университет, став геологом. Но поработать всласть в поисках земных кладов не удалось. Война, революция, а потом снова война, на этот раз гражданская, смешали все карты.

Северьянов оказался в Сибири с освободительной армией адмирала Колчака. Он был один из тех, кто охранял состав с царским золотом. Он даже видел и держал в руках это золото. Оно было в слитках, слитки в ящиках, а ящиками этими был заполнен целый железнодорожный состав.

Политика Лукьяна не привлекала, но службу Отечеству он считал священным долгом, присягу на верность он давал царю и Отечеству. Потому и оказался он в освободительной армии Колчака.

Но когда Северьянов понял, что царский золотой запас, который по праву принадлежал всему народу, тает

на глазах, и скоро окажется так, что его попросту не будет в России, душа его взбунтовалась.

...Красные были уже совсем близко, когда золотой состав подогнали к речному причалу и, по приказу генерала Пепеляева, командующего Первой Сибирской армией, под покровом ночи начали тайно грузить на пароход.

Стало ясно, что золото намерены вывезти из России Северным морским путем.

Лукьяна командировали и далее охранять царское золото. Пароход, ощерясь винтовками и пулеметами, уходил все дальше по Оби на Север.

Там, где Иртыш сливался с Обью, Лукьян Северьянов, проникнув в капитанскую рубку, обезвредил стоящего у штурвала рулевого и посадил со всего хода корабль на обскую мель, в надежде, что красные успеют вовремя.

Северьянова жестоко били, наконец, поставили чуть живого на корму и расстреляли. Последнее, что видел и чувствовал он, был всплеск огня в наступающем рассвете дня и тупой удар, после которого сознание его погасло.

Но, видимо, не судьба была погибнуть Лукьяну в обских водах.

На пароходе уже всюю началась золотая лихорадка, каждый надеялся ухватить себе золотой пай и только выжидал удобного момента.

Сам Пепеляев нервно ходил по палубе, отдавая приказы сгружать золото в шлюпки. Сопровождать его должны были только доверенные люди.

В утренних сумерках никто и не заметил, что расстрелянного Лукьяна выбросило волной на приплесок. Вечером его заберут с собой вогулы и вылечат от ран, которые, к счастью, окажутся не смертельны.

Лукьян пришел в сознание через несколько дней далеко от обского берега. С тех пор и остался в тайге, добывая себе хлеб охотничьим промыслом. А тем временем за уральским хребтом и на территории всей Сибири установилась советская власть, с которой у Северьянова не было особых желаний поддерживать отношения. Опасался, что

припомнят ему белогвардейское прошлое. Еще пытался он несколько лет искать золото, которое, по рассказам местного населения, увезли колчаковцы на шлюпках и захоронили где-то в тайге.

Но в тридцать третьем году ощущение полноценной жизни снова вернулось к Лукьяну. Однажды он набрел в тайге на геологический отряд, направленный из Москвы в поисках нефтяных месторождений.

О том, что западная Сибирь богата нефтью у Лукьяна не было сомнений. Об этом он задумывался, еще учась в горном институте, а, странствуя в погоне за соболем по тайге, Лукьян многократно замечал выходы на поверхность маслянистых пятен. Нефть была где-то рядом. И похоже ее было много, очень много. Столько, что богатство царской золотой казны перед ней ничто.

Лукьян сам предложил свои услуги геологам в качестве проводника.

Геологов Лукьян Северьянов встретил на Кондасе в конце зимы тридцать пятого. Они были молоды и неопытны, но желание найти нефтяные проявления было огромно.

Мороз тогда заваливался за пятьдесят, по ночам в тайге пушечно лопались от стужи стволы деревьев. Работать в таких условиях, обитая в палатках, было невозможно. И Северьянов пригласил геологов к себе на кордон.

Это и спасло экспедицию. Хотя спать приходилось по очереди, — избушка была слишком тесна.

В то время начальнику экспедиции Виктору Васеньеву едва исполнилось 24 года, он только что окончил Московский институт нефтяной промышленности и был распределен в трест «Востокнефть». А трест, в свою очередь, «распределил» его на реку Большой Кондас, назначив начальником зимней экспедиции, которой предстояло произвести мелкое разведочное бурение на реке Кондас и озере Шаман.

По ночам, когда рабочие крепко спали, Васеньев и Северьянов подолгу сидели за столом и не могли наговорить

ся. Молодой геолог, словно губка, впитывал все, о чем рассказывал ему старый геолог, знавший тайгу, как пять своих пальцев, и чувствовавший, что под этой толщей земли, торфа, материковой породы лежат неисчислимые запасы так необходимых людям углеводородов...

Но перспективность нефтеносности Западной Сибири была под вопросом. Слишком много было оппонентов у академика Губкина, доказывавшего необходимость вести здесь масштабные геологические разведочные работы.

И все же лед тронулся. В декабре тридцать четвертого академик И.М. Губкин провел совещание, посвященное поиску нефти в Западной Сибири.

После этого события стали разворачиваться с невероятной скоростью. Тресту «Востокнефть» на организацию Обь-Иртышской экспедиции, которую и предстояло возглавить молодому геологу Виктору Васеньеву, государство выделило 150 тысяч рублей.

Что же предстояло сделать Васеньеву, в распоряжении которого были лишь комплекты ручного оборудования?

И на Большом Кондасе, и на озере Шаман он должен был пробурить несколько скважин глубиной от 30 до 80 метров, исследовать дно Кондаса и заложить на берегах его шурфы....

Всю работу необходимо было завершить до вскрытия реки, так как бурение предполагалось вести прямо со льда. Но не хватало запчастей, оборудования, спецодежды, наконец, мороз из союзника превратился во врага.

Лукьян Северьянов оказал экспедиции неоценимые услуги, показав места естественного выхода нефти. Бурение скважин тоже показало присутствие на больших глубинах нефтеносного слоя.

Но у Губкина было немало противников. Итоги экспедиции Васеньева были в буквальном смысле перечеркнуты.

Весьма авторитетные геологи, дающие заключения не выходя из кабинетов о «безнадежности поисков нефти», на сей раз победили. Государственных средств на нефтеразведку в Западной Сибири отпущено не было.

Так и не дождался на своем кордоне Лукьян Северьянов своих молодых коллег для продолжения поисков сокрытых под землей сокровищ. Сначала научные споры завели изыскания в тупик, потом война потребовала мобилизации всех сил, не до разведки было... Так и лежало оставленное Васеньевым оборудование вот уже почти двадцать лет в ожидании своих хозяев...

Но Лукьян не переставал надеяться, что уже недалеко то время, когда на его кордоне появятся люди и тайга будет разбужена рокотом моторов...

Богатства Сибири

Ребята беспрекословно забрались в набитую сеном постель. Лукьян лег на лавку, постелив овчинную шубу.

Но сон не шел. Разговаривали лежа.

– Эту страну, полную богатств, Страну Истины и Справедливости искал и Ермак со товарищи, и старообрядцы, бежавшие от царской напасти, и ныне многие ищут и верят в ее существование, – рассказывал старик.

– И ты, дедушка, веришь? – спросил Покачев.

– И я, ребята, верю, – отвечал Лукьян. – Сибирь наша сказочно богата. Так богата, что вы даже представить себе этого не можете. Сокрытых здесь богатств хватило бы сделать счастливыми не только всю нашу огромную страну, но думаю, что и все человечество, при условии, если оно, человечество, будет для этого неустанно трудиться. Это я вам, ребята, говорю как геолог, исходивший на своих двоих эти края.

Ваське с Колькой представлялись картины цветущей под неприятным северным небом страны всеобщего счастья. Колька Покачев видел сияющие золотые чумы, несметные стада оленей, счастливых хантов в праздничных нарядах, гуляющих по берегам своих озер.

Ваське вспомнился их детский дом, он представлял его дворцом с мраморными широкими лестницами, которые вкруговую вьются вокруг каменной скалы, уходящей под небеса к солнцу. По этой скале журчит голубой водопад, а сама скала увита виноградной лозой, на которой зреют без счета огромные кисти винограда. А по лестнице, ведущей в небо, гуляют счастливые дети, взявши за руки своих счастливых родителей.

– А как взять, дедушка, эти богатства? Отдаст ли Сибирь их?

– Вот в том и вопрос, друзья мои, – отвечал Лукьян, подумав. – Вряд ли вы слышали, но я скажу вам, что в начале тридцатых академик Александр Иванович Губкин предсказал, что Западная Сибирь, некогда бывшая восточным морем или даже океаном, в результате органических процессов накопила гигантские запасы нефти и газа.

Но предсказать мало, надо еще доказать. А потом у всякого ученого есть свои противники, которые, используя свои доводы, будут доказывать обратное. И такие люди нашлись. Они оказались в спорах сильнее, потому что для исследований нужны деньги, а если деньги дать, то еще неизвестно: будет ли результат? Тогда тому, кто эти деньги выделял на исследования, нужно за них отвечать!

– Получается, что для таких людей лучше ничего не делать, тогда и отвечать ни за что не надо! – сказал возмущенно Васька.

– Правильно мыслишь, Юралов, – согласился Лукьян. – Запомни, дружок, нехитрое правило: если ты не можешь объяснить причины происходящего в человеческом обществе, то поищи прежде причину в деньгах.

– Деньги, друзья мои, деньги обладают не только созидательной, но и страшной разрушительной силой. Сколько людей, прекрасных, талантливых потеряли себя в погоне за деньгами безвозвратно...

Дед Лукьян долго молчал, сопереживая каким-то своим внутренним чувствам. Ребята не тревожили его, словно

понимали, что старому человеку нужно побыть одному со своими воспоминаниями.

– Не спите? – спустя время окликнул их дед. – Слышали вы когда-нибудь про материк Тоболию?

– Про Тобольск я так слышал. Город старинный у нас в Сибири есть, – отвечал Васька.

– Правильно. Имя этого города дало название научной теории, утверждавшей что на всем пространстве Западной Сибири под водами озер, под болотными мхами и тайгой расположен гигантский материк. Имя этому матерiku было дано Тоболия. И вот неприступный гранит материка, словно броня, прикрывает собою земные недра. И он не пустит туда никого и никогда. Эта научная гипотеза говорит, что искать нефть в наших краях занятие бессмысленное и вредное.

– Я понял, – обрадовался Васька Юралов. – Ведь чтобы доказать, что никакой под нами гранитной брони нет, на это тоже нужны деньги. А если их нет, или их мало, то легче доказывать, то, чего нет возможности проверить.

– Вот так, ребятаки, на много лет был остановлен поиск сибирских богатств. А то, что ни какой Тоболии под нами нет, я это вам могу сказать точно. Тут под нами, дорогие друзья, всюду нефть. Хотя взять ее будет не просто.

– Так это ее мы видели на болоте, когда Колька провалился в чарусу? – воскликнул Васька.

– Таких проявлений и выходов нефти на поверхность здесь немало, – увлеченно заговорил дед. Глаза его осветились каким-то внутренним восторженным светом. – У меня есть карты, где эти выходы помечены. Я собирал старинные легенды, рассказы местного населения о горящей воде, сам проверил их справедливость и готов привести геологическую партию точно в то место, где ударит нефтяной фонтан.

Когда вы чуть не утонули в болоте, вставшем на дыбы, в этот день я действительно слышал сильный подземный толчок. Западно-Сибирская низменность пережила землетрясение. Это редкое для Сибири явление должно дать под-

вижку в земных слоях и позволит нефти выйти на поверхность и в других местах. Искать месторождения ее сейчас будет легче. Природа сама идет навстречу геологам.

– А они придут, геологи-то? – спросил Покачев.

– Придут, ребята, придут, – радостно отвечал Лукьян, – уже совсем скоро придут. Вот я и думаю, чего же это вам одним шататься по тайге, подвергая себя смертельной опасности. Вам, ребятки, не по тайге сейчас нужно шастать, а учиться. Много учиться. Если с вами случится что нехорошее, то кто же все эти богатства сибирские станет наследовать? А?

Мальчишки заворочались в своей постели. Они и сами в последнее время, не признаваясь друг другу, все чаще стали сомневаться в правильности затеянного ими рискованного предприятия.

– Поэтому, дорогие мои друзья, вот что я вам предлагаю, – ласково заговорил дед. – Оставайтесь-ка вы до прихода геологов со мной, а там мы все вместе отправимся на Шаман-озеро. Согласны?

– Я согласен! – горячо откликнулся Васька.

– И я согласен! – также горячо отозвался Покачев.

На кордон пришла зима

Зима пришла в тайгу неожиданно-негаданно. Еще вчера лес горел дивным многоцветьем осени. Серебристые паутины сновали в воздухе, грибы водили веселые хороводы под соснами и березами, вдоль столетних бронзовых стволов кедрача сновали неутомимые белки, запасая орехи и грибы по дуплам...

Ребята с дедом Лукьяном тоже трудились без усталости, заготавливая впрок ягоды, грибы, рыбу... Ждали со дня на день геологов, но их все не было и не было. Дед еще раз съездил на Обь до поселка лесников на связь, привез ме-

шок муки, сахара, чаю, канистру подсолнечного масла в обмен на пушнину. В тайге что ни день пахло оладьями, которые пристрастился печь Колька Покачев.

Вечерами Лукьян усаживал ребят за стол и давал им уроки математики, физики, французского и немецкого языков, географии.

– Как бы трудно не было, а человек должен совершенствовать свои знания, иначе пойдет обратный процесс и человек из высшего создания – венца природы – в два счета может снова превратиться в обезьяну, – говорил назидательно дед Лукьян. – Я, думаю, вы не желаете этого?

Ребята засмеялись, а Васька прыгнул со скамьи на четвереньки и стал скакать по избушке, ухая и хоркая, подражая виденной в кино горилле.

Выходило очень похоже, что даже дед зашелся в хохоте.

– Я бы мог сказать, что в тебе природный артистический талант, – проговорил отсмеявшись Лукьян, – но, видит Бог, я не желаю тебе стать артистом, пусть даже самым знаменитым, потому что лицедейство не есть профессия для настоящего человека. Нужно не изображать героев, а становиться ими, нужно жизнь проживать настоящую, подлинную, а не сценическую. Уж поверьте мне.

Лукьян задумался, уходя мыслями в прошлое.

– А какая профессия самая, самая, на Ваш взгляд? – растревожил Васька Лукьяна.

Тот вздохнул и улыбнулся:

– В любой профессии, друзья мои, нужно, прежде всего, быть человеком.

– Как это человеком? – удивился Колька Покачев. – Медведь не может быть геологом, или строителем, или учителем...

Васька снова зашелся в хохоте, представив огромного медведя с рюкзаком, в больших резиновых сапогах, с ружьем и молотком в лапах, шастающего по тайге...

Лукьян усмехнулся, но отвечал серьезно:

– Конечно, медведь не может быть геологом, не может быть нефтяником, начальником стройки, а вот наоборот,

бывает и причем очень часто... И тогда жизнь становится для подчиненных ему людей невыносима. Да и дела-то у такого начальника-медведя никогда на лад не пойдут...

– А что делать, если ты попал к такому начальнику в подчинение? – посерьезнел Васька.

– А вот что я скажу. Никогда нельзя отступать. Надо идти навстречу трудностям, а не прятаться трусливо от них.

– Чаще всего не сила решает все, у человека есть еще ум воля, упорство, хладнокровие... Они и помогают ему выйти в неравной борьбе победителем, – сказал Лукьян, глянув на Ваську проникающим взглядом, словно ему хорошо была известна тайна Васькиного побега из детдома.

– Нельзя отступать, нельзя, тем более, если это сражение идет за любимого тебе человека, – грустно, но убежденно сказал Лукьян и погрузился в свои мысли. Васька же покраснел до корней волос...

Ночью неожиданно похолодало. Где-то далеко за тысячу километров вздохнул исполинской грудью Ледовитый океан, студеное его дыхание прошло вдоль всей Оби, проникло малыми реками по всей тайге, опалив морозом еще не успевшую пожухнуть траву.

Ночью в просветленном, подмороженном небе закружили хоровод россыпи звезд. Сияющий рогатый месяц вышел в середину веселья, важно оглядывая небесные просторы. И в это время с севера выплыло белое облако, и начало глотать яркие звезды по одной и целыми созвездиями. Рассердился месяц, ударил своими рогами белое облако и на землю, на кроны и шатры дерев посыпались вдруг легкие снега...

Утром выглянули ребята в окошко и увидели волшебным образом преобразившийся мир, выскочили на улицу и стали пулять друг в друга снежками.

Пришел с реки Лукьян, принес только что пойманных щук, бросил их на снег у порога. Щуки еще били хвостами, разевали свои огромные, усеянные острыми зубами пасти, протаивая в снегу землю и зеленую траву.

– Ну что друзья. Скоро встанут реки, и на нашей улице будет праздник. Станем теперь пироги печь да гостей поджидать, – сказал с радостным волнением в голосе Лукьян.

– Что?! Скоро приедут? Геологи? – закричали ребята.

– Скоро, – отвечал Лукьян, – теперь уж скоро.

– Ура! – что есть мочи закричали ребята. – Ура!

От их истошного крика дрогнули ветви деревьев, и снеговые шапки с них пали вниз, рассыпая кругом снежную пыль.

Прошла еще неделя. Зима окончательно утвердилась на всех пространствах Приобья. Даже болота промерзли и отвердели так, что по ним можно было ходить, как по полу.

Однажды днем в глубине тайги родился странный неясный звук, словно где-то там далеко, далеко кто-то подвывал и поскуливал, временами рычал и огрызался.

Первым этот звук услышал Соболюк, заволновался, глядя настороженно в лес, потом ребята услышали его и тоже заволновались, запереглядывались многозначительно.

Звук этот все нарастал и нарастал. Прошло часа два, и вот уже явственно стало слышно, что тайга зажила какой-то новой пока еще непонятной жизнью, что вот-вот и сон ее тысячелетий будет разбужен чем-то совершенно новым, неизведанным, но непреодолимо зовущим и манящим...

Вышел из избушки дед Лукьян, прислушался тоже, и лицо его радостно преобразилось:

– Ну, ребятки, ликуйте. Едут наши друзья-геологи!

Ребятки грянули «ура!» и начали восторженно носить по поляне, увлекая с собой заливающегося радостным лаем Соболюка.

Лукьян заторопился, нырнул в избушку, и скоро за клубился над ней дымок, извещая о готовящемся там праздничном ужине.

Ребята кинулись на помощь Лукьяну. Колька Покачев тут же принялся застряпню, затворив сибирские оладьи, Васька носил дрова и воду, дед Лукьян извлекал из кладовых соленья и копченья.

Стальной соперник

Ближе к вечеру промороженный лес уже стонал от грохота железных моторов, звук их раскалывал воздух и проникал, казалось, в самые отдаленные уголки тайги. Испуганные звери, преодолевая страх неизведанного, настороженно всматриваясь в чащобу: что это движется им навстречу то ли погибель их, то ли пожива?

Барсуки и медведи храпели по своим норам и берлогам, не видя и не слыша прихода новых обитателей тайги. Но не все, кому положено в это время видеть сны, спали.

Огромный медведь с косым шрамом через левый глаз, с зарядом васькиной дробы, уже заплывшей жиром, бодрствовал. Он слышал рождение новых звуков в тайге, ловил резкие запахи гари, распространявшиеся на многие километры, оставляемые на пути пришлого соперника, и с каждой минутой беспокойство все сильнее и сильнее одолевало его.

По закону медвежьего рода он не должен допустить в пределы свои соперника. Здесь только он, самый сильный и самый грозный, мог вершить над бегающей, летающей и ползающей тварью свой страшный суд: кому стать его добычей, а кому еще бегать, летать и ползать, нагуливая до поры до времени тело и жир.

Старые раны, нанесенные ему человеком, болели и свербилы, требовали отмщения... Он не мог спать, не мог жить прежней медвежьей жизнью. Он встал на тропу войны.

Слыша новые звуки и запах солярного перегара, он раздувал ноздри, вставал на задние лапы, выпускал когти и, грозно рыча, срывал ими на высоте почти трех метров кору с сосен и кедров.

Если бы в эти края зашел его соперник, то, прежде чем вступить в борьбу с хозяином территории, он должен был помериться с высотой заданной метки. Если ты меньше и не в состоянии на такой же высоте драть с деревьев кору,

то тебе и думать нечего о соперничестве. Ступай своей дорогой, ищи незанятые места...

Этими метками была помечена огромная территория, которую считал он своими владениями. Но похоже незваный гость перешел границу, пренебрег законами тайги и теперь нужно было вступить с ним в сражение.

Медведь взревел, что было мочи, и тайга разнесла на многие километры этот леденящий кровь, боевой клич.

Огромными прыжками бросился хантыйский «лесной человек» навстречу сопернику, горя желанием уничтожить его, разорвать в клочья, пролить горячую кровь его на холодный искристый снег.

Могучие мышцы его перекатывались под шкурой, покрытой длинной лоснящейся шерстью, стальные когти легко вспарывали моховой покров и промерзшую землю. Комья земли и ошметки кочек веером летели за ним, встречные мелкие деревья и сухостоины, попавшиеся на пути, ломались, как высохшая трава...

Словно артиллерийский снаряд, пролетел он болото, речку, основую гриву, выскочил на берег озера, утробно ревя.

И тут, в грохоте, лязге, сиянии огней, появилось чудовище, при виде которого шерсть на медвежьем загривке встала дыбом. Он попытался остановиться, но инерция была велика, и он проехал на лапах метров десять, едва не угодив под ревущее и грохочущее, исторгающее жар и смрад чудовище, превосходящее многократно его размерами и силой.

Глаза чудовища горели огнем, и огонь этот был настолько велик и силен, что от него загоралась едва ли не вся тайга, он исторгал страшный рык и рев, перекрыть который медведь был не в силах, он тащил за собой, как змей огромный хвост, и на хвосте этом сидели люди, которые кричали и махали руками, показывая на хозяина тайги...

Потрясенный медведь рывкнул, сделал громадный прыжок в сторону и повержено бросился под кров тайги.

Он летел, не разбирая дороги, слыша только грохот и лязг, ноздри его ловили дурманящий запах сгоревшей со-

лярки, а в глазах отражались сполохи огня, игравшие над сумеречной тайгой.

И только ночью, лежа под гигантским еловым выскирем, вывернутым из земли летней грозовой бурей, пришел «лесной человек» в чувство после этой встречи. Вместе со стремлением уйти, спрятаться в чаще в самом дальнем таежном углу, родилось желание следовать за этим чудовищем, стать умнее и коварнее, выстеречь его, выкараулить, нанести удар, переломить хребет и выпустить дурную кровь из агонизирующего железного тела...

Приехали!

В сумерках, проламываясь через мелколесье, на кордон прибыл геологический поезд. Передовой грохочущий трактор на широких гусеницах тащил за собой сани, на которых была установлена цистерна с горючим, на других санях стоял жилой вагончик, второй трактор тащил в сцепке-двое сани с оборудованием и прочим снаряжением для строительства площадки и установки буровой.

Лукьян с ребятами, по русской традиции, встречали геологов хлебом-солью.

Стихли дизели, и над поляной повисла было первозданная тишина. Но тут отворились двери вагончика, и на снег, словно горох, со смехом и шутками посыпался веселый молодой народ.

Распахнулась кабина трактора и на широкую гусеницу ступил крупный мужчина в собачьих унтах, дубленом полушубке и мохнатой шапке.

Веселые голубые глаза его сияли, скуластое лицо озаряла радостная улыбка. Он легко спрыгнул на землю и сгреб в свои объятия Лукьяна.

— Ну, батя, ты все-таки дождался. Теперь-то мы отсюда без фонтана не уйдем.

– Не уйдем, Иван Тимофеевич! Тут она нефть, тут. Я ее носом чую, – радовался Лукьян, обнимая приезжего человека.

Лукьяна Северьянова и ребяташек уже окружили геологи, тормозили их, протягивали руки, знакомясь.

– Гляди, гляди, Васька, – Колька показывал на молодого парня, возившегося со сцепкой у трактора, – узнаешь? Это же Костя Пирогов! Рыбак с Оби. Он нам еще берданку дал.

Действительно, ошибки быть не могло. Это был их Костя.

Васька даже подпрыгнул от радости и завопил во все горло:

– Костя! Костя! Иди скорее к нам!

Широко улыбаясь, Костя шагнул навстречу.

– Ну здорово, братцы-кролики! Каково зимуете?

– Вот уж не ожидали тут тебя встретить! – радовался Васька.

– А я вот ожидал, – сказал Костя, показывая, казалось, сразу все свои зубы. – Берданку хотел вернуть. Не потеряли?

– Нет, берданка цела. Она нас от смерти, можно сказать, спасла. А откуда ты знал, что мы у деда Лукьяна?

– От деда Лукьяна и узнал. Он тут за вас хлопотал все, ездил в поселок, справки наводил, в детдом звонил, усыновить вас хотел, что ли? Да не дают ему вроде как. Стар, говорят, – Костя махнул рукой. – Ну да время придет, он вам сам все расскажет.

Он обхватил ребяташек и стал тискать их радостно:

– Не бойсь, ребята, не пропадем. Мы вас сынами буровой сделаем!

Ребята прямо-таки засияли от счастья.

– А ты-то, Костя, как тут? – спросил Васька.

– А я тоже решил из рыбаков в буровика переквалифицироваться. Попрактикуюсь с годик, а потом учиться по этой линии пойду. Будем для народа нефть добывать! Здорово, ведь. А? Вон я сейчас вас с Курбаном познакомлю.

Один из прибывших явно был кавказского происхождения. Темные курчавые волосы из-под лихо сбитой на ухо шапки, черная полоска усов над верхней губой, нос с горбинкой, темные горячие глаза, быстрая напористая речь с акцентом. На вид ему было около двадцати.

Он без всяких церемоний сунул свою горячую ладонь Ваське и представился:

– Курбан. Студэнт-нэфтяник. Я из Азербайджана.

– Там тепло, море. Мы в школе проходили!

– Мало проходить! Видеть надо! – возликовал Курбан. – Море, солнцэ, виноград, горы в снэгу, цветущие далины. Это моя родина. Это сказка, это счастье родиться и жить в Азербайджане. А меня тянет в Сибири!

Васька с Колькой слушали его, раскрыв рты:

– В Азербайджане – нэфть, много нэфти. А я в Сибирь прашусь. Второй год на практику еду в Сибирь. Распределяться сюда хочу. А тут – комариное царство, болота, зимой морозы в пятьдэсят, дарог нэт, фруктов нэт, вина нэт, адин спирт. Почему? Сам не знаю. Тянет.

Тут Васька заметил, что в стороне от общей круговерти стоит у вагончика девушка миловидная с румянцем вовсю щеку и застенчиво улыбается.

– А это кто с вами? – полюбопытствовал Васька у Курбана.

– А это – очень золотой человек. Это наша Шурочка, наш повар. Гатовит – пальчики оближешь!

Курбан тут же подбежал к Шурочке и привел ее за руку в общий круг.

– Вот, знакомьтесь, пажалуйста!

Шурочка, ласково улыбаясь, пожалала Ваське и Кольке руки, поздоровалась с дедом Лукьяном. Васька почувствовал, что от Шурочки исходит какое-то особое тепло, похожее на то тепло, которое исходило от его мамы. А тут еще Шурочка положила свою теплую, пахнущую земляникой ладонь на его голову, и у Васьки от счастья закружилась голова. И уже нечаянная слеза готова была навернуться ему на глаза, так что Ваське пришлось круто повернуться и пойти в избу словно бы по делам.

У порога он повернулся и увидел, что Колька стоит, прижавшись головой к Шурочкиному полушубку, она обнимает его за плечи и ласково и грустно глядит на Ваську. Сердце мальчишки счастливо защемило...

Вечером начальник геологической партии Иван Тимофеевич Русов, дед Лукьян, Курбан Фарманов сидели за картами в дедовой избушке, прокладывая маршрут к Шаман-озеру, и вели свои геологические споры. Хотя и спорить-то им не было нужды, поскольку каждый был уверен в больших перспективах этого края, нефтеносность которого не вызывала у них сомнений. Были споры лишь о тактике: где и как строить площадку под буровую, как вести бурение...

Ребята сидели в вагончике с трактористами и буровиками, гоняли чай. Костя играл на гармошке, пели дружно и проникновенно и старинные, и современные песни. У Шурочки был красивый грудной голос, она пела старинные русские песни о кручине, о тонкой рябине, о любви и разлуке... Ее просили спеть еще и еще. Потом в вагончик подтянулись остальные, пели все вместе на несколько голосов песни про Байкал и про Сахалин...

— А какие в ваших краях поют песни, Курбан? — спросил Костя, сведя меха.

— У моего дедушки Сулеймана любимая песня была про Ермака. Ну-ка, Костя, подхвати.

Костя развел меха, вздохнули басы, запели, заволновались голоса.

Курбан затянул баритоном:

*«Ревела буря, гром гремел,
Во мраке молнии блистали...».*

И тотчас песня расцвела многоголосьем, набрала силу, выплеснулась за стены вагончика, слилась с мерным шелестом тайги покатила по речным протокам и таежным урманам. И любопытный горноста́й привстал на сосновой ветке, пытаясь разглядеть в окошке вагончика новых оби-

тателей тайги и понять своим звериным чутьем, с чем эти обитатели пришли сюда и надо ли от них прятаться и бежать в самую глухомань...

*«И непрерывно гром гремел,
И в дебрях бури бушевали...».*

Песня лилась слаженно, мощно, все, кто находился в вагончике, чувствовали себя единым целым, единым братством, которому подвластна и посильна любая задача, любое дело...

Песня кончилась, но долго еще сидели молча, наслаждаясь пережитым чувством. Наконец Костя обратился к Курбану.

– Ничего не понимаю, как у твоего дедушки, который живет высоко в горах Кавказа, могла эта песня стать любимой?

– Если хатите, расскажу! – оживился Курбан. – Мой дедушка к Сибири непосредственное отношение имеет. Он здесь все свои маладые годы правел. Он и меня Сибирью заразил. Хатя, дэд, здесь не по доброй воле оказался. А я па сваей собственной инициативе.

– Расскажи, расскажи, Курбан, – загудел народ.

– Эта было еще до революции. Маэму деду было сэм-надцать. Он без устали трудился на винаграднике, пас авец, растил скот, а прибыли имел мало. Земли было мало, земля бедная, народ тоже бедный. Но бедный народ должен платить богатому имаму налог за веру в Аллаха. И все платили. И мой дед платил, а патом говорит, что платить не станет. Нечем платить, была засуха, урожай выгарел, скот приплода не дал. И дед атказался внасить свою лепту в пользу мечети. А это бальшой грех. Один откажетса, другой, народ потеряет веру, паслушание, как таким народом управлять. Паэтому власти к падобному непавинавению атнеслиса серьезно. Из губернского горада атправили к деду Сулейману муллу, чтобы тот наставил аслушника на путь истинный и палучил с него деньги.

Вот приходит мулла к дэду на пастбище, где тот пас баранов, и начинает его увещевать: «Пачему ты не хочешь делиться с аллахом?» – «А чем я буду делиться, если у меня нет урочая и нет приплода?» – «А потому, что Аллах дал тебе землю, а ты плохо, нерадиво на ней трудился и ничего не вырастил».

«Если он дал землю, – отвечал Сулейман, – так зачем же он послал засуху, чтобы ничего не выросло, а патом еще и прислал тебя, зная, что у меня ничего нет». – «Патаму, что ты багахульствуешь, и Аллах наказывает тебя за непаслушание. На все воля Аллаха, нужно пакорно следовать его воле». – «Но, если на все воля Аллаха, то не обессудь. Я сейчас дам команду своим псам и они по воле Аллаха снимут с тебя штаны».

И тут сабаки, словно асмыслив слова хозяина, бросились на муллу и гнали его чуть ли не до самого селения. Покусанный и изодранный мулла пажаловался властям, и маему деду влупили за багахульство двадцать лет каторги.

Он рассказывал мне, как гнали их этапом в Сибирь, как перешли они границу Европы и Азии и спустились с уральского хребта, как показалось деду, в преисподнюю. Сбитые в кровь кандалами ноги, разбитые дороги, снежные бураны и метели, лютая стужа в пятьдесят градусов, стылый, как камень, хлеб и пустая похлебка, сваренная в поле... Деду казалось, что это варота в ад. Но вот парадокс, вернувшись в свое село, он всегда тасковал па Сибири. Скарее всего, патаму и я здесь. В чем состоит эта притягательная сила ее, мнэ еще только предстоит узнать. Наверное, и вам тоже.

Вперед, на Шаман!

Экспедиция выступала на следующий день. Впереди шел трактор-болотоход, подминая широкими гусеницами мелколесье. Счастливые ребята ехали с буровиками в вагончике, у всех было приподнятое, радостное настроение.

Дед Лукьян ехал верхом на Карьке следом, а веселый Соболюк, то и дело забежал вперед грохочущего поезда, перекрывая шум звонким восторженным лаем.

На второй день пути ударил мороз под тридцать. Тайга словно оцепенела от стужи, на ветках деревьев появилась бахрома инея. Это мороз выжимал из деревьев лишнюю влагу. Воздух стал стеклянным, трактора уже не грохотали так, как вчера, их шум стал тоньше и звонче, словно в тайге кололи и били стекло.

Но снегу было мало, и колонна шла уверенно вперед.

В полдень подошли к закованной в лед речке Стриге. Отсюда до Шаман-озера оставалось всего километров двадцать.

Первым выскочил на лед Курбан. Он прокатился в унтах по льду. Лед стоял, как броня. Следом за ним высыпали на лед и остальные.

– Мой дэд Сулейман рассказывал, что впервые увидев лед, он долго нэ мог преодолеть страх и вступить на него, – веселился Курбан, подпрыгивая и всем весом пробуя крепость льда. – Для южного человека дико, что река может быть твердой!

Иван Тимофеевич Русов прошелся, постукивая по льду пешней, попросил Костю пробить лунку, чтобы определить толщину льда и глубину реки.

За эти морозные бесснежные дни образование льда на реках шло стремительно. Костя долбил лунку минут пять, прежде чем в ней показалась вода.

Лед был не менее сорока сантиметров, а глубина реки на середине – около трех метров.

Все смотрели на Русова, ожидая решения.

– По моим предположениям, трактора должны пройти. Первая сотка тащит за собой горючее, потом возвращается и перетаскивает вагончик. Потом идет второй.

– Конечно, можно не рисковать, заняться устройством переправы, наморозить дорогу и спокойно переправиться, но времени потеряем много, – размышлял вслух Русов, – а это для нас чревато тем, что наши противники снова возь-

мут верх и финансирование экспедиции прекратится. Мы должны действовать стремительно.

– Николай! Ты пойдешь первым, – решительно сказал он, обращаясь к трактористу. – Отцепляй вагончик. Держи дверцы кабины открытыми, чтобы можно было выскочить, если лед обломится.

– Пройдем, Тимофеевич! – обрадовано замотал головой Николай и радостно бросился к трактору.

Вскоре все было готово к переправе. Болотоход медленно спустился с берега на лед и замер, как зверь перед решающим прыжком.

– Пошел! – дал отмашку Русов, напрягшись так, словно он сам должен был перетянуть на ту сторону реки цистерну с солярой.

Трактор взревел всей сотней лошадиных сил и вылетел на лед, кроша поверхность его на искрящиеся под солнцем кристаллы.

Минута, другая прошли в напряженном ожидании. Лед удерживал железную махину. И вот гусеницы подминают противоположный берег Стриги.

– Ура! – грохнули геологи, и тайга отозвалась им многократным эхом.

Трактор оставил на противоположном берегу сани и снова вернулся за вагончиком. Все прошло благополучно. Лед держал, как броня, даже ни единой трещины не появилось на его поверхности.

У второго трактора, старенького уже ХТЗ, гусеницы были много уже, поэтому сани с оборудованием, цементом перетаскивали тем же болотником.

Наконец настал черед переправиться второму тягачу.

Молодой тракторист, почти мальчишка, сильно волновался, но пытался виду не подавать.

– Не бойся, Гриша, – наставлял его Русов, – попытайся спуститься, как можно мягче на лед, а дальше жми на всю гашетку! Главное, не потерять скорости. Понял? Но, в случае чего, увидишь, лед проседает и трещит, оставляй рычаги и прыгай, как можно дальше, да смотри, на гусеницу не угоди.

– Понял, Иван Тимофеевич, – отвечал парнишка, унимая волнение.

Трактор, взревывая мотором, подошел к кромке берега и вдруг, не сбавляя ходу, ринулся на лед. От удара тяжелой машины лед затрещал, по нему побежали глубокие трещины и вода начала выступать на поверхность. Трактор летел к середине реки, но лед под ним начал стремительно проседать, гусеницы уже выбрасывали за собой водяной веер, скрывшись в воде на половину. Еще секунды две-три, и трагедия станет неминуемой.

– Прыгай! – перекрывая рев двигателя, закричал Русов. – Прыгай, Гриша!

Из распахнутой кабины появилась голова Гриши, он испуганно оглянулся на берег и бросился вон. Он успел откатиться от медленно оседающего в воду трактора, встал на колени и, глядя, как река забирает его машину, заплакал.

Первым к нему прибежал Курбан и потащил потрясенного Гришу на берег.

– Не реви, – строго сказал ему Русов, бледный, как мел, от пережитого потрясения, – нет такого случая, из которого геолог не нашел бы выхода. Не реви, достанем мы твоего тягача.

Трактор ушел под воду полностью, даже труба была не видна.

Лукьян подошел к Русову. В глазах его было страдание.

– Что делать, Тимофеевич, станем? – спросил он с печалью в голосе.

– Без этого трактора экспедицию загубим, – отвечал Русов. – Поэтому выхода у нас нет. Будем доставать.

– Как? – поразился Лукьян.

– Тросами, – ответил односложно Русов.

Перешли на другой берег, Русов велел достать трос с чокером, протащить его от болотохода до полыньи.

...Полынья парила, темная свинцовая вода, от вида которой уже начинали болеть зубы, свивала упругие струи над едва видимыми очертаниями трактора.

Русов попросил принести валенки, тулуп и бутылку спирта, после чего стал решительно раздеваться у кромки полыньи. Его красивое, тренированное тело, обнаженное среди этой оцепеневшей от мороза тайги и закутанных в меховые одежды людей, казалось пришедшим из других миров. Все замерли, не в силах что-либо сказать.

А Русов, взяв в руки один конец троса с чокером, ухнул в ледяную купель.

Ему показалось, что тело его сжало со всех сторон с такой силой, что он не сможет больше сделать ни вдоха. Миллионы острых игл впились в него, а руки и ноги начало сводить судорогой. Но, собирая в кулак волю, Русов справился с непреодолимым желанием вынырнуть и спрятаться под меховую полость тулупа. Он открыл глаза и начал погружение.

Трактор, видимо, еще какое-то время шел по дну. Поэтому передняя часть его – фаркоп, за который нужно было завести трос, оказалась под слоем речной гальки. Хуже того, большой валун не давал возможности зацепить чокер. Русов уперся ногами в дно и попытался плечом отодвинуть валун в сторону. Но камень лишь едва пошевелился.

Больше находиться под водой не было сил. Еще несколько секунд и он может остаться здесь, у этого трактора, навечно. И тогда прощай мечта о сибирской нефти...

Его долго не было на поверхности, опасно долго. Наконец он вынырнул, отдуваясь, и протянул руку. Его подхватили, вытащили на лед и запахнули в тулуп.

Шурочка, чуть не плача, протянула Русову в дрожащей руке стакан со спиртом.

Русов выпил спирт залпом и даже не стал его запивать, молча стоял, прислушиваясь к себе.

Наконец спирт начал действовать, погнал кровь по жилам, глаза у Русова оттаяли, и он выдохнул с огорчением и в то же время твердой решимостью:

– Трудно одному завести трос, очень трудно. Но я справлюсь. Я буду нырять до тех пор, пока не закреплю его.

– Эх, где наша не прападала, – Курбан ударил шапкой о лед и стал сбрасывать с себя полушубок.

Остановил его Костя:

– Не надо, Курбан. Охолонись! Ты человек южный, тебе нужно еще много на севере пожить, чтобы закалиться. Я пойду. Для меня это дело привычное. И Костя сбросил с плеч фуфайку.

– Подожди меня, Тимофеевич! – сказал он твердо. – Я помогу.

Они вместе ушли под воду и ныряли в полынью еще дважды, прежде чем сумели отодвинуть камень и закрепить трос на ХТЗ.

Тем временем ломами и пешнями остальной народ пробил во льду к берегу дорожку.

Теряя силы и сознание, Русов дал отмашку и, взревев стосильным мотором, болотоход медленно начал выводить к берегу утонувший трактор. Скоро показалась его труба, потом кабина и вот уже весь он, обрастая тут же ледовым панцирем, показался на берегу.

И снова дружное «ура!» потрясло заиндеветшую тайгу.

Отпоив героев спиртом и чаем, Шурочка уложила их спать в жарко натопленном вагончике. Тем временем Гриша с Николаем пытались оживить «утопленника». Их усилия не пропали даром. К вечеру «утопленник», взревев мотором, заявил о себе.

Моржи-добровольцы уже пришли в себя и сидели вместе со всеми за вечерним чаем.

– А вот у нас в деревне, рассказывают, тоже был один такой богатырь, – сказал Николай, с почтением поглядывая на Русова с Костей. – Фамилия у него Волохов была. Так вот сила в нем такая была, что на плече наносил бревен из лесу на весь дом. А бревна в вершине на двадцать четыре сантиметра! Или поедет в лес за сеном. С дороги свернуть – снегу по пояс. Он лошадь свою жалел. Выпряжет на дороге, сам в оглобли, навьет сена воз и вытащит на дорогу, только потом уж лошадь запрагает.

И вот уж не знаю, врут или нет, но рассказывают, что через нашу деревню на Тюмень проезжал по старому тракту знаменитый на весь мир борец, непобедимый Иван Поддубный. Так вот, ехал Поддубный в Тюмень, а по пути про богатырей справки наводил. С кем так и силой мерялся. Вот у нас ему на Волохова и показали. Племянника его я и по сей день знаю, здесь, в нашей деревне живет. Порода крупная. Волохова-то за силу и отвагу звали Вихрем.

Приходит к нему Поддубный: «Давай, – говорит, – силой меряться. Палку перетягивать. Вот сядем на землю, ногами в ноги упремся, возьмемся за палку и станем тянуть. Который которого с места сживит. Во мне, говорит Поддубный, сто пятьдесят килограммов весу да сколько я руками потяну... Не забоишься?».

Нашего Вихря запугаешь... Еще мальчишкой был, так слава о нем богатырская шла. Играют с ребятами, бывало, в лапту, который и обидит его словом. Драться не станет, а сдернет с головы обидчика шапку, подойдет к бане, за угол подымет ее и под угол шапку положит. Доставай потом.

Потом, уж в серьезных годах был, пошел на Троицу с тремя сыновьями в соседнюю деревню Жилино. А через реку артельщики мост ставили. Сами-то на выходной уехали, а «баба», коей свай забивали, лежит на берегу без дела. Вихрь ребят своих подначивает: «Кто сколько раз «бабу» подымет, тот столько чарок будет пить!». А парни – косая сажень в плечах, кровь играет. Один подошел – не шевелится «баба». Второй – только пошевелил. Третий сын, Василий, – раз поднял. Сам Вихрь пять раз «бабу» поднял. Пять чарок пил. Такого и вину свалить не под силу. В «бабе»-то сорок пудов весу было. Это шестьсот сорок килограммов!

– Ну а Поддубный-то чего? Рассказывай про Поддубного!

– Про Поддубного, значит, и говорю. Сели они с Поддубным тягаться. Ухватились за палку, уперлись. Жилы

налились, того гляди, лопнут. Не могут ни который которого одолеть. И никто уступить не желает. Тут малейшую послабку дай – и проиграл. Сколько они так вот сидели, не скажу. Знаю только, что у обоих из-под ногтей от напряжения кровь пошла. На том и покончили спор.

Рассказ Николая понравился, но Костя Пирогов подвел свою черту.

– Чего прошлое-то вспоминать. У нас в поселке живет Алексей Новиков. У нас окна друг на друга смотрят. Тоже из богатырской породы.

Он человек тихий, миролюбивый. А у нас бывало, ребята схватятся драться, стенка на стенку пойдут, заушают, захоркают, за колья схватятся. Так он их, как котят, раскидает по сторонам.

Всю жизнь охотой промышлял. Боле сорока медведей добыл.

А тут у нас в лесопункте случилась авральная ситуация. Через месяц на реке сплав, а у нас мост чуть живой.

Снесет по весне – останемся без связи с миром. Надо новый мост ставить, да кто за это дело возьмется: сроки нереальные, да и холодно.

Вспомнили про Новикова, отрядили гонцов. И он согласился. Через месяц к сплаву у нас новехонький мост стоял.

А его я как сейчас вижу: по льду уже всю воду бежит, а он, босой, в одних исподних, стоит по пояс в ледяной воде и командует, как и куда сваи бить...

Шурочка не сводила влюбленных глаз с Русова.

– А вот у вас, Иван Тимофеевич, откуда такая сила и воля? – спросила она наконец Русова.

Геолог смутился:

– Да что про меня. Я человек обыкновенный. Это меня безысходность заставила в воду лезть. А я вам про своего брата младшего расскажу.

С тринадцати лет в колхозе пахал и сеял. Война! Мужики – кои в окопах, кои в сырой земле. Меня к тому времени тоже на фронт увезли. Федька за старшего в семье остался.

Окончил четыре класса и за работу. Весной на пароконном плуге пахал за день до гектара и более, но председатель больше гектара в день пахать запретил: то ли Федьку, то ли лошадей пожалел, так вот, – глаза Русова наполнились теплым светом и легкой грустью. Он замолчал.

– Ну а дальше-то что, дядя Ваня? – поторопил его Васька.

– Дальше? – очнулся Русов. – Дальше на сенокосе работал звеньевым. Десять баб и он один. Писали в газете: за день поставил стожаров на девять стогов и девять стогов сена сметал. Потом, говорит, домой пошел, что такое: была одна деревня, а тут две. Одна деревня на другой стоит. Утром встал – как ни в чем ни бывало. Надел рубаху вышитую, на сенокос пошел. Только первый пласт сена взял, так тут и упал. Боль в животе, как по живому режут.

Одна женщина-знахарка его на ноги подняла. Топили баню, живот распаривали, и она пуп этот крутила. За четыре дня поставила Федьку на ноги.

Я ему по гроб жизни обязан. Я с фронта вернулся, решили семьей, чтобы я дальше учился. Так Федька, младший, можно сказать, меня поднимал. Переводы мне в институт слал, продукты...

– А сейчас-то что с ним? – спросила Шурочка.

– Сейчас он бригадирит в колхозе. Лучшая бригада на весь район.

Первая буровая

К Шаман-озеру подошли через день на рассвете. Шли всю ночь, чтобы наверстать упущенный день. Николай с Гришей едва не засыпали за рычагами. Шурочка то и дело поила их крепким чаем из термоса. Наконец под утро тайга раздалась, и в свете фар передовой сотки открылся заснеженный простор Шаман-озера.

С трех сторон вплотную к озеру подступала тайга, сосны стояли прямо по урезу воды, с четвертой южной стороны к озеру примыкала небольшая поляна, на которой еще виднелись следы недавнего человеческого присутствия.

Это были останки стойбища хантыйского рода Шуки. В сумеречном свете словно призрак чернел обнаженными ребрами чум. Ветрами и непогодой с него сорвало покров. Навесы и вешала для вяления рыбы завалились, наполовину торчал из-под снега деревянный облас с поломанным веслом...

Трактористы заглушили моторы. Северьянов и Русов прошли по стойбищу и молча сняли шапки перед останками чума.

– Здесь они приняли свою страшную смерть, – сказал тихо Лукьян. – Не знаю, право, стоит ли рассказывать об этом мальчишке.

Они не видели, что сразу за ними стоит полураздетый растерянный Колька, сдерживающий из последних сил слезы.

– Нужно предупредить всех, чтобы люди были предельно осторожны, зверь может быть где-то тут.

– Мы уже видели его на подходе к твоему кордону, – ответил Русов. – Снова не лег зимовать, будет кружить рядом.

Он обернулся и увидел Кольку с глазами полными слез.

Дед Лукьян подошел к мальчишке и обнял неловко, прижимая к себе.

– Ничего, Колюшка, не плачь. Посмотри, сколько у тебя родных и друзей на всю твою долгую жизнь. Они тебя никогда не оставят в беде, – говорил растроганно Лукьян, глядя корявой рукой мальчишечьи вихры.

Прибежал из вагончика проснувшийся Васька, и тоже ткнулся деду в плечо.

К ним уже подтягивалось все остальные члены геологической экспедиции.

– Поглядите, – уже улыбаясь, сказал Русов, – все мы здесь родня, если не по крови, то по нефти. Братья по нефти.

...Северьянов показал Русову место, где нынешним летом после землетрясения вышла на поверхность нефть. По предположениям старого геолога, добраться до фонтана можно было без особого труда.

Русов был необычайно возбужден и разговорчив. Курбан тоже буквально кружил в танце вокруг указанного Северьяновым места.

– Я видел нефть, я видел много бакинской нефти, и я точно скажу: здесь будет новый Баку! Здесь будет много нефти! Столько много, что мы сделаем не только себя, но и всю нашу страну счастливой!

...Сразу же после короткого отдыха приступили к обустройству лагеря и площадки под буровую установку.

Работали слаженно и четко. Кто-то валил лес, и обрубал сучки, трактора стаскивали бревна на площадку, монтажники готовились к монтажу буровой. Работали день и ночь, спали часа по три-четыре.

Русов торопился. Весь его маленький коллектив знал, что старший их товарищ, начальник экспедиции, устав от бесконечных и бесплодных споров о бесперспективности северных районов, совершил дерзкий самостоятельный шаг, за который он мог жестоко поплатиться.

У страны не было лишних денег. И средств на геологические изыскания отпускалось столько, что геологам не хватало денег даже на покупку резиновых сапог. Да что там сапог, не было даже, клея, чтобы чинить изодранную по тайге обувь.

Противники теории Губкина были сильнее и только потому, что, отрицая наличие нефти на севере Западной Сибири, они тем самым сберегали народные средства и предлагали искать нефть в южных, более обжитых районах, что было гораздо дешевле и комфортнее.

Курбан по этому поводу смеялся, рассказывая всем анекдот про мальчика, который искал десять копеек: «Где ты их потерял?» – «Там». – «А почему ищешь тут, у фонаря?» – «Здесь светлее!».

Нынешним летом все же выделены были небольшие средства для организации геологической экспедиции

с тракторами и буровой установкой. Начальником назначен был Иван Русов. Только вот маршрут экспедиции лежал совсем в другом направлении от того места, куда стремилась чуткая душа геолога, куда звал его неотступно старый геолог Северьянов, уверявший, что знает точное местонахождение нефти.

Идти с экспедицией на юг, в бесперспективные, по мнению Русова, районы, было выше его сил. И Иван задумал обходной маневр.

Он решил принять условия и выдвинуться на юг, но дорогой поменять направление и стремительным маршброском выйти к Шаман-озеру, смонтировать в кратчайшие сроки буровую установку и пробиться к нефти.

Пропажу его экспедиции не сразу обнаружат, какое-то время можно будет протянуть, передавая нейтральные сообщения, не привязанные к местности, потом их не сразу найдут. И если за это время они сумеют найти нефть, то вряд ли их будут судить за самоуправство. Победителей не судят.

Свое решение Русов держал от всех в секрете, пока они не вышли в путь. В тот же день он собрал всех своих коллег в вагончике и, раскрыв карты, объявил о смене маршрута.

На какое-то время в вагончике воцарилась полная тишина. Если бы кто-то из членов экспедиции не захотел идти по измененному маршруту, то дерзкое предприятие Русова тотчас провалилось. Но в вагончике не было людей, которые бы не верили в большую нефть Севера, не доверяли полностью своему руководителю.

Первым пришел в себя Курбан. Глаза его осветились радостью и он страстным шепотом, словно боясь, что его услышит кто-то чужой в этой вековой тайге, предложил:

– Ура, товарищи, Ивану Русову! Ура! Да здравствует нефть Шамана!

Не прошло и десяти дней, как над Шаман-озером поднялся невиданный железный чум, островерхним концом своим возвышаясь над вершинами сосен. Скоро к таежным звукам и шумам прибавились еще треск дизеля и звон падающего с высоты долота, клюющего шаг за шагом земную твердь...

Вровень с вершинами

– Вот, ребята, если вы хотите стать настоящими нефтяниками, то лучшей работы, чем вышкарь не придумать, – говорил Русов, глядя улыбочиво на мальчишек... – Я тоже когда-то начинал с верхового. Кажется, весь мир перед тобой.

Сорокаметровая заиндедевшая вышка поднималась над тайгой, словно космический корабль пришельцев.

Васька поднял голову и голова поплыла вместе с легкими облаками по зимнему небу. Там, на самой верхотуре, выше сосен и кедров раскачивалась люлька, в которой стоял Костя и приветствовал их, махая рукой.

– Дядя Ваня! А можно нам подняться наверх?

– Нет, это опасно. А ну как закружится голова – высоко падать придется.

– Не закружится, дядя Ваня, – дружно атаковали Русова ребята. – Мы люди бывалые...

– Не говори гоп, пока не перепрыгнул! – осадил Русов хвастунов. – Впрочем, ладно. Но пойдете со мной. И слушать меня беспрекословно.

– Ура! – радостно запрыгали Васька с Колькой.

И вот они уже поднимаются по крутой лестнице, и весь коллектив буровой, собравшись внизу, переживает за них, подбадривает.

Все выше и выше поднимаются ребята с Русовым.

– Теперь вниз не смотрите, – предупреждает Русов, а то испугаетесь.

Ребята присмирели, слышно только напряженное дыхание да скрип инея на обледеневшем железе. Краем глаза косит Васька на Кольку, стараясь не выдать собственного волнения, и видит, что верный друг его бледен и напряжен. А еще видит Васька, что сосны вокруг буровой опустились вниз, и что Васька с Колькой стали уже вровень с вершинами кедров, по которым скачут и щебечут веселые клесты.

Сразу захотелось обратно, на землю, поближе к жаркой Шурочкиной печке. И желание это было настолько сильным, что Васька едва-едва смог его в себе побороть.

Еще пролет, еще. Хочется непреодолимо взглянуть вниз, но страх сковывает Ваську, и он видит перед собой лишь металлические конструкции, покрытые снежной изморосью.

Наконец добрались до люльки. Сильные руки Кости приняли ребят и поставили рядом с собой.

– Ну а теперь, смотрите, да покрепче держитесь, – командовал Русов. Васька с Колькой открыли глаза.

И тут словно что-то взорвалось в них, сначала ребята попятиться было назад, но, натолкнувшись на Русова, замерли и с волнением стали осматриваться. И тотчас страх сменился радостным восторгом: такое чудесное видение открывалось с высоты.

Внизу, словно в глубоком колодце, передвигались маленькие человечки, махали им руками, что-то кричали. Куржавился дымок над кухней, трактор, размером со спичечный коробок, тяжело тащил к буровой бревно. Оплетенная трубами буровая, словно самостоятельный организм, жила напряженной жизнью...

Налетел порыв ветра, и люлька качнулась, и тотчас крепкие руки Кости и Русова прижали их к себе. Стало покойно и совсем не страшно. Уже без опаски смотрели ребята вниз и кричали приветы стоящему у вагончика деду Лукьяну и счастливой Шурочке, выскочившей из кухни поглазеть на героических ребяташек...

Конец злого Тарена

Накануне Костя подстрелил у озера несколько белых куропаток, и Шурочка решила приготовить их по всем правилам кулинарного мастерства.

Ребятишки с утра крутились на буровой, пока холод не загнал их на кухню. Шурочка усадила их за стол, налила горячего чаю, подала по краюшке сдобного хлеба, а сама накинула на плечи шубейку и сунула ноги в валенки.

– Ты куда? – насторожились ребята.

– Я пойду на болотечко, пособираю из-под снега брусники, – отвечала Шурочка. – Куропатки с брусникой – царское блюдо. Не пробовали?

– Мы с тобой! – вскочили было Колька и Васька. Но Шурочка их остановила. – Сидите, грейтесь. За печкой следите. Я скоро.

Она прихватила маленькое ведерко, открыла дверь и скрылась удивительно красивая в облаке морозного пара.

Шурочка была единственной девушкой в этом суровом мужском коллективе. Она словно нежный весенний цветок в темной, едва проснувшейся от зимней спячки тайге тихо и скромно украшала суровый мир.

Шурочка спала за занавеской. Крохотный девичий уголок ее был образцом уюта, но заглядывать туда осмеливались только самые юные.

Ее звонкий радостный голосок то и дело раздавался под таежными сводами. Люди на буровой уставали предельно, но стоило только услышать кому легкие Шурочкины шаги, ее ласковый призывный клич: «Обедать!», как тут же усталость словно испарялась и улыбки освещали лица до предела измученных геологов.

Шурочку любили все, но сама она была явно влюблена в Русова, и многие уже многозначительно поглядывали в их сторону, если начальник партии и повар Шурочка оставались один на один.

Шурочка выросла в детдоме, родители ее сгинули в пекле войны и не смогли, не успели напитать ее сердце родительской любовью. Она любила их в воспоминаниях, разговаривала с ними, заботилась, страдала о них. И в страданиях этих, в тоске по родительской ласке, воспиталась тонкая, чувствительная Шурочкина душа, готовая тотчас откликнуться на чужие страдания.

После школы она сразу же поступила в геологическую экспедицию и всем сердцем привязалась к начальнику ее Ивану Русову. И, верно, полюбила его, соединив в нем и образ загадочного принца, которого, наверное, ждет каждая девушка и образ отца, мудрого и сильного, ласкового и доброго, которого так недоставало в ее маленькой еще жизни.

И Русов почувствовал вдруг непреодолимое влечение к этой тихой голубоглазой хрупкой девчонке. Как ни пытался он убедить себя, что он для нее слишком стар – тридцать пять – это вам не баран начихал, что бродячая его профессия не располагает к созданию полноценной семьи, что его постоянные длительные походы по тайге, по болотам до сих пор не позволили развиться сколько-нибудь серьезным отношениям с женщинами, претендовавшими на брачные узы...

Все эти, казалось бы аргументированные соображения, тотчас улетучивались из сознания уже, казалось бы, набравшегося не только производственной, но и житейской мудрости начальника партии, как только встречался он взглядом с Шурочкиными небесными глазами, в которых было столько невысказанной любви, что большой и сильный человек терял под ногами землю, голова его шла кругом, и к сердцу подкатывала сладкая истома...

И только огромными усилиями воли Русов не давал воли своим чувствам, пытаясь скрыть за нарочитой суровостью и официальностью разгоравшуюся в его душе нешуточную любовь.

Но скрывай, не скрывай, а все в геологоразведочной партии видели, что между Русовым и Шурочкой начинается роман, и что, скорее всего, по возвращению из экспедиции дело закончится свадьбой.

В этот день по поднятым из глубины образцам грунта Русов с Лукьяном и Курбаном предположили, что радостное событие совсем недалеко. Это известие словно на крыльях подняло их маленький сплоченный коллектив. Люди готовы были работать вообще без сна, забывая, что на улице мороз под пятьдесят градусов.

Шурочка, казалось, радовалась больше всех. Она старалась приготовить такой обед, чтобы люди почувствовали настоящий праздник.

...Прошло с полчаса. Васька подкинул в печь дров, и вдруг что-то вонзилось в его сердце: оно затрепетало в сильном волнении.

Васька обернулся. Колька Покачев сидел мертвенно бледный у окна. В глазах его был страх.

– Бежим, Васька, скорее! Беда!

Васька не разговаривая схватил шапку и бросился к дверям, Колька успел схватить стоящую в углу бердану.

Они почти одновременно выскочили на улицу. След от Шурочкиных маленьких валенок уходил в лесную чащу.

– Шура! Шура! – закричал в отчаянии Васька, и бросился по следу. Колька бежал за ним, на ходу передергивая затвор берданы.

Метров через триста они увидели истоптанный окровавленный снег. Шурочка лежала навзничь, глядя широко открытыми неживыми глазами в небо, шапка упала с головы, в русых волосах ее застыла кровь, перемешавшаяся со снегом. Страшные когти зверя разорвали ее грудь и высыпавшаяся из ведерка брусника была неотличима на снегу от Шурочкиной горячей крови.

– Нет! – закричал в страшном отчаянии Васька. И крик его, взметнувшись над соснами, перекрыл шум буровой. От нее уже бежали взволнованные люди, прихватывая на пути, кто монтажку, кто гаечный ключ, кто тяжелый лом.

Скоро у растерзанного тела Шурочки собралась вся экспедиция. Люди были потрясены, и шокированы случившимся, и в первый момент не заметили, что Кольки среди них нет.

Первым обнаружил пропажу Лукьян. Он попытался по следам на снегу понять, что же тут произошло. Он обошел кругом место трагедии и обнаружил медвежий след, уходящий в глубину леса. А рядом с этим гигантским следом был след валенок маленького человека. Это Колька Покачев отправился с Костиной берданой убивать взбесившегося ненавистного зверя.

Русов, увидев озабоченного Лукьяна, все понял, и лицо его стало вдвое бледней.

– Спаси, парня, Лукьян, – прошептал он одними губами, – прошу тебя.

Старик немедля ушел в вагончик и вернулся оттуда с ружьем, походным мешком и охотничьими лыжами.

– Я с тобой, дед Лукьян! – выступил вперед Костюшка. – Вдвоем его легче взять.

– Нет, Костя! На зверя я пойду один, а ты помоги мне вернуть парнишку. Беги скорее за лыжами.

И Лукьян поспешно углубился в лес. Скоро молодые Костины ноги вынесли его на болото, через которое уходили следы зверя, идущего за ним мальчишки и деда Лукьяна. Костя приналег и нагнал старика у сосновой согры.

– Эх, беда! – выдохнул на ходу старик. – Погибнет мальчишка. Успеть бы.

И тут они увидели Кольку, сидящего на корточках под заиндевевшей сосной. Парнишка выбился из сил, замерз, но крепко сжимал в руках ружье. По щекам его текли слезы и тут же застывали на морозе.

– Я найду тебя, проклятый убийца, – шептали Колькины губы. – Я посчитаюсь с тобой, злой Тарен, за всех моих родных и близких...

Костя подхватил парнишку на руки. А Лукьян, почти не останавливаясь, стал быстро углубляться в лес.

Он шел широкими шагами по медвежьим следам.

Похоже, этот свирепый убийца и не думал прятаться далеко. Физическое превосходство над людьми сделало его самоуверенным: вряд ли можно было всерьез опасаться этих занятых своими делами людей, он понял, что они не соперники ему в лесу: видел он намного лучше их, видел даже в темноте, его нюх в сотни раз превосходил обоняние человека, он был в десятки раз сильнее каждого из них, и все это давало возможность уйти целым и невредимым даже от дальнобойных ружей. Медведь снова обрел уверенность в себе и почувствовал себя всесильным хозяином. И он снова, встав на дыбы, сни-

мал с сосен кору на огромной высоте, демонстрируя свою силу и мощь.

И что против него, против безжалостного лесного правителя, мог представлять этот маленький мальчишка или немощный старик Лукьян, уставший от одинокой таежной жизни...

...Охотник медленно приближался к лежке зверя, но медведь не думал тотчас же уходить, он лежал на снегу, положив голову на лапы, чутко прослушивая окружающий мир.

Ему слышно было, как гомонили люди на буровой, как хлопали двери вагончика, как кто-то колот дрова топил печь. Тонкий запах дыма достиг его лежки и у медведя непроизвольно дернулся нос. Вот кто-то вышел из вагончика и окликнул собаку, она, по всей видимости, была привязана, потому что стала прыгать и повизгивать...

А охотник все шел и шел размеренно, сокращая расстояние до лежки, и в движении его не было ни малейшего страха.

Медведь поднял голову, принюхался и вдруг потревожено начал вставать.

Он понял своим звериным чутьем: тайгой шел победитель, тайгой шла его смерть.

Медведь, озираясь, уходил в чащу. А за его спиной все так же размеренно шелестели по снегу лыжи и раздавалось размеренное дыхание человека, полностью уверенного в себе.

Медведь бросился бежать, взбивая снежные клубы и сотрясая грузным своим телом землю.

...К концу следующего дня обезумевший зверь вышел почти к самой буровой и обессиленный рухнул в снег. Лукьян был от него в нескольких сотнях метров. Он все так же размеренно и монотонно шел по следу... Через несколько минут их глаза встретились. В глазах медведя был ужас, в глазах человека – решимость.

Лукьян поднял ружье...

...Людоеда привезли к буровой на тракторных санях.

Соболько пришлось привязывать, так он неистовствовал и лаял до хрипоты.

Васька смотрел на поверженного зверя со страхом, смешанным с отвращением. В этой трагедии он всем своим детским сердцем чувствовал нечто большее, чем простая гибель дорогого человека и возмездие зверю. В ней была некая вселенская тайна противостояния зла и добра. Но тайну эту ему придется постигать всю жизнь, и вряд ли хватит ее, этой жизни, для постижения непостижимого.

В остекленевшем зверином глазу отражалась и тайга, и буровая, и люди, толпящиеся вокруг, и Колька Покачев, в печальной задумчивости разглядывавший зверя. Медленно, словно встающая заря, всплывали в его памяти события годовой давности, когда дикая злобная сила напала на их стойбище. Он вспомнил и этот звериный оскал окровавленных клыков, и полный ненависти единственный глаз зверя, и эти страшные лапы со стальными когтями, несущие смерть. Это был он, убийца Колькиного рода Щуки с Шаман-озера.

Колька закрыл голову руками и убежал прочь в вагончик, где его не тревожили до самого вечера.

Факел над тайгой

Шурочку похоронили недалеко от буровой рядом с хантыйскими могилками Колькиной семьи, поскольку своей семьи, у Шурочки, выросшей в детдоме, не было. Отправить ее на большую землю не было никакой возможности, если только вызывать авиацию. Но тогда пришлось бы раскрыть местонахождение экспедиции и поставить под угрозу все предприятие. Скорее всего, разгневанное начальство приказало бы свернуть работы и возвратиться к месту дислокации.

Геологи выпили за помин ее души спирта, погоревали, однако тяжелая работа не давала возможности расслабляться и уходить с головой в горе.

Хотя Русов от горя почернел лицом. Ему казалось, что с гибелью этой девочки, он потерял самого дорогого ему человека. Но ведь они ни разу не поговорили откровенно, не открыли друг другу своих чувств. Но и без этого любовь их оказалась настолько сильна, что захватила обоих безраздельно.

«Отныне, – думал Русов, – вся его оставшаяся жизнь будет освещена этим чистым ясным светом любви и все, чтобы он не делал, к чему ни стремился – все будет обращено к памяти этой девочки, ставшей неразделимой с его душой».

...Ждали вот-вот пойдет нефть. День и ночь не умолкала буровая. Трещали дизеля, визжала лебедка, звенели ставшие от мороза хрупкими обсадные трубы, глухо ухало в глубинах земли долото...

Мороз все жал и жал. Однажды обсадная труба сорвалась с крюка и упала на землю, рассыпавшись на куски.

– Вот, пасматрите, – заметил Курбан, – железо и то рассыпается в этих условиях, не выдерживает. А люди работают, да еще как работают. Люди много крепче железа. А спросите их, что заставляет их так работать? Деньги? Желание прославиться? Нэт!

Курбан не успел ответить на свой вопрос, как на буровой неожиданно установилась непривычная тишина. Смолкла лебедка, остановились дизели...

– Что? Что там случилось? – закричал встревоженный Курбан.

– Плохо дело, – отвечали сверху. – Прихват. Трубы в скважине зажало.

Выскочил из вагончика бледный Русов, на ходу натягивая шапку и полушубок, бросился наверх. Вслед за ним полез на высоту Курбан.

Случилось то, чего больше всего боятся буровики, когда ситуация грозит поставить крест на всей предыдущей работе. Если трубы из скважины не удастся вызволить, то

дальнейшая проходка на скважине будет невозможной. Все надо начинать снова и на новом месте.

Наверху бурильщики пытались спасти ситуацию, вытащить с помощью лебедки прихваченные на глубине породой трубы, повернуть их ротором... Но они намертво застыли и не поддавались усилиям буровиков и механизмов.

Русов мгновенно оценил обстановку.

– Попрошу всех покинуть буровую, – сказал он тоном, не терпящим возражений.

– Разрешите остаться, – выступил вперед Константин.

– Нет! – в голосе Русова зазвенел металл. – Всем покинуть буровую.

Бурильщики, понутив головы, стали спускаться.

– И Вас я тоже попрошу, – неожиданно на «Вы» обратился к Курбану Русов.

– Иван! Давай вместе! – попытался остановить его Курбан.

– Нет! Я повторяю: всем покинуть буровую.

Курбан нехотя повернул назад.

Наконец Русов остался один на один с буровой. Если сейчас ему не удастся изменить ситуацию, то экспедицию, можно считать проваленной. Зря погибла Шурочка, зря привел он в эти дикие места людей, зря потратил государственные средства. Неудача экспедиции даст козыри оппонентам, утверждающим бесперспективность Западной Сибири как нефтеносного края, и разведка этих мест не коснется еще много лет...

Надо рисковать. Или грудь в крестах, или голова в кустах...

Руки легли на рычаги, взревели дизели, завизжала лебедка, натянулись до предела тросы и сама вышка, кажется, сыпля снежной изморосью, прогнулась под непомерной тяжестью, грозя обрушить всю конструкцию.

Вздулись у Русова от напряжения жилы на лбу. Еще немного, еще чуть-чуть...

Но стоит колонна, намертво зажата в скважине. Стоит не шелохнувшись.

И снова руки на рычагах, снова ревут дизели на запретельной мощности, снова прогибается вышка, звенят, готовые лопнуть стальные тросы.

Замерли геологи и буровики в тоскливом ожидании, не имеющие возможности чем-либо помочь командиру.

И снова ревут дизели, гремит лебедка, звенят тросы.

И вдруг заледенелую тайгу сотрясает мощное «ура!».

Колонна шевельнулась и пошла наверх...

– Ура! – громче всех кричал Курбан. – Ты победил, Иван! Теперь все будет хорошо.

...Наконец морозы отступили, смягчились. Осел снег вокруг буровой, птицы оживились, залетали весело меж сосен и кедров, оглашая тайгу веселым свистом. Звуки стали мягче, приглушеннее. И даже буровая рычала, трещала и звенела, как-то мягче и ласковее...

Веками настаивалась тишина в этих краях. Громче птичьего крика, да звериного рычания ничего не слышала тайга. И вот пришли сюда люди, разбудили ее, растормошили, огласили шумом моторов, песнями, победными криками, омыли слезами неизбывной горечи и несказанной радости...

Двадцать дней спустя после начала буровых работ скважина ожила. Из потревоженных глубин вырвалось наружу спрятанное до поры до времени настоящее солнце. Но вместо ожидаемой нефти, охнув богатырски, выбросил Шаман к небу тугую струю газа, озарившего яркой вспышкой сумеречную тайгу на десятки километров. И загудела, зарокотала скважина, оповещая о наступлении нового времени в вековечной таежной Сибири. И увидели это новое солнце, вырвавшееся из глубин земли, и в хантыйских стойбищах, и в рыбацких селениях на Оби, и в спрятавшемся от людских глаз староверческом селении Белый Уймон...

Все бросились к вышке, восторженно крича и бросая в воздух шапки. Русова подхватили, начали качать. Потом качали Курбана, деда Лукьяна, Костю Пирогова... Ваську Юралова и Кольку Покачева.

Вечером заседал в вагончике высший совет.

– Я думаю, – говорил Иван Русов, – мы вскрыли только верхний газовый пласт месторождения. Все говорит за то, что под ним находится нефть. Здесь что-то вроде слоеного пирога с начинкой. И эта нефть будет найдена и поставлена на службу людям. Правильно я говорю?!

Возражений не последовало.

На следующий день в штабном вагончике оживили вышедшую было из строя рацию. Запела веселым дискантом морзянка, пронзая заснеженные пустынные пространства. Пропавшая в тайге экспедиция Русова вышла на связь с миром.

– При испытаниях разведочной скважины на озере Шаман открыто газоносное месторождение. Начальник экспедиции Русов.

Ответ пришел только часа через два. Запрашивали координаты. А далее рация почти не умолкала.

Задвижку на трубе закрыли, потушив факел, начали готовить площадку на озере для посадки самолета. И среди общего ликования только дед Лукьян ходил задумчиво сосредоточен.

– Переживает дед, – сказал ребятам Костя. – Прикипел он к вам, жалко расставаться. Заберут вас отсюда.

– Как заберут? – встревожились ребята.

– А вы что думали? – нарочито рассердился Костя. – А кто за вас учиться будет? Неучи-то кому нужны? Тут, братцы мои, скоро такие дела закрутятся, что без образования никуда. Я и то, вот, в нефтяной институт собираюсь на заочный. Буду Курбана догонять. Вы себе тоже подходящую специальность выбирайте. Будем все вместе нашу тайгу будить.

Против Костиных аргументов трудно было что-либо возразить. Да и сами ребята понимали, что настала пора возвращаться в мир и готовить себя к новой, большой жизни.

У Васьки Юралова сладко защемило в груди, когда подумал он о детдоме, о девочке Ларисе, о Викторе Акимовиче. Он вспомнил своих недругов, Леньку и Андрюху, но

пережитое им поражение уже не казалось катастрофой. Васька понял, что он уже стал другим, более сильным и уверенным в себе, но не столько физически, сколько духовно. Потому побеждает, как понял Васька, не сила побеждает, а дух.

И Колька Покачев уже по-другому воспринимал этот мир, открывший для него свои горизонты. В мечтах он уже грезил о большем, нежели жить в чуме на берегу родового озера. Ему страстно захотелось изменить жизнь своего народа к лучшему: дать ему настоящие жилища, школы, библиотеки...

Ребята, не сговариваясь, бросились искать деда Лукьяна.

Тот сидел на ступеньках вагончика, вслушиваясь в шум таежной буровой, думая о чем-то своем.

У Васьки сжалось от жалости к деду сердце. Он обнял его, прижавшись щекой к мягкой седой бороде и сказал, как выдохнул:

– Уж если нам в тайге нельзя оставаться, так поедем, дед, с нами. Будем вместе жить. А-а?

– Поедем, дедушка? – подхватил Колька, прижимаясь к Лукьяну с другого боку.

У Лукьяна блеснула на щеке слеза.

– Нет, ребяташки, нельзя мне с вами. А уже отвык от мира-то. Отвык, не прижиться, пожалуй, мне. А вот вам ехать надо. Трудно будет, но трудности надо преодолевать, бороться надо. Причем, вот что я скажу, слушайте внимательно. Мне для этого жизнь пришлось прожить, прежде чем понять эту истину.

Ребята замерли, готовые выслушать Лукьянову мудрость. Дед перевел дыхание и поднял кверху корявый палец:

– Никогда не боритесь «против», а всегда боритесь «за»! Понятно?

– Как так? – удивился Васька. – Если встретишь подлеца, то и бороться против него нельзя?

– Когда ты против него борешься, то получается, что ты свои силы на него тратишь, его своими силами поддер-

живаешь. А вот когда ты борешься «за», тогда все по иному складывается. Не надо бороться против, скажем, капитализма, а надо бороться за то, чтобы наша жизнь была лучше, чем там на западе, и тогда мы победим. Не надо бороться против грязи, надо бороться за чистоту... Вот такой вам мой наказ.

И еще. Вы подрастаете, скоро станете непростыми людьми, а начальственными. Я хочу вам напомнить наставления великого духовного подвижника на Руси святого отца Тихона: «Высокое древо всякому ветру открыто, и когда падает, малые деревья, вокруг себя стоящие, сокрушает. Когда зовут на честь и начальство, рассчитывай на силы свои: не всякую тяжесть может человек поднять, не каждый и в чести, и в начальстве может быть. Надо, прежде всего, научиться собой владеть и управлять. Без разума начальник будет, как слепой, блуждать, без доброй совести будет разорять, а не строить общество...». Запомните, дети мои, эти мудрые слова на всю жизнь.

Дед улыбнулся и прижал ребятишек к себе.

– Все будет хорошо. Скоро вы с большой радостью встретитесь. В первую очередь ты, Васютка, да я, думаю, и ты, Колюха...

Ребята насторожились в радостном ожидании.

– Что за радость, скажи, дед? – пристал Васька.

– Потерпите малость, сами увидите, – ушел от ответа дед Лукьян.

Томимые догадками ребята побежали на озеро, где геологи уже зажигали костры, обозначившие площадку для посадки самолета.

Прислушались. Где-то далеко в небе чуть слышен был отдаленный неясный гул. Но с каждой минутой гул этот нарастал, становился отчетливее, явственнее. Костры на озере уже полыхали вовсю, люди стояли, задрав головы, выглядывая в небе черную точку самолета.

Но он появился неожиданно из-за вершин кедров, выплеснув на озерное пространство жаркий грохот мотора и снежную круговерть. Сделав круг над озером, «Аннушка»

плюхнулась на лед и побежала, подруливая к стоящим по обочь площадки, людям.

Волнение достигло предела. Тут распахнулась дверь и в темном проеме появилось веселое бородатое лицо летчика. Он поставил на лед лестницу, спрыгнул на площадку и повернулся к самолету, протягивая руки. По лестнице первой спускалась женщина. Хрупкая, красивая женщина в приталенном пальто, пуховом платке и серых ладных валеночках. Она вступила на землю и взволнованно огляделась. Сердце у Васьки Юралова забилося сильно-сильно. Это была его мама. И он бросился бежать к ней со всех ног.

Встреча на перроне

Легкий морозец бодрит и румянит щеки. Пахнет луговым сеном и антоновскими яблоками, скрипит под полозьями снег, и позванивает сбруя на Воронухе. Васька Юралов, счастливый и взволнованный, вместе с неразлучным другом Колькой Покачевым и мамой Надеждой Петровной Юраловой едут в Погореловский детский дом.

После счастливой встречи на буровой у Шамана прошло полтора месяца. Они вернулись в родное село, и Васькина мама снова стала работать в детском саду, а Васька, как прежде, ходил в школу, пилил и колол дрова, топил печи, ухаживал за домашним скотом, сам мыл посуду и даже, когда у мамы случались неотложные дела, готовил обеды. Но теперь он был не один, рядом с ним всегда был его неразлучный друг Колька Покачев.

Однако на сердце у Васьки Юралова было не ладно, он всей душой рвался в оставленный детский дом к Виктору Акимовичу и, прежде всего, к голубоглазой девочке Ларисе.

Сам он стеснялся сказать об этом матери и попросил Кольку Покачева договориться с мамой о поездке в По-

горелово. Но Надежда Петровна и сама видела страдания своего сына и догадывалась, какая драма терзает его сердце.

В зимние каникулы они втроем отправились в Погорелово, до которого было всего километров около тридцати. Надежда Петровна попросила в хозяйстве лошадь, собрала нехитрые подарки для детишек, причем председатель колхоза передал от правления и колхозников мешок белой муки и большую коробку из колхозного сада антоновских яблок, переложенных сеном.

Яблоки положили на дно кошевки, укрыли сверху тулупом, сеном, чтобы их не прихватило морозом. Васька с Колькой еще навалились сверху для тепла. Но и под таким прикрытием колхозный подарок источал такой манящий и дразнящий запах, что ребята всерьез начали опасаться, что у них не хватит воли не забраться в коробку и не отведать антоновки.

Ехали вдоль Иртыша с песнями. Уставали петь – бежали рядом с лошадей, согреваясь и разминая ноги.

Около обеда показались знакомые бескрестовые купола храма, приютившего под сводами своими детский дом. Вот и знакомая излучина Иртыша с высоким берегом, поросшим ивняком, где была выкопана их с Колькой укромная землянка. Вон виден хозяйственный двор с дымами над крышей, а вот и ребятишки, катающиеся на санях с горы с веселыми криками.

Ваське с Колькой захотелось вдруг сорваться с саней и броситься на перегонки с этой веселой толпой ребятишек, закружиться в веселом вихре детских забав, но они сдерживали свою радость, прятали ее в своих сердцах.

Надежда Петровна, словно догадавшись о переживании ребят, решительно направила лошадь к воротам церковной ограды. Вышел на крыльцо детдома сторож Петрович с неизменной козьей ножкой в зубах, и, прислонив руку ко лбу, стал выглядывать приезжающих.

Сердце у Васьки гулко забилося.

– Петрович! Это я, Васька Юралов! – крикнул он, выскакивая из саней. – Помнишь, ты мне еще про китайскую грамоту рассказывал. А-а?

– Васька? Юралов? – радостно всплеснул Петрович руками. – Ох, ты мне, прощающая твоя душонка! Да и Колька Покачев тут! Прибыли, значит, беглецы. Живы, здоровы!

Он обернулся в сторону дверей и крикнул, что было сил:

– Виктор Акимыч! Радость-то какая! Спускайтесь скорей! Пропажа нашлась. Васька и Колькой объявились.

А по лестнице уже спускался, прихрамывая, сияя радостно, такой родной и близкий их Виктор Акимович! Он схватил обеих ребятшек в охапку и, крепко прижимая к себе, стиснул, не говоря при этом ни слова. От директора пахло табаком и одеколоном, чернилами и книжками... Ребята притихли на его теплой широкой груди.

А Надежда Петровна стояла молча у саней, и на глазах ее блестели слезы.

– Приехали в гости, путешественники? – ласково проговорил Виктор Акимович. – А мы вас давно уже поджидаем.

– Вы простите нас, Виктор Акимович! – проговорил Васька, потупив голову. – За побег. За все переживания, которые мы доставили вам.

– Простите нас, – вторил ему Колька.

– Ну на первый раз так и быть, прощаю, – рассмеялся Виктор Акимович. – Как вас ругать, если, говорят, вы еще и нефть в тайге нашли...

– Нашли, нашли, – наперебой закричали ребята. – Это было здорово! Она как ударит, а как газ вспыхнет... Зарево на всю тайгу.

– Хорошо! Вечером расскажете всему детскому дому о ваших приключениях.

Он отпустил ребят и шагнул навстречу Васькиной маме.

– Здравствуйте, Надежда Петровна! Пойдемте-ка, в тепло, за чай! Надеюсь, что и Новый Год встретим все вместе.

– Сначала наши подарки примите! – отвечала весело Надежда Петровна.

Достали из кошевки коробку с антоновкой, тотчас заполнившей своим знойным запахом все пространство, Петрович потащил в сени мешок с мукой.

– Вот это подарок! – радовался, как ребенок, Виктор Акимович. – Теперь у наших ребятишек настоящий праздник. С яблоками, белыми пирогами!

Васька же во все глаза в волнении смотрел на берег, где каталась с обрыва детвора. Он всем сердцем стремился увидеть сейчас Лару, увидеть и не заробеть. Потому что, еще не видя ее, при одной мысли о ней Васька приходил в такое смущение, что руки и ноги его становились деревянными и голос пресекался. Он собирал всю свою волю, ожидая этой встречи.

Ребята, катавшиеся с обрыва, уже заметили гостей, разгружавших сани возле их дома, и, оставив катание, побежали, гонимые любопытством, разузнать, кто это пожаловал к ним накануне новогоднего вечера.

Первая волна детдомовцев захлестнула Ваську с Колькой с головой. Их тискали, обнимали, кричали радостно. А с берега все подбегали и подбегали ребятишки, искренне радуясь встрече с друзьями.

Васька увидел, как вперевалку подошел к толпе Андрюха Чекан, раздвинул обступивших его ребятишек и дружелюбно сунул Ваське жесткую ладонь.

– Ну здорово, что ли! Кто старое помянет, тому глаз вон! Лады?

Васька улыбнулся в ответ и сжал Андрюхину руку. Он заметил неожиданно, что за время своих странствий по тайге и отсутствия в детском доме, то ли Андрюха стал меньше ростом, то ли он, Васька, сильно вырос и окреп.

Обида прошлого ушла, казалось, безвозвратно.

Краем глаза увидел Васька и Леньку Кропачева. Тот стоял в стороне, воровато втянув голову в плечи. А когда глаза их встретились, повернулся резко и ушел за дом.

Но как ни выглядывал Васька голубоглазую Лару, так и не обнаружил ее в веселой толпе детдомовских ребяти-

шек. И сердце его все более стало наполняться тревогою и тоской.

– Колька, – попросил он Покачева, – спроси у Виктора Акимовича про Лару.

Колька сорвался с места и побежал по лестнице на второй этаж в кабинет директора. Его не было, всего несколько минут, которые Ваське показались вечностью.

Но вот Колька появился на лестнице, лицо его было растерянно, он махнул Ваське призывно рукой.

Они вместе вошли в кабинет Виктора Акимовича, где он с Надеждой Петровной разбирал из коробки яблоки.

– Где она? – не сдерживая волнения, с болью в голосе спросил Васька.

Виктор Акимович удрученно положил яблоки на стол и глянул Ваське в глаза.

– Это жизнь, Вася! Ларису Жаркову час назад увезла на станцию ее тетя. Она оформила опеку и забрала девочку. Теперь Лариса будет жить у тетки далеко отсюда в Краснодарском крае.

Васька стоял, как громом пораженный. Из глаз его покатались крупные соленые слезы и застили мир. Отчаяние охватило его.

И тут Васькина мама выступила вперед.

– Мы успеем, Вася, не горюй! – решительно сказала она. – Сколько до станции? Десять? Успеем.

Они почти кубарем скатились с лестницы, прыгнули в сани:

– А ну, Воронуха, выручай! – Надежда Петровна взмахнула вожжами над головой.

И Воронуха, словно поняв всю ответственность момента, почти с места пустилась вскачь.

Они летели, взрывая облака снежной пыли, к станции вдоль заснеженного Иртыша, мимо вытащенных на зиму бакенов, мимо рыбацкого становища, пронеслись заснеженной деревней, мирно курившей свои трубы, сосновым гулким бором...

– Скорее, Воронуха, скорее милая! – молил Васька.

И Воронуха упруго натягивала постромки.

Они вылетели из леса, и станция оказалась, как на ладони.

Около водокачки стоял черный паровоз с большими красными колесами и пускал струи белого пара. За ним, словно в очередь на водопой, выстроилась вереница зеленых вагонов. В каком-то из них находилась Лара, ожидая отправления.

Васька встал в кошевке, перехватил у матери вожжи и присвистнул. Воронуха подхватила галопом и вынесла сани почти на самый перрон.

Васька и Колька бросились вдоль вагонов, заглядывая в окна. Ларисы не было видно. Дежурный уже вышел на перрон и ударил в колокол к отправлению. И тут Васька увидел ее. Она сидела у окна, и прекрасные голубые глаза были полны печали.

– Лариса! – закричал во все горло Васька. – Я нашел тебя! Лариса!

Поезд дернулся, и лязг буферов заглушил Васькины крики. Но Лариса услышала, встрепелулась, повернула голову и увидела за окном Ваську Юралова, размахивающего шапкой. И тотчас лицо ее озарилось радостной улыбкой и особым счастливым светом. Им не нужно было слов. Все сказали сами за себя глаза. И тут Лариса открыла маленькую сумочку, достала свернутый листок бумаги, что-то быстро написала на нем и приложила к стеклу.

Это было Васькино письмо, отравленное летом в бутылке по Оби:

«Я люблю тебя, Лариса!» – узнал Васька свой почерк.

А рядом были только что написанные Ларисой слова: «И я тебя тоже!».

Поезд уже шел, все быстрее и быстрее набирая ход. Васька сначала шагал рядом, потом бежал рысью, потом мчался рядом с ним, не в силах оторвать глаз от счастливого лица девочки...

Выбор дороги

– После уроков – все на реку! Будем костер палить! – радостно крикнул Василий, размахивая высоко над головой, заметно полегчавшим к концу школы, портфелем.

– Ура-а! – восторженно подхватили одноклассники. – Даешь костер!

Вот и позади чудесные школьные годы. Впереди экзамены и выбор жизненного пути.

Веселой гурьбой устремились ребята и девчонки на высокий берег реки. Василий шел первым. Высокий, с крутым разворотом плеч.

– Ну, Васька, ты у меня, как на дрожжах, прешь! – удивлялась мать, глядя на сына, день ото дня набиравшего богатырскую статью. И то верно, природа скроила Ваську Юралова, как на спецзаказ, не поскупившись на материал.

Росту – под два метра, сила – не меряна да и умом, похоже, не обижен – в аттестате троек не ожидается. Мог бы, вот и с золотой медалью закончить школу, да вот характер непоседливый, горячий достался, да и нелегко им приходилось, когда у Надежды Петровны нашлись сразу два сына: Васька Юралов и Колька Покачев, если на двоих одна мать – Надежда Петровна Юралова с зарплатой заведующей садика, так и не решившаяся на второе замужество, хотя претендентов было немало. В том числе и Виктор Акимович, директор детского дома, похоже любивший Надежду Петровну всем своим сердцем.

Они ютились втроем в барачной комнатухе, но жили счастливо, потому что были вместе, вместе садили огород и растили картошку, ловили на реке топляки, чтобы обогре-

вать зимами свое жилище, корпели вечерами под керосиновой лампой над тетрадами и книжками...

Но государство уже подставляло детям войны свое надежное плечо, мостило новому поколению твердую дорогу в будущее.

Они готовились с Колькой к серьезной жизни, мечтая уже не найти, а самим создать, построить, выпестовать свою Страну Добра, Истины и Справедливости, свое Беловодье, где каждый будет счастлив и любим.

– Ты, Василий, не переживай, что без медали-то, – сочувствовал ему школьный завхоз Петрович, давно уже отосившийся к Юралову с большим уважением.

Петровичу нравилась в этом пареньке какая-то особая крестьянская основательность, проявлявшаяся во всем: и когда ребятишки работали на пришкольном участке, раздвигали дрова или убирали снег:

– Для медали-то, Василий, скорее нужна выдающаяся задница, а не голова. Так-то!

Но Ваську наличие четверок в аттестате не огорчало. Впереди была большая, настоящая, взрослая жизнь, множество дорог, по которым он мог пойти, и от этого порой захватывало дух, и кружилась голова. Хотелось увидеть мир во всем его многообразии, мечталось о морских путешествиях на капитанском мостике большого корабля, о военной службе опять же на флоте или в авиации и, в то же время, тянуло Василия к земле, к крестьянскому труду. Особый восторг испытывал он, когда видел, как на глазах поднимались и зрели тучные нивы, схожие с безбрежными морями.

И все эти дороги были открыты для него. Только выбирай, не теряйся... А вот для Кольки Покачева таких проблем не стояло. Он еще год назад твердо определился: поедет в Ленинград в Университет народов Севера, чтобы вернуться в родные края человеком образованным, способным изменить жизнь своего народа к лучшему. Но Кольке нужно было еще год учиться в школе.

...Река открывалась сразу за поселком во всей своей величественной красе. Весеннее половодье уже отступа-

до, река входила свои берега, обнажая пойму, которая зацветала желтым кипением купав. Успокоенное течение медленно, но мощно уносило за излучину собранные малыми реками и ручьями с огромных пространств вешние воды.

Опустились ребята на прогретый солнцем берег и невольно замолкли, очарованные и завороженные неслышным движением великой реки. Она, как само время, невидимое и неслышимое, властно влекла за собой, устремляясь в неведомое, но без сомнения, счастливое будущее.

Из-за поворота, натужно дымя белой трубой, показался большой колесный пароход «Ермак Тимофеевич». Плицы его загребали речную воду, свивая ее за бортом воронками, солнце радужно сверкало в россыпи брызг, играл на палубе патефон, и две девчонки в легких платьицах кружились по палубе в вальсе. Вдоль бортов стояли пассажиры и махали приветственно ребятам руками.

Дружным «ура!» ответил пароходу берег, юные выпускники, полные неизъяснимого восторга, прыгали, махали призывно руками, звали пароход к себе, словно это было само будущее, проплывающее торжественно и неспешно мимо.

И тут, словно повинувшись этому призыву, пароход развернулся и пошел к берегу.

И снова ликующее «ура!» огласило Иртыш.

Пароход направлялся к располагавшемуся чуть ниже топливному складу, представлявшему из себя поленницы швырка — полутораметровых дров для топки пароходных котлов. С борта бросили трап, по которому словно муравьи потянулись цепочкой матросы и пассажиры. Тотчас закипела дружная работа. Дрова быстро исчезали в большом корабельном брюхе, где сыто вздыхала паровая машина.

И уже в который раз подумал Васька, что, наверное, нет ничего лучше, чем быть капитаном на большом корабле и так вот плыть и плыть, открывая неизвестные дали.

— Давайте, поможем речникам! — предложил он товарищам. — А девчонки пусть отдыхают пока.

Никого уговаривать не пришлось. Школьная команда тут же вписалась в общий рабочий ритм.

– Спасибо, товарищи-школьники, за помощь! – раздался с мостика голос капитана, усиленный рупором. – Только мы в состоянии справиться и сами. Стоит ли вам пачкаться?

– Стоит! – дружно раздалось в ответ.

– Тогда мы приглашаем на борт ваших девушек. Пусть слушают музыку и танцуют, пока мужчины работают.

Рубашки и майки – долой, работа до седьмого пота, – только пошевеливайся. Но общее дело так увлекает, так захватывает, что все трудности и тяготы кажутся пустяковыми.

Спустя час дровяные трюмы были заполнены.

Матросы, пассажиры и мальчишки умывались радостно ласковой водой.

– Ну вот, дружно не грузно, а врозь – хоть брось, – подвел итог капитан, седовласый речной волк. – Теперь километров на двести хватит. А там дозаправимся. Спасибо, друзья, помогли. Сейчас мы вас угостим флотским компотом.

Тотчас матросы притащили на палубу большой алюминиевый бак с черпаком, несколько кружек, и целый поднос нарезанного большими ломтями белого хлеба.

Как здорово это было – есть после работы мягкий, ароматный хлеб, запивая флотским компотом на свежем речном воздухе под вздохи старенького патефона:

*«Ночью за окном метель метет,
Белый беспокойный снег...
Ты живешь за тридевять земель,
И не вспоминаешь обо мне...»*

А потом счастливые девчонки кружились в вальсе по палубе, приглашая ребят.

Василий же и еще несколько ребят поднялись с капитаном в рубку, где им дозволено было покрутить штурвальное колесо, оглядеть в бинокль берега.

– А как далеко вы поплывете? – спросил он заинтересованно капитана. – Не на Кондас случайно?

– Нет, дорогой друг, мы идем так далеко, что в пути пройдет практически все лето. Почти до самого Ледовитого океана идем. Везем геологов, буровиков. За нами идут еще несколько пароходов с продуктами, оборудованием... Большие дела начинаются на севере Сибири. Говорят, что там, под болотами и снегами, под вечной мерзлотой лежат огромные богатства: нефть, газ...

– Это мы знаем! – отвечал Васька, загораясь.

– Представляете, какая жизнь скоро начнется на этих берегах?

Глаза у капитана светились.

– Еще немного времени, и уже не на дровах поплывут по рекам корабли, а на мазуте, на дизельном топливе. Появятся скоростные катера, суда на воздушной подушке...

– Как это на подушке? – изумился кто-то из мальчишек.

– А так, что мощный двигатель станет нагнетать под днище сжатый воздух и такому кораблю речная волна будет не обязательна, он сможет с таким же успехом передвигаться и по полю, и по снегу, и по льду, и по дороге.

– Здорово! – восторженно выдохнул Василий, представляя себя за штурвалом такого корабля, несущегося, не разбирая дорог, по просторам Сибири.

– Еще как здорово! – подхватил капитан. – Как живут сейчас люди на Крайнем Севере, оторванные от мира. Все лето ждут они пароходного гудка, потому что это единственный транспорт, который сможет добраться до них. И то раз в год! Более радостного праздника, чем встреча парохода, я не видывал. Как ликует народ, завидев появившееся из-за речной излучины судно!

Ребята слушали капитана, раскрыв рты.

– Жаль только вот, что мне уже не доведется поработать на таких судах. Наверное, меня вместе с «Ермаком» спишут на пенсию. Так что на вас вся надежда! – заключил свою речь капитан, по-отцовски похлопав по плечу Василия.

С парохода Василий вышел с уже, казалось бы, определившимся решением: он идет учиться в институт водного транспорта!

Но судьба распорядилась иначе. Василий Юралов спустя год с небольшим оказался в целинных степях. Впрочем, причем здесь судьба? Это тоже был осознанный, добровольный выбор – Кулундинская степь...

...Поезд летел по сибирским просторам без остановок. Целый день грохот колес на стыках перекликался с задорными песнями, которые пели будущие целинники, едущие по призыву комсомола и партии поднимать залежные земли в Кулундинской дикой степи.

Партия обратилась к молодежи с призывом помочь стране, задыхающейся от нехватки зерна. Недостающий хлеб Советский Союз вынужден был закупать за границей у своих недоброжелателей и попадать тем самым в экономическую зависимость. А между тем в стране пропадали без дела миллионы гектаров неосвоенных залежных и целинных земель, накопивших за тысячелетия огромный слой плодородного чернозема, которые в достатке могли обеспечить потребности страны в хлебе и зерне.

Казахстанские, Алтайские, Краснодарские, Ставропольские, Сибирские степи ждали своих героев... В кратчайшие сроки требовалось не только перепахать целину и посеять хлеб, но построить тысячи поселков с развитой инфраструктурой, создать производственные базы, скотные дворы, элеваторы, протянуть линии электропередач...

Эту гигантскую работу вряд ли можно было исполнить, не призвав на помощь энтузиазм и молодой задор нового советского поколения, только вступающего в жизнь.

...Рыжеволосый веснушчатый паренек с гармошкой, в который раз за день начинал ставшую в последние дни чрезвычайно популярной песню целинников:

*«Ой, ты, зима морозная.
Ноченька, яснозвездная...»*

*Скоро ли я увижу
Свою любимую в степном краю...».*

– Слышь, Золотой, остепенись. Уж десятый раз на дню начинаешь ее. Песня хорошая, да надоест ведь. И любимая сбежит от тебя, ей Богу!

– Не могу я, Федя, остановиться, – отвечал веснушчатый. – Ведь про нас сложена, про нас. Про тебя когда-нибудь еще песни сочиняли?

И парнишка вновь разводил меха гармони:

*«Горы и долины, реки и просторы,
В серебро одетый зимний лес стоит...».*

И купе, а вслед за ним и весь вагон, и даже степенный Федя, дружно подхватывали:

*«Едут новоселы по земле целинной,
Песня удалая далеко летит...»*

Вместе со всеми пел и Василий Юралов. Голоса молодых целинников сливались в единое, стройное звучание, отчего сердце наполнилось веселой радостью, и в душе поднималось желание, если потребуется, потеснить эти самые горы и повернуть реки вспять.

...Они, пассажиры веселого поезда, познакомились только сегодня утром.

– На целину едешь? – паренек с гармошкой, едва только Василий сбросил на верхнюю полку свой рюкзак, дернул его за полу. – Подкатывай к нам! Завтракать будем.

На столике была нехитрая снедь. Хлеб, вареные яйца, чай...

Василий оглядел трапезу и потащил обратно рюкзак, в котором сверху положены были еще не успевшие остыть мамины подорожники.

– О-о! Домашняя выпечка! – восторженно загудели молодые пассажиры. – Давненько мы уже едем, от домашней пицци отвыкли.

Прибежали из соседних купе и пирожки разлетелись в миг.

– Юрка Синицын! – представился рыжий парнишка. Партийный псевдоним – Золотой. Это из-за волос. А это Федя Дубовченко. Специалист – золотые руки. Токарь-универсал. Слесарь, столяр... С завода едва ли не попластунски уходили. Директор не отпускал.

– Откуда вы? – спросил Василий.

– Вятские – ребята хватские, – откликнулся неспешный Федя.

– Двадцать на двадцать, так будем драться, а как двадцать один, так и котомки отдадим, – продолжил скороговоркой Юрка.

– Ну это для красного словца сказано, – поправил его Федя. – Вятских только тронь, спуску не дадут...

– Да ведь не драться и едем. Целину поднимать...

– А я вот из института ушел, – поделился Юралов, – радио, газеты, только об одном сейчас и пишут о подъеме целинных земель. Молодежь со всей страны слетается, как тут усидишь в теплой аудитории. Думаю, успею еще выучиться. Вся жизнь впереди.

Написал в комсомол заявление: «Хочу быть в первых рядах молодых целинников...». Пришел в райком, а там очередь! А учиться никогда не поздно.

– Отлично! Вместе теперь будем.

И новые знакомцы, объединенные единой большой задачей, горячо пожали друг другу руки.

За окном проплывала заснеженная сибирская тайга. И казалось Василию, что сосны и ели машут им вслед мохнатыми лапами. Вспомнилась мама.

Она огорчилась, когда Василий объявил ей о своем решении поехать на целину.

– А как же учеба, Вася? Ведь, прежде всего, учеба! Стране нужны в первую очередь грамотные, высококвалифицированные специалисты...

– Я успею выучиться, мама. У меня вся жизнь еще впереди. Но если такое великое дело пройдет без меня, если

в этом освоении не будет моих трудов, — убеждал он мать, — я потом буду самым несчастным человеком. Я хочу быть там, где трудно.

Мать только вздохнула:

— Непоседа ты мой, непоседа! — она прижала голову сына к груди и ласково погладила.

— Я бы тоже поехал поднимать целину, да только школьников туда не берут. Жди меня, Васька, через год я приеду тебе на подмогу, — поддержал друга Колька Покачев.

И вот Василий Юралов в поезде, несущем к новой жизни и новым испытаниям первый отряд целинников. Едет вместе с новыми друзьями, собравшимися со всей страны. В соседнем купе — москвичи, есть в поезде белорусский, украинский, прибалтийский отряды...

...Кулунда встретила неласково. Заснеженные просторы на десятки и сотни километров. Метели и трескучие морозы. Палаточный городок в степи, пища на костре. Но предаваться унынию было некогда. В степь шли потоком материалы, техника. Застучали топоры, зазвенели пилы, загудели трактора и машины. Промороженная степь оживала на глазах.

В штабной палатке, где располагалась контора будущего совхоза, висел под сводом фонарь «летучая мышь», неверным светом освещая палаточное пространство, топились углем чугунная печка, на которой фыркал кипятком закопченный чайник.

Директор совхоза, энергичный мужчина лет тридцати пяти, направленный партией из теплого московского кабинета зернового главка в эту промороженную сибирскую степь, сидел в полушубке, сапогах-бурках из белого фетра за столом, собранном из ящиков, и распределял прибывающее пополнение.

— Какая специальность? — спросил он Василия, оглядывая его крупную фигуру.

— Пока никакой. Закончил курс института.

— Не беда, научим. Здесь всем придется учиться на ходу. Дело-то новое, Целина. Давай-ка, брат, в трактористы.

Юралова, после короткого обучения, посадили на гусеничный трактор. Мощная машина, послушная рычагам, покорила сердце молодого целинника. С раннего утра колонна тракторов отправлялась за полусотню верст на железнодорожную станцию под погрузку, возвращаясь в палаточный городок только к ночи.

Сквозь снег и мрак сибирской необжитой степи, где даже волки не решались зимовать, пробиралась колонна тракторов, выхватывая из темноты лишь узкую полосу света. Железная кабина не спасала от холода, мороз доставал даже через овчинный полушубок и валенки. Трактористы для обогрева брали с собой в дорогу примусы, керосинки...

А если еще приходилось ремонтироваться в пути, то тут романтика уступала место железной воле и упорству. Но уехали по домам, не выдержав испытаний, немногие.

А весна была уже не за горами. И вот пришла она, неожиданно быстро растопив глубокие снега, обнажив землю, которая должна была на этот раз поднять к солнцу не побеги ковыльных трав, а хлеба.

И опять было не до сна. Пахали, сеяли, боронили, прямо в кабине ухватив сна час, другой. Взрытая плугами земля была живой, она дышала, парила невероятно волнующими запахами, рождая в душе еще неясные, смутные, но такие знакомые, древние чувства, какие на протяжении тысячелетий рождала она у наших предков-земледельцев...

Василий за эти месяцы повзрослел, кажется, на годы. И уже не восторженный блеск был в его глазах, а спокойная уверенность и основательность. На пахоте он не уступил даже опытным трактористам, и на его тракторе весело трепыхал красный флажок передовика.

Очертания будущего поселка целинников день ото дня становились все яснее. Из палаток давно уже перебрались в новенькое общежитие, появились первые жилые дома, столовая, совхозная контора, клуб, в котором по вечерам весело дробили каблуки.

Весной, как только появились более-менее приемлемые условия, в Кулундинской степи появились девчонки. Их везли со станции на открытой машине, слух об этом тотчас наполнил степь. Ребята, оставив работу, столпились у совхозной конторы, послали за Юркой Синициным. Он скоро появился при гармонии, в начищенных сапогах, с зачесанным лихо на бок золотистым чубом.

— А ну, Золотой, давай нашу, целиннику!

Как только машина с целинницами затормозила у конторы, грянуло дружное «ура!».

И тут же Юрка растянул меха:

«Здравствуй, земля целинная!

Весну и молодость встречай свою».

С приездом девчонок жизнь в целинном поселке повеселела и обрела свой извечный смысл.

По вечерам в клубе, пока еще при керосиновых лампах, пели и танцевали под гармошку и баян, и при первых звуках музыки у целинников любую усталость, снимало, как рукой.

А что же наш друг Василий Юралов? Или его не влекло к девчонкам, не тянуло в плясовой круг? Или обошла его стороной природа, не осенив щедро весенним солнцем, что родит в сердцах человеческих жаркую до истомы потребность любви?

Нет, наш Василий Юралов был таким же, как и все, человеком из плоти и крови, и в нем тоже горел огонь любви. Но любовь эта имела конкретный адресат, хотя самого адреса Ларисы Жарковой Василий до сих пор найти не мог. Сразу же после той встречи Василий написал одно за другим несколько писем Ларисе в Краснодарский край, но почему-то письма не находили адресата. Из того адреса, который был оставлен теткой Ларисы в детдоме письма возвращались обратно с казенной пометкой «Адресат выбыл». Василий с Надеждой Петровной отправляли многократные запросы в адресный стол, пытаясь все-таки отыскать Ларису, но все попытки оказались безуспешны.

Лариса словно канула в воду. Юралов решил, что как только он самостоятельно встанет на ноги, отправится сам на поиски Ларисы в этот Краснодарский край.

На Василия давно уже заглядывались девушки, среди которых были и признанные красавицы, внимания которых желали бы самые искушенные сердцееды, но дальше дружеских отношений Василий никого в свое сердце не пускал...

Вечерами он шел в клуб, иногда танцевал там и даже плясал, но с темнотой уходил бродить по степи, наслаждаясь пением птиц и одиночеством, уносясь мыслями по просторам России в поисках своей любви.

Он точно знал, что найдет ее и все исполнится так, как видит он в своих мечтах. Что они будут жить в собственном красивом доме, что будет у них два сына: Сашка и Витька. И две девочки Аня и Лариса. И вот так изменить сегодня этой мечте Василий не мог.

...Скоро поднялись всходы. Ребята уже тянули из района высоковольтную линию и, сидя на столбах, любовались открывавшейся картиной: от горизонта до горизонта лежало перед ним изумрудное море, это было настолько захватывающее и волнующее зрелище, что сердца их распирали от гордости и еще какого-то неосознанного пока чувства единения с землей и природой.

Под лучами ласкового солнца хлеб поднимался на глазах. Но шел день за днем, и вчерашнее теплое светило превращалось в раскаленное, огненное око, которое уже не грело и не ласкало, а обжигало и опаляло все, на что попадал этот взгляд. Дождей не было. С утра и до вечера горизонт был чист. Ни единого облачка, ни единой тучки...

Еще не выйдя в трубку, посева начали желтеть и увядать. На земле появились трещины. Степь задыхалась от недостатка влаги.

Засуха. Казалось, что это испытание несравнимо с теми испытаниями, которые принесла суровая зима. Там страдали люди, но здесь на их глазах погибали их мечты и

стремления, уже ставшим живым их труд, результатов которого ждала вся страна.

И нечем было помочь страдающим посевам, нельзя было изменить жестокие условия погоды, когда месяцами не было дождя. Оставалось только ждать и надеяться. И продолжать строить в этой безлюдной степи новый целинный совхоз...

Но природа не дала погибнуть их трудам.

И когда наконец приползли с востока тяжелые брюхатые тучи, полные спасительной и живительной влаги, целинники все до единого высыпали на улицу и радовались, как дети, шлепая босыми ногами по лужам и подставляя себя под плети теплого дождя, льющегося с небес.

Урожай выдался на славу. И снова пришлось напрягать все силы, чтобы убрать и перевезти на хранение хлеб целинных земель.

Хлеба было столько, что бурты с зерном напоминали терриконы отработанной породы вокруг угольных шахт. День и ночь колонны автомашин, собранных со всей страны, везли хлеб к элеваторам. Впервые за многие годы Советский Союз собрал урожай, который с лихвой покрывал потребности страны...

По радио передавали длинные списки награжденных правительственными наградами. Был среди них и Василий Юралов, представленный к медали «За освоение Целины».

Но главный смысл этой целинной эпопеи для Юралова был в том, что он стал универсальным работником на земле. И водителем, и трактористом, и комбайнером, и электриком, и, наконец, копателем колодцев...

И вновь Василий встал перед выбором: кем же быть ему в этой жизни? Но теперь он уже окончательно понял свое призвание: он, прежде всего, крестьянин. Из Кулундинской степи лежала его дорога в Омский сельскохозяйственный институт. Факультет механизации. А потом он найдет Ларису... Как только он сдаст экзаме-

ны, самолично отправится в Краснодар на поиски пропавшей девушки его сердца.

На запад и на восток

Василий ехал в Омск, Николай – в Ленинград.

Поезда уходили с разницей в полчаса. На перроне – бывшие одноклассники и друзья, озабоченная и взволнованная мама. Оба сына ее покидали родное гнездо.

Накануне на семейном совете решали экономические вопросы. Конечно, поездка на учебу стоила денег, нужно было купить приличную одежду, книги, нужны были деньги на билеты, на прожитие, а зарплата у Надежды Петровны была далеко не министерская.

– Вы, мама Надя, за меня не беспокойтесь, – уговаривал ее Колька, – я не пропаду. В тайге не пропал, а в городе тем более. Я буду учиться на повышенную стипендию. Мне хватит, а не хватит, – заработаю. Руки-то на что, голова опять же...

– А мои деньги куда? – возмутился Василий. – Зачем я на целине вкалывал? Если экономно, то нам всем их года на два хватит. Не грусти, мама, не пропадем. А сейчас давайте-ка, пойдем в магазин за покупками...

Василий приехал с целины месяц назад, чтобы посидеть дома за учебниками, подготовиться к экзаменам. И так случилось, что в совхозной кассе наличных денег не оказалось. Обещали выслать их следом. Там зарплата одной без премиальных было за полгода. Сумма немаленькая. Тем более что на целине пока и тратить было деньги не на что. Так и копилась зарплата на лицевых счетах.

Ребята скинулись Василию на дорогу да на подарки, у кого чего нашлось в загашнике. Приличная сумма набралась рублей в восемьсот. Маме выкроился – платок оренбургский пуховой, Кольке – портфель кожаный желтый,

прямо-таки министерский, да и себе приличный костюм бостоновый в полоску прикупил в райцентре.

Домой приехал – перевод уже ждет. Тут же Юрке Синицыну да Феде Дубовченко отослал долг с благодарностями.

Но через неделю на имя Василия пришел из Кулундинской степи перевод от друзей, но уже на 1600, в два раза большую сумму. И к ним ни строчки.

Юралов опять на почту побежал. Отослал ребятам деньги назад с припиской: «Спасибо».

Через неделю опять перевод – теперь уже на три тысячи двести с припиской: «Учись, Вася, хорошо».

На том Василий и остановился. Не захотел больше дружбу испытывать.

На деньги эти купили костюм Покачеву, ботинки обоим студентам и маме платье, хотя она и пыталась возражать против покупки...

Тогда как-то и не думалось, что деньги в жизни человека могут иметь решающую роль. Что без накоплений страшно жить, что можно завтра оказаться на социальной обочине и выбраться оттуда на торную дорогу будет чрезвычайно трудно. Такого в Советском Союзе быть не могло.

В Советском Союзе люди уже привыкли к тому, что государство не требует платы за обучение даже самое высшее, а наоборот, старается взять на свое обеспечение людей, которые стремятся к знаниям. Что жилье у нас практически бесплатное, что в транспорте мы платим лишь символическую плату, что медицина опять же бесплатная, что продукты в магазинах доступны всем...

Забыли... Много лет спустя, будучи уже депутатом Верховного Совета СССР, Юралов поедет по делам Совета национальностей по африканским странам.

Это было в Мозамбике, вставшем, как тогда говорили, на путь народной демократии. Вечером, гуляя по городским улицам, Юралов поразился увиденной картине. Вокруг нечастых уличных фонарей впритирку друг к другу стояли мозамбикские дети с книжками в руках и усиленно их штудировали. Увиденное настолько взволновало

Юралова, что он долго не мог уснуть. Эти детишки потому толпились у фонарей, потому, что дома не было света и не было возможности готовиться к урокам. И, наверное, в этих домах много еще чего не было для нормальной человеческой жизни. Не было достойной одежды, полноценной пищи...

А между тем, страна эта была не бедной. Одни полезные ископаемые могли бы дать людям средства и на благоустройство городов, и подъем деревни.

Но для того, чтобы разрабатывать полезные ископаемые, строить шахты, эксплуатировать их – нужны специалисты. А своих специалистов нет. Приходится приглашать зарубежные компании, которые решают дело так, что поставленное оборудование из-за некоторых технологических отклонений работает очень неэффективно.

Снова приходится обращаться к иностранным компаниям, которые за эти незначительные изменения требуют большую часть от добываемых ископаемых... А потом в конце концов полностью прибирают к рукам шахты и рудники. Вот такая невеселая экономика складывалась в Мозамбике, избравшем социалистический путь развития.

Вот потому-то и стояли по вечерам дети Мозамбика под несчастными уличными фонарями, чтобы постигнуть премудрости науки и самим распорядиться богатствами страны...

Но это было потом. А пока наши герои теплым июльским вечером стояли на перроне, ожидая поездов, которые развезут их в разные стороны – одного на восток, другого – за тысячи километров – на запад.

– Помни, Коля, сразу же, как приедешь, беги в справочное: Жаркова Лариса Григорьевна, 1941 года рождения. Место рождения: деревня Кресты Тюменской области, – говорил уже стоящему на подножке Покачеву Юралов. – Если что-то будет – телеграфируй.

Вышел из вокзала машинист в белом кителе и белых перчатках, ухватился за начищенные сверкающие лату-

ню поручни и поднялся в паровоз. Ударил станционный колокол, объявляя отправление, паровоз выпустил облако белоснежного пара, прокачал поршни, и поезд, шедший на Ленинград, медленно скрылся за поворотом дороги.

Солнце скатилось за вагоны. Стало немножечко грустно, но ожидание встречи с новой жизнью перекрывало эту светлую грусть.

От сессии до сессии

На постаменте перед факультетом стоял как памятник старый довоенный колесный тракторок «Фордзон». Кто-то из озорников написал на его железном боку: «Даешь механизацию!».

Василий усмехнулся, глядя на это чудо колхозной деревни тридцатых годов. Ему, поработавшему уже на мощных дизельных тракторах, видевшему современные исполинские машины, способные на своих железных плечах перемещать десятки тонн грузов, то время казалось таким далеким, словно с тех пор прошло не двадцать, а, по крайней мере, двести лет.

Пока он, Васька Юралов, рос, учился в школе и вырос, страна совершила настоящий технический рывок, уйдя от деревянных сох в космические выси.

«А какой будет страна еще через двадцать лет, – подумал Василий, пытаясь представить себя сорокалетним. – Какая техника будет тогда? Неужели и впрямь на Марсе будут цвести яблони?».

– Что, молодой человек, интересуетесь техникой? – раздался сзади иронический голос.

Василий обернулся. Перед ним стоял седобородый крепкий старик с потрепанным портфелем под мышкой.

– Не только интересуюсь, но собираюсь поступать на факультет механизации, – отвечал Василий.

– Похвально, – поддержал его старик. – За механизацией, говорят, будущее.

– Это точно, – загорелся Василий. – Вот я сейчас стою и думаю, какой же будет техника лет через двадцать-тридцать? Какая жизнь настанет тогда?

– Э-э, молодой человек, для улучшения нашей жизни, одной техники мало, – осадил его седобородый.

– Вот Вы когда-нибудь слышали о бочке Либиха? – прищурился старик.

– Что это еще за бочка такая? – удивился Юралов.

– А вот какая. Знаете ли вы, какие самые главные для почвы существуют химические удобрения?

– Знаю. Калийные, фосфорные и азотные.

– Так вот, если на обыкновенной бочке на разных уровнях сделать три отверстия и условно принять, что каждое отверстие это один из нужных нам элементов, то можно легко понять, что воды останется в бочке на уровне нижнего отверстия. Все остальные отверстия, которые выше, не имеют влияния на количество воды. Так что, если в почве будет недостаток калия и при достаточном количестве и даже переизбытке фосфора и азота, то все равно урожай будет определяться тем элементом, которого меньше всего в почве. Понятно я говорю? – переспросил белобородый.

– Я понял, – обрадовался Василий, – механизация сама по себе ничего не даст. Без химизации, технологии...

– Так-то оно так. Но часто не учитывают в этом комплексе еще одну составляющую. Психологию человека. Его душевный настрой. Место его в этом технологическом комплексе... Мой совет, задумывайтесь над этим, когда будете учиться, – человек, на ходу прочитавший Василию лекцию, скрылся в дверях факультета.

– Ничего себе, – удивился Юралов, – не успел еще поступить, как уже учить начали. Хорошо еще зачетку не спросил...

– О чем это ты разговаривал с профессором Амелиным, он только на втором курсе у нас будет экономику препо-

давать, — невысокий востроглазый паренек в вельветовой куртке на молнии неожиданно вырос перед Юраловым.

— А ты кто такой? — спросил Василий, в свою очередь, паренька.

— А я с тобой вместе на факультет поступаю. Я тебя еще вчера на комиссии приметил. Надо, думаю, с этим парнем подружиться. Вон ты какой здоровый! Не то, что я: в профиль не видно.

— Легче прятаться! — отшутился Юралов. — Ладно, давай знакомиться. Василий я. Юралов.

— А я Леха Кошкин. С Оби. Ты еще в общагу не устроился?

— Нет. На вокзале ночевал.

— Тогда просись ко мне в комнату. Будем вместе к экзаменам готовиться.

— Годится!

Вечером в общежитии ребята пили чай. Леха намазывал батон шоколадным маргарином и с аппетитом уплетал его за обе щеки.

— У нас в деревне батон за праздник. Или поедут бабы в город, так наберут там кренделей связки или сушек. Вот уж отрада чайку из самовара с кренделями.

Василий, хвативший городской жизни, улыбался.

— Нас у отца с матерью знаешь сколько? Одиннадцать человек. Я получаюсь из середины.

— Здорово! — восхитился Юралов.

— Батенька колхозных коров пасет, мамка — дояркой. Ну и я по сельскому хозяйству пошел.

— Да как хоть у тебя мать справлялась с такой оравой, — поразился Василий, — нас, вон, двое росло, да и то матери доставалось хлопот.

— О! Ты бы знал, какая у нас дружная семья. Мы друг за дружку горой стоим. Мамке с папкой о маленьких и заботы нет, старшие избиходят, напойт, накормят и спать уложат.

— Знаешь, как жили? — Лешку, покрасневшего от чая и еды, потянуло на откровения. — Вот на печку забе-

ремся все, печь большущая у нас, не из кирпича, а цельная, глинобитная. Ночью проснешься – кругом ноги да руки, не знаешь, которые и свои. В выходной надо к бабушке на пироги сбегать – на другом конце деревни дом у нее, а валенок на всю ораву – пара. Который первый схватит, того и будут. Строишь, вся команда засвистывает по деревне босиком, только пятки сверкают.

Утром встанешь до школы, на ферму к мамке бежишь, поможешь ей коров подоить. Я так наловчился, что по двадцать коров доил за утро. Она мне за это денежку сунет на пирожок да чаю стакан. Так я денежки не трачу сразу, коплю, чтобы купить чего-нибудь дельное.

Многие думали, что ничего толкового не вырастет из этой семьи, а все на ногах стоят твердо. И у младших в школе все ладится. Самые старшие в городе живут. Приедут на погощенье:

– Ой, говорят, мама, ты ведь кроме своего Огибалова нигде не была. Папка хоть тот в войну по Европе пешком прошел. Давай, мы тебя в город свозим, покажем, какие хоть города бывают. Она только смеется: «Отступитесь, ребята! Никаких городов мне не надо. Мне тут хорошо».

Лешка замолчал, глаза его сияли теплым, лучистым светом:

– Скучаю я по ним, Вася! Вот сдам экзамены и махну в свое Огибалово до начала занятий. Надо помочь картошку выкопать. Только бы не завалиться на экзаменах!

...Экзамены оба сдали без проблем. Отправили по домам телеграммы и пошли на радостях искупаться в Оби. День выдался довольно жарким.

Плескались в воде, словно малые дети, но когда вышли на берег, то к своему ужасу не обнаружили там своей одежды.

Василий выскочил на дорогу и увидел, как группа мальчишек со всех ног улепetyвает меж деревьями парка. Юралов бросился в погоню, да было уже поздно.

В общагу пришли в одних трусах. Комендантша, женщина лет сорока, выдавшая всякие виды, выслушала их и покачала головой:

– Впредь умнее будете.

Она нашла им старые спортивные костюмы да по паре драных кед.

– Дам еще денег на телеграммы домой. Пусть пришлют вам на обувь и одежду.

Лешка покраснел вдруг и решительно замотал головой:

– Моим взять негде. Такая орава.

– Тогда заработай! Поезжай на овощную базу картошку затаривать. Там по десятке с тонны платят. Или на тракторный завод иди, там наши механики практику проходят всегда и нужную копеечку зашибают...

– Не бойся, Леха! Я с тобой! У моей матери тоже лишних денег нет! – Василий обнял за плечи нового друга.

– А домой отошлем телеграммы, что задерживаемся.

На овощной базе сезон был в разгаре. Закладывались на хранение овощи и картофель. У большого города был большой аппетит...

Через десять дней они были богаты настолько, что смогли купить и костюмы, и обувь. Осталось денег и на дорогу домой. Только вот ехать уже было некогда. Начинались занятия. И Василий с тоской отметил, что его планы отправиться на поиски Ларисы, опять оказались не выполненными.

Весна на тракте

...В зелени и тепле плавился май. Ручьи, уставшие от паводкового разгула, чуть слышно звенели на перекатах, жаворонки колоколили над головой, из сырых низин накатывали волны хмельных запахов прелой земли и цветущих медово ив. Уже поднялась на лугах трава-мурава, а в заливных поймах мощно пробивалось к солнцу травяное многоцветье – настоящая кладовая природы.

Где-нибудь на лесной полянке, за десятки километров от большой реки, вырастает под солнцем былинка, цветочек аленький. Уронит он после Петрова дня семена свои на землю, а потом вьюги и метели укроют его, а по весне, как растопит снега солнце, подхватит семена эти быстрый ручеек, понесет к ручью большому, из большого в речку малую, из малой в большую реку...

А как подопрут воды бесчисленных ручьев и речек Иртыш-реку, как переполнится она склень берегов, упадут миллиарды семян, принесенных за сотни верст на речную пойму и месяц спустя поднимется в поймах тех буйное медовое разнотравье, от которого голова кружится и сердце молодо стучит.

Вот откуда вкус настоящего сливочного масла! Надо взять на ложечке кусочек масла, положить на язык, разогреть чуть и языком раздавить о небо. А потом сделать легкий вздох! И вот тогда почувствуется и его особенный ореховый вкус и аромат замирающего под жарким солнцем медового разнотравья.

Когда-то на сибирском масле Россия утверждала себя на мировом рынке. Где в мире найдешь еще такое богатство!

В этот погожий денек на старом Сибирском тракте появился молодой человек, высокий, широкоплечий, с красиво посаженной головой и прямым уверенным взглядом. Молодой человек был одет в прорезиненный плащ, фетровую шляпу и резиновые сапоги. В руках его был потрепанный портфель. Скоро он остановил грузовик, везущий в колонне к посевной семена и удобрения в дальние углы района.

Молодым человеком был Василий Юралов, инженер районного управления сельского хозяйства. Он отправлялся в дальнее село Бекетовское знакомиться с хозяйством. Райком партии предложил кандидатуру Василия Юралова в этот колхоз на должность председателя. Было Василию всего двадцать два года. И было в душе его страстное желание преобразований.

С того памятного открытия Шаманского нефтеносного района прошло одиннадцать лет. За эти годы Западная Сибирь мало в чем изменилась, все так же жили люди по деревням и лесным поселкам при керосиновых лампах, а то и вовсе при лучине, все также убийственно было бездорожье на тысячи немеряных верст, а на сотни верст – безлюдье и дичь... Однако Сибирь жила предощущениями великих перемен.

Волнующие слова «нефть, газ» все чаще звучали не только на партийных и хозяйственных заседаниях, но уже широко проникли и в обиход.

А Васька Юралов и Колька Покачев успели за это время окончить среднюю школу, поступить в высшие учебные заведения и стать дипломированными специалистами, начать трудовую жизнь. Василий закончил факультет механизации сельскохозяйственного, Николай – Университет народов Севера в Ленинграде.

Трудно ли им было? Да уж, конечно, непросто. И если бы не помощь и опека государства, разве смог бы хантыйский мальчишка Колька Покачев, оставшийся без роду без племени, подняться на вершины знаний в прославленной столице науки – Ленинграде? И вряд ли Васька Юралов получил бы свой красный диплом отличника и почти сразу же ответственную работу?

Они с Колькой мечтали сами создать, построить Страну Добра, Истины и Справедливости. И потому новое свое назначение Василий воспринял с большим энтузиазмом.

Василий не стал ждать, когда придет за ним машина, добирался до Бекетовского, центральной усадьбы колхоза «Заря», попутным транспортом. После института он успел всего год поработать в соседнем районном управлении сельского хозяйства. Видимо, проявил себя хорошо, если партия решила, что молодой специалист способен поднять это хозяйство, в котором за последние три года сменилось четыре председателя. Последний председатель тоже ничем не успел себя проявить – утонул во время бури на Иртыше.

Колхоз был в лежачем состоянии. Поголовье скота не росло, надои падали, урожайность зерновых – на уровне дореволюционных...

Было у Василия страстное желание работать засучив рукава, были знания, но знания чисто технические, а вот управленческого опыта – кот наплакал. И управлять-то нужно было не железками, а людьми... Об этом и размышлял он, добираясь до Бекетовского.

На старом Сибирском тракте подобрала его колонна грузовиков, везущих в дальнюю глубинку семена и удобрения. Однако радоваться было еще рано. Скоро бетонка кончилась, и колонна встала.

На границе с насыпной дорогой был перекинут огромный, изо всего леса, осиновый шлагбаум. Водители высыпали из машин, загалдели.

Тут из маленькой, сколоченной наспех будки, вылез старик в бродах, зеленой пограничной фуражке без кокарды.

– Не пуцу! – решительно замахал он руками. – Поворачивайте обратно!

Вот оно что! Дорога на распутицу закрыта.

Закрывали сельские проселки каждую весну, и каждую весну между дорожниками и шоферами шла упорная война.

– Покуражится да пропустит, – заверил Юралова шофер и вылез на обочину покурить.

Старик же молчаливо оглядел колонну, сдвинул на глаза фуражку, почесал седой затылок.

– Впустую, мужики стоите. Сказано – не пуцу!

Он повернулся к будке и начал обстоятельно пластать топором короткий чурбачок на дрова. Скоро над будкой занялись кислотовато-горькие куржавчики дыма. Дед собирался чаевничать.

– Дед Гарapon! – крикнул шофер головной машины. – Ты это кончай! Нам ехать надо.

– А ты езжай, – выглянул старик из окошечка. – Только в обратную сторону. Через город езжай.

– Да ты в уме, старый! Что нам, двести километров крюк делать? – начали кипятиться мужики.

– Мое дело маленькое.

– Да ведь посевная, бюрократ ты в ботах! Семена везем, понял?

– А ты, гражданин хороший, не кричи. Есть повыше начальство. Товарищ Бурышев строго-настрога наказал без документов не пуцай! – отвечал невозмутимо Гарапон.

– А это что? Филькина грамота? – шофер тряс потрепанным пропуском.

– А вот мы и посмотрим: Филькина, али товарища Бурышева.

Старик достал из кармана очки, долго шевелил губами, рассматривая бумаги.

– Не пуцу! – наконец все так же невозмутимо, ответил он. – Товарищ Бурышев наказал только с красной полосой пуцать, а у тебя-то – синя. Не стой, батюшко, не стой!

– Ладно-о, – заскрежетал зубами парень, – ладно, старый пень. – Он со злостью пнул камень на обочине. Камень плюхнулся в канаву, пугая лягушек. Шофер скривил рот – зашиб палец.

– Я тебя, старая кочерыжка, в будке запрю. Будешь тут всю ночь куковать.

– Не выйдет, милый! – ласково возразил старик. – Лицо его покраснелось от чая и было полно благодушия. – Я уж и нумерки ваши на гумажку списал. А то, этта, и в самом деле ваши, нет ли, мужики батожок к дверям приставили. Учен.

– Этак его не возьмешь, – сказал шофер Юралову. – Тут нужна дипломатия.

Он ушел к мужикам на совещание. Солнце уже скатилось к вершинам леса, стряхнувшего зимнюю дремоту. Слышно было, как под гулкими сводами сосен бормочут косачи, и где-то далеко в просыхающих полях ровно гудели тракторы.

Мужики толпились у пограничной будки. Что-то до боли знакомое было во всей этой сцене у шлагбаума. И ста-

рик в зеленой фуражке с его куражом и амбициями государева служащего напоминал Василию кого-то, с кем не раз пришлось встречаться на жизненном пути. Юралов вздохнул, сдерживая страсти.

– Постно кушаешь, батя. Пустой чай душу не греет. Пуншиком не побалуешься? – осаждали водители будку.

– Не потребляю!

– Али старуха ругает?

– Я, милый, на службе не пью.

– Ой, ли? Поднести, может?

– Отказываюсь категорически. Ты меня на подкуп не бери. У меня самого старухе наказано в лавку сбегать. Кончу дело – гуляю смело.

Водитель вернулся и сердито упал на сиденье.

– В объезд не тронусь. Ночь просижу, а высижу. Всяко уйдет домой, либо уснет.

Тоскливая тишина надолго воцарилась на дороге. Лишь ошалевшие от любви лягушки радостно и безмятежно славили мир.

– Эй, Гарапон! Подымай бревно, – совсем безнадежно окликнул старика шофер передней машины, самый молодой и нетерпеливый.

– Не подумаю! – дед взял топор и принялся докалывать чурбачок.

Тут где-то в середине колонны раздался пронзительный визг, и вслед за ним крепкая ругань. Тут же визг повторился, но более яростно и отчаянно.

Дед Гарапон поднял голову и прислушался. Визжал поросенок, ругался шофер. Еще утром купил он его на рынке и теперь вез домой. Поросянок оголодал за день, взбунтовал.

И тут неприступного Гарапона словно подменили. Он торопливо засеменял к машине.

– Никак кабанчика купил? – спросил он заискивающе шофера.

– Купил! – огрызнулся тот. – Тебе что за забота?

– А как жо? Подохнет чай. Деньги плачены. Ну-ка, покажь!

Он стащил мешковину с корзины, радостно сдерживая брыкающегося поросенка.

– Добрый кабанчик, добр. Я, этта, сам привез кабанчика-то. Еле-еле со старухой отходили. Оправился, не сглазить бы.

Он торопливо побежал к шлагбауму, распутал узел веревки. Лесина, качнувшись, медленно ползла вверх.

– Езжайте, езжайте, мужики. Бог с ним, с Бурышевым. Весело побежали машины по просыхающей дороге.

– Добрый кабанчик будет, добрый!

Повеселел и Юралов, радуясь, что еще засветло доберется до Бекетовского.

Быка за рога

Посадки села Бекетовского стоят на высоком берегу Иртыша. Дома крепкие, за высокими тесовыми заборами, с амбарами да черными банями, с ухоженными огородами...

Основано Бекетовское около четырехсот лет назад вольнолюбивым Ермаковым воинством – казаками.

Богаты были эти места и зверем, и птицей, и рыбой. Земли непаханой вволю. Рубили вольные поселенцы на Иртыше кондовый лес, ставили просторные избы, расчищали поля, но вот беда, некому было в этих избах печи топить, некому детей рожать да нянчить, некому за скотом приглядеть, некому хлеба жать...

А из Москвы указы строгие шли, чтобы на девках из местных племен не жениться: вера не та, да и долго ли раствориться малочисленному казачьему роду в остяцкой да вогульской крови...

По северным городам Тотье, Устюгу Великому, Сольвычегодску, Каргополю велено было девок сыскивать да в Сибирь казакам в жены отправлять. А чтоб по дороге не сбежали, в колоды заковывать...

Так вот поначалу и плодилось казацкое племя, обживавшее Сибирь. Потом уж сибирский Юг поманил крестьян, искавших лучшей доли да земли, которая бы колос в оглоблю родила, а картошку в колесо...

На Север, на поселение, ссылали всякого рода вольнодумцев да лихих людей, смешалась здесь русская кровь с татарской и кавказской, с вогульской и остяцкой, под лютыми морозами выплавился особый сибирский характер: независимый, не сгибаемый, упертый... Если уж в бой идти, то за победой, если гулять, так гулять, чтобы чертям было жарко, если работать, так работать до седьмого пота...

Только вот парадокс: в районе говорили о истовом трудолюбии бекетовцев, а колхоз на боку... Почему земля не родит, почему на фермах надои у коров козы? Почему казна колхозная пуста?

...В Бекетовское приехал Василий Юралов только к вечеру. Улицы были пустынные, и лишь собаки, весело виляя хвостами, приветствовали будущего председателя.

Сразу за деревней видны были строения ветхого коровника.

Василий решил еще по дороге сразу же «брать быка за рога». С коровника он и начал свое знакомство с хозяйством.

На дворе было пусто. Под ногами хлюпала навозная жижа, кормушки были пусты и коровы, словно почуяв в этом новом человеке будущего председателя, встретили Василия отчаянным ревом.

На сердце Юралова стало горько. Он прошел по двору. Ни души, хотя время было не такое уж и позднее.

Заглянул в пристройку. В «красном уголке» под писаном на ватмане «Графиком случки коров в разрезе доярок» сидела пожилая женщина в фуфайке, больших валенках с калошами, сером платке, упавшем с седых волос на плечи, и плакала.

Юралов смутился и постарался, как можно мягче, окликнуть ее:

– Скажите, что здесь случилось?

Женщина подняла на него полные слез глаза и тихо ответила:

– Коров жалко! Они-то чем виноваты, что пастух второй день пьян в стельку, а распорядиться привезти подкосу некому.

– Как вас зовут?

– Нина Пасхина я. Вековечная доярка. Сейчас вот устареела, так ночным сторожем наряжают.

– Пойдемте со мной! – решительно сказал Юралов, – покажите, где живет бригадир.

Долго стучали в тесовые ворота большого, в пять окон по переду дома с резными наличниками. Наконецбрякнула щеколда.

Бригадир вышел на крыльцо распаренный в одном исподнем и полотенцем на плечах. В деревне, видимо, был банный день.

– Что же это, Николай Иванович, делается? – с упреком обратилась к нему спутница Василия. – Что же вы это скотину губите?

Бригадир покосился на Юралова, стараясь определить, что это за деятель пришел на его двор, чего от него ждать, и властным жестом руки остановил расходившуюся бабку:

– Не трещи! Сказано, у братанов свадьба. Сеструху выдают. А боле мне послать некого.

Юралов, стараясь быть предельно сдержанным, хотя его так и подмывало сказать этому благодушному типу далеко не лестные слова, представился:

– Я Василий Юралов, прислан к вам райкомом партии для ознакомления с хозяйством. Я советую вам сейчас же одеться и поднимать трактористов, возчиков, кормачей, ехать за травой и накормить скотину.

Видно стало даже сквозь банный румянец, как побледнел бригадир и стиснул зубы...

– Команды отдавать легко, – сказал он угрюмо. – Да тут у нас командиров не больно почитают, тут у нас сами с усами...

– Тогда сами и поезжайте и косите, и возите, если не в состоянии управлять людьми, – резко сказал Юралов.

Бригадир бросил на Василия насмешливый взгляд и хмыкнул:

– Я-то поеду, а вот остальные... У нас свадьба – дело святое, почти вся деревня там. Пока не нагуляются...

Тут деревенская тишина словно раскололась. Где-то недалеко на улицу выплеснулась гармонным перебором, задиристыми частушками, присвистом и уханьем лихая гулянка. Задробили часто каблуки в тесовый помост, загомнил народ...

Бригадир кивнул головой в сторону расходившегося веселья.

– Вот они, братья Кряжевы, веселятся. Можно вместе дойти, поговорить. Может и съездят за травой-то? – сказал бригадир с иронией, испытующе глядя на приезжего гостя.

– Пойдемте! – решительно согласился Юралов, еще не зная, что он скажет этим людям, как достучится до их сознания. А если сейчас он не сможет выправить ситуацию, не сможет договориться с людьми, то как ему вести себя дальше? О чем будет говорить с людьми на собрании, когда придет время выбирать его председателем. Поверят ли ему люди?

Дом Кряжевых всем видом своим напоминал крепость. Рубленый из бревен в обхват, с маленькими окнами, трехскатой крышей, мощным забором. Около дома стоял на приколе колесный трактор с тележкой, чуть дальше гусеничный ДТ. Напротив дома из обрезной доски-пятидесятки был набран помост, на котором и около которого топталось человек сорок хорошо выпившего народа.

На кругу выделявал под гармонь коленца здоровенный чубатый парнище в темном бостоновом костюме, хромоных начищенных сапогах, за голенищем у него торчала наборная рукоятка финского ножа. Парень, согнувшись едва ли не пополам, бухал ногами в помост и скорее кричал, чем пел частушку:

*«Мы ребята-ежики,
В голенищах ножики,
А по две гирьки на весу,
Револьвер на поясу...».*

Ему вторил другой, плясавший напротив, такой же крепкий и такой же чубатый парень:

*«Выхожу и запеваю,
А в кармане молоток,
А неужели не заступится
За родного браток...».*

И столько было страсти, энергии и задора, готовности тотчас вступить в сражение с противником, если таковой объявится, в этой их удалой пляске, что Василий понял: начни он командовать здесь, скандала не избежать... Уж на что крепок и натренирован он, но и ему тут не устоять, намнут бока кандидату в председатели...

У площадки в окружении девчонок стоял третий такой же крепкий, такой же чубатый парень, только потончивее и помоложе. На одно плечо его бы накинут пиджак, на голове прилепилась кепка восьмиклинка с веточкой церемухи.

Братаны оставили круг, и на подмостки выскочила бойкая девчонка, лихо продробив каблучками:

*«Допризывнички гуляют,
Допризывничкам почет...
А несчастная браковка
Еле ноги волочет...».*

– Это вот и есть братья Кряжевы, – сказал бригадир. – Один вот, Ванька, в армию идет, а эти два – трактористы, а больше трактористов нет в этой бригаде. Но сейчас, точно вам говорю, лучше их и не трогать...

– Это почему? – не сдавался Юралов, хотя ему и так уже было ясно, почему Кряжевых лучше не трогать.

– Генаха-то, у которого финка из-за голенища торчит, уже в тюрягу сходил. Уж больно горяч, чуть что не по ему – в драку...

– А второй?

– Второй – Пашко. Не сидел, а такой же отлет...

– А что же вы их в трактористах держите? На ответственном участке...

– Работники они хорошие, как начнут пахать, так как огнем палят. Сутками из-за рычагов не выходят, но уж если праздновать начнут, тут их не трожь...

– И все же я хочу с ними поговорить! – твердо сказал Василий.

Но их и так уже заметили. Гармошка жалобно всхлипнув, замолкла, плясавшие в кругу брата Кряжевы, повернулись к вновь пришедшим гостям.

– О-о! Сам бригадир к нам пожаловал. Да не один, – сказал нараспев Генаха, раскрыв широко руки. – Нашего полку прибыло. По чарке гостям.

Из дому уже несли на подносе закуску и бутылку «Московской» со стаканами.

– За счастье молодых! По целому, – Генаха ловко сорвал с бутылки сургучную пробку, в его огромных руках поллитровка казалась четвертинкой, и вся она в один миг вместилась в эти два стакана.

Бригадир глянул жалобно на Василия и взял в руки стакан.

Но Василий решительно отвел угощение.

– Вот что, друзья, – твердо сказал он. – Я пить не буду ни за счастье молодых, ни за их будущее...

– Это почему это не буду? – опешил было Генаха. – За счастье молодых он не будет... Так мы можем и по другому попросить! – В голосе его зазвучала неприкрытая угроза... – Ты кто такой, чтобы нам, Кряжевым, поперек пути становиться?

– Я Василий Юралов, прислан сюда по решению райкома партии как кандидат на должность председателя колхо-

за, – сказал громко и твердо Юралов, чеканя каждое слово. – И я вижу, что у вас в колхозе полный бардак. Коровы от голода на дворе так ревут, что крыша поднимается, а вы тут гулянки устраиваете...

Генаха недобро усмехнулся:

– Коровы чай не сдохнут до завтра, а вот председателем ты можешь и не стать...

– Ты чего это несешь, Кряжев! – встрял бригадир. – Ты эти замашки брось. Ишь, угрожать вздумал!

– Ты, бригадир, не мельтеши. Генаха никогда и никому не угрожал. Он сразу резал, – ухмыльнулся Пашко. – А этого мы резать не станем. Мы его просто не выберем...

– Выберете вы меня или нет, мне без разницы, – вскипел Юралов. – Я без работы не останусь, а вот у твоей сестры, как ты говоришь, ни счастья, ни будущего, ничего с таким вот вашим отношением к делу, не будет. И у вас не будет, и у ваших детей... Развалите колхоз в конец, прогуляете...

– Чего-о ты сказал, паренек? – вздыбился Генаха. – Кто прогуляет? Мы с Пашком колхоз прогуляем? Да ты кто такой, ты чего про нас знаешь-то?

– А и знать нечего, – вдруг вынырнула из-за спины Юралова Нина Ивановна, – не стыдно ли вам приезжего человека, срамота, сами жрете, а скотину голодоморите!

На какое-то время наступила тишина. Но тут вперед, раздвинув братьев, выступил могучий мужик лет пятидесяти с седеющей гривой волос, в котором сразу видна была порода, давшая на свет и Пашка, и Генаху.

– А ну уймитесь, соколики! Верно, вам говорят люди. Не гоже скотину мучить. Только вот чего я скажу, Василий, как тебя по батюшке-то?

– Васильевич он, – подсказала Нина Ивановна.

– Так вот, Василий Васильевич. Не чинись, выпей с нами заздравную, а скотину мы сейчас живо обрядим.

– Сначала обрядите, – уперся Юралов.

– Хорошо, – согласился Кряжев старший. – Генаха, Пашко! В поле ехать не стоит. Худая еще трава, жидкая.

Заводите трактор, спускайте с повети пустошное сено, везите на двор.

– Ты чего это, батько, наше сено-то отдать решил? – вывернулась из-под руки у Кряжева маленькая, словно воробей, женщина.

– Ничего, мать, накосим нового! – отвечал ей спокойно Кряжев.

Тут же затрещал в заулке трактор, распахнулись тесовые ворота. С десятков добровольцев, не снимая парадных костюмов, уже забрались на повесть и орудовали вилами. Через пятнадцать минут с полным возом колесник уже тархтел по направлению к колхозному скотному двору...

– Ну что, командир, с почином! – старший Кряжев протягивал Василию стакан полный склень водкой и соленый огурец на вилке. – Не держи на Кряжевых зла!

Отступать было некуда. Василий выдохнул из груди воздух и, пересиливая себя, выпил стакан до дна.

И тотчас, словно пожар вспыхнул внутри его, голова закружилась легко, и груз дневных забот и тревог стал отходить на задний план.

Перед ним словно из тумана выросла веселая девица в крепдешининовом сиреневом платье, сверкнула озорно горячими глазами, и, ухватив Юралова за руку, вытащила в круг. Радостно отозвалась гармошка, и ноги у Василия сами пошли в пляс.

Девица выдробила строчку и, не сводя с Василия дерзких манящих глаз, пропела, как выдохнула:

*«А ни коровы, ни козы,
Не коси, не майся...
Только с милым на печи
Лежи да обнимайся».*

Тут же Василия подхватили под руки и потащили в дом.

«Не хватало и мне еще загулять вместе со всеми!» – в отчаянии подумал он и уперся.

– Нет, нет! – запротестовал Василий. – Я не могу сейчас идти с вами. Меня ждут.

Он нашел глазами в толпе Нину Ивановну и призывно замахал ей рукой.

Она все поняла, подхватила Юралова под локоть и сердито прикрикнула на разгулявшуюся публику.

– Вам сказано, что товарища Юралова ждут. Он не может остаться!

Шум праздника остался в стороне.

– Вы где собрались ночевать-то сегодня? – спросила осторожно доярка Паскина. – Ежели чего, так у меня изба пустая. Только сначала надо на двор сходить доглядеть.

...На этот раз коровник встретил тишиной, нарушаемой лишь хрустом сена да глубокими вздохами скотины.

– Слава тебе, Господи! – перекрестилась Нина Ивановна. – Теперь пойдем на покой!

Она помолчала, прислушиваясь к своим мыслям, покачала головой:

– Это ж надо, Кряжев сено самолучшее свое отдал! А три года назад уполномоченного с крыльца спустил. Так Генаха тогда на себя вину взял. Два года отсидел ни за что не про что...

– Это что за история? – заинтересовался Юралов.

– Так ведь не давали скотину-то держать. Не давали, – вздохнула Нина Ивановна. – Косить не давали, приусадебные участки обрезали... Хрущев-то будто заявил, что все по столовым будут питаться, что там все дешево станет и дома не надо будет силы тратить... Что все силы на общественное производство...

– В принципе-то, это правильно, – сказал Василий. – На личном подворье труд малопроизводительный...

– Может оно и так, – устало возразила Нина Ивановна, – только какая это будет семья, если она за общим столом не собирается, какой дом без скотины-то? Ведь народ-то в зимогоров превратится...

Юралов не возражал.

– Приехали с района представители, – продолжала Пасхина. – До часу ночи собрание шло, уламывали всякими способами, чтобы проголосовали за сокращение приусадебных с 35 до 15 соток, за то, чтобы коров со дворов сводили на мясо...

– Ну и как?

– Проголосовали. Не все, конечно. Кряжевы не голосовали. Корову не свели. Потом и началась битва. По ночам косили, тайком. Был у нас такой бригадир из пришлых, так он Матрену Стогову выкараулил, как она сено с пустошей ночью на горбу несла, да и поджег сзади ношу-то. Сено-то как полыхнет в ночи-то... Так она чуть ума не лишилась...

– Ну а Кряжевы что?

– А что Кряжевы? Надо скотину-то кормить. Накосили в тайге, привезли опять же ночью. Кто-то и донес. Вот к ним комиссия и нагрянула. Старший-то и встал на дыбы.

Вот с той поры у нас, у народа, на колхозное вроде бы обида какая... Не надо было подворье-то зорить. Теперь вот не запрещают скота держать, а обида осталась...

...Маленькая избушка Нины Ивановны Пасхиной была уютна и чиста. Хозяйка согрела самовар, выставила на стол нехитрую снедь: вареные яйца, молоко, хлеб...

– Я ведь, Василей Васильевич, батюшка, без скотины тоже жизни своей не мыслю. Сейчас вот сил уж не стает, так хоть козлика с козочкой да держу. Вот ты козлика моего не видел жалко. Ну да ладно, завтра нагладишься. Яшенькой его зовут. Ему бы не козлом родиться, так давно бы уж на каком большом правленьи был. Поглядишь, так выходка-то чисто генеральская...

Юралов засмеялся.

– Вот и я говорю, веселый козлик-то. Третьего дни пришла я с Яшенькой к Николаю Ивановичу, бригадиру. А и Яшенька со мной, как ординарец, в дом заскочил. Тут Николая-то Ивановича кто-то и позови. Пока он в сени выходил, вижу уж Яшенька мой на стол заскочил к Николаю-то Ивановичу. Да слышу уж что-то и боркает!

А это Яшенька в бригадиров картуз написал да и обратно соскочил.

Ох, ты мне, думаю, незадача какая!

А тут Николай Иванович зашел да и надел картуз.

Говорит, крыша, у меня что ли течет...

Юралов представил эту картину в лицах и расхохотался еще больше.

Но Нина Ивановна сама не веселилась, а, скорее, была грустна.

– Коровушку свою все жалею, – вздохнула она горько. – Вот уже десять лет, как не стало моей Белавы, а нет-нет и привидится она во сне. Стоит будто бы у ворот и смотрит с укоризной, словно в душу заглядывает: «Мол, что же это ты, хозяйка, меня позабыла? Все коровы давно по дворам, одна я, словно сиротина бездомная».

Проснусь вся в слезах: «Господи! Да что же это такое, что же ты память-то мою не отпускаешь? Столько ведь лет прошло...».

Юралов прихлебывал из кружки чай и слушал старую женщину, не перебивая.

– Думаю, краше моей Белавы во всем свете не было. А уж какая умница-разумница! Бывало стадо с поскотины идет, Белавы завидит меня, голос подает. Бабы мне: «Нина, твоя труба впереди всех, словно барыня вышагивает». Три ведра молока на дню надаивала от нее. А молоко-то какое! На три пальца сливок настоит в кринке. Каждый год теленочка принесет.

Мы ее уже коровкой купили в соседней деревне. Мама мне присоветовала: чтобы, говорит, корова обратно к хозяйке не убежала, ты, говорит, у себя на дворе нательную рубаху сними и протри корову рубахой с головы до ног, чтобы она дух твоего дома на себя приняла...

Так я и сделала. С первого дня дорогу к дому Белавы нашла. Мы с ней душа в душу жили. Уж я ее словом худым не обидела, поило готовила, хоть сама пей, сенцо мелкое давала, зеленое, солью присыпанное.

Как-то вечером пригнали пастухи стадо в деревню, а моей Белавы нет. Кинулась я в поскотину – нет ее, по лесам

да болотинам побежала – не чуть и голоса. Деревню всю на ноги поставила, каждый кусток и кочку обрыскали – пропала Белава. Пала я на землю сырую, зашла как по покойнику. Ах ты мне, горе горькое, как же мне без тебя, Белавушка, жить, чем детей малых поить-кормить?!

Сутки Белавы нет, вторые, неделя прошла. Я уж все ноги в кровь сбила в поисках, а тут мама советует: «Иди, говорит, Нинушка, в Загоскино. Там живет старушка-ясновидица, может, она скажет чего». И тотчас в Загоскино собралась, яиц решето да сала край в подношение и – в до-рогу.

А бабка та и впрямь ясновидящей оказалась: «Иди, говорит, за гари, там за гарями попала твоя Белава в круг. Да иди, поспешай!». И подношения моего не взяла, а дала бутылочку со святой водой.

Побежала я за гари, и там в лесочке нашла свою Белавушку. Круг такой метров на двадцать в поперечине вытоптан до земли, и ходит по нему моя Белава, вся кожа да кости, ходит, еле ноги переставляет, качает ее бедную.

Закричала я, что мочи есть от радости, а она и не чувствует, вроде, голову опустила, с губ пена падает. Открыла я бутылку со святой водой, сбрызнула ее, и тут передние ноги у нее подкосились, и пала она на землю, и замычала жалобно...

Юралов внимательно слушал и, видя такой интерес в госте, Нина Ивановна, загоралась рассказом все больше. Она опустила на плечи платок, раскраснелась то ли от чаю, то ли от воспоминаний.

– Ну а потом война началась, так скрутило, что небо с овчинку показалось. Остались без мужиков, без лошадей, все хозяйство на бабьи плечи свалилось.

– Надо весенне-посевные работы проводить, а не на чем, попробовали вручную копать, руки вытянули так, что от напряжения чирьи по рукам пошли... Чего делать-то? Выручай, Белава! Выручай, милая!

Как вспомню сейчас, сердце кровью обливается. Одели ярмо на шею Белавушке, прицепили плуг и в – поле. Зем-

ля тяжеленная, к отвалу липнет. А чего силы-то осталось в Белавы моей, коль сами с голоду пухли...

Тетка Нина замолчала, и на глаза ее навернулись слезы.

– Начали пахать. А она будто понимает все, упирается, что есть мочи, бороздку ведет. Всю весну на ней работала, а к концу пахоты сил не стало вовсе у Белавы. Как-то встала посреди борозды, и ни с места. А я и сама еле на ногах держусь. А надо план давать, сводку каждый день в райком отсылают, на фронте хлеба ждут...

Не выдержала я и огрела веревкой любимицу свою. А она только передернула крупом и стоит. Я через борозду перевалилась и к ней, в глаза-то заглядываю и вижу: Бог ты мой, у Белавы моей слезы, что горошины, катятся.

И такая в глазах этих боль и вина, что обхватила я ее морду и заревела в голос, и прощения у нее просила и войну проклятущую проклинала.

Старая женщина надолго замолчала.

– Ночью Белава моя померла, – наконец с дрожью в голосе сказала Нина Ивановна. – Утром пришла на двор, а она уж холодная...

Юралов тоже молчал, потрясенный этой историей.

Да, Хрущев уповал на то, что общественное животноводство, более дешевое и производительное накормит всю страну и высвободит опять же для производительного общественного труда рабочие руки... Выходит, резали по живому... В скольких сердцах осталась такая вот неизбывная боль по своему хозяйству, по скотине...

– Вот я и думаю, если на том свете есть коровий рай, так точно Белава моя в раю. Не зря она мне во сне грезится. Верно, к себе зовет. А я и сама последние лапти донашиваю на этом свете, только вот попаду ли в рай-то – не знаю. Ох, нагрестили мы за время свое безбожное немало, и церкви наши бескрестовые лесом на куполах поросли...

...Было уже темно. Нина Ивановна постелила Юралову в горнице на перине. В избе пахло хлебной закваской и ржаной соломой. Совсем, как в далеком теперь детстве...

Едва коснулась голова подушки, словно провалился он в глубокий омут. И снилась ему дальняя дорога, плачущая Белава, братья Кряжевы с финскими ножиками за голенищем, и та самая девица, плящущая на кругу, с горячими темными глазами. Вот повернулась она на каблуках, взмахнула подолом сиреневого платья, и вновь открылось ее лицо, но это была уже другая девушка, белокурая, с ясными голубыми глазами, грустной улыбкой на губах. Это была его Лара...

Чья в деревне власть?

– Да, милый вы мой, крестьянская психология – это особый строй души, – наставлял Василия в институте профессор Амелин, руководитель его научной практики. – Вот вы приедете в хозяйство, поставят вас к рулю, так я заранее очень попрошу вас: с вашим-то горячим характером не наломайте дров.

– Сельское хозяйство требует, вы сами говорили, решительных коренных преобразований. Как, не разрушив старого, можно построить новое? – удивился Юралов.

– В том-то и дело! – воскликнул профессор. – Нужно чувствовать остро, чтобы строить и перестраивать, не нарушая корневых основ. Давайте-ка мы с вами, оставим пока на минуту классиков марксизма-ленинизма, а обратимся к такому вот знатоку крестьянской души и крестьянской психологии, как Глеб Иванович Успенский. Вспомним его знаменитый очерк «Власть земли»:

«Русский народ до тех пор велик и могуч, до тех пор терпелив и безропотен в своих страданиях, пока царит над ним власть земли, пока сохраняет он в своей душе невозможность послушания ее повелений. Уберите эту власть – и нет того человека, нет того кроткого типа, который держит на своих плечах вся и все. Наступает страшное: «Иди куда

хошь». И беда, если власть земли будет подменена властью чиновника. Так-то вот, дорогой мой.

Профессор разволновался и отложил в сторону очки.

– Помните Петровские реформы? Он пытался указами внедрять нововведения. Указом заставить крестьян садить картофель повсеместно. И что получилось? Крестьяне посадили эти «земляные яблоки» вместо репы, а поскольку понятия не имели об их свойствах, то стали собирать не клубни, а пупышки, которые на ветках растут, наелись, отравились и устроили картофельный бунт, который пришлось умирять огнем и мечом.

А что сделали французы? Они тоже внедряли картофель, но как. Они учитывали психологию крестьян. Они раздали семена лучшим крестьянам и наказали строго настрого, чтобы ни один клубень не ушел на сторону. И через два года вся Франция садила картофель...

– Выходит, чиновники тоже разные бывают? И не всегда их власть и влияние на крестьянина бывают негативными...

– Влиять, а не управлять, вот в чем вопрос. Но и влияние до определенной степени, Умное влияние. А то крестьянин скажет, а зачем мне самому думать, зачем беспокоиться. Придет дядя сверху, распорядится... И тогда результат будет печальным. Задача руководителя в том, чтобы не самому работать и думать, а понуждать своих подчиненных думать и действовать.

Было время, когда у нас среди руководителей были сплошь одни кавалеристы: все проблемы у них решались лихой кавалерийской атакой.

– Знал я одного такого, у него прозвище в народе было такое «Всадник без головы», – поддержал Амелина Василий.

– Вот, вот, – засмеялся Амелин. – А зачем голова, когда на каждое твое движение сверху есть определенная директива.

– Ну сейчас, время изменилось, – с удовлетворением сказал Василий, – теперь только и разговоров о самостоятельности, инициативе.

– Э, молодой человек, не спеши, – возразил Амелин. – Ситуация не меняется по мановению волшебной палочки. Те, кто подмял под себя негласную власть, так просто с ней не расстанутся.

Вот послушай, что я тебе скажу. По своему разумению я делю людей на три категории: первая высшая – это гении, творцы. Они живут и работают не ради собственной выгоды. Чаще всего об этой стороне дела они не помнят и не замечают ее. Их без остатка увлекает дело, его масштабность. Они счастливы тем, что заняты созидательным творческим трудом.

Другая категория – это таланты, созидатели. Талантливым может быть и писатель, и кузнец, и пахарь. Они тоже увлечены делом, не часто думают о материальных выгодах своего занятия, и тоже остаются в обычной жизни бессребрянниками.

Но есть и третья категория. Назовем ее – рутинщики. У рутинщиков нет гениальных способностей, нет задатков творцов, они не могут похвастать умениями и талантами, они серы, и в своей серой массе ничем друг от друга не выделяются. Но они находят для себя достойное занятие. Они идут вслед за гениями и талантами, за творцами и созидателями и обставляют их жизнь своими правилами, своими законами, начинают управлять творцами и распоряжаться результатами их труда. Они корпоративны, они организованны и сплочены одной общей задачей. Они опасны, наконец, для общества и государства. Если не выстроить вовремя против них защиту. Но сделать это будет чрезвычайно непросто, потому что и серость, и рутинщики завтра без тени сомнения объявят себя борцами и с рутинной и серостью, с бюрократией и коррупцией, поменяв коней и окраску, чтобы только не потерять свою власть над творцами и гениями...

– Что же делать? – спросил расстроенный Юралов.

– Что делать, что делать? Единственное, я полагаю, средство, когда увлекаешься делом, масштабами его, не теряй при этом головы. Поглядывай, что делается вокруг, кто стоит за твоим плечом. И не чурайся рутинной работы,

чтобы ее за тебя не стали делать другие и не опутали тебя своими сетями...

С Амелиным Юралов вновь встретился на партийно-хозяйственном активе в районе, куда направили его работать после института. Профессор приехал, чтобы прочитать доклад о научно-обоснованных нормах кормления скота.

Он утверждал, что, для того чтобы корова доила не менее трех тысяч литров молока в год, нужно, чтобы ее ежедневный рацион составлял не менее девяти кормовых единиц.

В это время сидевший в президиуме заместитель начальника областного управления сельского хозяйства по животноводству Першаков, сверкавший огромной лысиной, властно прервал докладчика, постучав по графину карандашом:

– Вот скажите, уважаемый товарищ профессор, как это получается... Вот у нас здесь присутствует председатель колхоза «Таежные поляны» Леонид Петрович Кропачев. Он вам может ответственно заявить, что у них на корову приходится пять кормовых единиц, а получают они от этой коровы тоже около трех тысяч литров.

Зал загудел. Из первых рядов поднялся высокий молодой человек, одетый в серый, с иголки, костюм, идеально подстриженный и без обычной для председательских лиц окалины загара.

– Вот, пожалуйста, товарищ Кропачев, подтвердите профессору ваши результаты.

Амелин с интересом взглянул на молодого председателя.

– Так за счет каких же резервов вы смогли достичь этих феноменальных результатов? – спросил он насмешливо.

– Я думаю, здесь не уместен смех, – ледяным тоном отвечал молодой человек. – Выполняя решения прошедшего съезда партии, встав на трудовую вахту в честь празднования Первомая, наши животноводы увеличили продуктивность скота, несмотря на недостаточность кормовой базы.

Что-то знакомое показалось Василию в этой высокой тончивой фигуре, в голосе, и жестах: «Кропачев? Леонид Кропачев. Ленька! – Так вот где судьба свела их вновь».

Кропачев сел.

Амелин отложил доклад, повернулся в сторону Першакова:

– С научной точки зрения, этот феномен я объяснить не могу, но могу объяснить как рядовое очковтирательство.

Зал грохнул, Першаков покраснел и набычился:

– Я бы не советовал вам делать столь скоропалительные выводы. Наука слишком много на себя берет...

Все знали, что «Таежные поляны» искусственно тянут в передовики. Даже такой анекдот рассказывали. Будто бы приезжает Першаков на ферму, подходит к передовой доярке и спрашивает: «А скажи, Евдокия, ты три тысячи от коровы надоить можешь?» – «Могу, Петр Федорович!» – «Ну, а четыре?» – «Могу и четыре». – «А пять?» – «Могу, Петр Федорович, и пять, только вот молоко-то сине будет!».

В перерыве Юралов подошел к Амелину. Профессор обрадовался своему бывшему студенту, как родному. Долго тряс ему руку.

– Вот мы с вами говорили о крестьянской психологии, а теперь, поездив по хозяйствам вашего района, я хотел бы с вами о коровьей психологии поговорить. Понимаете в чем дело: генетически это животное на протяжении столетий формировало свою психологию, направленную только на отдачу. У коровы не должно появляться других желаний, кроме одного: доиться, доиться и доиться. Она должна знать, что обо всем остальном позаботится человек, ее хозяин, вовремя и полноценно накормит, напоит, согреет, почистит стойло и постелет душистую солому... Но если у нее появятся на сей счет сомнения, если ее не накормить раз, второй, если не напоить вовремя, тогда она начнет перестраивать свое отношение к жизни. Она перестанет отдавать молоко полностью, а станет свою энергию резервировать про запас, на всякий случай.

Тут уж не до рекордов. Понимаете в чем дело, и у скотины, оказывается, нужно завоевать доверие...

После заседания хозпартактива Василий, выйдя на улицу, почти столкнулся с Кропачевым.

– Ну что ж, здравствуй, – сказал тот с плохо скрываемым вызовом, – и тебя в эту упряжь запрягают, слышал. В «Зарю». Давай, давай, Оратай Оратаюшка. Не сломай только шею...

Василий молча смотрел на Кропачева, человека, который принес ему уже столько страданий и смог повлиять на его жизнь. Но в душе его похоже давно сгорело негодование, осталась одна брезгливость...

– Поживем, увидим, – ответил он коротко и оставил Кропачева на крыльце райкома.

Колхозная демократия

Все эти дни до колхозного собрания Юралов жил у старой доярки Нины Ивановны, втягиваясь в круг председательских забот. А их, как оказалось, было выше головы, начиная от отелов на ферме, кончая бабьими родами. До всего должно быть дело председателю, со всяким вопросом к нему идут... Так заведено тут десятилетиями.

Сельский клуб располагался в верхней теплой части переоборудованной под культурный центр церкви Иоанна Предтечи. Церковь в прежние времена была богато расписана, фрески с библейскими сюжетами начинались прямо от входа, с лестницы, и украшали весь верхний и нижний пределы. Фрески пытались не раз забелить, но побелка держалась плохо и сквозь нее: то тут, то там проступали лики святых.

Сцена с трибуной располагалась в алтарной части. За сценой на белой стене висели портреты Карла Маркса и Ленина, а меж ними виднелась на стене фреска, изображавшая Иоанна Крестителя с высоко поднятым крестным знаменем.

Народ давно уже привык к такому соседству и не обращал внимания ни на Предтечу Христа, ни на классиков коммунистической идеи.

Собрание по выборам нового председателя назначено было на одиннадцать дня, но народ не торопился бежать на собрание, обряжал скот, хлопотал по дому, словно испытывая терпение кандидата на прочность. Василий начал уже было волноваться.

Пока что в клубе были только специалисты из конторы, несколько старух, ребятишки, затеявшие возню и игры с беготней вокруг лавок, несколько деревенских собак, загодя занявших укромные места, где бы не наступили им на хвосты.

В бродовых с закатанными голенищами сапогах, в зеленой пограничной фуражке пришел дед Гарапон, потерявший свою начальственную должность с открытием дорог и страдавший от этого.

– Новому председателю, поклон от ветеранов земледелия, – дед снял фуражку и церемонно поклонился Василию. – Надолго ли в наши края?

– Да я еще пока не председатель.

– Выберут! Поорут, покричат да и выберут! – прищурился хитро Гарапон. – Так-то оно проще. Есть с кого спросить, если какие в хозяйстве нелады. Сами-то в стороне, а председатель – отвечай. Как у нас прежние-то председатели правили? Побьются, потрепещутся да и на вылет.

– И давно у вас так? – спросил Василий.

– А с тех самых пор, как телефонный звонок Сталина нас подвел.

– Сталина? – удивился Юралов.

– Докладываю, – оживился Гарапон. – Урожай в наших краях, надо сказать, сразу, с испокон веку хороши были. Земля, считай, чернозем чистый, да и стараньем Бог не обидел. Председателю до ордена рукой подать.

Вот собирает он после уборочной правление. «С одним планом хлебосдачи, – говорит, – мы успешно справились, – возьмем, говорит, обязательство и второй сдать!».

Но правление – на дыбы: «А чего колхозникам на трудодни останется?».

Сколько ни давил, сколько ни ломал – устояли. Пусть, отвечают, общее собрание колхозников решит сдавать второй план или не сдавать.

Повесил наш пред головушку, а потом как стукнет по столу: «Собрание, так собрание!».

Вот в клубе весь колхозный народ в сборе, портреты вождей в красном углу, на сцене президиум восседает, а вот председателя нет. Пять минут нет, десять... Заволновались, зашумели. Пятнадцать минут нет уже.

И тут из боковой двери стремительно так выкатывается, и портфель под мышкой. Взлетел на трибуну, как кочет и молчит. Торжественно так молчит, значительно.

Притихли мы в ожидании, а он как заголосит: «Поздравляю, – кричит, – вас, товарищи-колхозники! Только что я разговаривал по прямому проводу с вождем мирового пролетариата, генералисимуссом всех времен и народов, нашим мудрым учителем и кормчим... Иосифом Виссарионовичем Сталиным».

Тут нас как волной со скамеек подняло. Ударили мы, что есть мочи дружное «ура!», так что лошади у коновязи пообрывались. И так, стоя аплодировали, наверное, полчаса... Еле-еле унялись. Шутка ли, сам вождь удостоил такой чести.

«Так вот, – говорит в продолжение наш оратор, – товарищ Сталин просит нас максимально напрячь силы и выполнить второй план по хлебосдаче. Прошу голосовать. Кто «за»?»

Снова встаем и – в аплодисменты. Хлеб сдали вплоть до семян. И с тех пор двойной план по хлебосдаче за нами так и остался. Обнищали в конце.

– Дали хоть председателю орден? – спросил, улыбаясь, Юралов.

– Какое там! Отправили на лечение. Манию величия признали. А надо бы весь колхоз лечить. Не могли сообразить, что в деревне месяц как телефон не работал...

И Гарapon испытующе вперился в глаза Юралова, ухмыляясь в прокуренные усы.

...Хлопнула внизу дверца залепленного грязью козелка. Приехал Зажигин, первый секретарь райкома партии, чтобы поддержать молодого кандидата.

Он был невысокого роста, кряжистый, во всех движениях его чувствовалась неумная энергия, а глаза лучились веселым светом. Зажигин заметно прихрамывал – сказывались фронтовые раны.

«Первым» Зажигин стал несколько месяцев назад. До этого он руководил крупным колхозом, который сумел за несколько лет вытащить в передовые. И теперь Юралов, надо полагать, был его ставленником.

– Ну здравствуй, герой! – весело приветствовал Зажигин Юралова. – Присмотрелся к Бекетовскому? Нелегка ноша, надо прямо сказать, но я в тебя верю! Теперь надо сделать так, чтобы люди поверили.

– Народ-то, Валентин Владимирович, собирается медленно, – не скрыл огорчения Василий, – того и гляди сорвут собрание.

– Придут, – успокоил его Зажигин. – Тут свои правила, ждут чтобы их уважили, поклонились, попросили еще раз. Пошлешь гонцов, начнешь кланяться – себя потеряешь... Не станут уважать.

– А что делать?

– Надо начинать, и как только мы начнем – все соберутся. Местный телеграф сработает мгновенно – все тут будут. Проверено.

Наконец пришли члены правления колхоза. Собрание началось. Выступал с отчетом главный бухгалтер, уныло перечислявший цифры убытков, долгов, недостач... И пока подводил он печальный баланс прожитому году, зал постепенно наполнился людьми.

Бухгалтер закончил. В зале раздались аплодисменты. Потом выступил агроном, доложив о рекордно низких урожаях, нехватке удобрений и не вывезенном от ферм за три года навозе... Похлопали и ему. Потом взял слово председатель ко-

митета народного контроля, говорил резко, бичевал недостатки, называл цифры потерь... Ему хлопали больше всего.

Потом за трибуной оказался механик животноводства:

– Уже в этом пастбищном сезоне произошло несанкционированное ЧП, – заговорил он с пафосом обличения. – Пастух товарищ Поздняков в нетрезвом состоянии, начал раздражать быка-производителя Капитона путем щекотания. В результате чего пастух Поздняков получил телесные повреждения путем забодания.

Неожиданно это сообщение механика вызвало бурную реакцию зала.

Первым вскочил сам пострадавший:

– А цепи где? Где цепи, я вас спрашиваю? Я сколько раз подавал заявки зоотехнику на цепи. Это где это видано быков без цепей держать? А?

Зал загудел. Председатель собрания, кладовщик Хомяков, вытащил из кармана большой ключ, наверное, от амбарного замка, и постучал им по графину. Но его старания не были услышаны.

Пастух Поздняков, высокий, худой, театрально потрясая руками, перешел в атаку:

– А я чего, один что ли пью? А это кого производитель Капитон гонял третьего дня по пастбищу? Не тебя ли? А ты ведь, кажись, трезвой был? Али под мухой?

Инженер пытался что-то сказать, но зал гудел, словно паровой котел, готовый вот-вот взорваться. Инженер махнул рукой и ушел с трибуны.

В зале, как показалось Василию, творилось что-то невероятное. То тут, то там в разных концах его вспыхивали жаркие споры. Люди вскакивали и начинали запальчиво говорить, обращаясь к кому-то сидящему в зале через несколько рядов. Ответ не задерживался. Тот, к кому была обращена горячая речь, в свою очередь вскакивал и производил свою страстную речь.

По обрывкам фраз Василий понимал, что спор идет о несчастном колхозном производстве, о погибших телятах, проквашенном по халатности молоке, и сгноенном сене, и

еще о многих и многих провалах в организации производства.

– Племенной работы нет, про агротехнику и не вспоминают! – доносились выкрики.

– В прошлом году, кто удобрения у реки свалил, а их паводком и смыло!

– Молодежь уезжает от тоски – клуба порядочного нет. В церкви поем и пляшем, греховодники, – кричали из зала.

– Вы поглядите, какие у нас дороги! – кто-то кричал запальчиво. – Только на эропланах и летать!

Юралов впервые присутствовал на таком вот собрании, которое напоминало потерявшее управление судно в штормовом море.

Он растерянно поглядел на Зажигина, но тот хранил спокойствие и только улыбался, вслушиваясь в этот гудящий котел.

– Ничего, ничего! Надо терпеть. Пусть люди выговорятся. Видишь, сколько всякой дряни накопилось в колхозных делах.

Тут над залом колыхнулась зеленая фуражка деда Гарапона:

– Дайте слово ветерану колхозного производства! – звонко и молодо выкрикнул дед, перекрывая шум собрания.

– Ну чего тебе, старый? – пробасил Генаха Кряжев, сидевший на передней скамье вместе с братом и отцом. – Опять какнебутную провокацию замышляешь?

– Имею серьезное предложение по выходу из сложившегося тупика!

– Валяй, Гарапон, говори, – поддержали его из зала.

Гарапон снял картуз и откашлялся:

– Так вот, дорогие друзья-товарищи. Сколько у нас там в кассе денежек-то на текущие расходы осталось? Пятьсот рублей?

Зал недоуменно загудел.

– Так вот я и предлагаю – на все купить хванеры!

Теперь в гуле собрания зазвучали угрожающие ноты.

– Так вот я и говорю: надо на все эти денежки купить хванеры.

– Да на кой ляд тебе хванера-то, старый ты греховодник! – возмутилась доярка Пасхина.

Дед снова многозначительно откашлялся. Зал на некоторое время замолк, ожидая услышать мудрость старейшины.

– А какжо? Нужна нам хфанера, ой, как нужна. Купим мы хванеры, настроим аэропланов и разлетимся отседа к едрене матери!

Зал ахнул и взорвался. Кто-то хохотал, кто-то ругался, кто-то пытался внедрить свою тему.

Василий поглядел на часы. С начала собрания прошло два часа, мужики уже хлопали по карманам в поисках табака, бабы перевязывали платки.

– Надо отпускать народ на перерыв, – сказал Зажигин Юралову. – Пусть сходят, обрядят скотину, пообедают, а потом уже начнем снова. Учти, раньше полуночи не закончить, пока всех и вся не перетрясут.

Юралов повел Зажигина обедать к бабке Нине, где квартировал.

– Когда семьей обзаведешься? – спросил Василия секретарь, глядя на него испытующе. – Смотри, председательский крест тяжелый. Все на виду. Ни выпить лишней рюмки, ни девку за бок ухватить. Не зря сказано, игуменья за стопку, сестры – за ковш... Есть на примете девушка-то?

– Девушка-то есть, – отвечал со вздохом Василий, только вот следы ее потерял...

– Как так?

– Последний раз видел ее одиннадцать лет назад. Ее из детдома забрали родственники, увезли в Краснодарский край. Сколько я не писал ей по адресу, ответ один: адресат не известен. Пытались через всесоюзный розыск найти – не получается...

– Вот как? – с удивлением глянул на Василия Зажигин. – Так ты до сих пор хранишь верность своей детской

любви? – секретарь покачал головой: – Это достойно всяческого уважения.

Он помолчал.

– Надо искать, Вася. Если есть девушка, значит, должен быть и адрес...

Из одной плошки

Нина Ивановна подала на стол наваристые щи из русской печи. Они были настолько густы, что ложка в них стояла, а жиром так затянуло поверхность блюда, что даже пар сквозь него не проходил.

– Хлеб должен хозяин резать, – Зажигин протянул Юралову каравай ржаного и нож. – Нас у отца семеро ртов было. Соберемся за стол, так мамка подавать не успевает.

Хлебали щи из одного блюда деревянными, выдавшими виды ложками. Юралов наблюдал, как Зажигин аккуратно подставляет кусок хлеба под ложку, стараясь не уронить ни капли.

Со щами расправились быстро, хозяйка принесла из сеней кринку козьего молока, села напротив.

– А я ведь, Валентин Владимирович, вашего-то тятю помню. Справедливый был человек. Уважали его по всей округе.

– Расскажите, Валентин Владимирович, про отца да и про себя тоже, пока время есть, – попросил Юралов.

– Отец у меня с гражданской пришел дважды навывлет раненым, – не стал чиниться Зажигин, – а работать надо. Поставили его председателем волисполкома. Двенадцать деревень под началом. Суровое время было... А когда совсем мужика налогами душили стали, поехал к Дзержинскому хлопотать о снижении налогового бремени. Как уж там было, но сумел и к Дзержинскому попасть и убедить председателя ВЧК в необходимости поддержать сибирско-

го мужика. Дзержинский, в свою очередь, на правительственном уровне этот вопрос поставил. Ожили деревни.

Правда, у батьки сил не стало управляться с волостью, стал на дому столярничать...

А когда сельсоветы пошли, председателем сельсовета, как сейчас помню, Алексей Герасимовский стал. Из бедняков. Такая партийная линия в деревне проводилась, чтобы из беднейших слоев к руководству люди приходили. Да вот беда, не всегда лучшим власть доставалась. Вот и у нашего соседа не было к труду и земле прилежания, он и попал в разряд бедняков.

Но в должности правил круто. Проводил раскулачивание. Надо разрядку выполнять – подобрал двух богатеев, а у тех богатеев крыши соломой крыты.

Как-то приходит к отцу:

– Николаевич! Я теперь на всю жизнь обеспечен.

Отец ухмыльнулся:

– Нет, парень, на чужих дрожжах не поднимешься.

И верно. Скорехонько все добро пропито было. Потом уж побираться пошли.

– Так, так оно и было, – подтверждающе кивала головой Нина Ивановна.

– А о себе? Расскажите о себе, как стали председателем, секретарем, – горячо попросил Юралов.

Зажигин задорно глянул на Василия.

– Ну о себе, так о себе. Может молодому председателю что-либо и сгодится из моего опыта... Выучился я на агронома, – в голосе Зажигина появилась легкая грусть. – Хороша была наша деревня. Как сейчас вижу. В полдень солнышко жарким колобом вдоль деревни катится. Выйдешь за околицу: даль неоглядная, земля-матушка словно живая дышит...

А поработать не успел – война. Участвовал в обороне Ленинграда, был на прорыве блокады. Я по военной специальности механик «тридцатьчетверки».

Зажигин тяжело перевел дыхание. Помолчал, собираясь с силами. Слышно было только, как тикают на стене ходики.

– Трижды брали 8-ю ГРЭС на Невском Пятачке, и трижды нас разбивали в пух и прах. У немца каждый метр был пристрелян. Потом уж посчитали – на квадратный каждый метр враг по пять тонн снарядов израсходовал...

В четвертый раз пополнили нас танками с Кировского завода. Рванулись мы через линию смерти. Кругом ад кромешный. Считаю: минута, вторая, третья... – все еще живы, все еще не горим. Потом вижу в смотровую щель – немцы побежали...

Вернулся домой в сорок четвертом. Полмесяца с костылями ходил, две недели с двумя палками, потом с одной. А потом как-то увидел в хлебах козу – кинул в нее палкой, а поднимать не стал. Дальше всю жизнь крепко на ногах простоял.

– Вот уж что верно, то верно, – встряла в разговор хозяйка. – Валентина Владимировича никто с его дороги своротить не мог.

– Да, да. Рассказывают, что у вас и конфликты были серьезные в свое время с руководством, – осторожно поинтересовался Юралов.

– Бывало всего. Вот послушай, чего я тебе расскажу, – продолжал Зажигин, отставив кружку. – Первый раз меня исключали из партии, когда я был еще беспартийным.

– Как так? – поразился Василий.

– А очень просто. Как сейчас помню: 13 сентября 1950 года избрали меня председателем колхоза. Было тогда в хозяйстве под сотню лошадей, полтораста коров, да я еще сдуру прикупил 120 телят. А сена всего 200 тонн было в зиму заготовлено...

– Смело! – покачал Василий головой.

– Скорее глупо! – возразил Зажигин. – Как зимовали, одному Богу известно. Надо коров доить – сейчас же собираем мужиков и на двор – жердями скотину подымать. Вывесим на двух вагах коровешку и держим, пока бабы не подоят ее. Я до чего доподнимал, что с пуна съехал.

Ну, думаю, надо лучше головой работать. А то век свой придется коров вывешивать. Лето приходит, выдаю колхозникам свое решение:

– Все покосы, какие есть, делю между семьями. Косите, как можете. Десять процентов от накошенного – забирайте себе.

– Правильное решение, – оценил Василий. – Без личного интереса никакое дело не пойдет.

– Народ поднялся, горы готов свернуть: в кои-то веки можно свою корову сеном без оглядки обеспечить, – продолжал Зажигин. – Кормов заготовили в то лето невиданно. Да и зерна narosло. Скотина оправилась, надои и привесы в гору полезли.

И приезжает как раз перед великим постом из района инструктор. Мол, поделитесь опытом, как вам удалось таких успехов достичь? Так и так, говорю. Головой стали думать, а не задним местом. Рассказал, как народ заинтересовали. И тут он на дыбы: «Это что такое? Кулацким замашкам колхозников потакаете? Да за это дело...».

Я вспылил, печатью о стол брякнул: «Если ты такой идейный, так сам и руководи, заготовляй и сено, и солтому».

Он эту историю в районе раздул, вызывают меня на бюро и принимаются «чихвостить» за недисциплинированность, за потакание кулацким настроениям.

«Да вы что, мужики! При коммунизме и вовсе скотину кормить перестанем?»

Секретаря в кресле так и подкинуло: « Попрошу не трогать коммунизм, это святое! Предлагаю Зажигина из партии исключить. Кто «за»? ».

Проголосовали.

«Партбилет на стол!» – «Нет у меня партбилета». – «Как так?» – «А я беспартийный, – говорю, – и пока ты здесь командовать будешь, не вступлю!».

Слава Богу, того секретаря быстро тогда сняли, а то он меня точно бы упек.

– Даже так вопрос стоял? – удивился Василий.

– А что, было время – меня четыре раза судили... не за воровство или кражу, не за драку или хулиганство, не за какое-то там преступление, а за принятие самостоятельных решений.

Колхоз наш в системе семеноводства. Понятно, семена требуют особого отношения. Пока их почистишь, отсоптируешь. Другие хозяйства уже всю хлеб сдают, а у нас в сводках – прочерк.

Вызывают на бюро: «Почему медлишь с хлебосдачей?».

Объясняю. Слушать не хотят. Тут прокурор, начальник милиции: «Посадить, как саботажника!».

Прямо в кабинете арестовали и – в КПЗ. Улицей ведут, как особо опасного преступника. Сутки с хулиганами просидел, приходят: «Зажигин! На выход».

Выпустили. Хлеб-то надо молотить.

Вдругорядь три года дали. Лишения свободы. Я молодой еще был. Не понимал. Думаю, меня гражданских прав лишили. Голосовать теперь не дадут. Хорошо, что областной суд отменил решение нашего. Вот так началась моя карьера. То из партии исключают, то в тюрьму сажают...

Что ни день, то война. Окопы по полному профилю. Еле отбил. Но отбил. Теперь вот вместе с тобой биться станем.

Василий сидел несколько ошарашенный откровениями секретаря. И это от внимания Зажигина не ускользнуло.

– Вот что я тебе скажу, парень. Как ты понимаешь, я знаком с твоим личным делом. Знаю, что мать у тебя была незаконно осуждена по навету, отец побывал под следствием. Но ты, брат, на партию не обижайся. В любом деле дураков и подлецов хватает, а уж в партийном-то тем более. Партия-то правящая, и потому карьеристы, подхалимы, дураки всех мастей на нее, как мухи на мед летят. И не отмахнуться от них просто так. Они, братец ты мой, упорные. И не отмахиваться тоже нельзя. Потому что если дать

им волю, так скоро они умных да толковых из партии выживут и станут сами править...

Зажигин перевел дыхание и увесисто прихлопнул ладонью по столу.

– Только если они упорные, так я еще упорнее. Нельзя им такое дело дать загубить. Ведь строим-то новое, небывалое на земле государство. Государство всеобщей справедливости, всеобщего счастья. И такая цена, дорогой мой, за это заплачена. Такая цена – не высказать...

Василий молчал, не смея перебить исповедь секретаря каким-нибудь глупым, сказанным не к месту словом.

– Вот я тебя, беспартийного, на должность председателя колхоза предлагаю. Потому что верю в тебя. Ты молод, образован, в тебе есть – здоровые амбиции и желание преобразований. Если будешь дрова ломать – подскажем, не поймешь – накажем, но твоей воле, твоим замыслам мешать не станем...

Я думаю, за эти несколько дней ты ухватил основную идею, понял, почему люди здесь, работающие, старательные, не хотят горбатиться на общественном производстве?

– Экономического стимула нет, – тотчас откликнулся Юралов.

– Вот то-то и оно! Мобилизационная экономика давно не работает, а мы все пытаемся работать методами военного коммунизма. Народ не хочет больше работать за палочки и пустые трудодни. Нужно поставить оплату в зависимость от результатов труда. Нельзя личное подворье противопоставлять общественному, нужно делать из них союзников... Согласен?

– Конечно, согласен, Валентин Владимирович! – вскричал Василий. – Это же очевидно.

– Вот в этом ключе и пусть будет твоя речь перед выборами. Я, думаю, колхозники тебя поддержат, – заключил Зажигин и потянулся за кепкой.

– А что касается остального: финансовой поддержки, техники, горючего, стройматериалов – это наша задача, государственная задача. И будь уверен, мы село не забудем.

Гарапонов табачок

Гарапонова старуха зря брякала в печи ухватами. Гарапон на обед не спешил. Только все покинули клуб, как Гарапон собрал вокруг себя ребятшек.

– Вот что, сандранапалы, я вам скажу: «Не хотите ли курнуть дедова табачку?»

Ребята засмутились.

– Знаю, знаю. Покуриваете, – напирал на них Гарапон. – А у меня табачок собственного производства: сам садил, сам и готовил. От меня, ребята, скрывать нечего, у меня рот на замке, никто не узнает.

– Ну коли так, давай, – все еще смущенно согласился один, самый бойкий в длинных хлопчатобумажных штанах, перетянутых солдатским ремнем.

– Дам, без сумления. Только вы вперед мое задание выполните.

– Какое задание?

– Надо пойти к скотнику, наемать в соломенной крыше воробьев и сопрятать их до поры до времени за пазухи, а когда время придет выпускать их – команду подам.

...После обеда собрание приняло более конструктивный характер. Кричать и ругаться уже не хотелось. Народ придерживался порядка и слушался секретаря, ведущего собрание.

Поставили на голосование утверждение отчета, утвердили его и почти единогласно опять же под аплодисменты выставили работе правления оценку «неудовлетворительно».

Когда к трибуне вышел Василий – насторожились.

– Мне трудно говорить, – сказал Василий, волнуясь. – Я человек здесь новый, а со стороны всегда критиковать проще. Поэтому я не буду критиковать колхозные дела и порядки, вы и сами их знаете лучше, чем кто-либо другой.

Я не набиваюсь к вам в председатели. И вы не спрашивайте меня, справлюсь ли я? Я не знаю, я еще ни разу не

пробовал себя в председательской роли. Но я скажу вам честно: я буду стараться. Стараться изо всех сил. И я говорю вам точно, если вы меня выберете председателем, я вам покою не дам.

Зал потревожено загудел.

– Но и вы мне его не давайте, – продолжал Василий. – Я буду стараться, чтобы колхозники жили богато, и чтобы, в первую голову, богатство это исходило от колхозного производства, а как это сделать – давайте думать вместе...

И тут поднялась со скамьи Нина Ивановна Пасхина:

– Вот что я скажу, товарищи-колхозники! – зазвенела она. – Надо выбирать парня. Я-то уже попригляделась к нему и скажу: наш парень. Душа у него за дело тревожится. И разуменье есть.

Теперь зал согласно загудел. С переднего ряда неожиданно для Юралова поднялся Ассикрит Кряжев, пробасил:

– Берем Василия в председатели! Только вперед уговор: слушаться всем.

Проголосовали опять «единогласно».

...Зажигин ужинать не остался и не дал Василию провозжать его.

– Оставайся с народом. Скоро увидимся.

После собрания в клубе катили кино «Свинарка и пастух». Никто не расходился. Народу еще добавилось. Пришел, опираясь на можжевельовый посох, отшлифованный за многие годы руками, ветеран русско-турецкой войны Константин Стогов... Дедушке Константину было уже сто пять годов.

Жил он со своею дочкой Матреной, которой самой уже было далеко за восемьдесят. До последнего времени Стогов работал в колхозе, чинил упряжь, ухаживал за лошадьми. Но вот Матрена забрала его к себе в дом и на работу ходить запретила.

Василий не раз встречал, опирающегося на посох деда Стогова у ворот дома, и всегда останавливался поговорить.

Дед радовался каждому встречному, рассказывал, как сражался на Шипке, как видел самого белого генерала Скобелева, который от картечи и пуль был словно заговорен: вылетал в трудные минуты перед войском на белом коне, в белой бурке и звал за собой в атаку полки.

Потом была война с «ерманцем». Участвовал в Брусиловском прорыве. Служил в одном отделении с сыном, сын у него в подчинении был. Надо идти в разведку боем: кого посылать? Всех жалко, а сына и того жальчей. Пошел сам и вернулся, а сына на глазах убило...

Жаловался дед Василию, что Матрена ничего не дает ему по дому делать. Как-то по весне привезли в зауллок дров осиновых, лежат они на дворе неколотые, дух от них сырой, пьянящий исходит. Не выдержал дед Стогов, спустился середь ночи с печи и во двор.

Под утро Матрена проснулась от стука, выскочила на крыльцо и ахнула: там тятя ее дрова колет.

Заругалась, отобрала топор.

– Что же вы это, тятя, меня на людях-то позорите. Али бы я сама не переколола дрова-то!

– Я бы еще пожил, – жаловался Василию дед, так от всех делов отстранили. Не нужен видать!

В последнюю их встречу Василий обещал Стогову переговорить с Матреной и дать ему в колхозе должность по силам, если станет председателем.

...Наконец народ угомонился. Затрещал в кинобудке проектор, и вот появилась на экране ухоженная северная деревня, березовые перелески, высокие дома с резными крыльцами, ухоженные улицы, полные молодости и веселья, бойкая босоногая Марина Ладынина в образе свиарки и вслед за ней рубаха-парень Николай Крючков с гармонью:

*«Стоит мне милашке Глашке
Левым глазом подмигнуть,
Как ко мне милашка Глашка
Камнем падает на грудь...».*

Зал затаил дыхание, только слышно было, как трещали сигарки у мужиков, куривших у порога.

И вот уже зима, и Глафира в отчаянии ждет письма с далекого Кавказа, и зал полон сопереживания... И тут какая-то темная тень мелькнула на экране, за ней вторая третья... И вот уже десятки черных теней замелькали под потолком клуба. Мечутся и чирикают... И зрителям уже не до кино. Что за диво такое? Что за напасть?

– Анатолей, – закричали из зала, – останови кино! Свет дайте! Огня.

Вспыхнула электрическая лампочка под потолком, и взорам колхозников предстала дикая картина. Под потолком носилось десятка три ошалевших от шума и света воробьев.

– Где этот Гарapon? – перекрывая шум, захохотал Генаха Кряжев. – Это точно его проделки.

– Гарapoновы шуточки, – поддержал Генаху брат Пашко. – Он еще накануне заявлял, что если его в правление не изберут, так он всем нам акцию протеста устроит.

Открыли двери и окна. Со смехом и руганью принялись гонять воробьев.

А Гарapon тем временем рассчитывал ребятню, надеяся их самокрутками.

– Натe вам, курите на здоровье, да помните деда Гарapoна.

Спрятавшись в кустах, ребяташки раскурили самокрутки, и тут же из глаз их брызнули слезы, из носов потекли сопли, и кашель стал сотрясать юных курильщиков, выворачивая до нутра... Попомнится ребятам Гарapoнов табачок... Цигарки-то были с перцем. Надолго пропадет тяга к курению...

...Досматривать картину уселись уже затемно. Но домой никто не ушел.

Когда фильм закончился, в зале стояла тишина. Народ не поднимался с мест. И тут раздался чей-то задорный голос.

– Анатолей, Рязанов! Крути по новой.

И снова появились на экране деревенские улицы, полные молодости и веселья, и босоногая Марина Ладынина, и красавец гармонист Николай Крючков... И снова зал за- таил дыхание.

Ночь Чекана

В «Таежные поляны» пришла беда. Умер бывший колхозный председатель и бывший бригадир Михаил Кузьмич Чеканов.

Умер в одночасье. Пошел на двор сколотить стайку для ягнят да здесь и ткнулся в кипу прошлогодней соломы, неловко подломив руку, захрипел. Коса на старика глазом, вздергивая ширококорой головой, коротко и утробно замычала любимица Кузьмича – Незабудка, вторя ей отозвалась Зорька, за нею Звездочка. Овцы забились в испуге по углам...

Но некому было помочь старику. Месяц назад схоронил Кузьмич свою Катерину, с которой век свековал, добра всякого нажил, да вот детей не завел. Обидел их бог детьми. И вот как был старик в ветхой фуфайке для двора, валенках с налипшими на калоши соломой и навозом, так и отошел в мир иной.

Вечером пришли за молоком соседи и отыскиали на дворе Кузьмича. Уже холодного.

Ночью свет в доме не гас. Кузьмич, вытянувшийся во весь рост, построжевший и просветлевший лицом, упокоив на груди скрученные трудами руки, лежал на столе.

Сидели в изголовье старика степенные старушки, вели обычные в этих случаях разговоры: о дороговизне похорон и пьяницах-копалях, вспоминали первые колхозы и послевоенную стужу и нужду. Перебирали добродетели Кузьмича: «Было пороблено, уж минуты не усидит». Поминали его Катерину: «Недолго ей пришлось ждать своего Мишеньку». А то переключались на бранные свои заботы:

о прохуdivшихся крышах, обидях на правление, очередях в магазинах и видах на картошку...

От долгого ночного сидения у старух временами рябило в глазах, и казалось им, что Кузьмич вслушивается в их бессвязные речи, сохраняя молчаливое достоинство, словно он один знает какую-то никому другому неведомую тайну.

Деревня, окутанная полумраком майской ночи, давно уже видела седьмые сны. Лишь в дальнем краю побреживали собаки, выражая недовольство запоздалому гуляке, пытавшемуся настроить свой нетрезвый голос на частушечный лад. И всякий раз, как только залихватское «и-и-эх!» прорезало деревенскую тишину, старушки вздрагивали и осуждающе крестились.

А пел частушки племянник Кузьмича, тракторист Андрюха Чеканов, называемый в деревне Чеканом, что возвращался в эту темную пору домой на «кривых» ногах.

Он останавливался среди улицы, задорно притопывал ногой, но его закидывало в сторону, словно петуха с подбитым в драке крылом. Андрей выравнивал стойку, вызывающе поглядывал на темные окна и снова притопывал ногой:

*«А лучше пьяному напитокся,
Да в канаве полежать...»* –

выкрикивал он бахвалисто:

*«Чем занозистую девушку
До дома провожать».*

С этой припевкой он добрался наконец до дому, пнул болтавшийся отводок.

Тут Андрюхины ноги окончательно подломились, и он боком завалился под окно дома, под которым занимались побеги молодой крапивы. Но он уже не слышал ее ожогов. Спал.

И только холодные звезды колюче щурились в бездне, словно спрашивали Андрюху:

– И что же это ты так нажрался-то, человече?

Но если бы мог, то ответил бы Чекан, что повод у него самый что ни на есть законный. Что сегодня ему посулили в конторе новую квартиру. И разве он не завоевал ее вот этими мозолистыми руками? И разве не его исполнительность и покладистость отмечал нынешней весной председатель, его старый друг, с которым водил он еще дружбу в Погореловском детском доме, Леонид Петрович Кропачев. Ленька Клоп...

«С такими людьми, как Андрей Чеканов, – говорил председатель, – мы и на Марсе вырастим сады...». А что? И перепашут! Чекан свое дело знает.

– Имею право! – пьяно выкрикивал Андрей во сне.

Старушонки в доме Кузьмича вздрагивали и истово крестились.

А кругом бурлила, клокотала, трепетала нарождающаяся новая жизнь. Шумно бились в заводях опьяненные талой водой щуки, выметывая набухшую икру на прошлогодние травы, под гулкими сводами лесов сшибались краснобровые глухари, и первые певчие птицы в опушившихся нежной листвою кущах пробовали голоса, приветствуя близкое солнце...

...Серая огромная жаба тяжело выковыляла из росной травы, подумала, прислушиваясь, и грузно прыгнула на широкую Андрюхину грудь. Здесь было тепло, жаба согрелась, привстала на передних вязких лапах и, раздувая зоб, взброкотала.

И тут Андрей проснулся, шаркнул по груди, поймав в кулак что-то живое, но холодное. Он сел и долго соображал, разглядывая дергающуюся пучеглазую жабу. Наконец рефлексy его сработали, и перепуганная жаба полетела обратно в траву.

Солнце уже выкатило из-за речной поймы, озаряя мир серебристым искрящимся светом. Однако в доме у Кузьмича все еще горели окна. Андрей, чувствуя здесь какое-то несоответствие, напряг мозговые извилины, и вскоре в их недрах родилась маленькая, не ясная еще до конца, надежда.

– Вот не спится старому, – думал про себя Андрей...– Все-то до света встанет. Все-то ему мало, все суетится. А у него, знаю, и бутылка в ларе есть. Да не одна...

Он представил, как в ларе матово блестят запотелые горлышки, и больше уже ни о чем думать не мог.

Андрей подошел к изгороди, выставленной из гладко ошкуренных и опиленных под плавную волну частоколин, покрытых для долговечности олифой, навалился на нее, оглядывая двор. Сахарно белели в утреннем свете плотно подогнанные мостики, сработанные под рубанок, на задворках крепостной стеной, закрывающей двор от ветра, тянулась длинная и высокая поленница, выложенная хитрым цветастым узором: ольховые поленья – красноватые, шли по окантовке, осиновые – синеватые, чередуясь с белыми березовыми, тянули продольные полосы, образуя в центре два ромба. Нерушимым казался и сам просторный дом под шиферной крышей, с пристроенной верандой, крашенной цветными эмалями, с пестрыми занавесями на окнах, отчего казалось, что здесь никогда не кончается праздник.

В саду уже завязывали снеговую кипень белоногие яблони, за ними сыто и сочно блестели влагой черные, словно через решето, просеянные гряды.

Во дворе с широким деревянным взвозом на сеник коротко взблеивали овцы, слышно было дыхание коров, жующих жвачку, но самого хозяина не было. Обычно в это время Кузьмич давно уже ходил по двору, негромко постукивая, прибирая, определяя каждому гвоздю и каждой щепке свое место. До того как гнать скотину на пастбище, он успевал переделать кучу маленьких незаметных дел, создающих основу большому и нерушиму порядку.

Андрей ждал. Надежда опохмелиться, родившаяся в его голове, уже обретала реальный план.

– Даст, – тешил себя мыслью Андрей. – Как не дать? Что я ему чужой, что ли? Как ни как племянник. Покуражится, поругается, а даст. Куда он без меня-то. И сена привезти и дров – все Андрюха.

Но тут в том краю деревни раздался мотоциклетный треск, и уже через минуту на пригорке у дома чихнул и захлебнулся мотор.

— Андрей! Слышь-ка. Там тебя председатель с инженером в мастерских дожидаются. Срочно! — бригадир тракторной бригады Петюнька Норкин, недавний выпускник сельхозтехникума, насмешливо щурился. Он с вечера знал об Андрюхином загуле.

В его тракторной бригаде гуляли многие механизаторы вместо того, чтобы пахать и сеять. Сначала майские праздники отмечали, потом опохмелялись, затем День Победы подкатил, промелькнул, а разгулявшиеся пахари и сеятели все никак не могли опомниться.

Наконец подоспело решение райсовета, запрещающее торговать спиртным в страдную пору. Но магазин не был единственным источником горькой, о чем свидетельствовала и вчерашняя попойка.

Председатель же уехал на весну учиться в Высшей партийной школе, инженер, оставшийся его замещать, похоже не очень-то стремился «молотить» за себя и председателя.

У него, видимо, был свой расчет, своя политика, в которой Норкин пока мало смыслил. Сам же он остановить трактористов не мог. Должность должностью, а как был он Петюнькой для своих однодеревенцев, так Петюнькой и остался. Не зря, видимо, наказывал ему батька: «Кончишь заведение, просись в другой колхоз. Там сразу Петром Ивановичем будешь». И, намаявшись в эту весну, уже подумывал молодой бригадир «смазать пятки».

Председатель вернулся два дня назад. Петр рассчитывал, что с его прибытием оскорбленное начальственное достоинство бригадира будет отомщено, распоясавшимся трактористам воздается по заслугам. Иначе чем можно было объяснить столь ранний звонок председателя и сбор в мастерской?

— Ну что? Долго ждать-то? — торопил Петька Андрюху. — Там уже все в сборе.

Чекан затравленно озирался. Кузьмича все-то не было, а Петька нетерпеливо рявкал газом.

– А пропади оно все пропадом, – заругался Чекан. Ему страстно хотелось запустить чем-нибудь в эту ехидную Петькину рожу, убежать, запереться где-нибудь на дворе, отсидеться, прикинуться больным – что угодно, только бы он исчез с глаз долой. А уж потом можно было обработать Кузьмича соответственно и заполучить законную (он уже считал ее своей, законной) белоголовую.

Но момент был самый неподходящий. Он вспомнил и слова председателя об исполнительности его, о квартире, о таких людях, как Андрей, способных даже на Марсе сады распахать...

подавив в себе тошноту, Андрей пристроился сзади Петьки. Через мгновение сизый чад зыбко пластался над зеленеющим пригорком, да сонная старушонка, Кузьмичева сиделка, проводив глазами Чекана, сокрушенно вздохнула у окна:

– Господи, прости непутевого...

Шумеры впереди

Первым посетителем заступившего в должность молодого председателя был дед Гарапон. Он зашел в кабинет Юралова, словно давний закадычный друг, повесил на гвоздь старую выгоревшую пограничную фуражку и уселся на стул.

– Имею рацпредложение по животноводству. Выгода сумасшедшая. За год двойные надои получают!

Дед полез в карман и извлек на свет несколько испанских цифрами тетрадных листочков.

– Попрошу оформить, внедрить и выплатить дивиденды.

Этой зимой у деда Гарапона пропала корова Малина. И пропала она самым таинственным образом. Бесслед-

но. Гарапон пришел в обед на двор подоить кормилицу, а кормилицы и нет. Вкруг двора снег суметами лежит, одна только узкая тропка от дома коридором пробита, да около двора площадка натоптана самой Малиной – Гарапон ей по науке зимние прогулки устраивал. И все.

Следов похищения или побега не оказалось.

И коровы не было.

Гарапон заполошно выскочил на улицу, обежал свои владения, ломанулся было в деревню, да одумался. Сел на опрокинутое ведро, охватил руками голову, загоревал тяжко. И тут слышит он, что откуда-то, словно из подземелья, доносится глухое мычание.

Прислушался: точно мычит Малина! Пошел на голос: мать честная!

Еще летом Гарапон решил рядом со своим домом сделать погреб. Дом стоит на высоком речном берегу. По переду дома и выкопал Гарапон ямищу размером три на четыре метра, тесом обшил, сусеки устроил. Туда и картошку, и капусту опустил, и морковь, и свеклу... Над погребом навес настелил, а вот сам погреб закрыть не успел. Положил еловые плахи, а поверх их стал складывать овечьи объеда – сено, которое овцы не доедали. Сам себя за сметку хвалил: утеплит погреб. А тут еще и Малина, выйдя на прогулки, заглядывать стала под навес. Нагуляет аппетит, похрумкает объедами. То-то Гарапону радости. Будто бы безотходное производство налаживаться стало...

И вот заскакивает Гарапон под навес и видит, что плахи над погребом разошлись, и из погреба жалобное малинино мычание исходит. Чиркнул Гарапон дрожащей рукой спичку, заглянул в утробу погребеную: ах ты мне! Одни рога малинины торчат. Провалилась Малина в погреб!

Ох, и забегал поначалу Гарапон. Тацит веревку, веревкой корову опутывает, из погреба пытается поднять. Да где там! Тут кран подъемный нужен. Веревка на малинину шею удавкой сползла, едва успел топором перехватить, остался бы вовсе без коровы. А так, пусть и в погребе, но корова.

Полдня простояла Малина в узилище своем, обывлась, стала морковку хрупать, капусту жевать. Тепло. Вроде бы и понравилась новая квартира. Гарапон прибежал, самолучшего сена на веревке спустил, бадью с пойлом. Соломы под бочину кинул. Вечером по лестнице с подойником лезет...

Неделю простояла корова в погребке. Прибавка в надоях существенная образовалась. Гарапон и обрадовался тут. А так хотел уже резать Малину-то, да частями доставать.

Дело к лету пошло. Трижды в день Гарапон к корове в погреб нырял. Стала корова в надоях рекорды бить. Раньше про свою беду помалкивал. Не дай Бог, деревня узнает, засмеет. А теперь в пору в газете с передовым опытом выступать.

Посчитал Гарапон выгоды на бумажке и с теми бумажками в контору отправился. К новому председателю.

– Так в чем тут новизна? – едва сдерживая смех, спросил Гарапона Юралов. – В западных странах давно уже коров на пастбище не гоняют. Это закон: чем меньше корова затратит энергии на свою жизнедеятельность, тем больше она даст молока. Впрочем, оставьте свои записи, я познакомлюсь с ними. И, скорее всего, мы будем перестраивать технологически животноводство, и даже, я думаю, есть смысл перейти на двухразовое доение.

– Что? – глаза у Гарапона округлились. – На что ты замахиваешься? Одумайся, Василич! Да корову-то испокон веку три раза доили. Да с тебя там наверху за такое самоуправство голову снимут, – искренне испугался Гарапон за нового председателя.

– Не волнуйся, – засмеялся Юралов. – Есть научные расчеты. При переходе на двухразовое доение только в самом начале корова будет меньше давать молока. А потом продуктивность восстанавливается. Зато как мы облегчим труд животноводов, доярок? Ведь они свету белого не видят: в четыре утра уже на ногах, домой приходят затемно, а у них и дома хозяйство, мужья, дети... Это же не жизнь, а каторга. А при такой нагрузке разве можно

говорить о высоких надоях? Ведь корове-то настроение доярки передается. Все взаимосвязано. Плохо одной, и другой – плохо.

– А и верно ты говоришь, Василич! – восхитился дед Гарапон. – Вот светлая ты голова. Жаль, что нынче я не член правления, а то бы я тебя первый поддержал.

– А ты так поддержи, неформально. Проведи, так сказать, социологическое исследование, как народ воспримет эту идею. Любая реформа или перестройка, прежде всего, должна поддержку у людей занять.

– Я понимаю, – загорелся Гарапон. – Я это мигом внедрю.

– Только у меня не все, – он снова полез в карман и вытащил на свет зачитанную брошюрку. – Вот тут пишут про какие чудеса. Будто бы один древний грек по имени Геродот рассказывал о древнем народе – шумерах-земледельцах. Так вот и писал он, что будто бы те шумеры у себя в Междуречьи преогромные урожаи собирали: сам сто и сам двести... Получается, что каждое зерно по сто и по двести зерен давало... Это ж какие огромные урожаи получались?

– В пересчете на наши измерения это должен был быть урожай в двести, четыреста центнеров! – поддержал Юралов деда.

– Неужели приписки и у древних в ходу были? – ужаснулся Гарапон.

– Не думаю, – возразил, улыбаясь, Юралов. – Вполне вероятно, что были такие урожаи. Пойменные плодородные земли, тепло, достаточно влаги, хороший уход за посевами... Потом просо само по себе дает высокие урожаи.

– Вот и пришел я к мужикам в мастерскую: «Что же это» – говорю, – братцы, получается? Шумеры-то древние вон как обскакали вас... И грамотки никакой, ни техники, ни агрономии, а какие урожаи собирали. А вы что? Мотовилами по полям мух гоняете...».

– И что же мужики?

– Не поверили. Очковтирательство, говорят.

– Это плохо, что не поверили, – вздохнул Юралов. – Придется доказывать обратное. – Он взглянул весело на деда Гарапона, почесал в затылке и неожиданно заявил:

– Кстати, насчет должности... Думаю я, что без должности тебе, Гарапон Семенович, никак нельзя. Я вот посоветуюсь с правлением не назначить ли тебя нам редактором колхозной газеты. А? Ты человек, похоже, грамотный, за дело болеющий... Поднимать надо сознание-то...

Гарапона словно осветили изнутри с головы до пят.

– Вот это дело! Да я тут все правду-матушку изложу. У меня не забалуешь...

Он нахлобучил на голову пограничный картуз и быстро исчез из кабинета.

На прорыв

Ленька Клоп рвал и метал. Голос его то взлетал под потолок, наливаясь страстным негодованием, то низвергался с высот праведного гнева до трагически звенящего шепота, то становился по-прокурорски отчужденно-спокойным и жестким, то вновь орлил в поднебесьи.

Двери из огороженного фанерой закутка заведующего мастерскими были распахнуты, и смурные с утра механизаторы, кутившие в красном уголке, могли исподволь подготовить себя к моральной экзекуции.

Слышно было как что-то басил, огрызаясь, инженер, но тут же победно клекотал председательский баритон:

– Нет безвыходных ситуаций, как нет и плохих кадров! Есть одно: плохие руководители!

Трактористы многозначительно переглядывались...

Да, у бывшего секретаря райкома комсомола, а ныне председателя колхоза Леонида Петровича Кропачева были, так сказать, основания для метания громов и мол-

ний. За две декады мая засеяна была лишь половина плановых площадей.

Вообще-то, как считал сам Кропачев, положение было еще терпимым. Дней в десять можно было спокойно «добить» остатки и осенью взять обычные тринадцать центнеров с гектара.

Но вечером Леониду Петровичу доверительно сообщили о настроении в верхах. Первый секретарь райкома Зажигин попал в больницу и, видимо, надолго, если не навсегда. Рассчитывать на скорую карьеру при Зажигине Кропачев не мог. Сейчас же на хозяйстве оставался Замятин, с которым у Кропачева складывались отношения взаимопонимания. Но вчера район попал под критику большой трибуны. Вслед за этим уже Замятин рвал и метал, грозил оргвыводами, требовал строжайшего наказания виновных в затягивании сроков посевных работ, а в ближайшие дни для разбирательства в отстающие хозяйства должны были выехать комиссии.

Кропачев по опыту знал, что такое попасть под горячую руку Замятину. Он и так считал себя незаслуженно обиженным: из райкома комсомола – и в председатели! Его коллеги по комсомолу сразу шагали на должности куда более высокие и престижные. А тут колхоз!

Бесконечная череда посевных, уборочных, ремонтных кампаний, вечные нехватки, доставания и выбивания, невротрепка и дергания, критика на всех уровнях...

Правда, Замятин ему многозначительно намекал, что назначение это временное. Вот пообкатают его на хозяйственной работе годика два-три, а там дорога наверх будет открыта. И, конечно, было бы совсем глупо попасть в такой переплет, когда рука Замятина направо и налево щедро раздает «награды».

Нужно было срочно искать выход. Леонид Петрович закрылся в кабинете и, остро очинив карандаш, принялся набрасывать на бумаге план действий.

Во-первых, надо было очень солидно объяснить отставание. Ссылаться на погоду и партнеров не имело ни-

какого смысла. Погода, она везде одинакова. Нужен был конкретный виновник здесь, на месте, свой. Это должно означать, что в его отсутствие заместитель председателя допустил непозволительную инертность, пассивность, обрек дело на самотек, тем самым перенес свои настроения в среду механизаторов, не обеспечил четкого выполнения плана посевных работ и бригадир тракторной бригады товарищ Коркин.

«Здесь, – сделал для себя пометку Леонид Петрович, – необходимо развить мысль о роли руководителя в новых условиях, вокруг этого факта нужно сформировать общественное мнение, провести летучие собрания с колхозниками, заседание партбюро, пошевелить сельский совет».

«Но, прежде всего, – карандаш председателя вдохновенно вычерчивал логические сцепления, – необходим упреждающий ход. То есть завтра, в девять ноль-ноль, я выхожу на связь с райкомом и докладываю всю суровую правду и причины, приведшие к такому положению. И тут же детально развиваю план действий по выводу колхоза из прорыва».

«Да, не забыть, – отметил Леонид Петрович, – подключить к этому райгазету. Подобрать «маяка» и запустить его с обязательством на первую страницу.

Затем стремительным напором я сдвину посевную с мертвой точки и в два-три дня закончу с посевными работами...».

...Ранним утром на квартирах специалистов раздавались телефонные звонки. Кропачев начинал действовать...

Как правильно догадались механизаторы, гроза обошла их стороной. Молнии били по высокостоящим деревьям.

Председатель, все еще возбужденный, но уже сгоняющий с лица суровость, стремительной походкой вышел в прокуренный зал. С минуту, заложив руки за спину, пружинисто поднимаясь на носки, строго оглядывал механизаторов, и вдруг, резко выкинув из-за спины руку, ударил ладонью по столу:

– Все, мужики! Баста! Судить и рядить будем после. Есть шанс искупить вину трудовым героизмом. Ставлю задачу: закончить посевную в два дня.

Мужики загудели.

– Вопросы? – перекрывая шум, раскатил голос председатель. – Нет вопросов? По машинам! – выцелив глазом помятую фигуру старого своего товарища Андрюхи Чека-на, уже метнувшегося к дверям, выкрикнул:

– Чеканова попрошу остаться.

...В добром настроении творила природа здешние края. Наделила и лесами лиственными, и борами беломошными, лугами заливными с травами буйными, и почвами, на подъем легкими, на заботу отзывчивыми.

Не здесь ли нашли наши дальние предки, покинувшие из-за ледника священную Дарию, Страну всеобщего Счастья, Справедливости и Изобилия, названную красивым и загадочным словом Беловодье.

Где широкие степи соседствуют с дремучими лесами, где могучие реки питают луга и пашни, где черноземы порой не хуже украинских родят тучные хлеба. Не ленись только...

«Чудо!» – лежа на жесткой госпитальной койке в студеном блокадном Ленинграде, балансируя между жизнью и смертью, умирая не от ран, а от голода, Михаил Кузьмич Чеканов явственно слышал этот дивный запах чернозема.

Порою реальность и видения путались в его сознании, и он оказывался не в бывшем школьном классе с глухо занавешенными окнами, с копившей снарядной гильзой в дальнем углу, а в копне недавно скошенного, замирающего под солнцем разнотравья. Высоко в голубом небе парили птицы, приглушенно мычали коровы в пойме реки, а от деревни наносило дурманящий запах испеченных хлебов.

Он явственно слышал легкое шуршание шагов по валкам еще не огребенного сена и видел свою Катерину, плывущую в истомившемся полудне к нему. На вышитом рушнике Катя бережно несла кринку молока и краюху свежеиспеченного, ее дышащего жаром ржаного хлеба.

– Миша! – окликнула она ласково, и он вздрагивал, и вновь вставали перед глазами ряды госпитальных коек, дымный сумрак палаты и изнуряющий, грызущий тело и душу голод.

– Господи! Если ты есть, Господи, – шелестел он коростами губ, – помоги подняться, помоги одолеть испытания. Буду верен по гроб жизни созданным тобою земле и хлебу, что рождает она. Век буду трудиться на ней, не разгибаясь, буду беречь и лелеять ее...

И на ноги поднял его тот самый хлебушко, что пробился в обозах через ледовую Ладогу.

А вот сдержал ли он свою клятву? Кто скажет?.. По крайней мере, это стремление всю жизнь не покидало Кузьмича. И силы были отданы ее исполнению все безраздельно.

Старики помнили, к чему вернулся в сорок шестом меченный осколками Кузьмич, как принимал под свою руку лежащий в ростяг колхозишко, как впрягся в жесткий председательский «хомут» да и потащил до соленой коросты на выцветшей гимнастерке, до пены кровавой на губах.

Да, это был тот самый край, за которым открывалась жуткая, невообразимая, не только для его деревни, колхоза, но и для всей голодной и разрушенной страны, пропасть.

На скотных дворах, подвязанные к балкам пожарными рукавами висели не коровы, а изъеденные крысами скелеты. Молила о помощи, словно блокадный солдат, истощенная за многие годы колхозных нехваток земля. А едва подняла она первый послевоенный колос, как ударила небывалая засуха, побежали по полям страшные трещины, и казалось, не только небо, но и сама преисподняя дышит смертельным жаром.

Кузьмич метался по домам, поднимая до свету измученных, голодных людей, стариков и ребятишек. В бочках, бидонах, лоханях возили на поля воду с реки, делая, казалось бы, вовсе бесполезное дело. А осенью, едва убрав скудный урожай, вплоть до семян сданный государству,

собирал он колхозный люд на вывозку органики. Выгребали на дворах до последней навозины, не оставляя ни одной выгребной ямы, вскрыли на болоте торфяник... Мало-помалу выправляли землю.

А по одну осень ударили обложные дожди. Эмтээсовские комбайны встали памятниками на кромках полей, где плескались настоящие озера. Выжали все вручную. Серпами, косами.

Кузьмич в ту осень походил на тень: с ввалившимися глазами, заросший уже седой щетиной, сжигал в ночных раздумьях по пачке сельповского «Севера».

Но судьбы колхоза вершились не в его прокуренной горенке, не на шумном колхозном собрании.

Уже не председатель, а бригадир укрупненного раскинувшегося на десятки верст колхоза, Михаил Кузьмич почувствовал, как все больше и больше отрываются люди от земли, как короста равнодушия захватывает их крестьянские сердца.

И чем больше нарастало это равнодушие, тем неистовее становился он. Сутками не слезал с лошади, гоня по фермам, полям, сенокосам, надрывая голос, пытаюсь удерживать в своих руках все эти связи, приказом и строгостью, уговорами и просьбами вернуть человеку радение к земле.

Но вламывались в деревню все новые, скороспешные кампании преобразований, новых веяний, новых культур. И на очередном крутом повороте вышибло из седла неистового, строптивного бригадира.

Из бригадирского седла перекочевал Кузьмич в молоковозную телегу. Стих, опечалился, померк командирский блеск в глазах. Сидел молчаливо на грядке телеги, покачивая головой в такт мерному переступу лошади, а встретив кого, виновато прятал взор. И кто знает, какие бури кипели в его душе? Лишь однажды не выдержал Кузьмич, вздыбился яростью.

Как-то по осени проезжал он мимо клеверного поля: прошлой его бригадирской гордости. За семена этого клевера колхоз большие деньги получал, продавая их соседним

хозяйствам. А что могло быть лучше клеверного сена, с которого и молоко прибавлялось, и телята будто бы на дрожжах росли. Как зеницу ока берег Кузьмич эти клевера.

И тут (сразу-то и не понял Кузьмич, что происходит) увидел он на клеверище трактор, ровно тянущий по полю борозду. Одну, вторую, третью...

– Пашет, стервец, пашет! Молодое клеверище! – горячая волна ударила Кузьмичу в голову. Выхватил он из-за голенища кнут и в страшной ярости запрыгал по бороздам:

– Сто-о-о-ой!

Трактор остановился, и из кабины высочил улыбающийся Андрюха, Кузьмичев племянник. Андрюшку Кузьмич разыскал лет десять назад в детском доме и взял домой, выучив на тракториста.

Андрюха, увидев перекошенное гневом лицо Кузьмича, виновато оглянулся.

– Что же это ты, паршивец, делаешь? Клевера губишь! – кнут взвился и больно ожег Андрюшкину задницу. – Я те покажу, прохвост ты этакий! – и снова засвистел кнут.

Андрюха, озираясь, приседая на длинных ногах, бросился бежать. И только отбежав на безопасное расстояние, вспомнив, что пашет он не по своей воле, а по приказу, что в кабине его трактора висит вымпел за ударную работу, остановился и издали обиженно закричал:

– С ума сошел, что ли? Чего раскомандовался? Нету тут теперь твоей власти! Понял? – уже наступая на Кузьмича, орал Андрюха.

Краска постепенно сходила с лица старого бригадира. Понутив голову, он повернулся и тихо пошел к телеге. Мерин послушно тронулся, и Андрюха еще долго смотрел в ссутуленную спину старика. В какое-то время ему стало жалко Кузьмича.

...Поле было то самое, памятное, по которому когда-то гонял Кузьмич племянника. Он вспомнил об этом без всяких чувств, но немного погодя пришло раздражение:

– Ломишь, ломишь, ни тебе покою, ни отдыху, – ворчал он себе под нос. – Давай, Чекан, давай! Все Чекан. А

как Чекану, так... Нет, я с него, куркуля, все одно слуплю. Или – или сена не привезу. Скажу: две пол-литры, и точка. Куда денется с этакой-то оравой! Кормить надо. Я не посмотрю, что ты мне дядькой приходишься.

– У тебя, у куркуля, все сторицей окупится. Не наше дело...

Андрей с раздражением смотрел на поле, которое предстояло ему засеять. Пласты спекшейся, вывернутой плугами земли, едва разбитые бородами, огрехи то тут, то там ершились колючей стерней.

– Наковыряли, пропади оно пропадом, – выругался Андрей, прикидывая, сколько же времени придется потратить, чтобы засеять это поле.

Председатель, оставивший Чекана в мастерской после «разгона», убедительно просил приналечь. Голос его был доверителен и ласков.

– На тебя, Андрей, вся наша надежда. Ты должен задать темп, чтобы на тебя равнялись. Надо минимум в два дня закончить работы на полежаевском участке. Понимаешь: в два дня. Одному.

И хотя Чекан все еще плохо соображал после вчерашнего, но недоуменно уставился на председателя опухшими кроличьими глазами:

– Да ведь там, Леня... – просипел он удивленно.

Но председатель не дал ему договорить:

– Все знаю, Андрюха, все знаю.... Все понимаю. Площадь большая. Но надо. Любой ценой надо.

И, повеселев, хлопнул Чекана по плечу:

– Или мы с тобой не кореша? Родина тебя не забудет. Помни и ты...

Понять намеки председателя было нетрудно.

...Сеяльщики уже затарили сеялку зерном. Андрей Чекан пошевелил ногой сцепку борон, ругаясь полез в кабину.

Взревел недовольно трактор, посевной агрегат запрыгал по полю.

Чекан включил четвертую скорость, немного погодя перешел на пятую. Трактор забило, затрясло, словно он шел по стиральной доске. Оглянулся. Сеяльщики торопливо натягивали респираторы. Сбивая тошноту, Чекан отхлебнул из термоса холодяночки и врубил уже шестую. Трактор лихорадочно затрясся, замелькали кусты по обочине поля, шлейф густой пыли поднялся над полем, потянул на полузаброшенную деревеньку, что щербатилась недалеко пустырями.

На повороте Чекан увидел, как сеяльщики отчаянно машут ему руками. Остановился.

– Ты чего, делаешь-то? – подбежали они к кабине. – Сеялка-то земли не хватает. По три зерна на метр не попадает.

– Ну а вам чего? – хмуро оборвал их Чекан. – Ваше дело пятое. Все равно здесь и так ничего не росло и не вырастет, – прибавил он и захлопнул кабину.

Трактор козлом прыгнул с места...

...Солнце каленым оком равнодушно взирало на мир с высоты своего положения. Где-то там внизу шла бесконечная, ни на миг не прекращающаяся работа, и каждая самая что ни на есть ничтожная пылинка, словно в огромном, не имеющем ни начала, ни конца, но хорошо отлаженном механизме, двигалась и перемещалась в заданном направлении, творя новый и в то же время неизменный мир. И ничто не могло безнаказанно ослушаться этой заданной воли мироздания, как был неизменен ход самого солнца из года в год, из века в век...

Уроки арифметики

Гарапоновы речи застряли в сознании. Ходит, ездит по полям и лугам Василий, а все про древних шумеров вспоминает.

– И то верно, топчемся на месте сколько уж лет, а чего достигли? А все потому, что люди работают без души, не считают ни затраты, ни потери. Абы, как.

– Начну-ка, я экономический ликбез со своих ближайших помощников, – решил Юралов с вечера, а утром его боевых товарищей ожидал сюрприз: экзамен по арифметике.

– Вы меня простите, но у меня есть к вам предложение провести небольшой экзамен на знание арифметического счета, – начал Юралов свою речь на планерке в конторе.

Специалисты, бригадиры недоуменно запереглядывались.

Окна в конторе были открыты. Начиналась самая горячая в деревне сенокосная пора. На улице в пыли перегребались куры, пел в лопухах самозабвенно петух, утомленные солнцем мухи прятались под листьями лопухов, щебетали на проводах веселые ласточки...

Далеко в полях гудели трактора, добывая к зиме корма для скота. Там было место специалистов и руководителя. Какая арифметика, какой экзамен?

Но Юралов не шутил.

– Вот мы с экономистом приготовили несложные вопросы по рентабельности, себестоимости, самоокупаемости и предлагаем вам ответить на них.

– Николай Иванович! – обратился он к бригадиру центральной бригады. – Дай-ка мне твой картуз во временное пользование.

Бригадир растерянно подал Юралову свой выгоревший запыленный картуз. Юралов высыпал в него скрученные в трубочку бумажки:

– Тащите билеты, товарищи!

Воцарилась гнетущая тишина. Никто не трогался с мест.

Тогда Юралов встал из-за стола и пошел с картузом к каждому.

Билеты разобрали.

– Ну что ж. Первым попросим высказаться главного зоотехника.

Немолодая уже, огрузневшая, измученная каждодневными текущими заботами о скоте, кормах, отелах зоотехник Галина Южакова, развернула билет и покрылась краской стыда.

Вопрос о том, из чего складывается себестоимость кормов, оказался для нее неподъемным.

Не смогли дать вразумительных ответов и остальные спецы.

— Ну что ж, — подвел итог Юралов, — будем осваивать экономику. Потому что экономика — это фундамент, без которого не стоит ни одно здание...

— Хотите, помечтаем о том, какими станут наши взаимоотношения в недалеком будущем, — загорался все больше Юралов. — Мы введем в нашем календаре еще один день — хозрасчетный. И пусть в конторе спорят, ругаются, даже дерутся за лучшие экономические показатели.

— Вот почему начальник животноводческого цеха Южакова не выдвигает претензии начальнику цеха растениеводства Смелову? Что больно корма хороши?

— Какие корма! — вспыхнула Южакова. — Такого навалили, что колхоз тонн пять молока потерял за декаду.

— Ты чего это на нас бочку катишь. Корма, как корма! — вспыхнул Смелов.

— Я могу доказать это с цифрами в руках, — уже спокойно и уверенно отвечала Южакова. — Качество кормов плохое.

— При чем тут корма? Вы посмотрите, у вас одна корова дает по три тысячи литров молока, а другая все четыре. А корма-то одинаковые. Значит, дело в животноводах! Это их недоработка. Я твоей претензии не принимаю.

Тогда в спор включился председатель.

— Качество кормов, действительно, невысокое. Если бы было наоборот, тогда бы корова, что сегодня дает три тысячи, могла бы дать все шесть... Это генетика.

Претензию Смелову пришлось принять, а вслед за этим считать недополученные колхозом деньги, думать о том, как повышать качество сенажа и силоса.

– А стоит ли шкурка выделки? – вступил в разговор бухгалтер. – Столько забот, столько расчетов... Люди не примут таких взаимоотношений. Зарплата-то не сильно от этого изменится...

– А я думаю не только деньгами можно измерять труд. Или, точнее сказать, деньги тогда могут быть истинным мериллом труда, когда ими оплачивается овеществленный труд. И это не только экономическая категория, но и нравственная. Деньги, за которыми нет качественного продукта, в конце концов, перестанут удовлетворять.

– Ну что ж, посмотрим! Лично я согласен на такие отношения, – сказал агроном Смелов. – Давай и ты, Галина, соглашайся, – кивнул он в сторону зоотехника. Станем вместе работать на конечный результат: молоко и мясо...

...Прошедшая посевная показала все изъяны колхозного производства. Юралов не успел исправить их в ходе страды, от которой, словно от ускользнувшей ящерицы, остался в руках только ее хвост.

Свобода слова

Юралов сидел в своем рабочем кабинете за бумагами. Окно было открыто, легкий ветерок приносил с сенокосных лугов ароматы разнотравья, замирающего под солнцем. Улица словно вымерла, все были заняты делами – одно слово – сенокос.

И тут ухо Василия Юралова уловило отдаленные крики, шум потасовки.

– Что такое? – Юралов встал от стола и навалился на подоконник.

Невидимый скандал катился по улице, но скоро Юралов увидел, как на улицу из-за поворота выскочил Гаралон в зеленой фуражке, которого с яростным азартом погони преследовали две дородные тетки в белых халатах.

– Не тронь! Не тронь! – кричал Гарапон. – Я при исполнении. За это ответить можно.

– Вот ты у нас сейчас и ответишь. Мы тебе лысую башку твою и расчешем.

В руках у одной преследовательницы были грабли у второй – вилы. Она была ближе всего к Гарапону и все пыталась поддеть его вилами под зад.

Погоня пронеслась мимо стеклянной витрины на площади, за которой была вывешена под ключ газета, выпущенная накануне Гарапоном.

– Я редактор газеты! Вы покушаетесь на свободу печати и мое служебное достоинство, – на ходу отбивался Гарапон.

– А вот мы тебя, страмника, лишим сейчас мужского достоинства.

Гарапон не успел добежать до спасительных дверей конторы. Бабы молодые и азартные настигали его. Тогда Гарапон в отчаянии прыгнул на березу и полез по ней, спасаясь от преследования. Картуз свалился и покатился по пыльной дороге. Та баба, которая была с вилами, догнала картуз и ловко наколола Гарапонов головной убор на вилы, а потом, подняв в воздух добычу, стала победно потрясать ею, словно это был не картуз, а сама бедовая Гарапонова головушка.

Тут Гарапон увидел высунувшегося в окно Юралова и стал звать его на помощь.

– Товарищ Юралов, за правду страдаю. Оградите меня от этих вредоносных баб.

Юралов вышел из конторы и попытался усмирить разбушевавшихся теток.

– За что вы его, девушки, гоняете, словно медведя пасеку нарушившего? – спросил примирительно Юралов.

– А вы что не знаете? Этакую скверну он про нас понаписал в своей газетенке. Да он что, видел, раз так пишет? Он что фонарем светил...

– По правде сказать, я газеты той еще не читал, – удивился Юралов.

– А вы пойдёте, увидите сами, экую на нас напраслину возвел.

– Хорошо, только вы оставьте свои орудия вот здесь у крылечка. Мы и без вил разберемся, – отвечал уверенно Юралов. – А ты, Гарapon, слезай. Не бойся.

Гарapon мешковато спрыгнул с березы.

– Слушаю, товарищ, председатель...

– Ну показывай свое творчество.

Под предводительством Гарапона Юралов с тетками пошел к стеклянной витрине, красовавшейся посреди площади. Витрина была под замком и снабжена строгой надписью: «Руками не трогать! Читать глазами».

Газету открывала передовая статья под заголовком «Впереди шумеры», которая была подписана странным псевдонимом «Геродот».

Ниже красовались показатели колхоза «Заря», которые выглядели на фоне древних шумеров издевательски низкими. Комментарии к статье подписаны были Гарaponом, который камня на камне не оставлял на организации производства в «Заре».

Юралов хмыкнул, но промолчал.

Здесь доставалось всем, в том числе и Юралову, который не принимает решительных мер для улучшения ситуации.

Далее шли стихи:

*«За деревню выйдешь в поле.
Рожь, к примеру, у ручья.
Рожь? А ржи-то, брат, и нету.
Чья работа? А ничья.
Наша. Некого похаять.
Николай навоз возил.
Ванька с Петькою пахали...
Митрей, вроде, боронил...».*

Газета была сопровождена наивными рисунками и частушками, бичевавшими недостатки деревенской жизни в персоналиях.

Колхозный пастух Иван Поздняков был изображен в пьяном виде, изрыгающем как дракон неприличные ругательства. Ниже была частушка:

*«Без булды напился пьяный
Дядя Ваня Поздняков.
Всю семью из дома выгнал,
Посмотрите я каков!».*

Печник Ефремов, оставив ведро с глиной и мастерок, ползком пробирался в магазин. Его Гарапон пригвоздил следующей частушкой:

*«Мы Ефремова спросили:
Ты куда пошел один?
Вот история какая,
Так и тянет в магазин...».*

Молоковоз Соловьев потерял бидоны и пролил молоко. Про него была такая частушка:

*«Дядя Саша Соловьев
Осушил «Столичную»,
По канавам побежало
Молоко отличное...».*

Досталось и колхозным сыроваркам, которые и гонялись по деревне за Гарапоном. Тот протодергивал их за то, что они якобы не жалеют сливок своим ухажерам.

*«Сыроварки девки-манки,
Шарят их за сливок банку...».*

Прочитав последние строчки, сыроварки дружно набросились на Гарапона.

– Ты чего тут понаписал? Кто это нас шарит? Отвечай конкуретно?

Юралов остановил расправу. Гарapon, спрятавшись за спину Юралова, отвечал:

– Кто шарит? Да и я бы пошарил. Вон вы какие девки сдобные!

– Сдобные да не про тебя, старого кобеля! – отвечали с достоинством сыроварки.

– Вот то-то и оно!

– Ты здесь, товарищ редактор, перегибаешь палку. Последние стишки, я думаю, надо снять и извиниться перед сыроварками. Зачем портить репутацию таким славным девчонкам. А за газету тебе спасибо. Молодец. Зришь в корень.

Сыроварки успокоились и ушли, словно отступившая гроза, изредка отзываясь приглушенными раскатами.

...Газета надела шуму. Почитать ее приезжали специально из других бригад. Подвергнутые критике мужики бузили, грозились переломать Гарaponу ноги, и тот благо-разумно сидел дня три взаперти...

Но газета уже сделала свое благое дело. Порок был пригвожден к позорному столбу.

Инициатива снизу

В этот день к Юралову заехал председатель соседнего колхоза Николай Рогулин, веселый, неунывающий малый. Ему было за тридцать, председательский воз тащил он уже лет пять, так что в председательском деле он был тертым калачом, попадал не раз под реорганизации, укрупнения и разукрупнения, всевозможные кампании и почины... Председателем стал, когда повсеместно внедрялась кукуруза. Отличился тем, что нашел эффективный метод борьбы с грачами, которые наносили посадкам непоправимый урон, выклеывая напрочь всходы.

В то время уже появились первые магнитофоны. Рогулин велел мужикам поймать несколько грачей силками,

потом грачей этих совали хвостами в костер, отчего те кричали так, что кровь стыла в жилах. Крик этот записывали на пленку, которую потом день и ночь крутили на поле, пропуская звук через усилители. Скоро в округе исчезли не только грачи, но и все прочие птицы, и посевы стали пожирать вредители другого сорта.

Сначала Рогулина хвалили, но скоро начали критиковать за нарушение природного равновесия и жестокое обращение с живым миром.

Но он уже научился принимать похвалу и критику, как неизбежную смену погоды, и особенно по этому поводу не обольщался и не расстраивал себя.

Юралов с Рогулиным уже хотели отправиться в поездку по хозяйству, как тут двери в кабинет решительно распахнулись, и на пороге явилась тщедушная фигура в фуфайке и лихо заломленной на затылок кепке:

– Я на вас управу найду, бюрократы вы в ботах! – тут же подал голос мужичок лет сорока на вид. Глаза его сверкали задиристо. – Или ты, Юралов, порядок наводи в своей бухгалтерии, или я на вас в суд подам!

– Стой, стой, стой! – поднял руки Юралов, пытаюсь остановить этот словесный поток. – Давай по порядку.

– По порядку? А никакого порядка-то и нет. Вот что я скажу. Сколько к ним хожу, прошу, требую: оформите мне подряд на откорм скота! Одними обещаниями кормят. Мне договор нужен, договор! – мужичок наконец поуспокоился и присел к столу. – Я хочу точно от «а» до «я» знать: в чем мои обязанности, где они начинаются, где кончаются. Вот я вырастил 100 телят, взвесили их на дворе на наших весах. Чем не весы? Клейменные. Бригадир вес записала. Я сдал колхозу продукцию? Сдал. Погрузил? Погрузил. Должен ли отвечать за потери в дороге? На мясокомбинате? Не должен. А с меня за них дерут...

– Ну ты не волнуйся, – успокаивал его Юралов, – на правлении разберемся. Я думаю, ты не должен платить.

– Ты мне договор давай, – не сдавался мужичок, – чтобы я точно знал: фонд зарплаты, какие и за что надбавки,

чтобы мог свои расходы по откормочнику планировать. Мне самостоятельность нужна. Вот.

Юралов пообещал «разобраться» с экономистами, поторопить их с расчетами.

Боевого мужичка звали Иваном Киселевым. Вдвоем с женой они откармливали полторы сотни бычков. Двор не старый еще, неплохой, загорелись желанием работать самостоятельно. Идея исходила от Ивана.

– У нас еще вся жизнь впереди. Двадцать два года до пенсии. Вот и захотелось поработать по-настоящему, похозяйски.

– Я ведь раньше как жил, – принялся рассказывать доверительно мужичок, поглядывая то на Юралова, то на Рогулина, – не жил, а существовал. Где меня только ни носило, каких специальностей в руках только нет. И столяр, и электрик, и тракторист, и шофер, и крановщик... всего не перечтешь. Техникум сельскохозяйственный закончил. И нигде не поработалось. В нашем колхозе дважды принимался работать, по Сибири гоняло, на строительстве Братской ГЭС, на льнозаводе...

Здесь вот в третий раз оказался. И отовсюду меня гнали. Потому что пил. Вот два года назад последний раз вызвали в сельсовет и чихвостят, на чем свет стоит. И тут мне стало себя жаль.

Думаю, что я бесталанней какой, в щепках, что ли, найденный? Этак-то позориться... А из-за чего? Из-за какого такого удовольствия? Только и есть, что голова болит, да в рожу тебе только что не плюют. И тогда решаю: все!

Как решил, так и сделал. И никому не поверю, что бросить нельзя. У меня и жена, чего греха таить, бывало, не пропустит случая, и ей заказал. Только теперь и жить начали...

– Вот жалко, детей у нас с Алевтиной нет, – сокрушался он. – Не получилось. А то ли бы дело полной семьей на дворе! Уж тут можно дело поставить. Сейчас у нас третьим-то дядька. Ночами дежурит.

Он принялся зазывать Юралова на свою ферму.

– Поехали, – легко согласился Юралов. – Вот возьмем с собой соседнего председателя и поедем. Там у тебя посидеть есть где, чтобы гостя принять?

Иван расцвел:

– Все в лучшем виде будет!

– Я о том, как мне наладить работу все уже передумал, – рассказывал дорогой Иван. – Бывало, ночи с женой беседуешь, что да как лучше сделать. Заказали бы колхозу отдельную траншею под силос. Уж я бы сам проконтролировал механизаторов, чтобы корм получился самолучший. И мне хорошо, и мужикам за качество надбавки, и колхозу прямая выгода. Опять же у меня каждая копейка была бы учтена: зачем, скажем, вызывать электрика, транспорт гонять? Я и сам могу сделать. И по столярному, и по слесарному... Тракторок бы маленький. И сена заготовить, и подкоски зеленой привезти. Опять же всем выгодно.

– А как народ принимает твои начинания? – спросил Юралов Ивана.

– Народ-то? – он призадумался. – Старики, так те ухмыляются. Не верят, что дозvoлят самому командовать. Те, кто помоложе, с интересом. Я так верю, что все у меня получится.

...Наконец «газик» встал, и они выгрузились на берегу маленькой речушки. Рядом был сарай, за ним телятник и просевшая венцами избушка водогрейка. В избушке была маленькая комнатка с отклеившимися обоями, лавками вдоль стен и большим деревянным столом.

Иван вышел и скоро вернулся, поставив на стол огромное блюдо с дымящейся похлебкой и резаный большими ломтями хлеб, горячий чайник.

– Жили-были рыбак да птичница, – сказал скороговоркой Иван. – У них, что ни день, то яичница. Уха и та из петуха, – он повернулся к дверям: – Вы тут угощайтесь, а я пойду обряжаться на двор. Время.

Иван ушел, а Рогулин распахнул пузатый портфель, тут же в одной его руке оказалась бутылка водки, в дру-

гой – шампанское. И из обеих принялся наполнять стаканы. В народе такой ерш назывался «белым медведем».

– Ты уж меня прости, Василий. Я чистую-то водку не пью, я разбавляю шампанским. И нахожу в этом рациональное зерно. Как ты говоришь? Председатель колхоза во всем должен мыслить экономическими категориями?

– Интересно, какая тут может быть экономика? – удивился Василий.

– Во-первых, меньше средств нужно, чтобы достичь желаемого результата, – улыбался Рогулин. – Во-вторых, нужно меньше времени для достижения его, и опять же – все быстрее вылетает. Так что советую опыт перенять... Кстати, ты знаешь, чем пьяница отличается от руководителя? – Рогулин весело глянул на Василия.

Василий удивленно поднял брови.

– А тем, что пьяница все время думает, как бы ему напиться, а руководитель наоборот: как бы не напиться! – Рогулин мягко засмеялся, наливая Василию сразу из обеих бутылок...

Действительно, предложенная Рогулиным смесь быстро ударила в голову. Захотелось задушевной откровенной беседы:

– А вот ты скажи, Николай, как на духу: повсеместное внедрение кукурузы – это что? Головоотяпство? Коллективный просчет? Глупость? Или вредительство?

Рогулин задумался.

– Что тебе сказать? Я тут отдыхал на юге, в санатории, с одним партийным работником из Вологды. И рассказал он мне такую историю. У них на область пришел тогда новый первый секретарь Дрыгин. Мужик толковый, смелый. А тут, что ни день телефонограммы из Москвы, требуют отчетов по посадкам кукурузы, а она не растет у них на севере, хоть ты тресни. И вот через Вологду едет из Архангельска Хрущев. Поезд приходит часов около шести утра. На перроне пионеры с барабанами, передовики производства, партийные и советские работники.

Поезд подошел, открылся вагон, вышли охранники, а Хрущева нет. Пять минут ждут, десять, пятнадцать... Скоро уж отправление. Тут Дрыгин не выдержал и в вагон. Охрана не пускать. Да где там Дрыгина остановишь. Боевой офицер под два метра ростом.

Но тут и сам Хрущев из вагона вышел на шум. Подтяжками поигрывает. Увидел Дрыгина, спрашивает: «Чего тебе, Толя? Медали и ордена я все в Архангельске раздал, деньги тоже там пропил. Нет у меня ничего».

«А мне ничего и не надо, – отвечает Дрыгин. – У меня одна проблема».

«Какая?» – «Да вот кукуруза у нас не растет».– «А вы что, кукурузу разве у себя сажаете?»– «Да, как же, повсеместно».

Тут Хрущев схватился за бока, да так и покатился от смеха по перрону: «Посмотрите, – хохочет. – Видели вы еще таких дураков. Они на Севере кукурузу сажают да еще и жалуются, что она у них не растет...».

Так вот только поезд уехал, как Дрыгин телеграмму отправил по всем хозяйствам: «Кукурузу запахать, посеять клевера».

Так вот тот партийный работник и говорил мне, что если бы он сам этого своими глазами не видел и своими ушами не слышал, так никогда бы и никому не поверил. Кто же тогда кукурузу-то насаждал?

Выпили еще по одному «белому медведю» и Юралов перешел к практическим вопросам.

– Вот, скажи, сколько у тебя коров?

– Где-то около тысячи.

– А надой?

– Нет и двух тысяч на голову. Кормов не хватает, доярок не хватает. Вот и надой низки. Да сколько коров держим просто для численности. Район требует держать численность.

– А что району численность поголовья важна? Или молоко? А давай, к едрене фене, лишний балласт сбросим. Вон как сразу надой выскочат. – Сократим по-

голове никуда негодных коров, и без каких-либо материальных затрат улучшить условия содержания перспективных, дать им надлежащий уход, корма... Себестоимость резко упадет!

Но тут Рогулин развел руками.

– Ничего из этого пока не выйдет, – отвечал он хмуро. – Понимаешь, кадров нет. Специалистов. За три года три зоотехника сменилось.

Разговор возвращался на круги своя. И Юралов уже начал было все сначала, но Рогулин остановил.

– Да я понимаю все это. А хочешь, по секрету скажу: не приучены мы к самостоятельности. Вот начнем каждый по-своему работать да блудиться... наворочаем черт-те что, а как это на государственных масштабах отразится? Вот ночь-то и крутишься... Думаешь, на кой она тебе, эта самостоятельность. Уж лучше бы все сверху сказали.

– Не приучены, – он глубоко вздохнул. – Теперь вот привыкать надо. Партия требует, нажимают сверху: проявляйте самостоятельность.

Больше Юралову «белый медведь» уже не лез в горло. Они довольно сухо распрощались с соседом и разъехались по домам.

А на дворе у Киселева все шла и шла неустанная работа.

Районные споры

День для Николая Ивановича, редактора районной газеты, начинался с обычной суеты. Из райкома поступили материалы вчерашних заседаний с визой «срочно в номер». И уже почти готовую полосу пришлось переверстывать.

Лишь часам к одиннадцати полоса снова «вырисовалась», но оказалось, что материала не хватает. Сотрудники были посажены на телефоны «выбивать» вести с ферм и информацию о посевной.

Первым принес заметку потерявший в газетных баталиях некогда огненную шевелюру корреспондент сельхозотдела, «зубр» газетного дела, в прошлом бессменный зам, а ныне пенсионер – Акиндин Иванович Чернов.

Это было интервью с председателем колхоза «Таежные поляны» Кропачевым, повествующее о трудной ситуации, сложившейся в хозяйстве, и о тех мерах, которые предприняты для ее преодоления. Главное место отводилось описанию трудового энтузиазма сеяльщика Чеканова, призвавшего механизаторов выдавать на гора по две нормы.

Подоспели заметки и других сотрудников. Редактор повеселел. Можно было поболтать с «зубром» о предстоящей субботней рыбалке. Однако деликатный стук прервал их приятную беседу. В кабинет вошел пенсионер Иван Васильевич Федоров, когда-то работавший ветврачом в «Таежных полянах», известный в районе большой начитанностью и занятиями фенологией.

Редактор, завидя старика, смутился было, но преодолел себя и с деловитой озабоченностью полез в ящик стола, где на самом дне давно уже лежали федоровские тетради с экологическими наблюдениями и философскими размышлениями. Материал был интересный, но не настолько безобидный, чтобы его можно было опубликовать, не опасаясь осложнений. Во-первых, там были факты, отличающие губительное воздействие лесопромышленных предприятий на природу; во-вторых, речь шла о браконьерстве, и сам взгляд на него был вызывающе дерзок. Федоров доказывал, что запретительные меры в рыболовстве для человека, живущего на берегу, влекут за собой не восстановление природы, а наоборот, ее разрушение, поскольку человек из хозяина превращается в вора в своем родном доме.

Нужно было найти подходящую формулировку, чтобы с достоинством отказать старику в публикации, однако формулировка как-то не приходила в голову.

Но Федоров ни словом не обмолвился о своих тетрадях.

– Я по поводу некролога, – он вынул аккуратно сложенный тетрадный листок, положил его на стол Николая Ивановича.

– Что такое? – сделал тревожное лицо редактор. Через его плечо завис над столом и встревоженный Чернов.

– «Ушел из жизни человек, беззаветно преданный земле, – читали они торопливо, – человек, видевший в этом служении единственный смысл и источник существования, героический защитник Родины, неистовый бригадир послевоенных лет, крестьянин Михаил Кузьмич Чеканов».

Дочитав до фамилии, редактор, томимый было тревожными предчувствиями, перевел дух. Некоторое время он сидел ошарашено – такими эпитетами не провожают в последний путь простых смертных, – постукивал пальцами по столу. Сзади недоуменно хмыкал Чернов.

– Я, конечно, понимаю ваши чувства, Иван Васильевич. И разделяю вашу скорбь, – проговорил наконец редактор. – Но прошу и меня выслушать. Мы официальный орган, нас могут неправильно понять.

– Простите, почему? – искренне удивился старик. Глаза его заблестели. Но не от слез. – Мы провожаем в последний путь крестьянина, который всем нам подавал пример человеческого отношения к своему долгу...

– Э-э, нет! – редактор знал, что ответить Федорову на этот раз. – Давайте-ка, мы не будем смешивать понятия. Я признаю, что Чеканов в свое время немало потрудился на пользу колхоза. Но далее-то последовало перерождение. Он превратился в куркуля. Я бы сказал, что ему были присущи даже кулацкие замашки. Мы не должны мириться с подобными проявлениями, иначе они сведут на нет наши завоевания...

– Какие проявления? Поясните, – в глазах Федорова все более и более разгорался боевой огонь.

– А три коровы? Это разве не кулачество? Подчитайте-ка, сколько он денег из народа выкачал. Да дай ему волю...

– Волю он взял сам, как вышел на пенсию, – прервал редактора тихий Федоров. – Ни в одном законе этого не за-

прещено. Но я вам должен сказать другое. Разве ради личной наживы он этих коров держал? У него и наследников-то нет, а самому много ли надо? А вот весь строй его мировоззрения не позволял ему жить по-другому.

Читали Глеба Успенского? Так вот в Чеканове и была как раз та самая власть земли, которая диктовала ему, как жить. Он-то и есть тот самый тип крестьянина, который не бросит пустующую землю, не сможет работать «абы как», потому что для него главная власть — это власть земли.

— И что же вы предлагаете? — сурово спросил редактор.

— Предлагал не я. Чеканов предлагал. Всей своей жизнью. Он на примере своих соток показал всем нам, что может давать земля. Три его коровы работали за целую колхозную ферму. При минимуме затрат. Только свой труд.

— Это не важно. Чеканов, прежде всего, частное лицо. И действовал в целях личного обогащения.

— Но разве личное обогащение, если оно трудовое, не есть обогащение всего общества? Это разве не стимул для развития инициативы других?

— Это не наш путь, уважаемый Иван Васильевич. На основе индустриализации, интеграции мы добьемся высокой производительности труда и решим все проблемы, которые возникают у нас порой.

— Нет, — спокойно ответил ему Федоров. — Вы — не решите. Вы даже плохо понимаете то, о чем говорите. Простите за резкость, но вы лишь рядитесь в социалистическую фразеологию. Вы знаете, что, к примеру, говорил о сельском хозяйстве Маркс? «Единственное, что удерживает человека на земле, — это стремление быть хозяином». Если мы уьем это стремление, если мы разделим сельский труд на операции, если мы разграничим функции исполнительские и руководящие, то ничто не удержит людей на земле. Ничто!

Поскольку в деревне невозможно построить завод, способный конкурировать с заводом в городе.

Потому что в деревне производство биологическое, там не поставишь штамп ОТК на промежуточных операциях.

Вот где корни-то проблем. А вы же говорите всего лишь о следствиях...

Редактор, силившийся сказать что-то в ответ, был прерван телефонным звонком. Он снял трубку, и раздражение на его лице быстро сменилось радостно-угодливым выражением. Его вызывали на совещание.

...Утром следующего дня на самое дальнее полежаевское поле приехал председатель. Долго жал Андрею руку, а под конец вручил газету с интервью, в котором рассказывалось о трудовом подвиге механизатора широкого профиля Андрея Чеканова.

Андрей равнодушно пробежал глазами хвалебные строчки, перелистал страницы газеты и, не найдя там ничего интересного, полез в кабину «добывать» поле.

А поздним вечером опустошенный, с кружащейся головой, дрожащими от напряжения ногами, поставил Чекан свой трактор в мастерской.

Пахло черемухой, терпкой листвой тополей, посаженных когда-то очень давно вдоль деревенской улицы. За рекой, словно огромное, играющее углями кострище, догорал закат, а под сводами по-весеннему гулких перелесков славили жизнь неустанные птицы. Бездумно добрел Чекан до дома и тут увидел, что в окнах ярко горит свет. И тотчас вспыхнула в его сознании, забытая уже было идея.

– В самую пору потряхнуть старого, – подумал Чекан. – С устатку...

Неожиданно многолюдное, но тихое застолье поразило его. Он затравленно оглянулся, но от стола уже поднимались люди, шли к нему навстречу, протягивали руки. Его, еще не осмыслившего до конца, что же тут происходит, усадили за стол рядом с Иваном Васильевичем Федоровым. Старик протянул ему стопку.

– Выпей, Андрей, за крестьянина Михаила Кузьмича Чеканова. Выпей. Большого греха не будет. Светлой ему памяти!

Федоров пристально вглядывался в лицо Андрея, покрывшееся вдруг жарким стыдом.

– Андрей, ведь ты теперь единственный наследник всей подвижности и неподвижности Кузьмича. Так что...

Он не договорил. За столом воцарилась такая тишина, что, казалось, будто сама таинственная, загадочная, полная звуков нарождающейся новой жизни майская ночь кипит и плавится в Кузьмичевом доме...

Колхоз – не казарма

Еле отсеялись на «троечку». Слишком мало времени было у Василия, чтобы ощутимо повлиять на ход посевных работ.

А вот заготовка кормов должна была дать результаты. Юралов, воспользовавшись опытом Зажигина, объявил колхозникам, что пятнадцать процентов от накопленного в колхоз будет отдано покосникам на нужды собственного подворья.

И это воодушевило народ. С первыми петухами над селом начинали стучать молотки, в пять утра на пустошах уже пели косы, стога росли, как грибы, техника работала в две смены...

Вскоре Юралов был вызван в район на совещание по заготовке кормов. Совещание назначено было на вечер. Райкомовский двор был заставлен видавшим виды, запыленным, заляпанным грязью председательским транспортом.

Нервно докуривая на ходу папиросы, председатели втягивались в двери райкомовского зала заседаний.

Юралов поискал глазами в президиуме знакомую фигуру Зажигина и не нашел.

Тут за трибуну вышел второй секретарь райкома партии Замятин и сообщил, что первый секретарь в районе отсутствует в связи с обострившимися болезнями, в настоящее время Зажигин находится в области на излечении.

К удивлению, Юралов увидел в президиуме Кропачева. Он сидел, словно орел на горной вершине, вытягивая худую длинную шею, пытаясь величественно оглядывать зал.

— А теперь я представляю вам нового начальника управления сельского хозяйства, всем известного Леонида Петровича Кропачева, бывшего еще недавно председателем колхоза «Таежные поляны». Прошу любить и жаловать...

Ленька взлетел на трибуну соколом и с ходу завелся, давая оценку ходу кормозаготовительной страды.

Со звенящей обидой в голосе он заявил, что значение кормозаготовки в районе недооценено, что в хозяйствах идет недопустимая раскачка, и что если эта тенденция будет продолжаться, то для некоторых руководителей хозяйств эта недооценка будет стоить головы.

Затем он выкликнули на трибуну с отчетом юраловского соседа, председателя небольшого и во многом отстающего колхоза имени Калинина Николая Рогулина.

Несмотря на опытность в подобных делах и отчетах, видно было, что и Рогулина запотряхивало. Сквозь окалину загара проступил нервный румянец, и весь облик председателя напомнил выдернутого из лунки ерша, который из уважения к вытянувшей его силе берет хвостом под козырек, но все, какие есть, колючки топорщит: не тронь!

— На второе июля заготовлено сто тонн готового силоса, — стараясь подороже «продать» свою цифру, начал бодрым голосом Рогулин, но его тут же оборвал из президиума Замятин.

— Это какого же такого готового силоса? Да вы понимаете ли как руководитель, что силос будет готов через сорок дней? А пока — масса!

– Мы через коэффициент считали, – попытался возразить Рогулин, но его снова перебили, и тогда председатель, защищаясь из последних сил, буквально выкрикнул:

– Да что вы меня равняете с передовыми хозяйствами! Это несравнимые вещи! – Но он тут же осадил себя, чувствуя, что дело так не пойдет, еще больше насобираешь «шишек», и с подъемом, на мажорной ноте, попытался закончить отчет:

– Хочу заверить руководство района, что к 15 августа план со вторыми укосами трав будет выполнен.

Но вывернуться ему из-под критики не удалось.

– Как можно говорить о вторых укосах, если у вас и первые еще не взяты. Когда они вырастут? Проспали вы все! – громил Кропачев.

– Мы не спали! – выставил колючки председатель. – Вы у меня по отчетности посмотрите. Если у меня в хозяйстве всего три тракторные косилки, так чего вы с меня спрашиваете? – перешел в наступление уже Рогулин. – Я зимой сколько раз говорил: дайте технику! На сессии выступал. Не дали...

– Что же, теперь по этому случаю и сенокос отменить? – нашлись в президиуме.

– С нашей стороны работа велась. Нашел на косилку человека, а он больше пяти тележек накосить не может.

И тут не выдержал Замятин:

– Да что вы нам такое говорите? Здесь детский сад, что ли, собрался? Какой вы руководитель, если не в силах переставить людей!

– Нет у меня людей, – отрезал Рогулин.

– А инженерная группа? Поставьте механика, инженера!

– И они не смогут!

– Сам садись! Вы что думаете, сенокос – это личное дело? – гремел Замятин.

Рогулин сник:

– Вы тут такие вещи говорите, что я и не представляю даже...

– Какие вещи? Техника простаивает? Простаивает! – вскочил в запале Кропачев.

– А я что, драться с ними должен, если они не работают? – совсем некстати сказал Рогулин и вовсе растерялся.

И тогда второй секретарь райкома партии Замятин, почувствовав всю неловкость момента, решил снять напряжение, увещевательно-убедительным тоном заговорил:

– Николай Викентьевич! Ну вы подумайте, разве дело, что работу начинают механизаторы только в десять часов утра? Стыдно! Начали заготовку в июле, когда на это время в центральных районах по три-четыре тонны силоса на корову было запасено.

Это противопоставление подхлестнуло самого секретаря, и он, накаляясь все больше, опять зазвенел голосом:

– Вот мы говорим: напряженное время! И колхозникам проясняем, что только сейчас можно заготавливать корма, а не в декабре. Все вокруг наливается центнерами кормовых единиц, а у вас – тишина! Благодушие! И еще возражаем, будто правы...

– Я не оправдываюсь, но... – подал голос Рогулин. Его не стали слушать.

– Вот вам два дня, чтобы войти в график, принять все меры. Садитесь.

Рогулин, все еще краснея как нашкодивший школьник, ушел в зал. Его сменил на трибуне молодой председатель из колхоза «Восход» Александр Метенев.

– Почему мало заготовили силоса? – загремели громовые раскаты.

– Тракторист ногу сломал... – чуть слышно проговорил Метенев, втягивая голову.

Юралову стало стыдно и одновременно противно.

Он не выдержал и поднялся с места. Высокий, плечистый, с гордо посаженной головой, он воспрял, словно утес посреди болота.

– Что тебе, Юралов? – насмешливо скривился Кропачев. – Погоди, и до тебя дойдет очередь...

– Я думаю, что следует прекратить это издевательство над руководителями, – решительно заявил Василий. – Разве не понятно, что сейчас мы говорим лишь о следствиях, не затрагивая причин происходящих явлений. Козьма Прутков говаривал: «Зри в корень».

Давайте и мы станем говорить по существу. Дело с заготовкой кормов, я утверждаю, не движется, в первую очередь, потому, что у работников нет материального интереса в производительном, эффективном труде. А почему нет? Да потому что в сельском хозяйстве по-прежнему действуют методы административно-командного управления. И нынешнее заседание – яркое тому подтверждение. Но колхоз – не казарма, а земля – не плац.

Председатели колхозов одобрительно загудели.

– Вы что, хотите сказать, что мы здесь в бирюльки играем? – наливаясь праведным гневом, начал подниматься из-за стола Замятин.

Кропачев, оглядываясь на Замятина, тоже привстал, готовый бросится в атаку...

– Выходит так, – спокойно подтвердил Василий.

– Вы что, противопоставляете себя партии? – взвился Замятин. – Да вы представляете последствия таких заявлений?

– Да никому я себя не противопоставляю. Просто я хочу, чтобы наши встречи и общение носили конструктивный характер, – все также спокойно отвечал Юралов.

– Смотри-ка, как он заговорил, – с издевкой произнес Кропачев. – Без году неделя, как колхоз принял, а уже свое мнение имеет. А вот ты лучше скажи, почему у тебя на сто гектаров нынче меньше посеяно льна? Почему не выполнена разнарядка райкома и райисполкома...

– Я, думаю, мы приняли правильное решение, сократив посеvy льна, потому что такой объем мы обработать не в состоянии. Лен уже не раз уходил под снег, ушел бы и нынче... Мы рассчитали, что с меньших площадей сможет получить такое же количество льна за счет лучшего

ухода за ним. А освободившиеся площади мы заняли клеверами.

– Ваша задача находить возможности, а не отговорки, – поддержал Кропачева Замятин. – План для председателя – закон. И я думаю, что мы спросим с Юралова по всей строгости за самоуправство.

– Я думаю, что для страны важен результат, а не цифры в отчетности. – Юралов оглядел зал. Председатели стыдливо отводили глаза.

Замятин снова поднялся за столом.

– Вам дается неделя, для того чтобы выправить ситуацию. Через неделю спросим с каждого персонально. Все свободны.

Народ дружно повалил к выходу.

Не тот колхоз!

Возвращаясь с дальних пустошей, Юралов свернул не на ту лесную дорогу и оказался в чужих владениях. То, что он на чужой территории, он понял не сразу.

На большой сенокосной поляне залоговал у костра народ, закопченный чайник висел над огнем, слышен был смех и радостное взвизгивание девиц. Поодаль стоял без дела колесный трактор с косилкой. Половина травы на поляне была не кошена, и это обстоятельство больно задело Юралова.

Он резко подрулил в сенокосному стану:

– Что за веселье в рабочее время, дорогие товарищи?! – строго спросил он людей. – Веселиться будем зимой, когда у скота будут полные кормушки, а сейчас страда в разгаре. Сами знаете, в сенокос дорог каждый час.

Народ с удивлением, но почтительно поглядывал на нежданного гостя.

Поднялся тракторист в замасленной спецовке:

– Тут у нас технические неполадки. Косилка накрылась. Послали в мастерские гонца за механиком с запчастями, а по сию пору никого не прислали. Вот и залогуюем.

– Да за это время можно было вручную выкосить не один гектар. Вот у вас какая сила! – возмутился Юралов. – Давайте, товарищи, поднимайтесь, ведь на себя работаете!

Народ запереглядывался, но начал подниматься и браться за косы.

Юралов обернулся к безучастно стоящему трактористу.

– Чего там у тебя, – показывай!

Пошли к трактору, Юралов сбросил пиджак, закатал рукава рубахи и полез под косилку. У косилки был поврежден привод, но поломка была не такая уж серьезная, чтобы не справиться с ней в полевых условиях.

– А ну полезай сюда, – скомандовал Юралов, – ты что не в состоянии самостоятельно эту тягу выправить? Зачем же из-за такого пустяка, отвлекать людей. Давай сюда инструмент!

Скоро косилка была исправна. Тракторист смущенно запустил двигатель и повел трактор вдоль прокоса.

Юралов разошелся. Взял свободную косу и встал вместе со всеми в прокос. Через час совместными усилиями трава на пустоши была повалена полностью.

Радостно возбужденный народ собирался у костра.

– Ну что, друзья, дружно не грузно, а врозь – хоть брось, – подвел Юралов итоги работы. – Давайте-ка и дальше в таком темпе, а мы посмотрим, как вас отблагодарить и морально, и материально.

– Это хорошо, когда материально и морально, – сказала одна бойкая молодуха, поглядывая на Юралова горящими глазами. Юралов присмотрелся внимательнее и узнал в ней девушку, что плясала в крепдешинном сиреневом платье на свадьбе у Кряжевых. Она вытащила тогда его в круг. Девушка подошла к Юралову поближе и спросила озорно:

– Но вот скажите нам, пожалуйста, Василий Васильевич, у нас что, объединение колхозов произошло?

Юралов не понял вопроса и не успел уточнить, как, на поляну вырулила машина технической помощи, и из нее вышел председатель соседнего колхоза Павел Советов. С ним Юралов встречался только на партийно-хозяйственных активах в райцентре. Высокий, уже седующий мужчина интеллигентного склада с тихим мягким голосом, он уже около двадцати лет руководил своим хозяйством. Павел Алексеевич, как было известно Юралову, воевал, после войны сразу же попал в председательский хомут и тащил его безропотно.

Следом на поляну бесшумно выкатила черная «Победа» и из нее вышел второй секретарь райкома Замятин. Увидев Юралова, он скривился, но ничего не сказал, а торопливо кинулся открывать заднюю дверь автомобиля, но не успел. Дверца открылась сама.

«Перед кем это так прогибается наш секретарь?» – подумал, было Юралов, но тут на покос ступил из машины богатырского роста и сложения человек лет пятидесяти. Светлые, коротко стриженные под бокс волосы, высокий лоб, глубокий, проникновенный взгляд.

Он окинул быстрым взором пустошь и сенокосный стан, и, казалось, мгновенно увидел и оценил каждого здесь присутствующего.

– Здравствуйте, товарищи! С хорошей сенокосной погодой вас! – пророкотал он.

Юралов узнал в нем первого секретаря обкома партии Бориса Павловича Богина, портреты которого он видел не раз в областных газетах.

Но те портреты были серы и малоинтересны. А тут был живой, энергичный и очень внимательный человек, глаза которого просвечивали, словно рентген.

Стали знакомиться:

– Юралов, председатель колхоза «Заря», – представился Василий.

– А ты тут чего делаешь? У тебя что, сенокос закончен? – прошипел Замятин, сверля негодующим взглядом Юралова.

Богин услышал и обернулся к Василию Юралову:

– Чего это он на тебя гневается?

– Да вот не знаю пока, Борис Павлович!

– Давай, выкладывай, – обратился Богин к Замятину.

Тот, наклонившись к нему, заговорил:

– Это наш молодой председатель из «Зари»! Вчера обсуждали его на бюро. Много на себя берет, несдержан. Мы его крепко предупредили, но, видимо, выводов не сделал. Теперь вот застаем его на чужом стане, вместо того, чтобы у себя в хозяйстве руководить заготовкой кормов. Уж не знаю, что он тут делает, может быть, по женской части приехал промышлять...

– Это так? – Богин впился глазами в Юралова, лицо которого налилось краской стыда. Только теперь до него дошло, что он на территории чужого хозяйства.

«Вот так опростоволосился! Позор!» – подумал про себя Юралов и беспомощно развел руками.

Но тут от полевого стана вышагнула вперед та самая девица, которая начала было разговор с Юраловым, и весело воскликнула:

– Люди, так ведь молодой председатель соседнего колхоза просто заблудился. А мы-то думали, что нас объединили! Вот это молодец! Вот так покомандовал! Вот бы нам такого молодого и энергичного. Ты уж прости, Павел Алексеевич! – обернулась она к своему председателю, скромно стоящему в сторонке.

– Он тут нам такую революцию устроил, – теперь она обращалась непосредственно к Богину, – косилку у нас в два счета безо всякой автомастерской починил, трактор запустил, а сам с косой вместе с нами встал. О! Посмотрите, какой луг смахнули на раз!

Тут весь покосный стан грохнул. Смеялись все. И косари, и старый председатель колхоза Советов, и Богин, и сам Юралов. Не смеялся только Замятин. Вернее, он пытался улыбаться, но выходило криво.

Насмеявшись вдоволь, пошли пить с покосниками чай. Богин неожиданно с шутливого тона перешел на серьез-

ный, в то же время доверительный, тон. Юралов с первых же слов его понял, что перед ним был человек глубокий и цельный, страстный и решительный, владеющий ситуацией и в стране, и в области, и в мире...

Безо всякого апломба и начальственных амбиций он стал общаться с двумя десятками простых колхозников и говорил с ними так, словно он пришел советоваться с людьми, представляющими на равных с ним высшую государственную власть.

Он говорил о том, что Сибирь открывает свои неисчислимые кладовые народу, что наши геологи подобрали ключи к этим богатствам и это обстоятельство решительно изменит всю мировую политику этого столетия...

Советский Союз, на который с надеждой смотрят миллионы и миллиарды людей, приобретает такой ресурс, который позволит ему вести независимую от Запада политику...

Он обращался к этим простым людям за поддержкой, поскольку они должны были накормить стремительно возрастающее население этого края, геологов и нефтяников, строителей и переработчиков...

Юралов видел, как преображались лица людей, освещаясь этой высокой благородной целью, которую выдвигал перед ними партийный секретарь... И самому Юралову тоже страстно захотелось поучаствовать в этом общем деле...

Богин

Богин пришел на область по воле партии в шестидесятом.

Хмурым сентябрьским утром на полупустынный перрон вокзала ступил из вагона скорого московского поезда высокий плечистый мужчина средних лет. Его

встречали. Несколько человек в начальственных шляпах шагнули навстречу. Один из них, протягивая руку, представился:

– Малов – первый секретарь обкома партии. Пока еще первый!

– Богин! – отвечал на рукопожатие приезжий. – Бывший второй секретарь...

Эта встреча на утреннем перроне была для Западной Сибири, можно сказать, поворотной. Человек, вступивший на сибирскую землю, задержится на ней на много лет, и с именем его будет связано начало всех счастливых и радостных преобразований в этом краю. Он сыграет решающую роль и в судьбе Василия Юралова, и его друзей...

У этой знаменательной встречи была своя московская предыстория.

Неделю назад в Кремле шло рядовое заседание Политбюро, на котором слушали кандидатов на различные государственные и партийные посты. На трибуне с докладом о своей области, все еще не оправившейся от оккупации, выступал второй секретарь одного из обкомов Северо-Запада Щербатов, которого рекомендовали на должность председателя облисполкома.

Хрущев слушал в пол-уха, перелистывая газету «Советская Россия». Но вот его внимание привлекла статья «Сибирские парадоксы», где корреспондент резко критиковал сельское хозяйство этого края, которое по надоям, урожайности, поголовью скота опустилось ниже довоенного уровня, и, обладая огромными природными богатствами, несомненными запасами нефти и газа, живет лишь эксплуатируя лесные ресурсы, за что и получил обидное название «дровяного склада» России.

Статья была хлесткая, и Хрущев не на шутку рассердился:

– Там надо менять первого! – повернулся он к своим помощникам.

– Никита Сергеевич! Совсем недавно меняли. Рано ожидать результатов.

Но Хрущева понесло.

Действительно, недавно избранный первым секретарем обкома Малов был специалистом в лесной промышленности, сельского хозяйства и геологии не знал и за два года руководства областью не сумел да и не мог решить проблемы, копившиеся десятилетиями.

– Менять! – отрубил Хрущев.

– Так ведь и заменить некем!

– А вот вам первый секретарь, – и Хрущев указал на возвышающуюся утесом над трибуной фигуру Богина.

Возникла тягучая пауза. И только ничего не подозревающий Богин продолжал излагать план переустройства сельского хозяйства своей области...

...После первых морозов и снегопадов по установившимся зимникам отправляли районы своих посланцев для знакомства с новым руководителем области. Что представляла тогда эта Сибирская область – дровяной склад? С юга на север три тысячи километров, снизу черноземные степи, сверху – вечная мерзлота. С запада на восток – полторы тысячи километров тайги да болотных топей.

Отрезанные от мира ужасным бездорожьем северные районы только рекой по открытой воде получали жизненно необходимые грузы. Выйдя в рейс по весне, колесные суда лишь к середине лета приходили в северные селения, где ждали пароходов, как Христова пришествия.

На заседание партхозактива в область снаряжались, как на Северный Полюс. Чаще всего ехать приходилось гужевым транспортом и даже оленями. Гусеничный трактор, тракторные дровни, на которых сооружался деревянный фургон с печкой для обогрева и приготовления пищи, с окнами и спальными местами на соломе был роскошью.

Для сопровождения делегации выделялся второй трактор, который тащил горючее для первого. Трактористы надевали ватные штаны, валенки с калошами, шубные рукавицы, разжигали в холодных, продуваемых морозными ветрами кабинах примусы для тепла. И в путь...

Такой обоз добирался до областного центра едва ли не неделю. Кроме партийных и хозяйственных руководителей

лей, ехали в фургоне и простые люди: кто в больницу на операцию, кто по делам в город, кто на свадьбу с непременной гармошкой. Народу набивалось, что сельдей в бочку... Ехал таким поездом и студент Василий Юралов, возвращаясь с практики, впитывая как губка дорожные разговоры, которые во многом были о новом правителе области.

А новый хозяин уже с первых шагов своих вызвал столько противоречивых толков и пересудов...

Трещат трактора посередь заиндеветшей морозной Сибири, медленно пробираясь заснеженными полями и лесами мимо тихо дремлющих, убаюканных метелями деревень, освещенных пока лишь керосиновыми лампами, мимо убогих скотных дворов, крытых соломой, мимо обезглавленных церковушек, превращенных в тракторные мастерские...

Потрескивают дрова в печурке, пофыркивает чайник, гармошка выводит незатейливый перебор... Сколько было в этих кибитках за неделю пути рассказано анекдотов, историй и баек, сколько было выпито водки и спето песен. Вот где формировался народный эпос и фольклор... Вот где рождались легенды и предания двадцатого века...

Рассказывали, что новый секретарь характер имеет прямой, жесткий, прошел войну, причем начал ее командиром взвода, а закончил командиром полка. Кто-то рассказывал, что самолично читал в газете заметку, про то, как младший лейтенант Богин в рукопашном бою один уничтожил девять фашистов, и что лучше его не доводить до кипения...

Молодой директор маслозавода из дальнего района Пашка Шаров был в центре внимания. Ему уже довелось общаться с «первым» с глазу на глаз.

– Меня сразу со студенческой скамьи директором назначили. Маслобойки у нас стоят по крестьянским избам, но масло получаем высокого качества. Но как вывезти его? Район огромный, дорог нет.

И тут проездом побывал у нас начальник областного управления молочной промышленности Толмачев. Погля-

дел он на наше хозяйство, пожал мне руку и заявил при всем коллективе, что из первой же пришедшей в область партии вездеходов Зил-157, одну машину он направит к нам.

Мы обрадовались, ждем. Но вот приходит разнарядка, а нас там нет. Я звоню Ивану Петровичу: «Может, ошибка какая закралась?» – «Нет, никакой ошибки! Вам дадим машину в следующей партии».

А когда эта партия будет, Бог ее знает... А у нас продукция тоннами пропадает...

Я парень настырный был. Обидно стало. Лечу самолетом в область и к Толмачеву. Он меня из кабинета выгнал: «Не будет вам машины».

Вышел я на улицу: куда идти, кому жаловаться? А перед глазами вывеска: обком партии. И решил я на обман.

Захожу в вестибюль и – к милиционеру. Вот, говорю, прибыл на прием. Вчера из райкома позвонили, говорят, должен быть у первого секретаря обкома в одиннадцать. Вот моя командировка, вот паспорт.

Милиционера прошел, попал в приемную, ту же историю излагаю.

«Да нет, – говорит, – вас в списке приглашенных».

Я скандалить начинаю, чтобы погромче было.

«Что вы думаете, – напирая, – я сам, что ли, это выдумал? Что мне делать больше нечего? Доложите, – нажимаю, – первому секретарю».

В общем, добился я приема. Кабинет большой, столы буквой «Т».

Выходит мне навстречу огромный мужчина, глазами меня сверлит: «Что это Вы, молодой человек, меня добиваетесь, скандалите в приемной, хотя никто Вас не приглашал?».

Я ему все, как есть, выложил.

«Простите, – говорю, – за обман, но этот вопрос только вы можете решить...»

«Да, – покачал он головой. – Вот есть у нас еще такие областные руководители. Ездят, обещают, руки жмут, а потом ничего не делают!»

«Сколько, – спрашивает, – тебе, сынок, лет?» – «Двадцать три...» – «И уже директор? А что? Правильно! Вот таких молодых, энергичных и нужно на руководящие должности ставить!»

Тут он снимает трубку: «Товарищ Толмачев! – голос, что из бочки гудит. – Слушайте меня внимательно. Из приходящей партии вездеходов две машины направьте на маслозавод Шарову. Не одну, а две!».

Тот, слышу, начинает что-то блеять.

«Вы меня поняли! Я проверю. Все!»

Обернулся ко мне: «Вот тебе мой номер телефона. Если опять обманут, звони мне!».

– Ну и как? Звонил?

– Не пришлось. Через неделю машины были.

Юралов не мог быть на том хозпартактиве в силу своей молодости, но весь их институт знал, что у области с приходом нового секретаря, у молодежи, ищущей и энергичной открываются, широкие перспективы...

Что правда, то правда, правил он круто. Рассказывают, однажды в кабинете первого секретаря одного из южных райкомов партии раздался ранним утром звонок из обкома. Первый секретарь был в отпуске и на его месте находился второй.

– Как там у тебя с заготовкой кормов?

– Борис Павлович! Одну минуту, только возьму сводку.

– Не надо! Вы уже не секретарь!

По мнению Богина, секретарь райкома настолько обязан владеть обстановкой, что подними его ночью с кровати, должен без запинки ответить какие в районе надои, сколько заготовлено сена, силоса, сенажа...

Не любил он бездельников, бахвалов и выскочек.

Однажды Богин пригласил на катер во время отдыха на реке местного председателя колхоза, начальника управления сельского хозяйства и первого секретаря.

Увидев у гостей в руках бутылки с коньяком, велел спрятать.

– Сегодня вы у меня в гостях...

Выпили по одной, похлебали ухи, заговорили о сенокосе. Выпили по второй, — к уборке перешли. После третьей на животноводство переключились...

Хорошо на реке, тихо. За лесом закат догорает, в приречных кустах птицы поют. Сидят мужики рядом с самим Богиным, коньяк пьют и, можно сказать, на равных беседуют.

И тут местного первого секретаря, видимо, от восторга души стало заносить...

«Я, говорит, в районе то-то и то сделал, это и вон это поднял...» — да раза три так вот себя возвысил. На третий раз Богин не сдержался, кулаком в стол бухнул:

«Это чего ты тут разбахвалился! В районе без году неделя, а уже «я» да «я»... Чужую славу под себя гребешь. Это вот они, — показал Богин на присмиривших председателя с начальником управления, — они что-то для района и сделали. А ты?! Пошел вон отсюда!».

И выгнал с катера секретаря.

А председателя колхоза впоследствии к Герою Социалистического труда представил.

А еще все отмечали в Богине исключительную память. Какое бы застолье не было, сколько бы ни выпито было, старались контролировать, чтобы не сболтнуть лишнего. Вот, скажем, занесет какого-нибудь партийного или хозяйственного деятеля за рюмкой, да и брякнет он хмельной, что на следующий год урожай в двадцать центнеров по району соберет. Все.

Богин эту информацию уже из головы не выпустит и через год за двадцать центнеров обязательно спросит.

Каждый год перед началом уборки он на маленьком двухместном самолете производил облет сельскохозяйственных угодий области, оценивал виды на урожай, встречался с руководителями районов, хозяйств.

В августе на каком-то совещании выступал начальник одного из районных управлений сельского хозяйства. Богин остановил его вопросом:

— А скажите, на таком-то вот поле какова урожайность?

Докладчик ответил.

– Потеряли центнер, – нахмурился Борис Павлович. – Опоздали с уборкой. А вот на этом? – и он назвал конкретное поле в одном из колхозов.

Начальник снова ответил.

– А здесь сходится, – удовлетворенно сказал Богин. – Молодцы. А вот это овсяное поле сколько дало?

– Это поле, Борис Павлович, еще не убрано. Но центнеров тридцать будет.

Потом начальника управления коллеги донимали:

– Ты что, на самом деле помнишь урожайность на каждом поле в районе? Ведь полей-то сотни!

– Да я-то что? У меня район. А вот он-то как это все в голове держит? Ведь у него область!

Но область была не только аграрной, но и промышленной. Геология, нефтеразведка и нефтедобыча – это вам не приготовление торфонавозных компостов! Вряд ли Богин в таком же совершенстве знал технологию выплавки чугуна и стали...

Рассказывают, что однажды он таким образом разрешил затянувшийся конфликт между нефтяниками и геологами. Он запер конфликтующих начальников в пустом кабинете и сказал, что они будут тут сидеть до тех пор, пока не найдут устраивавшее обе стороны решение. Через три часа «узники» позвонили и попросились на волю. Конфликт был успешно преодолен.

Про статус руководителя

Возвращались с пустошей вместе. Советов уговорил-таки заглянуть в его дом, отведать председательского хлеба...

Пока хозяйка собирала на стол, рассматривали фотографии в рамках на стене.

– Это вот Перфилий Алексеевич, брат отца, – показал Советов на бравого солдата времен первой мировой. – И германскую, и гражданскую прошел. Старший унтер-офицер. В разведке был, а в гражданскую – командиром роты. Трижды Георгиевский кавалер, три креста, три медали.

– А это кто у вас в Семеновском полку служил?

– Родной брат матери, этот-то был полный Георгиевский кавалер. На смотре в Царском Селе из рук царицы получил именные серебряные часы – большие, с корками глухими, я их в руках держал.

Отец в артиллерии наводчиком был, в Пинских болотах в Белоруссии попал к немцам под газы, а потом на Днепре, вместе с пушкой, с понтонного моста сорвало. Пришел больной с фронта. В 52 года помер.

– Ты, Павел, тоже, вижу, хватил войны-то? – спросил уважительно и особой доверительной интонацией в голосе Богин.

– Всю войну пропахал, в 41-м добровольцем ушел через райком комсомола и до последнего звонка. Но после войны, скажу я вам, наверное, потруднее было, чем на войне? Все на руководящих должностях.

– Награды-то какие за труд имеешь?

– Четыре строгих выговора с занесением в личное дело ношу, как награды...

– Четыре выговора! Это ж надо заслужить! – воскликнул Богин потрясенно. – Ну-ка, расскажи, за что? Вроде бы, непохоже это на тебя, Павел Алексеевич. Ты человек, я вижу, трудолюбивый, руководитель грамотный... Хозяйство у тебя справное... За что?

Теперь на скамье заерзал Замятин. Богин это уловил и еще раз настойчиво попросил:

– А ты расскажи, расскажи, а мы на примере старого коммуниста поучимся, как партийную дисциплину соблюдать надо! Павел Алексеевич!

– Ну ежели интересно, расскажу. Первый выговор: «За недостойное поведение с партийным работником».

Когда я пришел с войны, то меня сначала бухгалтером в колхоз направили. Председателем был Иван Иванович – тихий, но такой умный старичок лет восьмидесяти. Вот утром прихожу, контора в частном доме была, сидит на печке секретарь парторганизации МТС. Вот он и говорит: «У вас две тонны пшеницы есть! Вы обязаны ее сдать!».

Иван-то Иванович в войну раздобыл в соседнем колхозе «Знамя» сортовой пшеницы «Диамант» на семена и спрятал в кладовой, чтобы весной посеять. Кто-то про это дело прознал и брякнул в райком. А область не выполняла план по хлебозаготовкам, послали к нам уполномоченного забрать пшеницу. Говорит: «С печки не сойду, пока пшеницу не отправите на сборный пункт».

Вижу, старик боится, ведь всю войну дрожали, а я язык вытянул: «Кто имеет право семена отбирать? Не сдавай Иван Иванович! Мы выполнили план».

Дошло до матюгов. А Иван Иванович тем временем лошадок запряг и в город пшеницу отвез. Не бодаться теленку с дубом.

Взяла меня досада! И я письмо товарищу Сталину накатал: вот, мол, какие безобразия встречаем мы, фронтовики, будьте добре!

Наверное, с неделю прошло, прихожу в контору – сидит мужчина, а на столе лапка металлическая была, там повестки из сельсовета: «выдать два килограмма шерсти такому-то», «выдать пшеницы такому-то...», все бумажки исполкома тут сложены. А он всю эту бухгалтерию разбирает.

«Вот, – говорит, – я по вашему письму. Так все и было, как написано?».

Председатель подошел, подтвердил мои слова. Человек уехал, а меня в райком вызывают: «Матом уполномоченного посылал?». А про пшеницу ни слова.

Тут мне строгача и влупили. Зато пришло письмо Совета Министров о злоупотреблениях в колхозах. Оно сыграло тогда положительную роль, хотя пшеницу так и не вернули...

– Да это ж настоящий подвиг. Письмо Сталину не каждый осмелится написать! – пророкотал Богин.

– Что говорить, пока начальство не сменилось, на меня, как на черта, смотрели в районе. А второй строгач получил, когда уже председателем стал. Вся сбруя из веревок, дровней нет. А мастеров-то полно было. Вот я и открыл производство, колхоз снабдил, потом уж продавать стал эти дровни, телеги, колеса, дуги. А в это время в промкомбинате, где валенки валяли, тоже стали дровни делать. А дровни-то у них худые, лопнувшие. На такие дровни и покупателей нет. Берут мои. Тем и обидно стало. Пожаловались в райком.

«Ты чего не своим делом занимаешься? – в райкоме бושуют. – Тебе хлеб выращивать надо, а ты дровнями торгуешь!» – еще строгача.

Третий выговор получил, когда уже был председателем укрупненного колхоза. Приехал секретарь райкома, вылаял меня ни за что. У нас это один на один было в поле. Я ему ответил, как следует. Мне опять строгача.

– А вот четвертый-то за что?.. – Павел Алексеевич наморщил лоб, – не помню...

– За корову! – подсказала с кухни жена Советова, собиравшая на стол.

– Точно, – оживился Советов. – Была кампания: начальство должно быть примером и сдать личных коров на общественную ферму. А у меня язва, дыра на желудке, двое пацанов, жена больная да еще и мать слепая. Как жить без коровы-то? Я и выступил «против». За срыв кампании, за саботаж, мне и дали четвертый строгач.

– Да вы, Павел Алексеевич, настоящий боец! – восхищенно сказал Богин. – Правильно, так только и надо отстаивать свою правоту. А то наши ретивые начальники совсем самостоятельности лишили народ. Партия должна руководить не по мелочам, а думать о стратегии, – при этом он выразительно посмотрел на Замятина. – А с вашими «наградами» мы, Павел Алексеевич, как-нибудь разберемся...

– Ну а что по этому поводу думает молодой руководитель? – Богин повернулся в сторону Василия Юралова. – Не запугал тебя своими рассказами Советов.

– Проблема серьезная, – отвечал Юралов. – Давление испытываем постоянное со стороны власти, надо руководителей хозяйств защищать, защищать их самостоятельность, право на принятие решений. Иначе беда. Они думать перестанут, по течению поплывут, как налимы, от жары сомлевшие...

– Хорошо, сказал, – поддержал его Богин, – но как это сделать? Предлагай.

– Я, думаю, руководителю нужен особый статус, который гарантировал бы ему определенную самостоятельность и определял степень ответственности за принятие самостоятельных решений. Чтобы в этом статусе были прописаны и государственные гарантии ему и его семье, если он потеряет здоровье на этой должности...

В избе воцарилась на некоторое время тишина.

– А что, дельное предложение. Об этом стоит подумать! – сказал удовлетворенно Богин.

Тут вышла хозяйка и пригласила всех к столу...

Ночная гроза

Василий остался квартировать у Нины Ивановны Пасхиной. Старая женщина окружила молодого председателя трогательной заботой, и Юралов чувствовал себя у нее в квартирантах, как у Христа за пазухой.

Чуть свет на столе уже пыхтел самовар, парил чугунок с вареной картошкой, сахарно белела в глиняной плошке капуста...

– Капустка – милая закуска, – припевала бабка Нина, собирая на стол. – Подать не стыдно и съедят не жалко.

Василию привычна была столь простая еда, и он с удовольствием хрустел капустой, заедая ее рассыпчатой картошкой.

Сама же Нина Ивановна питалась на особинку. Она приносила с повети блюдо сухарей, заливала его крутым кипятком из самовара, потом брала с шестка гашничек с постным маслом, макала туда связкой тетеревиных перьев и брызгала поверх сухарей маслом.

Блюдо она съедала на раз и, довольно похлопав себя по животу, приговаривала:

– Вот, а молодежь все обижается, что исть нечего. А вона как я. Теперь до обеда правиком...

Вечерами у бабки Нины собирались деревенские беседы. Пожилой народ приходил сумерничать. Рассаживался по лавкам вдоль стен, и начиналось обсуждение деревенских новостей и событий. Уж ни одно сколько-нибудь значительное происшествие или случай не проходили мимо этого общественного совета: начиная от распоряжений председателя, заканчивая действиями самого рядового возчика.

А уж если дело касалось любовной интриги, то тут комментарий был самым обстоятельным. И что было характерно, не было в этих вечерних обсуждениях пошлости и злословия. Все было по семейному, по-доброму.

Работы у Василия было невпроворот. Редко выпадали дни, когда возвращался он на квартиру засветло. Но когда попадал на такие вот посиделки, то душа его оттаивала. Весь колхоз представлялся ему большой, сплоченной семьей, где до каждого, пусть даже самого непутового человека, народу есть дело и есть не поддельная забота...

Вот и о судьбе Василия пеклись деревенские старики, поговаривали, что не годится ему ходить в холостяках, что пора уж и семьей обзаводиться... Уже приглядывали ему партию, обсуждая достоинства деревенских невест.

– А что, Василей Васильевич! Одно даже березовое полено не горит, – цеплял Юралова дед Гарапон. – Ежели

тебе за девками недосуг ухлястывать, так я тебе старуху свою отдам, а сам пойду к какнебутной молодухе посватаюсь. Я еще парень-то ого-ого!

– Ой, уж хоть бы молчал, старый ты греховодник! – ругалась Гарapoнова старуха. – Нужон ты кому со своим радикулитом...

– Не скажи! – хорохорился Гарaпон. – Вон Нинка со-врать не даст.

– Да ты о чем это, пустомеля? – возмутилась бабка Нина. – Я вот как огрею тебя вдоль хребта ухватом!

– Вот так, вечно я из-за женского пола страдаю. А я ли виноват, что мне одной-то старухи мало...

Тут уж заплевались все, какие были в избе, бабки.

Дедушка Петро Стогов, тоже прибрeдший на беседу крякнул:

– Вот у нас в прежние-то времена был один такой. Батьке говорит, ежели женить меня надумал, так жени сразу на двух. Мне одной женки мало.

Батько и отвечает: «Ладно! Женись на двух, две работницы в доме будут». Оженил его по осени. Вот по весне наш новоженя выбрался на завалинку, за стенку держится.

А улицей два полицейских арестанта ведут.

Новоженя тоненьким голоском спрашивает: «Куда, служилые, человека ведете?» – «На расстрел, – отвечают. – Преступник это!» – «Не стреляйте его, – пищит. – Лучше жените на двух, так сам помрет...».

Довольные бабки засмеялись, а Гарaпон не унимался:

– А так думаю обратиться в собес с ходатайством. Вон меня как кастили на собраниях, на комитетах, да заседаниях, что я баб-то шибко сильно люблю. Тамот-ко девки понимающе работают. Может, зачтут мне стажу год за два да пенсию хорошую дадут... А то колхозная-то не шибко велика – двадцать четыре рубля.

Тут откликнулась Нина Ивановна:

– Да и за этукую пенсию спасибо. А то ведь было, что робили, робили, а на старость не заработали...

Старики загудели:

– Грех жаловаться! Теперь зажили, как старопрежние баре. И пенсию на дом принесут, и дровами колхоз подсобляет... А уж тебе, Василий Васильевич, какое спасибо-то за электрическую машину. А то ведь с керосиновыми лампами сидели, а то и, стыдно сказать, с лучиной. Люди в космос летают, а мы все «темно да рассвело».

– Надо же, лампочку провели мне в избу, – рассказывала бабка Балямиха. – Так теперь хоть нитку в иголку вдевай, хоть иголку на пол роняй – видать все... А вчерась у меня лампочка-то и лопни. А на стол залезла, дай, думаю, в патроне том пальцем обведу, не осталось ли стекол. И так меня, девки, шандарахнуло, что я у порога оказалась. Да и думаю, кто это меня дернул так? Оказалось, что тамот-ко в патроне ток сидит...

Василий вышел на улицу. Далеко в полях слышен был гул тракторов: работали на заготовке кормов в две смены. Над речной излучиной висел огромный бронзовый диск луны. Василию показалось, что луна ехидно ухмыляется и подмигивает ему. Мол, что же это ты парень, в такую пору один?

Заработала машина «Динамо», вспыхнул свет на столбах. На другом конце деревни играла гармошка ставшую недавно модной песню про старый клен:

*«Отчего, отчего,
Отчего гармонь поет,
От того, что кто-то любит гармониста...»* –

выводил чистый красивый голос, и время от времени волнующе звенел девичий смех.

Сердце Василия наполнилось сладкой тоской. Оно жаждало любви, как пересохший ручей в летний зной жаждет дождя и влаги.

И он стал думать вновь о девушке своей мечты, о том, где она сейчас, какой стала, что делает, вспоминает ли его, Василия, и о том, как искать ее дальше.

Зажигин сдержал свое слово, прислал из больницы письмо, в котором сообщал, что по своим каналам удалось выяснить, что из Краснодарского края Лариса выехала пять лет назад. Но куда – неизвестно...

И что, скорее всего, Василий должен действовать самостоятельно, для чего в очередной отпуск нужно отправиться на поиски самому.

На отпуск Василий мог рассчитывать только зимой.

В какой-то момент Юралову показалось, что все его поиски бессмысленны, что Лариса все дальше и дальше отдаляется от него, и что поиски идут только от него и что Лариса могла бы дать весточку, хотя бы через детский дом, пусть уже и расформированный за ненадобностью. В Погорелове сейчас размещался детский санаторий, и Юралов за годы студенчества не раз навещал его, в надежде, что хоть какая-то весточка от Ларисы придет туда.

Кто знает, может они и приходили, весточки, да не найдя адресата, затерялись.

А может? А может его Лариса уже замужем сейчас?

Ведь он так мало знает ее, может быть для нее это всего лишь детская влюбленность, которая как первый снег тает, не долетая до земли...

Василий погнался прочь эти сомнения, вспоминая волшебные, полные чистой, невысказанной любви Ларисины глаза, увиденные им в последний раз в вагонном окошке. Он хотел бы сейчас взмахнуть крылами и улететь в поисках своей судьбы, но, увы, он уже не был свободен. Он уже чувствовал, как колхоз и все его огромное производство с полями и лугами, фермами и зернотокками, с этими простодушными и в то время непростыми людьми, становится его частью, частью его души, что вот так оставить их он не в праве и не может оставить...

Ждать. Снова нужно ждать...

Василий стряхнул с плеч навалившуюся было хандру и решил съездить в поля к кормозаготовительному звену. Верный «газик» стоял под окнами, дожидаясь хозяина.

Был он не нов и изрядно побит, досталось ему лиха на сельских проселках, колдобинах и ухабах, таскали его тракторами из умопомрачительных трясин, выкапывали из топей, вырывали из грязи вагами и домкратами...

Но он продолжал служить верой и правдой, оставаясь неизменно колхозным передвижным штабом. Знал он председательские радости, когда поднимались первые дружные входы на полях, и отчаянье, когда посевы эти выгорали под палящим солнцем, угрюмую тоску, когда под снег уходил урожай, и разгорающиеся надежды, когда снова из-под снега выходила напитанная влагой и готовая родить земля...

Когда-нибудь в чистом поле должен появиться памятник председателю колхоза, который бы собрал в себе все лучшие качества руководителей села, без всякой корысти и стяжания благ, отдавших себя земле и народу... И, верно, рядом с председательской бронзовой фигурой должен стоять рядом этот заслуженный председательский «газик».

...Василий выехал за околицу. В открытые окна машины накатывали с лугов волны воздуха, напоенного запахами разнотравья и медоносов. Казалось, слышно было, как рядом с дорогой наливалась, выходя в трубку, пшеница. Ошалело кричали коростеля в клеверах, до хрипа объясняясь в любви серым своим подругам.

В полях догорали последние отблески зари. Василий включил фары, в ярком свете их выпорхнула из-под колес большая птица, скорее всего, сова. Машина вылетела на пригорок, Василий увидел вдали маленькую деревушку, вернее первый и единственно освещенный ее дом.

Скоро он въехал в деревню и остановился у крайнего дома. Свет из окон падал во двор, посреди которого стоял огромный мужик, одетый в мешковатую механизаторскую робу. Ухватив за волосы женщину, мужик охаживал ее ременными вожжами.

— Ой, убивают, — истошно кричала женщина. — Ой! Спасите! Ой, жизни от него нет, ирода!

Кричала она очень убедительно и громко, однако на помощь ей никто не спешил. Ни один огонек не вспыхнул ответно в деревенских окнах.

– Сейчас же прекратите, безобразие! – воскликнул Юралов, закипая негодованием.

Мужик остановился, вглядываясь со света в темноту, не выпуская при этом женщину на свободу.

– А-а, председатель, – наконец произнес он устало. – Вот и я ей говорю: «Прекращай, Лидка, безобразничать». Дак, не слушает... Пьет зараза. Два дня уж печь не топлена, не варено, не жарено... За вожжи взялся! Стыдоба. Вот может правление подсобит?

Василий опешил от неожиданного поворота событий.

– Как деревня-то называется? – спросил он примирительно.

– Угрюмово! – отвечал мужик удивленно. – А тебе какую надобно?

– Да мне на макаровские покосы к звену надо, – сказал Юралов. – Только ты жену-то отпусти. Смотри, шею ей ломаешь.

Мужик разжал свою могучую клешню, и женщина облегченно вырвалась на свободу. Но не побежала в дом, а стала заинтересованно прислушиваться к разговору.

– На макаровские пожни надо брать левее. Через полчаса будешь там.

Но тут женщина подала голос:

– Не слушай ты его, неварового, председатель. Он говорит... Он у нас сроду такой, – выговаривала она сварливо.

– Это я-то неваровый? – возмутился мужик и попытался снова ухватить жену за волосы. Та увернулась и отскочила на безопасное расстояние.

– Неваровый, так неваровый и есть, – затараторила женщина. – Ты погляди, гроза настает, как раз под грозу человека засылаешь. Зашибет молнией, будешь отвечать...

Она приблизилась к изгороди и показала рукой на сбегущую с пригорка дорожку.

– Вот по ней правь, перелесок проскочишь и будешь на макаровских покосах.

Мужик не стал возражать.

– Ты жену больше не трогай! – сказал на прощание Юралов мужику. – Не дело это.

– Да и то верно, не ремесло, – согласился мужик. – Только вот как с ней сладу дать – ума не приложу. И чего бесится?

– А ты, поди, не знаешь, – всхлипнула вдруг женщина. – Мне уж за тридцать. Ребеночков я хочу. А нету ребеночков-то, нету. Пустоцветами на земле живем. Не дает Бог деточек...

Плечи у мужика как-то разом опали, и голова опустилась печально.

Василий не знал, чем их утешить, и погнал машину в низину к перелеску, где густел ночной туман.

Через мгновение он уже въехал в лесную чащу.

И тут полыхнула ослепительно молния, осветила каждое дерево, каждый куст и каждую былинку. И после этого долго, долго плыло в глазах негативное изображение деревьев, кустов и травы...

С грохотом и треском прорвалось небо. Дальше Василий уже ничего не видел и не слышал: такая стояла канонада, так ярко сверкали молнии, что зрение отключилось. Василий потерял дорогу и машина провалилась передними колесами в какую-то колдобину. Юралов оставил машину и сел в заросли дягиля, чтобы уберечься от бьющих в высокие деревья молний.

Вскоре на землю обрушился ливень, такой обильный и густой, что скрываться от него не было ни какого смысла.

Однако и гроза, и ливень скоро кончились, тучу унесло, и стало много светлее. Василий отыскал машину. Выбраться самостоятельно было невозможно, нужно было идти на поиски трактора.

Недалеко звенел на перекатах ручей, набравший после ливня силы. Юралов пошел на его голос. Дно ручья было твердо от устилавшего его галечника, а вода была тепла.

Лес отступил. Перед Василием лежала умытая дождем долина. Сразу от лесной опушки начиналось буйное клеверное поле, покрытое алыми и бордовыми головками цветов, источавших густой медовый запах. На конце поля все еще провисали изреженные тенета уходящего дождя, сквозь них видна была деревня, светившаяся пастельными серо-лиловыми тонами строений.

Весь мир разом изменился. Поле дымило парным туманом. Там, в дебрях его, вдруг ударил свою любовную песню дергач, ему отозвался второй, третий... Их примитивные скрипучие песни на этот раз не показались Василию нудными и бессмысленными – столько было в них чувственной страсти.

Василий упал в исходящее медовыми запахами клеверное поле и словно слился с природой воедино, глубоко и размеренно дышавшей энергией любви и плодородия...

Ближний лес звенел птичьими трелями, дергачи заходились любовными песнями, неожиданно забился и зазвенел над головой в середине лета, измученного жарой и оводами, весенний певчий жаворонок.

Василию показалось, что он поднялся с поля совершенно иным человеком. Этот мир виделся ему по-иному, и объяснить этой новизны он не мог. Ему показалось вдруг, что он слышит, как растет у тропы пшеница, выходя из темно-зеленого стебля молочным, еще не видевшим солнца колосом, услышал, как развернулся бутон клевера, как в самой земле началось движение живых соков, вдохнул нечаянные доселе ароматы животворения...

Тем же ручьем добрался он до деревни. Она была тиха, словно сон младенца, только ручеек пробежавший деревней чуть слышно позванивал, да редкая капля дождя, не успевшая скатиться с широких ладоней липовых листьев, падала иногда в траву с тихим шорохом.

Было, наверное, часов около двух. Нужно было возвращаться в Бекетовское, выспаться, приводить себя в порядок, с утра отправлять трактор на поиски машины... Но

надо было найти кого-то, кто показал бы, как добраться до села.

Юралов посидел на лавочке у крайнего дома с высокой подклетью и веселыми занавесками на окнах, не решаясь будить людей. Но делать было нечего, он дотянулся палочкой до окна и негромко постучал.

Там в чуткой тишине дома он услышал, как захрустела соломенная постель, чьи-то босые ноги опустились на пол, скрипнули половицы. Послышались шаги, приближающиеся к окну.

Сердце у Василия неожиданно затрепетало в предчувствии чего-то необычайно важного.

На окне откинулась занавеска. Легко распахнулись створки, и сверху к Юралову упали тяжело волны густых девичьих волос.

Василий вздрогнул: на него смотрели чисто и безмятежно прекрасные темные глаза в обрамлении пушистых длинных ресниц. На припухлых губах девушки лежала приветливая улыбка, словно Юралова ждали в этом доме и были уверены, что он вот-вот появится...

Василий узнал ее. Вот уже третий раз встречается она на его пути. В первый день приезда в Бекетовское она вытасила его плясать в круг, потом встретил он ее на покосах соседнего колхоза, теперь вот она улыбается ему из окна незнакомого дома и незнакомой деревни...

Василий топтался под окном не находя слов. Он даже не знал имени девушки. Девушка ждала.

– В Бекетовское мне надо попасть, – наконец прохрипел он, стесняясь своего грязного и мокрого вида, спутанных и забитых мелким лесным мусором волос.

– Это туда! – грустно и ласково улыбнулась девушка и махнула рукой.

– Пойду, однако, – сказал Юралов, – под ливень попал.

– Нет! – с жаром воскликнула девушка. – Ступайте в избу. Вам надо обсохнуть. Я напою вас чаем, товарищ-председатель...

Василий повиновался. Звякнула щеколда, и в дверном проеме показалась все та же девушка в накинутом поверх длинной ночной рубахи платке.

– Как вас зовут? – спросил Василий.

– Меня зовут Клавой, – сказала она без церемоний, – я прихожусь двоюродной сестрой братьям Кряжевым. А живу здесь в Березове с мамой.

Она принесла овчинный полущубок.

– Печка у нас теплая, одежда скоро высохнет, а вы посидите в нашем тулупе.

Пока Юралов снимал с себя мокрую одежду и залезал в тулуп, Клава уже принесла на стол самовар и пироги.

– Я и сама недавно пришла из Бекетовского. Скоро уж на сенокос отправляться, спать некогда, а погулять все равно хочется. Дело-то молодое!

Она задорно взглянула на Юралова.

– А я смотрю на вас, вы ведь тоже молодой, а на девушек не заглядываетесь. Все в делах, да заботах. Так и молодость пройдет, не заметите...

Василий не нашелся, что ответить. Девушка ласково положила ему ладонь на руку. Ладонка была теплой и шелковистой. Василий почувствовал, как будто электрический заряд пронзил тело. Лицо вспыхнуло, и всего его бросило в жар.

Он повернулся к Клаве. В глазах ее светились призыв и покорность. Василий протянул руку, и пальцы утонули в шелковистых волосах девушки. И тотчас губы их слились в страстном поцелуе. Василия закружило в каком-то неземном водовороте, потеряв голову и возможность реально мыслить, Василий стремительно проваливался в сладко волнующую бездну. И только маленьким молоточком стучала в мозгу мысль: «Лариса! А как же Лариса!». Но волна страсти уже уносила Василия в бушующее море любви.

Он не помнил, как очутились они в соломенной постели, как в страстном порыве отчаянно целовал он девушку, как шептала она горячими губами: «Милый! Любый мой! Кровиночка моя! Счастье мое».

Медведь на сенокосе

...За дворами деревни на старом покосе, заросшем багулой и дягилем, ивняком да ольшаником, в середине лета поселился медведь. Пришел он, видимо, с Долгого Бора, где житье лесному зверю спокойное, но не больно сытое в этот год было. Ни Бор, ни васькинское болото, ни сам Большой Лакомец ягод не уродили.

Поначалу медведь с опаской осваивал новые места. Границ не метил, таился. Пугал его близкий грохот машин на дороге, лай собак, людской говор и пыльное облако над лесом, полное резких тревожных запахов.

Но приволье было здесь замечательное. У деревень золотился овес, на вырубках буйствовала молодая малина, шатрами стояли муравейники. Редкий отпускник, забредший на вырубки, спешил повернуть обратно, едва заметив медвежьи следы. И даже собаки, первое время трусливо облаивавшие лес, смирились с его присутствием.

Осмелел мишка, разленился. Истоптал малинники, разворошил муравейники, разграбил осиные гнезда. Набив за ночь сладким овсом брюхо, уже не прятался по чащобам, а, едва перевалив кусты, падал в густые заросли травы, спал.

В старые времена здесь, по берегу ручья, был общий деревенский капустник, потом — стан косарей. И, кажется, совсем недавно отступились люди от этих мест, но как быстро одичали заливные луговины, захлебнулись буйством некоси и дурнины.

Вот на этот капустник и положил свою мохнатую лапу Михаил Потапыч. Возомнил себя наибольшим хозяином: не пахал, не сеял, а урожай снимал.

Как-то среди бела дня оседлал на краю поля рябину, а мужики, что метали скирды и остановились на перекур, увидели «гостя», заругались: «Экий прохвост, того и гляди, в колхозное правление затешется!».

Медведь с рябины скатился, рыкнул, но не убежал. Встал в позу, ногой затопал, на драку вызывал. Плюнули мужики, снова взялись за вилы. А что поделаешь?

Бригадир звонил Юралову:

– Василий Васильевич! Разреши отстрелять прохвоста. Житья от него нет.

– Да ведь не в косолапом дело! – возразил Юралов. – Сами виноваты. Поглядите-ка, сколько земли из пользования выбыло... А ведь прежде там пашня была. Хлеб колосился.

– Так-то оно так, – засопел на том конце провода бригадир.

– Будем принимать меры, но не с медведя спрашивать, а себя. Станем возвращать заросшие земли в оборот.

...Август выдался прямо-таки замечательный. Солнце поднималось из Заосека в пламенно-багровой дымке, дни рождались сухие и безросные. Природа словно возвращала растратенное за дождливый июнь тепло.

«Погода на лодыря работает», – говорили по деревням старики. Но, увы...

На дверях колхозной конторы с утра парторг вывесил листок бумаги с типографским заголовком «Тревога»: «На 17 августа, – гласил он, – из 500 гектаров озимых в колхозе засеяно всего шесть, хотя лучшие сроки сева – до 20 августа».

Причин такой нерасторопности указано не было.

Юралов с агрономом уселись за карты полей.

Дело было в том, что сев озимых вели по только что освобожденным от урожая полям, когда еще не отлежавшаяся, не успевшая набрать новых сил земля должна была снова принимать семена и давать жизнь новому урожаю. Работы по посеву и уборке накладывались одна на другую, причем уборка затягивалась, как обычно, затягивая и сев.

Паров же в хозяйствах не было, и совсем не по той причине, что кто-то не понимает их пользы и значения, а не было их из-за нехватки земли: пашни, лугов, сенокосов...

Выгоревший листок «тревоги» был прямым свидетельством забытых, брошенных угодий, заросших дурниной и мелкоколесьем.

На следующее утро в председательском козелке тряслись по дорогам вместе с ним не только агроном, но и инженер с механиком.

Дорога шла среди полей, на которых уже в полной зрелости золотились хлеба. И в эти золотые разливы то тут, то там вклинивались зеленые травянистые участки, где кошенные, где нет, а где и вовсе подернутые кустарником.

– Вон участок пропадает, вот еще, вот еще! – горячился Юралов. – Сколько у нас земли! А что она дает? В лучшем случае – копну сена.

Бригада, в которую ехали они, отличалась от других тем, что местность здесь была пересеченная: холмы да угоры. Для механизаторов сплошная маята.

– Весной на вершинах этих угоров почва просыхает рано, а чуть пониже едва ли не до июня стоит сырость, где техникой не пройдешь, рассказывал агроном. – Вот и получается, что засеют механизаторы верхушки холмов, а низины, которых вместе набирается огромное количество, переходят в разряд сенокосных угодий и пастбищ.

А поскольку они разбросаны, технику здесь не развернешь, с косой не прийти, превращаются эти местечки в островки леса.

– Ну и как же использовать эту землю? – скорее сам себя, нежели специалистов, спрашивал Юралов.

Видно было, что он вынашивает идею, но сообщать ее не торопится.

– Как вы думаете, нужно менять отношение человека к земле? – спрашивал он спутников.

– Понятно, что, нужно, – соглашался агроном...

– В этой бригаде зерно идет в основном на корм скоту?

– Да. Зерно здесь фуражное.

– Так и пусть урожайность этих полей оценивается не зерном, а кормами, которые можно с них получить, коль

кормовая проблема для нас сегодня заглавная. Или даже продукцией животноводства...

– Давайте-ка, подготовим письмо в райисполком или даже в управление сельского хозяйства, попросим разрешить нам такой эксперимент: не дожидаясь созревания хлебов, косить их и закладывать в траншеи на зерносе-наж.

В машине стало тихо, только мотор натужно завывал, преодолевая колдобины проселка.

Наконец агроном тяжело выдохнул:

– Это, Василий Васильевич, иначе не расценят, как подкоп власти. Так у нас испокон веку заведено: сначала вырасти, зерно, высуши, отвези в государственные закрома, а потом государство выделит тебе корма по разнарядке. А вы предлагаете от государственной опеки избавиться. Мы тут таких шишек насобираем, что и другим nepовадно будет.

– Но ведь вы понимаете, что практика эта глупая и вредная.

– Да ведь как не понимать!

– Так если не предлагать новых идей, так и будем барахтаться в этом дерьме, – Юралов начал заводиться. – Да если мы все будем хвосты поджимать, да с головой в песок зарываться, так что с нами будет, что со страной станет?

Агроном с инженером и механиком молчали.

– Ну что ж, я тогда от своего имени пишу такое письмо. Кто-то начинать должен...

Юралов неожиданно широко улыбнулся и повел могучими плечами:

– Волков боятся – в лес не ходить. Но и мы в этом лесу не одни. Есть на кого положиться и опереться.

Здравый смысл, он как черный хлеб. Куда без него-то?

Действительно, такой вот рациональный подход к делу сулил немалые преимущества.

Каждую почти весну маята. Тепло запаздывает, почвы высыхают неравномерно, сев идет выборочно по сухим участкам, по горушкам. Приходит уборочная – вы-

зревает клочками, а то и вовсе уйдут зерновые под дожди, не дозрев.

Фуражное зерно требует забот немало. Попробуй-ка не досуши – сгорит. А сколько затрат с транспортировкой, переработкой. А сколько соломы в поле неубранной пропадет. В общем, забот и хлопот – полон рот.

Зерносенаж от этих забот освобождает. Опыт передовых хозяйств, научные работы утверждают, что зерновые, заложенные в траншеи в период молочно-восковой спелости, сохраняют все свои питательные свойства и дают в 1,5 раза больше кормовых единиц, нежели размолотое зерно. Значит, внедрив заготовку зерносенажа, можно начинать посевную в более поздние сроки, когда почва подойдет и в низинах, которые числятся сегодня как сенокосы, а осенью в уборку не будет нужды уповать на погоду.

Вечером на планерке бригадиры с привычной уже обидной интонацией в голосе докладывали, что озимый сев застопорился по причине нехватки пахотной земли.

– Да как же, товарищи, нет площадей? Да вы оглянитесь вокруг. Земля рук просит. Вхолостую десятки и сотни гектаров простоят, – ругался незлобливо Юралов.

Как и следовало ожидать, в районе его инициативу встретили в штыки. Юралов решил ехать в область, проведать в больнице Зажигина, посоветоваться с ним. Уж кто-то, а Зажигин поймет и оценит, оценит и поддержит на самом высоком уровне. Решать же этот вопрос с Замятиным или Кропачевым было бессмысленно. Подобная инициатива давала им лишние козыри в уже начавшейся борьбе против своевольного молодого председателя.

...Накануне бабка Нина не спала всю ночь творила и пекла пирог с муксуном для Зажигина, которого сильно уважала, когда он был еще председателем соседнего колхоза. Чуть свет Юралов выехал в город и к обеду уже въезжал в областной центр.

Город был по-деревенски тих, за палисадниками деревянных домов пели петухи, не спеша, вперевалку шествовали к реке гуси.

Но что-то пока еще неуловимое было в облике его улиц и кварталов, предвещавшее скорые и решительные перемены в жизни западносибирской столицы. В речном порту царило оживление. Гигантские краны цепляли из барж контейнеры с оборудованием, легко перебрасывая их на берег, разгружались баржи с огромными трехосными грузовиками «Кразами» и «Уралами», чешскими самосвалами «Татра», тракторами болотоходами и гэтээсками... Горы труб, железобетонных плит и блоков, балков и вагончиков для временного проживания в них геологов и строителей...

Зажигин в больничном халате, исхудавший и бледный, вышел навстречу, широко улыбаясь. Видно было, что ему приходится прилагать усилия, чтобы выглядеть бодрым.

– Ну здравствуй, герой! – он прижал Василия к своей груди и одобрительно прогудел: – Ишь силищи-то набрался. Теперь тебя, парень, не свалить!

– Да вроде как пытаются, но мы не особо и поддаемся.

– Наслышан, наслышан, – сказал Зажигин. – Были тут у меня ходоки, жаловались на твое самоуправство.

– Да уж, думаю, не без этого... Расскажите, сначала, как здоровье?

– А что здоровье? Поживем, сколько Бог отпустит.

Осколки гуляют, покою не дают. Впрочем, скоро уж и на выписку. Мы еще повоюем! Так ведь Василий? – бодрился Зажигин.

– Берегите себя! – попросил жарко Василий. – Плохо нам будет без вас.

– А вы сами наступайте. Не то нынче время, чтобы по кустам прятаться. Погляди, Василий, какие дела у нас в Сибири начинаются, душа ликует. Вот это настоящее дело. А на кого, прежде всего, ляжет груз ответственности? На крестьянина. Это он должен будет накормить целую армию геологов, нефтяников, строителей.

Представляешь, за короткое время население области вырастет в несколько раз. Но количество сельского населе-

ния останется прежним. То есть оно должно работать лучше и эффективнее в несколько раз. А чтобы лучше работать, нужно научиться работать, прежде всего, головой. Правильно я говорю? По старинке мы уже не можем работать...

– Вы, Валентин Владимирович, прямо-таки мои мысли читаете, – воскликнул Юралов.

– Ну раз так, то давай, выкладывай, что ты там за революции в Бекетовском устраиваешь...

Потом Юралову рассказали, что Зажигин был с этой проблемой у Богина. Тот позвонил Замятину, спросил иронично:

– Все хоть там тебя слушаются?

– Да есть тут один председатель колхоза неуправляемый. Не слушается. Спорит и возражает до тошноты.

– Так вот! – зарокотало в трубке. – Если он плохо работает, собери бюро и сними с работы. За неделю сними. Но если он хорошо работает, то собери бюро, собери актив и поезжайте все к нему учиться. И учитесь, да спасибо не забудьте сказать!

На следующий день на квартире агронома Смелова раздался телефонный звонок:

– Юралов на проводе. Я в городе. Звоню из гостиницы. Встречался с Зажиговым. Тот добился приема у «первого». Они поддерживают наш эксперимент. Действуйте! Да смотрите, чтобы все было на высшем уровне. Сегодня на нас вся область смотрит.

Цыплят по осени считают

На деревенской площади, лихо развернувшись, остановился у конторы мотоцикл с коляской. С заднего сидения свалился Гарапон и, завывая, бросился в контору.

– Василий Васильевич! – стонал он. – Беда!

Юралов встревоженно выскочил ему навстречу.

– Что случилось? Говори скорее!

– Беда! – задыхаясь, выкрикивал Гарapon. – В поле комбайнеры с мелиораторами схватились. Того гляди, перебьют друг друга.

Юралов больше ничего не спрашивал, а метнулся к своему «газику». Гарapon успел заскочить на переднее сиденье. Поднимая пыль, председательский «газик» неся в поля.

– Из-за урожая не сошлись! – докладывал Гарapon. – Братья Кряжевы на виноградовских наехали: бездельники, говорят и дармоеды!

Нынешняя весна была удачной. И отсеялись в лучшие сроки, и удобрили поля хорошо, и обработали – ждали урожая центнеров в тридцать.

Уже в самом начале уборки комбайнеры открыто роптали. Еще в июле механизаторы из кормозаготовительного звена, пересевшие впоследствии на комбайны, поставили нечто вроде ультиматума председателю колхоза: если не будет расформировано другое звено, занимавшееся в колхозе улучшением земель, то они откажутся от работы. Дело в том, что в сжатые сроки требовалось закончить заготовку кормов, чтобы тщательно подготовиться к уборочной, а для этого нужны были дополнительные люди и техника. Кормозаготовители считали, что они заняты более серьезной работой, чем мелиораторы.

С новой силой конфликт вспыхнул в августовские дни, когда механизаторы не нашли на полях планируемой урожайности. Поля-то были как раз из тех, что приводили в порядок мелиораторы.

– Мы тут в пеньках запинаемся, бабочек по полям мотвилами гоняем впустую, а они кое-как поковыряют землю, бросят весь хлам – и подай каждому по сто рублей! – напирал на Виноградова Пашко Кряжев.

Но Виноградов был не из тех, кто без боя сдает позиции. Наверное, теряя аргументы, Пашко первым сгреб Ви-

ноградова за грудки. Распаленный спором Виноградов набычился и ответно вцепился в Кряжева.

Разгоряченные спором механизаторы не заметили, как подкатил к толпе «газик» председателя. Юралов не успел еще выключить зажигание, как Гарапона, словно ветром, снесло с сидения. С истошным криком «Наших бьют!» он налетел кочетом и в прыжке сбил с головы Пашко Кряжева кепку.

Раздосадованный Кряжев оттолкнул Виноградова, но за него тут же вступились его «орлы». Замахали руки, забухали кулаки. Битва была яростной, но молчаливой, пока не задела Гарапона. Тот отлетел в сторону и тут же завопил: «За что, бьют! За правду! А ну надай! В атаку!».

Юралов вклинился в гущу дерущихся, пытаюсь растащить их по сторонам. Но тут ему кто-то крепко звезданул по уху. Да так, что в глазах Юралова веером рассыпались звезды. Что-то давно забытое колыхнулось в глубинах его души и вырвалось наружу. Юралов оглянулся и приложил обидчика так, что тот винтом улетел на стерню. Но кто-то уже снова заехал ему в ухо. И пошло, и поехало...

– Председателя бьют! – истошно вопил Гарапон. – Вызываю с района подмогу.

Гарапонов крик отрезвил Юралова. Он успел еще отшвырнуть от себя нападающих и, перекрывая шум драки, рыкнул:

– А ну стоять! Всем стоять.

Драка, как по мановению волшебной палочки, остановилась.

Кто-то искал шапку, кто-то потирал ушибленные бока, кто-то прикладывал подорожник к ссадинам.

– Вы, что, мужики, очумели? Кулаки в ход пускаете, когда нужно разбираться с карандашом в руках.

– Да ты, Васильевич, сам не плох. Вон как звезданул меня в ухо! – сказал, почесывая загривок механизатор из кряжевских.

– Ну это ты сам напросил, первый замахнулся. А я скажу вот чего: кто старое помянет, тому глаз вон. Садитесь-ка, лучше в кружок и будем считать.

Как выяснилось позднее, больших денег мелиораторы не получали: в среднем месяц приносил им около пятидесяти рублей. Деньги, конечно, немалые. Но ведь и у лидера «оппозиции», звеньевое уборочного звена Пашко Кряжева заработок выходил за сто...

– А пеньки, а урожайность в тринадцать центнеров! – не сдавались комбайнеры.

– Мелиоративное звено, действительно, слишком велико. Оно стало обузой для колхоза, – поддерживал комбайнеров секретарь парткома Лебедев, прилетевший на шумок. – Надо его сократить, а высвободившихся механизаторов направить на уборку и другие хозяйственные работы. Нужно не угождая расширять, а повышать их плодородие. Разве партия не об этом говорит?

Агроном-мелиоратор Вениамин Виноградов, устав от обвинений, свалившихся на него в последнее время, еле сдержался:

– И Москва не сразу строилась! Вы поймите, что требуется время, чтобы из почвы вышли древесные остатки, чтобы к земле плодородная сила вернулась! Ведь сколько лет она нашей заботы не видела! А вы о перспективе-то подумали?

За спиной Виноградова обиженно гудели механизаторы из его звена:

– Да если вы сегодня наше звено растащите, то что завтра с этой земли возьмете? И десяти центнеров не будет.

Мелиоративное звено сформировано было в прошлом году. Начинали с одного трактора, дошли до семи. Технику дали колхозу мелиораторы, людей собирал сам Виноградов. С народом, конечно, было трудно. Ведь с колхозного производства, где и так каждая пара рук на вес золота, не снимешь. Шли в звено, в основном, те, кто из колхоза был исключен за непригодностью, да те, с кем администрация и правление отчаялись толк дать. Короче говоря, подобра-

лась «бригада ух, работаем до двух». Но Виноградов сумел навести порядок, заинтересовать людей, поставив оплату на аккорд. И звено колхозных мелиораторов вдруг показало такую работу, что из области люди уже за опытом ехали. За год было приведено в порядок и передано колхозу порядка пятисот гектаров брошенной пашни. Заканчивались работы еще на двухстах.

Ну, а если рассматривать эту работу с экономической стороны? Тут вообще сплошные плюсы и колхозу, и государству.

Чтобы привести в порядок гектар колхозной земли силами доморощенных мелиораторов, требовалось в три раза меньше средств, чем запрашивали районные мелиораторы. И времени те затрачивали больше, и качество было хуже. Потому что не свое, и деньги тоже не свои, а выделенные государством. А тут и деньги становились колхозными, поскольку экономия оставалась в колхозной кассе.

Нет. Не зря воевал агроном Виноградов за свое звено.

— Наша цель, — уже поостыв и успокоясь, говорил он, — за счет улучшения плодородия создать за три года базу для получения на всех площадях урожайности не менее тридцати центнеров. Вы посмотрите, как мы наращиваем вывозку органики.

А на следующий день комбайнеры уже выехали на другое поле, на котором в первую очередь была проведена мелиорация виноградовским звеном: расчищен кустарник, края выровнены, земля заправлена компостом.

Под ветром колыхалась тяжело налитая доспевающая рожь.

— Сколько будет? — задиристо спрашивал Виноградов у комбайнеров.

Мужики досадливо крякали, а Юралов, подумав, ответил:

— Тридцать. Не меньше, — потом встрепенулся: — Да ты меня-то не агитируй. Я за ваше звено обеими руками. И мужики все поняли...

К концу уборочной средняя урожайность по колхозу составила 20 центнеров. Против десяти прошлогодних. Однако двойное увеличение сбора особого удовлетворения не принесло.

– Мало, – огорченно вздыхал Юралов. – Можно было двадцать пять взять. Но сушильное хозяйство подкачало.

– А не боишься, что комбайнеры устроят тебе как руководителю спрос? Они ведь теперь не за гектарами гонятся, а урожай, прежде всего, считают, – спрашивал Юралова по телефону Зажигин.

– Все было, – отвечал Юралов. – Теперь и мне достается под первое число от мужиков. Но все для пользы дела.

Наконец-то подвели итоги первого хозяйственного года.

Юралов с нетерпением залез в вороха отчетов, отыскивая, прежде всего, не блиставшую видимыми успехами «Зарю». По сравнению с предыдущим годом, производство продукции в общем объеме возросло на треть. А затраты уменьшились на четверть.

– Отлично! – обрадовался Юралов. – Значит, мало-помалу люди учатся хозяйствовать, учатся думать, считать свой рубль и рубль государственный.

И еще один интересный факт отыскался в этих отчетах: по телятнику Ивана Киселева суточные привесы телят вдвое превышали среднеколхозные.

Не зря матюкался Иван!

Письмо от Покачева

Еще один день пролетел в хлопотах и заботах. Вечером бабка Нина, накормив ужином Василия, достала из кармана передника письмо:

– Ну что, Василич, пляши! – сказала он шутливо. – Издалека тебе письма шлют.

Сердце Василия затрепетало. Он, не скрывая волнения, взял конверт, который, казалось, хранит тепло дружеских рук. Письмо было от Покачева из Ленинграда.

Василий зажег свет и распечатал конверт, на котором изображался космонавт номер два Герман Титов в скафандре:

«Здравствуй, дорогой друг мой Василий Васильевич! Получил твое послание и порадовался за тебя. Вот у тебя уже есть большое самостоятельное дело, в котором ты можешь проявить себя.

Помнишь, как мы мечтали об этом в тайге, у деда Лукьяна, о Стране Добра, Истины и Справедливости, о таинственном Беловодье, которое ищут люди уже много веков и тысячелетий и найти не могут.

Помнишь, тебе тогда приснился город на Шамане с дворцами и фонтанами, зимними садами? Я видел много раз такой город наяву: это Петродворец. И я мечтаю, чтобы в наших краях вырос такой же блистательный город, который вобрал бы в себя черты и европейской культуры, и азиатской, и народов ханты и манси.

Я думаю, не надо искать готового счастья, надо его создавать своими руками и там, где ты родился и живешь. После окончания института народов Севера меня оставили, как ты знаешь, в аспирантуре. Сейчас я готовлюсь к защите кандидатской степени по культуре малых народов Севера. И, честно сказать, Васька, я горд этим.

Я вспоминаю, как жили мы в стойбище в дымных чумах, оторванные от всего мира, от цивилизации, от медицины, от мировой науки, и мне горько, что до сих пор многие мои соплеменники лишены этого.

Я понимаю, что необходимо сохранить самобытность и культуры народов Севера, что такой вот образ жизни тоже имеет право быть, и многие мои земляки не захотят менять его, но у них должно быть право выбора. Понимаешь, Васька? И я постараюсь помочь своему народу. Как только состоится защита диссертации, я отправлюсь в родные края.

Сейчас здесь многие говорят об открывающихся перспективах Западной Сибири. И многие хотели бы поехать к нам, нести лишения, тяготы, готовы кормить комаров, утопать в болотах, чтобы создать у нас мощнейший нефтегазовый комплекс, способный изменить ход истории, построить невиданные города в тундре... И люди собираются ехать к нам не за длинным рублем, их увлекают масштабы и сложность задач.

Думаю, что скоро мы встретимся и вместе примемся за дела. Передавай привет маме Надежде Петровне и всем своим друзьям...

Что касается поисков Лары. Я делал запросы в справочные Ленинграда и области, но результатов нет. Порой я думаю, может быть, она сменила фамилию? Может быть, не она сама, а ее заставили.

Но ты, Василий, не отчаивайся. Как там в песне:

«Кто весел, тот смеется, кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет!».

Я тоже, дорогой мой, товарищ, часто тоскую по одной девочке, которую встретили мы в тайге. Как она там живет? Может быть, ее выдали замуж и она уже обременена семьей и детьми, а я, глупый, все думаю и думаю о ней. Но я надеюсь, что она тоже помнит меня. Много встречалось на моем пути девушек, но ни одна так не запала мне в душу, как Анютка. Когда я думаю о ней, то у меня в голове начинает звучать музыка, а слова складываются в стихи.

Может быть, у тебя выпадет время, и ты сможешь приехать ко мне в Питер на защиту? Напиши! Твой верный друг и брат Колька Покачев».

Дожинки

Деревенские праздники – особая, волнующая и греющая душу традиция, которая дает человеку ощущение большой, единой, дружной семьи. И потому деревенский человек, где бы он не находился, в каком пекле не оказался, на голову выше городского, потому что он всегда подспудно ощущает за своими плечами весь огромный деревенский мир, который дает ему чувство уверенности и защищенности, отвагу и решимость до конца защищать этот мир...

В «Заре», объединившей семь деревень, праздники, теперь уже советские, были распределены так, что, например, Новый год праздновался в Бекетовском. И каждый житель села, имеющий свое подворье и дом, обязан был по негласному закону готовить на праздник пиво, запастись вином, резать скотину, варить, жарить, печь пироги в таких количествах, чтобы можно было в течение двух дней накормить и напоить огромную массу людей. И вот со всех остальных деревень на Новый год отправлялись в Бекетовское гости, они словно морские волны накатывались на деревню, звенели гармошки и песни, слышался смех и лихой посвист. И вот уже в первом доме брякает щеколда, и нарядный хозяин встречает поклоном гостей у порога, поднося пиво и водку. А народу все прибывает и прибывает в доме – в углу гора полушубков и шапок, за широким столом тесно от народа, а на столе – от закусок.

Выпивали за гостей и за хозяев, за праздник и урожай, выходили на круг с огневой пляской и задорной частушкой, но вот наступал момент, когда выносил хозяин гостям киселя. Все. Кисель – сигнал для гостей, пора прощаться с хозяевами, да идти в другой дом... Не зря такие поговорки с той поры остались: за семь верст киселя хлебать, или не солоно киселя хлебать. Это на тот случай, когда плохо принимают и с порога кисель подают...

Но такого в деревенском мире быть не могло. Если уж кому-то сильно неуважаемому в деревне у порога киселя подадут...

Так и ходят гости: партия за партией, от дома к дому, пока в каком-нибудь доме сон их не сморит – разберутся по полатам, по печам, по полам на соломенных матрасах... То-то весело молодым да и старым...

А уж отстрадают бекетовские Новый год, так потом все праздники только в гости по другим деревням ходи, радуйся жизни...

А вот дожинки праздновали всяк у себя.

Погода стояли теплая. Зима застряла еще где-то на дальних подступах. Но деревья уже обнажились, потемнели и нахмурились леса, и только озимые поля ярко и торжественно зеленели, набирая силу для будущего урожая.

Корма для скота к зиме были запасены полностью, скот стоял уже под крышами, зерно высушено и отправлено в закрома, колхозники рассчитаны деньгами и натуроплатой.

К Покровам варили общее пиво. Сначала проращивали на мешковине рожь, потом сушили ее на печках, потом мололи на солод.

Скоро из овинов тянуло сладковатым дымом, там, на кострах, старики, под предводительством деда Гарапона, калили до красна гранитные каменья, потом хватали их большими деревянными клещами и тащили их к большим бочкам с солодом, залитым родниковой водой. Камни взрывались клубами ароматного пара, но тут же бочки накрывались дерюгой и томились до поры до времени. Потом поостывшее сусло заправлялось оголовком – выбродившими дрожжами, которые давали брожение пиву, потом уже пиво, почти готовое, закреплялось хмелем.

Через пару тройку дней пиво было готово. К пивному празднику бабы пекли пироги, варили студень, рубец, готовили по русскому обычаю кишки в печках...

Стол собирался в складчину. И только пиво было общее. На этот раз пивной праздник гуляли у Кряжевых.

В просторной избе были поставлены буквой «П» столы, а для плясок и танцев было высвобождено пространство, где могли сразу плясать человек двадцать.

Правление выделило из колхозных резервов на праздник два мешка ржи, теленка и ящик водки. Накануне мужики ездили на рыбалку на озеро, тягали невод. Жирные караси, бронзовые, как медные подносы, были в каждом доме. Их тоже готовили к празднику, запекая с кашей и морковью в печах, жаря в сметане на огромных сковородах...

С Покрова Богородицы начинались по деревням свадьбы. Девки, которым срок подходил на выданье, приговаривали тихонько, глядя на медленно кружащие в воздухе первые снежинки: «Покров-батюшка, покрой землю снежком, а меня женишком...».

Юралов был приглашен на праздник как почетный гость без взноса. Но бабка Нина подала ему на выходе из дому корзинку с рыбником и вареными яйцами.

На широком подворье кряжевского дома было уже полно мужиков. По заведенной традиции они первыми приходили на пиво. Потом уже, после обряда по хозяйству подходили женщины. Ну а ребятишкам закон не был писан. Они, словно воробьи, стайками сновали по двору, в сенях, в доме, занимая места на печке и полатах...

Мужики степенно здоровались с Юраловым, признавая в нем, несмотря на молодость, уже непререкаемого лидера. Молодой председатель за какие-то полтора года буквально перевернул колхоз, поднял его и уверенно повел к свету...

Юралов поднялся по высокому крыльцу, миновал сени и шагнул, пригибаясь в дом.

Многие мужики уже сидели за столами, и, завидя, могучую статью Юралова, одобрительно загудели.

Вышел хозяин дома, старший Кряжев, с братиной в руках, поклонился церемонно гостю и протянул братину с пивом. Василий отпил глоток терпкого, хмельного пива, ответно поклонился и пожелал хозяевам и гостям здравствовать.

По традиции, следом должна была подойти хозяйка с подносом и рюмкой водки, после ее угощения гость должен был поцеловать хозяйку. Но из-за ситцевой занавески, отделявшей кухню, вышла совсем не хозяйка, а племянница ее Клава Белова из Березова. Она несла Юралову на подносе стопку водки, озорно улыбаясь.

У Василия, при одном взгляде на Клаву, кругом пошла голова. Народ вновь одобрительно загудел.

Юралов выпил поднесенную рюмку и неожиданно для себя крепко прижал девушку к себе, целуя ее в жаркие губы.

Руки у Клавы опустились и рюмка, соскользнув с подноса тонко звякнула, разбившись о пол.

– Вот это дело! – зашумела публика.

– Посуда, она, к счастью бьется, – выкрикнул дед Га-
рапон. – Вот бы нам еще и председателя зараз окрутить.
Честным пирком да за свадьбу.

Клава, смутившись, бросилась за занавеску. Смутился и Василий. Но его уже брали за руки и вели за стол.

Часам к семи вечера на гулянку стали подходить женщины. А через полчаса рыкнула в избе гармонь, зачастили голоса, завздохали басы, дробно рассыпалась дробь каблучков по полу, первая частушка вспыхнула на кругу, завертелась, закружилась деревенская гулянка, выплеснулась через окна и двери на улицу, заполняя пространство спящих полей своей удалью и весельем.

Юралов вышел на улицу. Шум праздника несколько стих. Над деревней висело бездонное небо, полное несметных звезд. Где-то далеко лениво побрехивали собаки. Было и покойно и уютно. Он услышал, как тихо подошла сзади Клава и осторожно прижалась к его руке. Он обнял ее за плечи и нежно прижал ее к себе. Они долго стояли так и молчали, им было хорошо и без слов. И Юралов, понял, что он счастлив. Почти счастлив.

– Знаешь, Вася, – мягко и ласково сказала Клава, – а я уже не одна. Во мне зародилась благодаря тебе еще одна маленькая жизнь.

Василий вздрогнул:

– Это значит, что у тебя будет ребенок?

– Да.

Юралов помолчал, собираясь с мыслями и чувствами.

– Я хочу, чтобы этот ребенок был у нас, – сказал он мягко и твердо.

– Ты делаешь мне предложение?

– Да. Ты сегодня пойдешь ночевать ко мне. Отныне мы будем вместе.

Клава счастливо прильнула к широкой груди Василия.

– Я согласна. Хотя у нас в деревне так не женятся. Это называется самоходкой. Без родительского дозволения...

– А вот мы сейчас спросим дозволения у народа! – встрепенулся Василий. – Пошли в дом.

...Дома Василия ждало письмо от Курбана Фарманова, оно было переслано мамой. Последнее письмо от него было давно, года три назад. Тот писал, что уезжает в длительную заграничную командировку на поиски нефти.

Неслучайно на Курбановом конверте была изображена нефтяная вышка.

«Здравствуй, дорогой мой юный друг Василий! – писал Курбан четким, но неровным, выдающим темперамент, почерком, похожим на горную гряду. – Как давно мы с тобой не виделись. Казалось, что прошла целая вечность.

Я очень скучал по Сибири и рвался сюда искать нефть, но мне сказали большие люди: «Курбан! Ты еще успеешь открыть свои фонтаны в Сибири. Но пока мы должны помочь нашим добрым друзьям за границей. Сегодня они бедны, их душат капиталистические развитые страны, но они хотят жить независимой самостоятельной жизнью! Никто кроме нас им не поможет!».

И я сказал, что готов ехать хоть на край света.

И мы поехали. Ты, наверное, слышал о таком великом геологе, как Аюб Тагиев, которому во многом принадлежат открытия нефтеносных районов «второго Баку». Это

настоящий нефтяной король, хотя у него нет ни одной собственной скважины.

Мы поехали в Индию. Англичане искали там нефть. Долго искали. И сказали наконец, что нефти в Индии нет.

Тогда индусы пригласили русских. И мы поехали с Аюбом. И Аюб нашел нефть. Очень скоро нашел. Индусы были счастливы и хотели поставить золотой памятник Аюбу при жизни. Но он просил этого не делать. Он скромный человек.

Потом мы поехали в Бразилию. Там искали нефть американские специалисты.

Они тоже, как и англичане в Индии, не нашли в Бразилии нефти.

Мы долго плыли по Амазонке, пробирались тропическими болотами, кормили ужасных малярийных комаров и отбивались от зубастых, голодных пираний и крокодилов. Но мы нашли нефть и в Бразилии.

Теперь я вернулся на родину в наш солнечный и самый лучший в мире город Баку. Здесь много нефти, много работы, здесь поют самые лучшие в мире птицы, и здесь самый лучший виноград, и самое лучшее вино, здесь самые красивые девушки, но, понимаешь, не знаю почему, но меня тянет, Василий, в Сибирь.

И, должно быть, скоро мы снова встретимся.

Знаешь, я написал письмо Байбакову, главному нефтянику страны. Когда-то давно мы были с ним знакомы, я, будучи бакинским школьником, выступал на собрании с наказами будущему депутату Верховного Совета страны. И он сказал мне тогда: «Если будет нужно – обращай». И я обратился с просьбой направить меня в Сибирь. Жду решения. Думаю, оно не заставит долго ждать».

Далее была приписка. Василий тревожно напрягся...

«Дорогой, Вася! Теперь о твоей просьбе. Я был в городе Краснодаре, куда увезли твою девочку Лару десять лет назад. Найти ее было невозможно. Но, ты же знаешь, мы геологи, нефтеразведчики, видим глубже, чем все остальные люди. И вот что могу сказать: она училась в средней школе

номер два. Но уже года четыре, как ее родственники вместе с ней переехали в Ленинградскую область. Дело в том, что у нее другая фамилия. Не пугайся, дорогой. Просто ее тетя захотела, чтобы у них была одна фамилия. Теперь она стала Лебедевой.

Все это мне рассказала ее подруга, с которой Лариса поддерживает переписку. Вот ее адрес: Ленинградская область, Сосновая Поляна, ул. Георгиевская, д.32.

Желаю тебе счастья, огромного, как небо.

Твой Курбан».

Василий стоял, как громом пораженный. Вот оно и свершилось это событие, которого он жаждал много лет. Она, девочка его детской любви, похоже, нашлась. Но нашлась, когда Василий перешагнул черту грешной земной любви с другой девушкой, которая призналась ему в любви, и доверила ему себя всю, и уже понесла под сердцем новую жизнь...

Часть третья ВОСХОЖДЕНИЕ

Кремлевское время

На часах была уже половина девятого, когда Байбаков открыл дверь приемной председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина. Было тихо, кремлевские стены не пропускали столичного шума, мягкие ковры глушили даже шаги, и только слышно было, как секунду за секундой считают время большие напольные часы.

За окнами сгущались сумерки, в кабинете Председателя Совмина стоял уютный полумрак, настольная лампа освещала пространство рабочего стола, за которым, опустив над бумагами голову, сидел Косыгин.

Алексей Николаевич выглядел глубоко озабоченным, уставшим, однако аскетическое лицо его озарилось улыбкой, когда на пороге кабинета появился Председатель Госплана СССР Николай Константинович Байбаков.

Известный организатор нефтяной промышленности Байбаков был назначен на эту должность совсем недавно, хотя в прошлом он уже занимал этот ответственный и многотрудный пост. Но это было в начале деятельности на посту Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева. Потом, имеющий свое мнение и умеющий его отстаивать, Байбаков Хрущеву стал не нужен, и Николай Константинович был отправлен в Краснодарский совнархоз...

В 1965 году власть поменялась, опыт и знания Байбакова снова были востребованы. Косыгин лично предложил Брежневу назначить Байбакова на этот пост.

– У нас с вами, Николай Константинович, большой разговор, – сказал Косыгин, выходя из-за стола и протягивая для приветствия руку. – Присаживайтесь.

Байбакову было в ту пору сорок пять лет.

Николай Константинович родился в 1911 году в семье кузнеца, работающего на нефтяных промыслах «Братьев Нобель» в Баку, двенадцатым ребенком.

Жили трудно, впроголодь, рано начинали работать и работали на износ. И кто тогда мог подумать, что вот этот босоногий парнишка, спустя каких-то двадцать лет, встанет у руля этих гигантских нефтяных промыслов, снабжавших практически всю Россию горючим.

Однако революция открывала новые горизонты. В семнадцать лет Николай, к великой радости отца, стал студентом Бакинского политехнического института, самого престижного вуза республики. В стране царил всеобщий подъем и энтузиазм. Строились новые заводы, гидроэлектростанции, технически перевооружалась производства, в деревню пришли трактора... Нефть в те годы называли «кровью» индустрии.

Скоро Николай стал инженером на нефтепромысле, а спустя десять лет он был уже начальником треста, где и попал в поле зрения наркома топливной промышленности Л. М. Кагановича.

Байбаков выступал на Всесоюзном совещании, посвященном увеличению добычи нефти. И выступление молодого директора треста о внедрении новой техники и проблемах нефтяников настолько понравилось наркому, что через два месяца Байбаков был назначен начальником недавно созданного объединения «Востокнефтедобыча» в Куйбышеве.

Перед объединением была поставлена задача выполнить решение партии о создании стратегического нефтедобывающего района между Волгой и Уралом, иначе говоря, «второго Баку».

Район оказался и в самом деле перспективным. В 1938 году объединение «Востокнефтедобыча» добыло около четырех миллионов тонн нефти.

Через год последовало новое назначение: в 1940 году его утвердили заместителем наркома топливной промышленности под «железным» началом Кагановича.

В 1940 году Байбакову пришлось докладывать на совещании у Сталина неотложные вопросы нефтяной отрасли в связи с нарастанием опасности войны.

Теперь уже Сталин заметил молодого, но толкового и опытного нефтяника.

В трагическом 1941 году советская нефтяная промышленность не только устояла, но и сумела шагнуть вперед.

Проблема горючего для Германии тоже была важнейшей. К началу военных действий она производила лишь 8–9 миллионов тонн бензина и дизельного топлива, в основном из угля. Своей же нефти противник практически не имел, в какой-то мере восполняя свои потребности из союзной им Румынии. Но не хватало и ее. Гитлер рвался к кавказским нефтепромыслам.

1 июля 1942 года, на совещании группы армий «Юг», Гитлер заявил: «Если не получу нефть Майкопа и Грозного, должен буду покончить с этой войной».

Байбакова вызвал в Кремль Сталин.

– Товарищ Байбаков, Гитлер объявил, что если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам.

Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем.

Но если вы уничтожите промыслы преждевременно, а немец их так и не захватит, и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем.

Задание Комитета Обороны было выполнено. На Кубани враг так и не получил ни одной капли горючего. Впоследствии стало известно, что в Германии уже было создано акционерное общество «Немецкая нефть на Кавказе». Однако почти за полгода немецкой оккупации Кубани прибывшим сюда из Германии специалистам по нефтедобыче не удалось восстановить ни одной скважины. Немецкие танки и самолеты остались на скудном рейховском пайке.

В то же время у нас быстро нарастало количество самолетов и танков, полностью обеспеченных горючим и бое-

припасами, хотя, казалось, все пути поступления бакинской нефти на нефтеперегонные заводы были перерезаны, это ошеломляло врага, вносило смятение в его ряды.

В невероятно короткие сроки в напряженные дни Сталинградской битвы был проложен нефтепровод Астрахань–Саратов.

Весной 1942 года, когда Ленинград оказался отрезанным от Большой земли, по льду и дну Ладоги всего за 50 дней был проложен 28-километровый бензопровод, пропускавший до 400 тонн горючего в сутки. Он обеспечивал топливом и Ленинградский фронт, и город.

В 1942–1943 годах была решена невероятно трудная задача обеспечения природным газом оборонных заводов Поволжья.

В 1944 году Н.К. Байбаков становится наркомом нефтяной промышленности. К 1955 году объем добытой нефти составил 70 миллионов тонн. Национальный доход страны вырос к этому времени почти в три раза.

Потом был Госплан, опала, работа в совнархозе. В августе 1965 года вызвали Байбакова в ЦК в кабинет к Брежневу, где уже находился А.Н. Косыгин.

– Возвращайся в Госплан! – сразу же объявил Брежнев так, словно этот вопрос был уже давно решен.

Инициатором назначения был Косыгин. Алексей Николаевич тоже был из сталинского призыва, когда молодые специалисты делали головокружительные карьеры. Он был старше Байбакова на семь лет. В тридцать пять возглавил наркомат текстильной промышленности, во время войны был членом комитета государственной обороны СССР.

В сорок первом Косыгину была поручена эвакуация промышленности из западной части СССР на Восток. Эта гигантская работа была выполнена, в кратчайшие сроки на восток были переброшено около пятисот оборонных предприятий. Перевозка одного бронепойного стана в Мариуполе потребовала двухсот пятидесяти вагонов. Трудно представить, но выгруженные в чистом поле заводы уже

через месяц начинали давать фронту вооружение. И за всем этим стоял молодой член комитета государственной обороны А.Н. Косыгин.

Косыгину было поручено обеспечение всем необходимым сражающего Ленинграда. И опять в самых невероятных условиях удалось наплатить город-герой и горючим и сырьем для оборонки...

Косыгин был одним из немногих членов правительства, кто не покинул Москву и не перебрался в Куйбышев даже в самые тяжелые времена.

Сталин не ошибся, делая ставку на молодежь. Все, кто работал и общался с Косыгиным выделяли его умение вести беседу, вдумчиво обобщать факты, восхищались не только его простотой и сдержанностью, но и глубиной его экономического мышления. Без сомнения это был самый крупный и талантливый государственный деятель в брежневском окружении.

Принесли пахучий чай, знаменитые кремлевские сушки.

– Энергетический кризис сотрясает мировую экономику, – спокойно и буднично сказал Алексей Николаевич, придвигая себе чашку, как будто речь шла о разыгравшемся за окном ветре. – Мы тоже испытываем все возрастающую потребность в нефти и газе, о чем вы знаете лучше меня.

– Получить доступ к новым месторождениям углеводородов – значит, укрепить свои позиции в мире, а вместе с тем и позиции социалистического лагеря... Что вы можете сказать о наших перспективах?

– На сегодня более семидесяти процентов общего объема добытой нефти приходится на «второе Баку» – Волжско-Уральский регион. Но есть основания считать, что разведанные там запасы углеводородов начинают иссякать. На некоторые скважины приходится закачивать воду, чтобы увеличить напор нефти, но эти меры не решают проблемы.

– Как вы оцениваете перспективность Западной Сибири. Может ли она стать «третьим Баку?»

– Я, думаю, что академик Губкин был прав, говоря о том, что Западно-Сибирская низменность, особенно ее север, чрезвычайно богата углеводородами. Последние геологические изыскания подтверждают это. С середины 50 годов было произведено разведочное бурение на Тобольской площади, на Абалакской. И должен вам сказать, что в южной части Тюменской области поиски нефти результатов не дали. Но отрицательный результат тоже результат. Поиски были направлены на север Тюмени. И вот разведанные недавно Усть-Балыкское и Самотлорское месторождения говорят, что Западная Сибирь имеет колоссальные запасы нефти и газа. Одно Самотлорское месторождение оценивается в миллиард тонн. Нужно наращивать геологоразведку на севере Западно-Сибирской низменности, создавать мощный газо- и нефтедобывающий комплекс. Но сделать эту будет непросто. Потребуется огромные средства и людские ресурсы – работать придется в условиях вечной мерзлоты и дикого бездорожья: север Западной Сибири это сплошные болота, реки, летом – комары и гнус, зимой – метели и морозы за пятьдесят...

Работа в таких условиях – это каждодневный подвиг.

– Да, я понимаю! – Алексей Николаевич встал и принялся задумчиво ходить по кабинету. – Приказом тут не заставишь работать, колючей проволокой Сибирь не обнесешь... Хотя, – он сделал паузу, словно взвешивая сказанное, – хотя, попытки такие были...

Байбаков слушал, не перебивая Председателя Совмина.

– Мобилизационная экономика себя исчерпала. Нужны кардинальные преобразования ее, Николай Константинович, – сказал Косыгин буднично, как будто предлагал Байбакову прогуляться по улице. – Нужно уходить, Николай Константинович, от административно-командных методов управления, доверять руководителям производства, предоставлять предприятиям экономическую самостоя-

тельность. Иначе мы проиграем соперничество с Западом. Надеюсь, вы со мною согласитесь?

– Вне всяких сомнений, – откликнулся горячо Байбаков. – Сибирь приказом не поднять. Можно бросить клич, объявить нефтяной комплекс Сибири Всесоюзной молодежной стройкой, дать туда технику, ресурсы... Но всего этого будет недостаточно. Прежде всего, нужно использовать рычаги экономической заинтересованности.

– Человек, едущий в Сибирь и успешно работающий там должен хорошо зарабатывать. Очень хорошо. Нужно поставить оплату в зависимость от результатов его труда... И это касается не только Сибири, но и всей страны. Надо включать личный интерес человека в экономику всей страны. Предприятия не должны перечислять всю прибыль Москве, чтобы потом ездить в столицу и выпрашивать свои же деньги на собственное развитие. У предприятия должен быть свой собственный фонд развития на строительство детсадов, Домов культуры, на материальное поощрение трудящихся. Пусть они получают тринадцатую зарплату, в зависимости от результатов своего труда.

– Нужно позаботиться, чтобы и на севере Сибири были человеческие условия существования. Хорошее жилье, социально-бытовой комплекс... Ханты и манси живут до сих пор в чумах, дети не имеют возможности учиться, олени – единственный транспорт... – поддержал его Байбаков.

– Прежде всего потребуются дороги, – раздумчиво сказал Косыгин, – тысячи километров дорог. Вы можете сказать, во что обходится строительство одного километра дороги в условиях, скажем, Самоглора?

– Для того чтобы отсыпать дорожное полотно, прежде всего, нужно вынуть торф. Глубина выемки порой доходит до пятнадцати метров. Стоимость километра такой дороги будет где-то в пределах миллиона рублей.

– У нас таких денег нет! – воскликнул Косыгин. Обычная сдержанность покинула его на мгновение. Но лишь на мгновение.

– Скажите, Николай Константинович, как вы относитесь к предложениям ученых из Гидропроекта, предлагающих буквально космический проект: построить в районе Салехарда у Полярного круга на Обской губе гигантскую плотину протяженностью в пятьдесят километров, чтобы зарегулировать стоки этой крупнейшей сибирской реки.

– Этот проект был обнародован в 1957 году представителями Гидропроекта. Газеты наперебой восторгались замыслом энергетиков. Строительство Нижнеобской гидростанции обещало выработку 56 миллиардов киловатт-часов дешевой электроэнергии. Тогдашнее руководство области во главе с первым секретарем Маловым согласилось с проектом, огуленные грандиозными цифрами, не учитывая, что плотина поднимет воду на сорок метров, что приведет к затоплению площадей до ста тысяч квадратных километров. Под обскими водами скрылись бы все известные сегодня месторождения нефти и газа...

– Да. Новое руководство области во главе с первым секретарем Борисом Павловичем Богиным выступило против проекта и нашло аргументы. Но Гидропроект не считает этот вопрос снятым с повестки дня. Они утверждают, что кроме колоссального количества дешевой электроэнергии, строительство плотины откроет доступ к месторождениям нефти. Затопив непроходимые болота и трясины, мы получим возможность добраться водой в любую точку месторождений и вести добычу нефти и газа с плавучих платформ.

– Да, я знаком с этим спорами... Идея заманчивая, – на лицо Байбакова набежала тень глубокой озабоченности, – но здесь нужно взвешивать все «за» и «против», прежде, чем принять решение. И я не уверен, что при осуществлении этого космического проекта положительные результаты перевесят отрицательные...

– Какие возможны отрицательные последствия? – Косыгин взял карандаш и пододвинул к себе лист бумаги.

– Нельзя просчитать весь урон, который будет нанесен экологии, какие будут последствия этого затопления, через

пять, десять, двадцать лет. Сколько погибнет леса, птицы, зверя? Придется переселять целые народы из мест, где они обитали на протяжении тысячелетий... Это не только экономическая, но и нравственная, политическая проблема...

Возражают сами сибиряки. Есть объективная и взвешенная оценка этого проекта, подписанная Богиним – первым секретарем обкома КПСС и рядом крупных ученых.

– Да, это так, – согласился Косыгин. – Из Сибири к нам снова пришло озабоченное письмо. Неизвестно еще, какой способ экономичнее, если учитывать отдаленные последствия.

Он помолчал, словно прислушиваясь к своему внутреннему голосу.

– Вот что, Николай Константинович. Предлагаю вам совместную поездку в Западную Сибирь, чтобы на месте детально вникнуть в положение дел с развитием нового нефтеносного района.

– Я готов! – Байбаков поднялся из-за стола, чувствуя, как все его существо наполняется радостной, кипучей энергией предстоящего большого дела...

Курбан у Байбакова

Волнующе стучали вагонные колеса. За окнами вот уже вторые сутки мелькали станции, полустанки и разъезды, большие города наплывали шумом перронов и гомом пассажиров.

За окнами простиралась огромная страна, залечившая, заживившая раны минувшей войны, страна на которую смотрят с надеждой миллионы людей на африканском и американском континентах, в Азии, и Европе, которую боятся и уважают.

И сейчас эта страна готовится свершить, кажется, невероятное: разбудить на тысячелетия уснувшую землю Си-

бирскую, пробиться через болота и вечную мерзлоту, через километровые толщи земные к спрятанным под семью замками и печатями кладовым солнца.

Из вагонных динамиков льется музыка, полная романтики и радостного подъема, вселяющая силы и желание действия:

*«Седина в проводах от инея.
ЛЭП-500 не простая линия...
И ведем мы ее с ребятами
По таежным дебрям глухим...».*

Так задумчиво, как Владимир Трошин, наверное, более никто не умеет петь. Слушает Курбан новую песню Александры Пахмутовой, и перед глазами его встает величественная тайга, прошитая нитями рек, украшенная ожерельями озер, ждущая, словно спящая красавица, своего королевича Елисея.

Наконец-то Курбан едет в Сибирь, едет с радостным подъемом. Масштаб предстоящего дела будоражит его чувства настолько, что он даже не может уснуть, курит жадно папиросу за папиросой у вагонного окна, ожидая, когда поезд пересечет границу Европы и Азии.

Вот здесь в кандалах, брел его дед Сулейман на каторгу, и дорога эта, дорога в Сибирь, казалась ему дорогой в ад. Так что же так тянет непреодолимо Курбана в этот неласковый суровый край? Зачем ему из теплого ласкового Баку с берегов Черного моря отправляться туда, где вечная мерзлота и непроходимые болота с комарами и гнусом...

Месяц назад Курбан направил из Баку телеграмму на имя председателя Госплана Николая Константиновича Байбакова с просьбой посодействовать переводу его в Сибирь на поиски нефти. Ответ не заставил ждать. Курбана вызвали правительственной телеграммой в Москву.

Там, в Министерстве нефтяной промышленности собирали специалистов со всей страны. Перед ними ставилась задача, – не откладывая собирать вещи и отправляться в Си-

бирь на освоение нефтегазового комплекса, который должен кардинально изменить экономическую ситуацию в стране.

Курбан видел, что среди его коллег не было ни одного человека, кого бы ни вдохновила эта перспектива.

Перед отправляющимися в Сибирь выступал с напутственным словом Байбаков. Он нашел взглядом среди специалистов-нефтяников Курбана и поприветствовал его, как доброго старого знакомого.

Потом Байбаков пригласил к себе в Госплан Курбана, долго расспрашивал его о Баку, о работе по поиску нефти в Индии и Бразилии.

– Я завидую по-доброму Вам, Курбан, – говорил Байбаков. – Завидую Вашей молодости. Честное слово, я сейчас бы вместе со всеми отправился на Обь искать среди болот нефть.

– Это Вашему поколению можно завидовать, – возразил Курбан. – Вы вынесли на своих плечах такие испытания, что нам и не снилось...

Расчувствовавшийся Байбаков стал вспоминать о своей работе во время войны, о встречах со Сталиным.

– Что верно, то верно, работа в наркомате требовала железного здоровья и, по выражению Сталина, «бычьих нервов», – рассказывал Байбаков. – Работать приходилось без выходных и отпусков. Времени не хватало даже на сон, не говоря уже о личной жизни. Ты знаешь, Курбан, как я женился?

– Расскажите, Николай Константинович! Мне кажется порой, что и мне не хватит времени, чтобы жениться...

– Не знаю, подойдет ли тебе мой опыт. Тут дело индивидуальное, тонкое...

Но слушай. Однажды в комнату отдыха, где я, молодой замнаркома, обедал, вошла девушка, ее недавно приняли на работу моим референтом по строительству. Принесла на подпись срочный документ. И веришь ли, я видел ее первый раз, но она сразу тронула мое сердце. Я смутился и предложил ей отобедать со мной. Естественно, она отказалась, сославшись на недостаток времени.

Тогда я пригласил ее в театр. Каганович прислал мне два билета, зная, что я холостякую. И там я предложил ей руку и сердце, объяснив, что времени на ухаживания у меня нет. Через несколько дней мы расписались. Выбор оказался на редкость удачным. С тех пор мы шагаем по жизни вместе душа в душу.

– Вряд ли Ваш опыт подойдет для меня. Геолог все время в пути, в тайге, в горах, в болотах. Там только медведицу высватать можно...

Байбаков рассмеялся.

– Не грусти, Курбан, сейчас в Сибирь приедет столько девушек, причем настоящих, небоящихся трудностей, что ты не останешься холостяком. Не надо терять веру.

– А был ли на войне такой момент, Николай Константинович, когда вера в победу отступала? – неожиданно серьезно спросил Курбан.

– Нет. Вера не покидала даже в самые трудные времена.

– Даже тогда, когда Сталин не оставил вам выбора?

– Да, я так и сказал ему в сорок втором: «Вы не оставляете мне выбора, Иосиф Виссарионович».

Тогда он постучал пальцем у виска и сказал: «Выбор здесь, молодой человек».

А на следующий день в государственном комитете обороны была создана группа специалистов для проведения особых работ на промыслах Северного Кавказа. По моему предложению, было решено организовать работу следующим образом: если враг приблизится к промыслам, демонтировать и вывезти на восток страны все ценное оборудование, скважины с малым притоком нефти немедленно вывести из строя, а особо богатые использовать до последней, критической минуты, и при самых крайних обстоятельствах также уничтожить.

И вот помню, специальным самолетом мы вылетели в Краснодар.

Все работы по подготовке промыслов к уничтожению предписывалось вести только с ведома штаба Южного фронта, которому мы непосредственно подчинялись. Мне

сообщили, что штаб и командующий фронтом С.М. Буденный после того, как был оставлен Ростов-на-Дону, находятся в Армавире, и мы поспешили вылететь туда.

С высоты развернулась страшная картина всеобщего отступления. Внизу пылали хутора и станицы, по дорогам и проселкам отходили наши армейские части – где редкими колоннами, где разрозненными группами, а где толпой вместе с беженцами. Над Армавиром, когда наш самолет стал снижаться, мы с ужасом обнаружили на земле провавшуюся немецкую бронетехнику.

Штаб фронта и его командующего мы отыскивали в станице Белореченской. Увидев Семена Михайловича, я выпалил сходу: «Семен Михайлович, давайте команду на проведение спецмероприятия!» – «Коля, не торопись, – добродушно ответил Буденный. – Моя кавалерия остановила танки».

Однако положение было крайне тяжелым. Я собственными глазами видел, как спешно отступали наши войска. Не забыл я и того, как Сталин постучал пальцем в висок, произнеся: «Выбор здесь...». Да, нужно думать самому, как теперь действовать, с учетом всей сложности ситуации. Ясно, что немцев сейчас никак не задержим, и если они захватят краснодарские промыслы в целости и сохранности, то, получив горючее для своей техники, с еще большей яростью и силой ринутся к Волге и Кавказу, и тогда не сносить мне своей головы. Да что там моя голова!

По телефону из штаба фронта, на свой страх и риск, я отдал нефтяникам приказ – приступить к немедленному уничтожению скважин, сам сел в машину и поспешил на промыслы.

Работа моей группы развернулась полным ходом под боком у немцев, ибо они уже подошли к станице, откуда простирался на восток район нефтепромыслов Краснодарского края. Апшеронскую электростанцию взрывали уже под автоматным и пулеметным огнем врага.

Трудно передать состояние людей, разрушавших то, что строили сами, чему отдали все свои силы и считали де-

лом и подвигом всей жизни. Когда взрывались первые нефтеперекачивающие и компрессорные станции, люди не скрывая слез, плакали, металась в душевном смятении. Потом, как бы оупев от горя, примирились с необходимостью разрушать созданное ими.

Байбаков надолго замолчал, видимо внутренне переживая то состояние, которое испытал он тогда в начале войны.

– Страна должна быть признательна нефтяникам. Они совершили настоящий подвиг, дорогой мой друг Курбан, – говорил Байбаков. – Когда враг, выйдя к Волге в районе Сталинграда, отрезал пути снабжения фронтов горючим, ранее проходившим от Баку через Ростов-на-Дону по железной дороге, и по Волге. Положение становилось критическим. Ведь бакинские промыслы продолжали оставаться основными источниками нефтеснабжения страны.

Вот тут и проявилось со всей силой и важностью стратегическое значение «второго Баку» между Волгой и Уралом. ГКО обратился к бакинским промышленникам с призывом срочно перебазироваться в необжитые районы для поднятия нефтяной целины, для ускорения добычи нефти в нужных стране объемах.

Всего за три месяца почти девять тысяч бакинских нефтяников, большинство с семьями, организовано выехали в восточные районы. На колесах оказался почти весь цвет нефтяной промышленности Азербайджана. Это тоже был подвиг. И еще какой! Голая степь, палатки морозы и ледяные ветра... Но «второй Баку» день ото дня набирал силу и это спасло ситуацию на фронтах.

– А сколько вам было лет, когда вы стали наркомом нефтяной промышленности, – спросил Курбан, увлеченный рассказом председателя Госплана.

– Тридцать три, дорогой. Мое назначение на этот пост предварительно со мной никак не обсуждалось. И только через три месяца Сталин вызвал меня для беседы о состоянии дел в отрасли.

В Кремле, в приемной Сталина, я появился точно в назначенное мне время. Секретарь Сталина Поскребышев по-

просил меня немного подождать, сказав, что Сталин сейчас занят в своем кабинете поиском какой-то нужной книги. Больше он ничего не сказал, сосредоточенно копаясь в своей папке. Он, молча, дважды поднимался с места, заглядывая в кабинет и возвращаясь, кратко сообщал: «Нужно подождать». Наконец в третий раз сказал: «Товарищ Сталин, видимо, нашел нужную книгу и читает, стоя на стремянке. Вы войдите, ну кашлянете, чтоб услышал».

Вошел – и остановился, смотрю: стоит Сталин, Верховный Главнокомандующий, правда, спиной ко мне. Подхожу, кашлянуть не решаюсь. Я посмотрел на него, как он выглядит: одет в серый френч и мягкие сапожки, очень скромно для первого лица в государстве... И снизу видно, что на подошве сапога дырка. «Вот, думаю, вождь-то у нас до какой степени обносился».

Наконец я все-таки решился и кашлянул в кулак. Сталин оглянулся:

«А-а, Байбаков, молодой человек!» – медленно произнес он с каким-то душевным расположением. И повторил чуть официальнее: «Садитесь, товарищ Байбаков, пожалуйста, вон там».

Он опустил со стремянки, пожал мне руку и, раскуривая трубку, начал ходить по кабинету: «Товарищ Байбаков, мы назначили вас наркомом нефтяной промышленности».

И хотя меня это сообщение не удивило, так как я уже фактически управлял отраслью в качестве главы, но эти слова означали для меня окончательное утверждение в новой должности.

Я набрался решительности и спросил: «Товарищ Сталин, но ведь перед этим никто даже не поинтересовался, смогу ли я справиться?».

Сталин искоса с какой-то своей затаенной улыбкой взглянул на меня, затянулся трубкой, откашлялся и негромко сказал: «Товарищ Байбаков, мы хорошо знаем свои кадры, знаем, кого и куда назначать. Вы коммунист и должны помнить об этом...».

Далее разговор зашел о проблемах нефтяной индустрии.

«Вы знаете, что нефть – это душа военной техники?»

«Товарищ Сталин, – подтверждая, ответил я, – это не только душа военной техники, но и всей экономики».

«Тем более скажите, что нужно, – доверительным тоном подбодрил меня Сталин, – для развития отрасли».

«Надо «второе Баку» осваивать, там мы открыли два крупнейших месторождений – ударили фонтаны. Это очень перспективные месторождения».

Сталин меня выслушал, прошелся раз, другой, вдоль стола и настойчиво повторил: «А что нужно?».

«Капиталовложения нужны, товарищ Сталин, оборудование. А еще нужны знающие строители».

Я решил тут же изложить все свои наиболее принципиальные соображения о путях развития нефтяной промышленности. Сталин слушал вдумчиво, сосредоточенно.

«Хорошо! – наконец сказал он. – Вы изложите все эти конкретные требования в письменной форме, я скажу Берию».

Кажется, самый трудный вопрос был оперативно, без всяких проволочек решен. И, действительно, наша отрасль вскоре получила все – и материалы, и оборудование, и толковых строителей...

– А сегодня мы, Курбан, осваиваем уже «третье Баку», без чего наша экономика окажется бездушной. Теперь на вас вся наша надежда.

Байбаков встал, прощаясь.

– Еще один вопрос, Николай Константинович, – оставил его Курбан. – Очень важный: у Сталина действительно сапоги были изношены до дыр?

Байбаков рассмеялся.

– Я тоже тогда задал этот вопрос секретарю генералиссимуса Поскребышеву: «Неужели, говорю, наша страна не в состоянии обеспечить вождя хорошими сапогами. На подошве у него большая дыра».

«А как вы увидели?» – встрепенулся Поскребышев.

«Когда он стоял на стремянке».

«Понятно. Эту дыру Иосиф Виссарионович сам вырезал. У него там мозоль...».

...Вагон был полон молодого задорного народа. Из каждого купе доносились то песни, то взрывы хохота, то возбужденные веселые голоса.

Попутчики

В соседнем купе кто-то терзал гармошку, и компания молодых людей неумело, но горячо и страстно выводила ставшую недавно популярной песню:

*«Старый клен, старый клен,
Старый клен стучит в окно...
Отчего, отчего,
Отчего мне так светло,
От того, что ты идешь по переулку...».*

Молодой народ ехал осваивать сибирские просторы.

– Слушай, товарищ! Заходи к нам в купе чай пить с пирожками, – пригласили Курбана соседи. Он охотно согласился. Достал из багажа фрукты, виноградное вино с отцовского виноградника.

– Вы тоже едете осваивать сибирские богатства? – спрашивали Курбана веселые попутчики.

– Я из тех, кто эти богатства ищет. Я геолог. И с Сибирью у меня давние и добрые связи. Наша экспедиция тринадцать лет назад открыла нефтеносное месторождение у озера Шаман.

– О! Как это интересно, – загалдели ребята и девочки. – Расскажите, пожалуйста.

Через полчаса Курбан стал самым популярным человеком в вагоне, а через час, наверное, и во всем поезде. Весть о том, что в поезде едет бывалый геолог, быстро разлетелась по поезду, и Курбана ходили смотреть и слушать со всех вагонов.

Это был звездный час Курбана. Он рассказывал о тайге и болотах, по которым ходили его ноги, о комарах и мошке, о великих сибирских реках... О работе геологов, о буровых станках и вышках, о нефтяных фонтанах как венце работы геолога. У слушателей горели восторгом глаза.

Только далеко за полночь Курбан смог уйти к себе.

Ночью в Свердловске кто-то подсел Курбану в купе, но геолог только повернулся с боку на бок и снова уснул.

Утро наступило в сиянии солнца. За окном теснились Уральские горы, мир сверкал радостными красками. Курбан поднял голову и увидел новых попутчиков. Русоволосый улыбчивый мужчина лет тридцати пяти и симпатичная хрупкая женщина, с внимательными ласковыми глазами.

– Доброе утро! – приветствовали они Курбана. – Мы тут завтрак собрали, присаживайтесь к нам.

И столько было в них искреннего радушия и располагающей простоты, что Курбану показалось, что он знаком с этими милыми людьми целую вечность.

На столе были помидоры, свежепросольные огурцы, источавшие умопомрачительный аромат, большая копченая курица, мед в сотах и нарезанный большими ломтями пшеничный хлеб...

– Зайцев Владимир Иванович, лесничий из Знаменки, – представился мужчина. – А это моя жена Вероника.

– Курбан Фарманов, геолог из Баку.

– Вы, наверное, едете искать нефть или газ? – глаза у попутчиков радостно загорелись.

– Точно так. Это дело всей моей жизни. Мне кажется, что я родился в сапогах геолога, – рассмеялся Курбан.

– Мы тоже едем туда. Знаете, невозможно усидеть дома на теплой печи, при налаженном быте, при обустроенном

производстве, когда, кажется, вся страна поднимается, чтобы общими усилиями открыть богатства Сибирской кладовой. Радио, газеты, телевидение все об одном – Сибирской нефти...

– Вот и я не смог! – широко улыбаясь, подтвердил Курбан. – Вместе будем осваивать сибирские богатства.

– Вы знаете, – включилась в разговор жена лесничего Вероника. – У нас в лесничестве есть все для жизни. Хороший дом, школа для детей, магазины, дом культуры. Володя отличный организатор и специалист своего дела, его любят и ценят. Он завел при лесничестве две пасеки, конеферму, организовал производство с глубокой переработкой древесины, планы по посадке лесов и их охране перевыполнялись... А он решился оставить все. И меня сагитировал. И вот едем теперь, сами не знаем, где будем жить и чем заниматься...

– Ну не утрируй, Верочка. Я уже был там, встречался с руководством лесного комплекса области. Мне предложили возглавить леспромхоз, которого пока нет, в районе озера Шаман. Нефтяникам и строителям потребуется гигантское количество древесины, пиломатериалов, столярки...

Я летал туда на вертолете, и надо сказать, что восторга не испытал. Техники мало, техника разбита, дороги в ужасном состоянии, людям негде жить, в том числе и семье будущего директора. Все надо начинать с нуля... Но, понимаешь, Курбан, вот это обстоятельство и притягивает меня. Хочется испытать себя в большом деле. Чтобы, с нуля и под ключ... А?

– Я тебя понимаю, Володя!

– Но Вы, Курбан, не знаете, что Володя едет без согласия обкома партии. Едет на свой страх и риск. С учета его не сняли и теперь за своеволие его могут исключить из партии. А уж выговор с занесением в учетную карточку ему точно обеспечен.

– Вот как? – удивился Курбан. – А с виду покладистый... Такие-то вот, самостоятельные люди, упертые,

умеющие добиваться своей цели и нужны сегодня Сибири. А выговор что? Выговор снимут.

Тут двери их купе распахнулись, и в дверях показались веселые лица вчерашних молодых попутчиков.

– Курбан! Вам, знаменитому геологу, посвящается эта песня!

Зазвенела гитара и нестройный, пока еще не спетый хор дружно грянул:

*«А путь и далек и долог,
И нельзя повернуть назад...
Держись, геолог, крепись, геолог,
Ты ветра и солнца брат...».*

А колеса вагонов стучали и стучали на стыках, с каждой минутой приближая встречу с великим будущим.

Возвращение на Шаман

Под крылом «кукурузника» медленно проплывало детство. Василий, припав к иллюминатору, в волнении вглядывался сквозь дымку облаков в заснеженные просторы сибирской земли.

Широкая белая лента реки с редкими деревеньками по берегам решительно устремлялась на Север в объятия могучей Оби. Вот показались знакомые до боли церковные купола, под которыми встретился Васька с Ларой, Колькой Покачевым и Виктором Акимовичем... Где принял он первое свое сражение за честь и достоинство любимой девочки, откуда бежали они с Колькой Покачевым в утлой лодчонке на Шаман-озеро, на поиски Страны Живого Огня, страны Добра, Истины и Справедливости.

Вот и это знаменитое место, где сливаются воедино две великие реки. Вот там на берегу стоял когда-то деревян-

ный Обский Дед, с длинным носом, которым он притягивал рыбу. А вон и сохранившийся до сих пор рыбацкий сарай, лодки под снегом и красный бакен на берегу...

А вот здесь в этой протоке оставили они лодку и двинулись напрямик через тайгу и болота к Шаман-озеру... Где-то там справа должно прятаться в вековой тайге старобрядческое поселение с чудесной девчонкой Анютой, заставшей в сердце его другу Кольке...

А там еще дальше, у края горизонта, через гигантское коварное болото, притулится под ветвями сосен и кедров заимка дедушки Лукьяна.

Самолет стал уходить влево, сквозь треск и шипение радиации отозвался аэропорт. Самолет пошел на снижение, едва не задевая лыжами крыши бараков и вагончиков таежного поселка.

Юралов выскочил на скрипучий снег, и тотчас мороз сотнями иголок вонзился в его лицо, шею, руки, забрался под его легкое пальто. Было, наверное, градусов под пятьдесят. А всего три часа назад в областном городе было сыкотно и тепло. Василий, похоже, забыл, что такое север Сибири, пригревшись на юге области.

Теперь нужно было вспоминать.

Вчера, в обкоме партии, ему предложили поехать на Север, где разворачивалось грандиозное строительство, где за несколько лет должны были подняться новые производства и новые города, куда тысячами направлялись экспедиции, геологи, прокладчики нефте- и газопроводов, лесозаготовители, дорожники, строители...

И этот народ, прежде всего, должен был хорошо питаться. Задача обеспечения Севера продовольствием была поставлена перед молодым, но проявившем себя с лучшей стороны, председателем колхоза «Заря» Василием Юраловым. Скорее всего, инициатором назначения был сам первый секретарь обкома Борис Павлович Богин, о памяти которого на людей ходили легенды.

Вот и Юралова, видимо, запомнил он с первой же встречи и далее уже внимательно следил за его становлением.

Предполагаемая перемена в жизни и работе вызвала у Василия всплеск самых противоречивых чувств. С одной стороны, его влекло на Север, туда, где мальчишками с Колькой Покачевым искали они в тайге стойбище хантыйского рода Шуки и мечтали о волшебной Стране всеобщего Счастья. С другой – жалко было оставлять колхоз, начатые преобразования, людей, ставших уже родными.

Хотя в колхозе, как казалось Василию, он сумел уже зажечь у людей искру веры в себя, стремление к инициативе, самостоятельности, экономической целесообразности. И вряд ли, в колхозе «Заря» даже без него, Василия Юралова, люди смогут жить, как прежде, отгородившись от колхозного производства глухим забором...

В обкоме сомнения Юралова не остались без внимания.

– Вам нужно пообщаться с главным нефтяником Западной Сибири Владимиром Ивановичем Пчеленко. Он умеет убеждать людей и завоевывать сторонников.

...Контора «Главнефтегаза» гудела, как пчелиный улей. Геологи, нефтяники, строители, летчики, дорожники валили сюда за решениями своих вопросов, словно одержимые священной верой паломники: авторитет Пчеленко среди этой обветренной, опаленной солнцем и морозами публики был сродни божественному.

Владимир Иванович приехал сюда уже знаменитым на всю страну нефтяником. В тридцатом году он начал свою карьеру мотористом в Грозненской нефтеразведке. Искал и добывал нефть в Татарии, на Сахалине, в Ставрополье, на Средней Волге и Приуралье... Он был известен не только как геолог, организатор нефтедобывающей промышленности, но и как крупный ученый.

В приемной Пчеленко Василия Юралова уже ждали. Секретарша попросила его пройти в кабинет и подождать там, пока закончится совещание: так, новому в нефтянке человеку, легче войти в курс дела.

Юралов открыл дверь. В большом кабинете вокруг овального стола склонились люди, что-то довольно бурно обсуждавшие.

– Геологи доказали, что Западно-Сибирская низменность обладает громаднейшими запасами нефти и газа, – говорил, обращаясь к участникам совещания хозяин кабинета. – Вот что пишет о нас американский журнал «Тайм», – Пчеленко поднял над столом ярко-красочное американское издание: – «Перспективы и потенциальные возможности Сибири измеряются континентальными масштабами. Это можно сравнить с открытием Северной Америки. Сибирь преобразуется в силу, с которой придется считаться мировой экономике...». Но это еще не все. Сибирь – геологический феномен. Его строение еще до конца не разгадано. Есть основания считать, что под газовыми гигантами Медвежьим и Уренгоем находится грандиозный подвал, полный нефти.

Теперь наша задача найти способ открыть эти кладовые и поставить их на службу народа. Задача эта крайне непростая.

– Что верно, то верно, – откликнулся кто-то из специалистов, – в таких условиях никто еще нефть не добывал. Тундра, сплошные болота, комарье да жесточайшие морозы...

– Я подсчитал: на территории наших нефтяных владений легко разместилось бы пять Франций, – заметил не без гордости молодой парень с лицом, покрытым медной окалиной, видимо геолог.

– Вряд ли бы французы выжили в этих условиях, – хохотнул первый.

Молодой любитель статистики авторитетно добавил:

– Почти половина всех болот Советского Союза!

– Сегодня впрямую уже не ставят вопрос о строительстве Нижнеобской ГЭС и затоплении огромных территорий, – озабоченно проговорил Пчеленко. – Но есть другое предложение от науки: осваивать месторождения с помощью каналов...

– Как это может быть? – тут же раздались недоуменные вопросы.

– Ученые считают, что от основной водной магистрали, должны расходиться рукотворные каналы, а по ним,

на платформах, будут двигаться буровые станки, а вся работа будет организована вахтовым методом. Люди не будут иметь здесь постоянного места жительства.

– Фантастика! Но это все-равно сопряжено с затоплением! – воскликнул молодой любитель статистики.

– Зато они обещают дешевую нефть.

– А как же коренные народы, как ханты, манси, как ненцы? Этот проект уничтожает их среду обитания! – возмутился молодой геолог.

– Успокойтесь, друзья, – остановил возникшую было полемику Пчеленко, – надо отдать должное нашему обкому партии, решительно и аргументировано отвергнутому этим проектам на самом высоком уровне. Но мы должны теперь позаботиться, как с наименьшими затратами взять эту нефть.

За окном уже сгустились сумерки, вошла секретарь и зажгла в кабинете свет, но люди, увлеченно обсуждавшие нефтяную тему, даже не заметили перемен.

Наконец Пчеленко поднялся из-за стола:

– Будем подводить итоги, друзья мои, – сказал он уверенным отеческим тоном. Не зря, видимо, Пчеленко подчиненные звали за глаза Батей. – Традиционный метод освоения нефтяных кладовых здесь не годится. Но мы попробуем поставить на службу себе то, что считается препятствием и помехой. Вечная мерзлота? Так пусть она будет нашим союзником. Болота? Болота мы победим по принципу образования вечной мерзлоты.

– Как это возможно, Владимир Иванович?

– Просто. Мы разрежем болота ледяной опорной дорогой. При наших-то пятидесятиградусных морозах наморозить такую дорогу не составит труда. Она не уступит по прочности бетонной, к тому же не потонет. А чтобы не растаяла летом, мы станем укрывать ее толстым слоем торфа.

– Гениально! – восхитился молодой любитель статистики. И все остальные коллеги его одобрительно загудели.

– Далее, к этим дорогам будут примыкать островки, с которых мы станем бурить веером наклонные скважины

и брать из-под болот нефть, закачивая в образовавшиеся пустоты воду, которая так мешает нам по весне.

– Я считаю, да и весь мировой опыт говорит о том, что работать на буровых вахтовым способом неэффективно. Нужно строить вблизи месторождений поселки и города с мощной производственной базой и со всей необходимой инфраструктурой: со школами, детскими садами, больницами, театрами... Со своей продовольственной базой. Нефтяники и строители в этих трудных условиях Севера должны хорошо питаться.

Пчеленко повернулся в сторону Юралова.

– А теперь познакомьтесь: для организации производства продуктов питания обком направляет нам опытного специалиста в области сельского хозяйства Василия Васильевича Юралова. Правильно, я называю вас?

Юралов поднялся, смутившись под пристальными взорами:

– Я готов ехать хоть на Крайний Север и создавать производство продуктов питания.

– Ну вот и хорошо, – улыбнулся Пчеленко, – завтра можете вылетать в Кондасский район на помощь Караваеву.

Минус пятьдесят

...Летчики, одетые в унты и меховые куртки, поглядывая с усмешкой на Василия, пошли в деревянный домишко, в котором находился аэропорт, а Юралов остался один на один с жестоким морозом и пронизывающим насквозь ветром.

За оградой летного поля стоял заиндевевший «газик», пускавший в морозный воздух клубы выхлопных газов. Юралов направился к нему, намереваясь напроситься попутчиком до поселка. Но тут дверцы машины распахнулись и из-за руля навстречу Юралову вывалился огромный

детина в полушубке, валенках и меховой шапке-ушанке и закричал радостно:

– Василий! Юралов! Сюда!

Детина подбежал к Юралову и сгреб его за плечи.

– Не узнал? А ну вспомни: Погореловский детдом.

Василий обрадовано вздрогнул, всмотрелся в улыбающегося детину, пытаясь узнать в нем кого-то из малолетних обитателей Погореловского приюта. Но куда там...

– Ладно, – сжалился водитель, – разве тут узнаешь, так все изменились. Андрюха я. Чекан Андрюха. Я бы и тебя не узнал, да мне твою фамилию в конторе сказали.

Андрей усадил Юралова в машину, и «газик», подпрыгивая на колдобинах, покатил по разъезженной большегрузными машинами дороге.

– А ты тут как? – спросил Юралов. – Я слышал ты у Кропачева в колхозе рекорды выдавал. Про тебя и в газете писали.

Чекан нахмурился:

– Бросил я Кропача. Не работа, а вредительство одно. Не по душе стало. Чего греха таить, зашибать стал. Да и дядька с теткой у меня померли, не осталось из родных никого. Сам холостой, вот и подался сюда на большую стройку... – простодушно рассказывал Андрей. – Как вы с Колькой тогда сбежали из детдома, я еще год прожил там, потом вот на механизатора выучился, поехал в деревню к родне.

– А Ленька? – напряженно спросил Василий.

– Ленька-то после вашей драки сильно переменялся. То ли поуменел, то ли осторожней стал. В активистах последнее время ходил, в комсомол вступил, на собраниях выступал с правильными речами... А потом и пошагал по карьерной линии.

– Вот как?

– Он ведь эту девчонку, из-за которой вы подрались, так и этак обхаживал. Только у него ничего не получалось. А потом ее тетка забрала, увезла на юг. Кажется, в Краснодар. Он ей и письма писал...

– Письма? У него адрес был? – воскликнул пораженный Василий.

– Был, это я доподлинно знаю – был, – убежденно сказал Андрюха, перекатывая баранку. – А вот как раз той зимой, когда вы на Новый год с матерью у нас были, поехали мы на Серке на почту, в деревню. Ленька пачку писем себе в карман положил, а дорогой просматривать стал. И там как раз письмо от Ларисы Жарковой на Виктора Акимовича. Адрес-то обратный на нем и был. Он то письмо схватил и стал открывать. Я говорю, ты чего делаешь, чужие письма читаешь? Нельзя!..

Надо бы ему по башке треснуть, да я чего-то смалодушничал. Может, самому интересно стало, чего пишет Лариска-то?

– Ну и что там было? – спросил севшим голосом Василий.

– Да ничего такого особенного. Про жизнь да про учебу. А вот в нем еще письмо было. Я так думаю, для тебя, потому что Ленька аж зубами скрипнул: «Опять, говорит, этот Юралов дорожку перешел!».

И спрятал письмо в карман, и мне не показал.

Андрюха замолчал. Молчал и Юралов. Наконец Василий выдохнул:

– Эх, ты, Андрюха! Чего ж ты ему не дал тогда по башке? Может, в моей жизни многое по-другому было?

Андрюха вздохнул:

– А как дать? Вроде друзья? Теперь вот уехал я, а он, слышно, на повышение пошел. А нельзя бы ему на повышение. Кроме вреда, какая от него польза...

– Это ты правильно, Андрюха, заметил. И вовремя, – поддержал его Юралов.

Новое известие о Ларисе выбило Юралова из колеи.

И что же это за судьба такая, когда, казалось бы, потеряна надежда на встречу, когда другая женщина встречается на его пути, и уже ждет от него ребенка, находится та, которую искал и ждал всю жизнь...

Какое-то время Юралов сидел оглушенный этим известием, но все же сумел взять себя в руки. Он уже чему-то

научился как руководитель в управлении собственными чувствами и поступками... Но сколькому еще предстоит научиться, сколько раз придется железной рукой сдерживать себя. И не всегда это будет удаваться.

– Теперь-то кого возишь? – спросил, наконец, Василий.

– Караваева. Начальника конторы «Нефтегазстроя». Вот это человек! – отвечал Андрей с подъемом. – Этот уж не как наш общий знакомый Леонид Петрович, крутить да вертеть не станет. А скажет все, как есть, в лоб. Он-то и отправил меня за тобой.

– Ладно, Андрей, как-нибудь на досуге посидим, выпьем по шкалику, детство вспомним, – сказал Юралов Чекану, довольный встречей.

Андрей ухмыльнулся.

– Думаю, тут не до посиделок. Некогда будет.

Машина с трудом преодолевала разбитую дорогу. Юралов разглядывал из заиндеветшего окна поселок, и в душу его закрадывалась тоска. Вагончики, балки, большая армейская палатка, из которой поднималась жестяная труба, дымившая на всю округу. Всюду валялись ящики, бочки из-под солярки, трубы, размолотые в щепки стволы деревьев.

Рабочие ремонтировали под открытым небом тягач, у которого развалилась гусеница...

У брусового домика остановились. В одной половине его располагался магазин, в другой – контора.

– Приехали. Петрович ждет, – сказал Андрюха, и Юралов выскочил на снег.

Опять мороз схватил его в свои «ежовые» рукавицы, выдавливая из глаз слезы. Но то, что увидел Юралов, повергло его в изумление и восторг. У крыльца магазина стоял мужик в полушубке, огромных меховых рукавицах, весь в инее и торговал семечками. Покупателей у него не было, зато на мешке сидела стая воробьев и активно клевала семечки. Продавец не только их не гонял, но, зачерпнув из мешка рукавицей пригоршню семечек, кидал их на снег голубям.

Юралов поднялся по скрипучим ступеням и решительно толкнул филенчатые двери, покрытые толстым слоем измороси.

За письменным столом сидел крупный мужчина в меховой безрукавке, склонивший седеющую голову над бумагами.

Юралов кашлянул. Мужчина поднял голову и просверлил Василия взглядом.

– Ты кто?

– Василий Юралов. Прислан к вам, по решению обкома партии, организовать здесь сельскохозяйственное производство.

– Проходи, садись, – он насмешливо взглянул на тонкое пальцецо посетителя и сказал ехидно: – раздеваться не предлагаю.

В комнатке было холодно, несмотря на то, что в углу топилась печь-буржуйка, труба которой была врезана в форточку.

Караваев, поймав взгляд Юралова, подтвердил:

– Вот так и живем. А я смотрю, ты к нам ненадолго...

– Это почему? – удивился Юралов замечанию Караваева.

– Да потому! – взорвался вдруг Караваев. – Посылают, Бог знает кого! Ты чего, на танцульки, что ли в клуб собрался. Так клуба у нас нет, танцев тоже. Ишь, вырядился в ботиночки, фраерок!

Юралов непроизвольно спрятал ноги под стул, но такое бесцеремонное обращение к нему возмутило и вызвало ответную реакцию.

– Ты вот что, дядя, – перешел он резко на «ты». – Судить да рядить потом станешь. По делам, а не по одежке. А лаяться, я смогу не хуже тебя. И с народной лексикой знаком.

Караваев покачал головой.

– Ладно, – сказал он примирительно. – Посмотрим. У нас такого народа шляется знаешь сколько!

Думают, тут большие деньги за красивые глаза платят. А недельку покрутятся на морозе, или покормят гнуса в тайге и... назад!

– С чего начинать? – прервал его решительно Юралов.

– С чего? А поезжай сейчас на Шаман-озеро сначала. Нужны предложения, что там можно сделать, чтобы хоть какие-то свои продукты к столу были. Как раз туда вахта идет, намяли зимник. За неделю обернешься. А мы тут пока решим, как тебя обустроить.

Караваяев встал и протянул Юралову руку. Рукопожатие было крепким, но во взгляде была усмешка. Да и вообще, глаза у Караваяева были какие-то неестественные. Или, вернее, один глаз.

Только потом Юралов догадался, что у начальника объединения был всего один глаз. Второй глаз был стеклянным. И от этого казалось, что Караваяев всегда насмешливо смотрит на мир.

Юралов повернулся было к выходу, Но Караваяев его остановил.

– Там у тебя земляк, Чеканов. Скажи ему, чтобы взял на складе для тебя валенки и тулуп. Не то пропадешь!

Встреча старых друзей!

...Вахта была оборудована на базе трехосного «Урала». Фанерные стены, сиденья по бокам, печь...

Выезжали около обеда. Народу набилось изрядно: строители, нефтяники, лесники... На берегу реки остановились и водитель попросил пассажиров покинуть машину. Лед на Оби был недостаточно толст. Юралов оставил тулуп в машине и налегке стал переходить реку.

Она была в этом месте длиной не менее километра, Василий преодолел это расстояние минут за десять-пятнадцать, но мороз за это время настолько скрутил его, что казалось, тело стало стеклянным.

И даже внутренности окоченели, не говоря уже о лице и руках. Он едва залез по железным ступенькам в машину

и завернулся в тулуп. Но и тулуп не согревал, и печка, топившаяся без конца, не спасала...

Юралов понял, что он легко может отдать концы прямо в этой вахте. Или умереть позднее в горячке от жесточайшей простуды.

По всей видимости, и бывалые пассажиры чувствовали себя неуютно.

Тут кто-то извлек из рюкзака большой китайский термос и бутылку спирта. По рукам пошла кружка с пуншем. Юралов выпил с половину кружки и не почувствовал даже вкуса этого, способного завалить и слона, напитка.

Однако скоро приятный жар стал разливаться внутри, возвращая к жизни застуженные органы. Но, что удивительно, хмель не брал.

Пока добрались до поселка, выпили, наверное, полящика спирта.

Приехали на Шаман-озеро уже за полночь. Василий переночевал в бараке с нефтяниками, где кровати были установлены аж в три яруса для экономии места и тепла.

К утру мороз несколько ослаб, и это обстоятельство порадовало Василия. С волнением, отправился он в обход поселка, пытаясь отыскать знакомые приметы, оставленные экспедицией Русова.

Поселок еще только начинался. Электричество давала по ночам дизельная электростанция, такая же, как и в Бекетовском. В вагончике с вывеской «Магазин», полки были пусты.

У многих вагончиков были оборудованы кострища, на которых готовилась пища и висели закопченные чайники.

Одна женщина жарила на костре в большой сковороде рыбу. Юралов не выдержал, подошел:

– Что же это вы тут рыбу жарите? – спросил он с сочувствием.

Женщина подняла на него голову и ответила резко:

– А вы что, рыбу в сыром виде едите? Мы пока даже в этих условиях не одичали.

Юралов смутился и отошел.

Поселение нефтяников и строителей Шаманского месторождения состояло из трех, четырех десятков вагончиков, балков, нескольких брусковых домиков. Скоро Юралов вышел за черту поселка. Перед ним лежала снежная целина озера в обрамлении заиндевевшего леса. Там, где когда-то было стойбище хантов Покачевых из рода Щуки, поднялись выше тайги буровые вышки, над некоторыми из них горели факела попутного газа. Одна из них, наверное, вон та, крайняя, была поставлена тринадцать лет назад экспедицией Русова, в которой Васька Юралов и Колька Покачев принимали самое активное участие.

Вокруг вышек кипела работа. Рокотали бульдозеры, готовя под нефть приемные хранилища, большие машины с длинными прицепами перевозили трубы будущего нефтепровода, строительные блоки и плиты, в тайге звенели бензопилы, вгрызаясь в стволы сосен и кедров, с гулким уханьем и треском падали огромные деревья, освобождая пространство под будущий город. А еще дальше, в тайге, бульдозеры и экскаваторы вгрызались в промерзшую землю, готовя гигантский котлован под будущую насосную станцию, которая погонит по трубам за тысячи километров черную энергию солнца, тысячелетия и миллионы лет, накапливавшуюся в темных глубинах земли.

Юралов направился к первой буровой. Здесь недалеко должны быть могилы Колькиных родителей и Шурочки. Как только у него появится время и возможности, Юралов поставит вопрос об установке на этом месте памятника первооткрывателям Шамана.

...Недалеко от буровой вышки Юралов нашел и единственную на весь поселок столовую.

Столовая была оборудована в вагончике, стоящем под раскидистыми кронами кедров. В столовой колдовали краснощекие девчонки, старавшиеся накормить как можно лучше и сытней нефтяников и строителей города. Про эту столовую от приезжих, из уст в уста, передавались настоящие легенды: мол, котлеты там по рукавице,

а в тарелку со щами они кладут столько мяса, что ложка стоит.

Юралов заинтересованно заглянул в вагончик, привлеченный ароматами разваренной гречки и жареного лука.

Не успел он усесться с тарелками за стол, как распахнулась дверь и на пороге, в клубах морозного пара, явился веселый человек в распахнутом полушубке, из-под которого виднелась тельняшка. Шапка держалась у него на самом затылке, и из-под шапки волной выпирали русые кудри.

Человек обернулся к дверям и скомандовал решительно:

– А ну, ребята, заходи!

И тотчас в вагончик ввалилась толпа разномастных собак, радостно улыбавшихся во все пасти и вилявших хвостами, словно это были пропеллеры.

– Здорово, девчонки! – громко поприветствовал девчат морячок и направился к раздаче.

– Костя, опять ты свою команду привел? – заворчали незлобливо девчата.

– Им тоже кушать хочется! – отвечал Костя. – Они же наши меньшие братья! А потому я щи ем и ты – лакай!

Девчата проворно наложили веселому посетителю щей и каши с фирменной котлетой, а собакам вынесли большой таз с объедками, установив его под соседним столиком.

– Налетай, братва! – скомандовал морячок, и собаки дружно принялись лакать.

Василий, с интересом наблюдавший эту сценку, вдруг взволнованно оставил свою ложку и стал напряженно всматриваться в черты лица этого жизнерадостного человека.

– Костя! – негромко позвал он.

Морячок обернулся на голос, и тут Василий узнал его.

– Костя! Пирогов! Ты? – сказал Василий, вставая из-за стола.

– Я, – виновато улыбнулся человек. – А ты? Не вспомню сразу...

– Да я Васька Юралов. Только большой теперь.

– Васька? Вот, не хрена себе, верста коломенская! Вот вымахал, вот раздался!

Он резко отодвинул стол и пружинисто поднялся на ноги.

– А ну давай обнимемся, дружище! Я знал, что мы встретимся здесь, на Шамане!

Они крепко ухватили друг друга в объятия.

– О-о! Да ты, парень, крепок стал! Пожалуй, и меня заткнешь теперь за пояс, – одобрительно рычал Константин, ворочая Юралова, словно медведь.

Наконец они сели за стол, объединив свои обеды.

– Рассказывай, как ты да чего! – торопил Василия Костя. – Слыхали мы, что колхозом заправляешь на юге. Как Колька Покачев? Не слышать ли чего от Курбана?

– Ладно, ладно, расскажу. Только ты вперед скажи: где Русов, чем занимаетесь? – остановил его Василий.

– Русов здесь. Он теперь большой начальник. Возглавляет целое нефтегазовое управление. А я скважины под промышленную добычу бурю. Темпы сумасшедшие. Через год здесь будет город! И даже раньше!

– Ну год, – не поверил Юралов. – Не загибай, давай. Пятилетку, это еще можно принять.

– Ладно, сам увидишь, – добродушно согласился Константин. – И ты, давай, к нам подгребай. Вместе строить будем.

– Да я и так уже сюда к вам прикомандирован. Будем под северным небом сельское хозяйство поднимать.

Газа здесь хватает, будем теплицы строить, оранжереи, выращивать огурцы и помидоры, зелень витаминную, а может и на ананасы замахнемся. Промышленные фабрики поставим по откорму свиней, птицефабрики, коровники. Надо же нефтяников и детей их кормить не чем попало?

– Это правильно, – согласился Костя. – У меня ребятшек трое. Пока в деревне живут, но без семьи скучно.

– А у Русова-то как? – напрягся Василий.

– Нормально. Сначала страдал по Шурочке сильно, потом и на него судьба долю нашла. Тоже троих родили. Теперь за вами очередь.

– Ну мы тоже не подкачаем. Я надеюсь к весне наследником обзавестись, – сказал Василий в тон Косте, но в душе его ворохнулись сложные чувства: радости и вины одновременно.

...В Кондас Юралов вернулся дня через три.

– Ну что, живой? – с порога спросил его насмешливо Караваев.

– И помирать не собираюсь. Будем работать! – в тон ему ответил Василий. – Но проблем много и решать их придется совместно.

– Идет! – удовлетворенно хлопнул по столу Караваев. – А теперь ответь мне: где собираешься жить. Здесь – на Кондасе, или там – на Шамане?

– Я, полагаю, жить мне придется в дороге.

– Это верно, – согласился Караваев, – но семью-то надо поселить.

– Семьи пока нет, но скоро будет, – отвечал задумчиво Юралов.

– Тогда иди и выбирай квартиру, – весело сказал Караваев, показав рукой на длинный стол, заваленный бумагами.

– Не понял, – остановился Юралов, двинувшись было к столу.

– Это генеральные планы будущих городов, – довольный произведенным эффектом, произнес со вкусом Караваев. – Каждый до двухсот тысяч населения.

Юралов подошел к столу. Полистал тяжелые альбомы с проектами городов, вписавшихся в долины рек и берега озер. Широкие проспекты, смелые архитектурные решения общественных учреждений, школ, театров, гостиниц... Все это было похоже на фантастику, но Юралову искренне хотелось в эту фантастику поверить.

– Квартиру советую тебе побольше, попросторнее выбирать, – посмеивался Караваев. – А то детишки пойдут, переезжать замучаешься...

– Я думаю, на Шамане остановиться, – сказал Юралов. – Вот здесь запроектированы дома с видом на озеро. Здесь хочу жить.

– Хорошо! – отвечал уверенно Караваев, будто бы дома эти стояли уже на самом деле, делая пометку на проекте. – Месяца через полтора-два получишь ключи...

– Что? – воскликнул Юралов, готовый разозлиться, думая, что его Караваев все-таки разыгрывает.

– Хорошо. Через месяц.

– Этого не может быть!

– Может! – уверенно отвечал Караваев. – Привыкай, парень, к сибирским масштабам и темпам. Во время войны из западных районов за месяц огромные заводы перевозили и начинали оружие выпускать. Так то война была. А теперь – мирное время! В космос летаем.

– Это так! – согласился Юралов.

– Тогда тебе первое задание. Нужна птицефабрика. Чтобы мясо и яйца под боком у нефтяников производились. Сроку на все про все – от начала строительства до ключа – два месяца.

...Огромны пространства Сибири. Самый надежный транспорт – вертолет. Хотя бывает и вертолет – не помощник. То погода нелетная, то посадочные полосы растаяли и под водой скрылись, то технические неполадки. И тогда, как в песне у Кола Бельды:

«Самолет – хорошо,

Вертолет – хорошо,

А олени лучше...».

От Шаман-озера да Белоозера всего километров около пятидесяти, да вот доехать не на чем. Для автомобиля – дороги нет, вездеходу через тайгу не пробиться, лошади тоже не дойти – кормиться в дороге не чем. Вертолет? А вертолета и вовсе нет. Надо Курбану, начальнику Кондасской геологической экспедиции, попасть на Белоозеро, чтобы самому оценить и местность и обстановку и направить туда буровиков, а выходит, что кроме как на оленях не попасть туда.

Слава Богу, попутная оленья упряжка есть.

– В ту сторону отправляется заместитель председателя крайисполкома по делам малых народов Николай Покачев, – сообщили Курбану по радиции из Кондаса в Шаман. – Едет по стойбищам встречаться с хантами, про жизнь толковать. На Шаман-озеро ханты присылают олени упряжки.

– Как вы сказали? – заволновался Курбан. – Покачев?

– Да, да, – подтвердила секретарша, – Николай Петрович Покачев.

– Спасибо, милая! – радостно закричал в трубку Курбан. – Разреши, я тебя поцелую.

Секретарша оборвала связь, не понимая, почему этот южный человек так обрадовался оленьим упряжкам.

А Курбан уже спешил сообщить друзьям о приезде их общего друга Кольки Покачева, ставшего большим начальником.

...Покачев приехал на Шаман-озеро с вечера. Кольку встречали, как героя. Накрыли стол в вагончике у Русова, Курбан тряхнул своими кавказскими запасами, выставив на компанию лучшее вино Кавказа.

Костя Пирогов пришел с гармонью, Василий Юралов с добытым у рыбаков с Оби малосолым муксуном.

Покачев приехал с вахтой, выскочил на снег и тут же попал в объятия друзей.

– Я же говорил, что Шаман от себя настоящих людей не отпускает! – радовался бурно Курбан. – И вот все мы снова вместе.

– Нет только деда Лукьяна, – посетовал Василий. – Эх, как бы хотелось его увидеть. Здоров ли хоть?

– По осени приезжал сюда на лошади. Верхом! – сказал Костя. – Я звал его оставаться у нас. И Русов звал. Обещал устроить в вагончике, а потом квартиру дать.

– Не согласился?

– Привык, говорит, у себя, на кордоне. Там, говорит, и помирать стану. Наказывал, как говорит, соберутся все снова – проведывать приезжайте.

– Собрались уже.

...Прежде чем сесть за стол, все пятеро пошли на озеро, к первой буровой Шамана. Поклонились родным могилам Николая Покачева, постояли молча, думая каждый о своем, у Шурочкиной могилки.

Первым поднял тост Русов:

– У Сибири есть замечательная особенность, – сказал он торжественно, – здесь трудно приживаются или не приживаются вовсе люди мелочные, завистливые, подлые. Сибирь, словно золотоискатель, отсеивает пустую породу, отмывая лишь золотой песок и самые настоящие золотые самородки. Я с полной уверенностью могу сказать, что Сибирь – сторона для избранных. Для людей мужественных, смелых, упрямых, щедрых душой и сердцем...

В каждого из вас, здесь сидящих, я верю, как самому себе!

– А помните о поисках Страны Живого Огня, Истины и Справедливости, о Стране всеобщего счастья – Беловодье, – поднялся из-за стола Покачев. – Давайте же мы не станем ее искать, не станем добиваться готового счастья, а все вместе будем строить эту страну. А город, который построим здесь, назовем Беловодском!

Ледовая дорога

...На Белоозеро выехали затемно. Завернувшись в медвежьей тулупы, Курбан с Покачевым упали на нарты, и олени понеслись по заснеженной тайге.

Нарты кидало во все стороны, трясло, Курбан хотел было отжаться во время дороги размышлениям о том, как эффективнее построить работу разведочной экспедиции, но скоро понял, что все его мысли сосредоточились на том, как бы удержаться в нартах и не вывалиться в снег. Да и медвежья полость не спасала от мороза. То и дело Курбан с Покачевым пытались согреться пробежками вслед за на-

ртами. В середине дня олени встали около небольшого озера. Каюры отпустили оленей добывать из-под снега корм, а сами принялись разводить костер и готовить обед.

– Не понимаю, как вы тут живете на таком морозе, – удивлялся Курбан. – Ведь столько земли у нас в России, где тепло и красиво, где, как говорят, воткни оглоблю в землю – телега вырастет.

Ханты смеялись в ответ.

– Это наша родина. Однако, там, где тепло, оленя нет, снега нет. Как на нартах поедешь?

– Так хотя бы дома надо теплые построить?

– Зачем дом? Чум есть. В чуме тепло. Чум снял, на нарты погрузил и поехал. Однако дом на нартах не увезешь...

– Надо детей учить в школах, в институтах. Надо людей в больницах лечить. Трудно живут северные народы. Трудно. И очень мало живут ханты, мало живут манси, ненцы мало живут... – убеждал Покачев. – Поглядите-ка, жизнь какая хорошая к нам идет... Все заботы государство на себя берет. Учеба – бесплатно, лечение – бесплатно, все дороги тебе в жизни открыты. Вот я хант, выучился. Стал ученым. Кандидат наук. И вы знаете, какой великий мир предо мной открылся. А если бы я сидел в своем дымном чуме, разве бы я смог увидеть и понять этот мир? Надо пользоваться тем, что дается, и вставать вровень со всеми народами. Правильно я говорю, Курбан Салманович!

Курбан горячо поддерживал своего молодого друга.

Каюры согласно кивали головами, но что-то держали при себе, не договаривали, попыхивая трубками.

Ночевали в стойбище хантов Тайлашевых. У них были в поселке на Оби теплые дома, но они предпочитали почти всю зиму жить на своем родовом озере, пасти оленей и ловить рыбу.

Курбан долго ворочался на оленьих шкурах в чуме, не мог уснуть. Сквозь дымовое отверстие в чум заглядывали звезды, но удивительно, в чуме было довольно тепло.

На утро дороги Покачева и Курбана разделились.

Николай отправился объезжать стойбища, Курбан двинулся на Белоозеро, где геофизики обнаружили большое поднятие свода земной коры. А это могло означать только одно – там богатые кладовые нефти.

Курбан примерялся, как можно скорее и проще добраться сюда с тяжелой техникой, буровыми станками. Ждать вскрытия рек – долго, вертолеты не способны переместить столько грузов. Выходило одно – прокладывать сквозь тайгу и болота зимник. Но и зимник проложить сквозь незамерзшие под снегом болота будет чрезвычайно сложно. Но сделать это необходимо. Или, как говорит партия: «Есть такое слово «надо!».

Через день Курбан начал готовить экспедиционный отряд на Белоозеро. В него вошло несколько тракторо-тягачей, которые тащили за собой горючее и жилые балки, два бульдозера, сзади шли два автомобиля вездехода. Разведчики были снабжены радиостанцией, по которой осуществлялась постоянная связь с большой землей – Шаманозером.

Поначалу все шло успешно. Колонна прошла километров десять поймой реки, но как только она вошла в лес, начались проблемы. Лес был слишком густой, чтобы пропустить колонну тракторов и машин.

Тайга то и дело оглашалась ревом бензопил, с треском падали сосны, открывая прогалы, по которым устремлялась техника дальше. К концу первого дня колонна вышла из тайги, но перед ней оказался непреодолимый овраг глубиной около пяти метров. Преодолеть его не было никакой возможности.

Стали связываться по рации с Курбаном.

– Как быть? Колонна стоит.

– Нужно взорвать откосы, так, чтобы они стали пологими, тогда пройдет.

Скоро вечернюю тайгу стали сотрясать взрывы. Колонна благополучно преодолела неожиданное препятствие.

Но за ним было второе, такое же. И снова гремели в тайге взрывы. Но эти препятствия назавтра показались геологам детской забавой.

Вековая тайга кончилась, начинались незамерзающие болота. До Белоозера оставалось каких-то двадцать километров. И машины пошли на штурм гибельных чарус.

Трактора то и дело проваливались в болота, дымившие на морозе густыми испарениями. Люди бросались спасать технику, заводили тросы, сами проваливались и тонули в зловонных трясилах, которые, тут же под морозом, превращались в камень.

Вырвав трактор из трясины, валили лес, гатили топи и снова штурмовали их, уже скованные стужей... И так шли метр за метром. Но шли с упорством, достойным сибиряков.

В день более километра пройти не удавалось. И только на двадцать пятый день колонна вышла к озеру, оставив за собой зимник, по которому уже смело могла идти любая, даже самая большегрузная техника.

Весь этот героический переход занял более месяца. С тех пор эта зимняя дорога стала именоваться «Ледовой дорогой».

По пробитому в тайге и болотах зимнику пошел поток грузов: оборудование для буровой, цемент, горючее, глина, продовольствие...

Монтажники начали собирать буровую. Не прошло и половины месяца, как началось бурение скважины, на которую Курбан возлагал большие надежды.

В кратчайшие сроки

Юралов мотался по Северу на всех видах транспорта: оленях и вездеходах, трубовозах и вертолетах.

Сибирь бурлила. Весь север Западной Сибири превратился в гигантскую строительную площадку. Новые города появлялись в тайге, словно грибы после теплого летнего

дождя. Проектировщики, как выяснялось по ходу, совершали ошибку за ошибкой, проектируя города на 30, сорок тысяч человек, а они разрастались до двухсот и трехсот...

Поднимались буровые вышки, количество эксплуатационных скважин росло день ото дня. Производства, нефтепроводы, нефтеперекачивающие станции. В болота, в комариновую преисподнюю ехали тысячи и тысячи людей.

Комсомол объявлял одну за другой стройки в Западной Сибири ударными комсомольскими. Газеты взалхлеб писали о героических буднях строителей газо- и нефтепроводов, телевидение и радио рассказывали о трудовых свершениях нефтяников. Поэты слагали поэмы, а композиторы – песни о величайшей стройке века:

*«И бил фонтан и рассыпался искрами.
При свете их я бога увидал.
По пояс голый, он с двумя канистрами
Холодный душ из нефти принимал...».*

Новые города строила молодежь, но ни сверхнапряжение будней, ни лютые холода не могли погасить в юных сердцах любовной страсти... Одна за одной рождались новые семьи, а вслед за этим рождались и дети.

Обком партии, скорее всего, это была политика Богина, ориентировал коммунистов, чтобы не только рабочие, но и инженерно-технические работники, руководители всех рангов ехали в Сибирь не холостяковать, а везли с собой и семьи.

И понятно, что стремительно возрастающее население области нужно было полноценно кормить. Вот и мотался Юралов по просторам разбуженной Сибири, размещая под холодным северным небом сельскохозяйственные производства.

И в главке у Пчеленко, и в кабинетах обкома партии Юралов стал своим человеком.

– Я понимаю трудности Вашего дела, – выслушав Юралова, сказал Пчеленко. – Такой задачи еще никто не решал:

в условиях вечной мерзлоты заниматься сельским хозяйством. Ни проектировщики, ни строители, ни сами крестьяне. Но, уверен, всем миром мы осилим и эту задачу.

– Но как преодолеть эту разобщенность, чтобы все три главка: нефтяники, газовики, строители работали воедино? Моих полномочий не достаточно. Здесь каждый начальник главка в ранге заместителя союзного министра.

– Одевайтесь и ждите меня в приемной.

Через пять минут Владимир Иванович вышел.

– Едем в обком партии. Борис Павлович примет нас.

Юралову говорили, что авторитет у Пчеленко был чрезвычайно высок. Только он мог позвонить напрямую председателю Совмина Косыгину и без обиняков заявить: «Алексей Николаевич! Нам нужны деньги, иначе мы можем вас подвести и не дать необходимого стране количества углеводородов».

И Председатель Совмина всегда находил для Пчеленко деньги, потому, как все знали, что этот человек до мозга костей пронизан заботами о государственных интересах.

Представить трудно, но уже тогда производственные мощности главка Пчеленко оценивались в миллиарды рублей.

Но распоряжаясь такими колоссальными средствами, сам он был чрезвычайно скромнен, и до конца дней своих жил в простенькой тесной квартирке, отвергая все предложения улучшить жилищные условия.

«Есть люди, которые более меня нуждаются», – отвечал он неизменно.

В приемной первого секретаря обкома партии Бориса Павловича Богина их ждали еще два руководителя главка.

Секретарша провела всех в кабинет. Борис Павлович вышел навстречу, с каждым тепло поздоровался, глядя внимательно в глаза.

– Ну что ж, докладывайте, молодой человек, – обратился он к Юралову, – о своих предложениях, как наладить нам производство собственных продуктов в условиях Севера, – сказал он с одобряющей улыбкой.

Волнение, с которым Юралов вошел в кабинет, как-то сразу исчезло. Коротко, но обстоятельно изложил он свое видение строительства тепличного хозяйства, коровников, птицефабрик и свинокомплексов, рассказал о проблеме несогласованности и разобщенности.

Богин внимательно слушал, делая пометки в большой тетради...

– Я думаю, товарищи, вопрос ясен. В интересах каждого ведомства поучаствовать в этой, столь необходимой для нас, работе. Обком выступит в качестве координатора общих усилий, и вам, товарищ Юралов, будет дана «зеленая улица» в вашем деле. Стройте, привлекайте к участию все заинтересованные организации, кормите нефтяников лучше. Они этого заслуживают.

Весь вопрос занял не более десяти минут. Василий вышел на улицу с некоторым разочарованием. Ему казалось, что его проблемы заслуживают всестороннего, конкретного обсуждения, но, вернувшись на Север, он понял, насколько эффективно было это столь короткое совещание у Богина. Действительно, строительству сельскохозяйственных объектов была дана «зеленая улица». Руководители нефтяников, геологов, газовиков, дорожников, лесников выделяли для стройки без проволочек необходимое количество материалов, техники, людей и средств.

Юралов ушел с головой в работу, недосыпал и недоедал, по ходу дела, на свой страх и риск переделывая проекты птичников и дворов, дополнительно утепляя их, добавляя двойные двери и полы...

Через два месяца первая птицефабрика была сдана под ключ, и спустя несколько месяцев, дала первую продукцию...

...В контору к Курбану пришел Андрей Чеканов. Глаза его сияли, на лице светилась радость. Он был окрылен первым успехом.

– Есть идея. А что если вырезать из толстого металла для станка лыжи, скажем, метра два на три, укрепить всю конструкцию сварными трубами и тащить всю буровую целиком тягачами...

Курбан и сам уже думал об этом. Он позвал специалистов и до полуночи обсуждали они придумку, рассчитывали давление и площадь опоры.

Скоро железное чудовище стояло на лыжах в ожидании старта. Вот трактора натянули тросы и станок медленно отправился в свой звездный рейс.

За два дня караван прошел треть пути. На третий день случилось, то, чего боялись больше всего. Передняя лыжа сошла-таки с ледовой дороги и увязла в болоте. Станок опасно накренился. Огромная рваная рана в болоте дымила и медленно засасывала гигантскую лыжу. Все, кто был в сопровождении, бросились валить лес и таскать бревна, чтобы хоть как-то закрыть эту бездонную трясины. Но трясины проглатывала жадно стволы деревьев, словно они были не бревнами, а спичками. Трактора изо всех лошадиных сил натягивали троса, пытаясь удержать равновесие станка. Их обреченный рев, казалось, затопил все уголки болотного и таежного пространства.

Срочно нужна была подмога в людях и технике. До Белоозера оставалось километров двадцать, и Андрюха Чеканов вызвался ехать туда на вездеходе.

Вечерело, быстро сгущались сумерки, начиналась метель, но медлить было нельзя. Андрей гнал гусеничный вездеход на предельной скорости.

Плохо накатанный еще зимник бы коварен. На нем то и дело попадались, словно надолбы, вывернутые колесами и морозом стволы.

Заляпанные торфяной грязью фары светили мутно, и видимость была почти нулевой.

Вдруг машину сильно потрянуло и на полной скорости сбросило с дороги. Андрей ударился головой о стойку и на какое-то время потерял сознание.

Когда он очнулся, вездеход, медленно погружался в жадно чавкающую трясины. Чекан едва успел выбраться через пассажирскую дверь, иначе попал бы в ловушку. Дверь почти сразу скрылась в черном торфяном месиве.

Было уже совсем темно. Болела от удара голова, левую ногу тоже пронзала острая боль.

Но идти с большим трудом было все-таки можно. И Андрей пошел, преодолевая себя и боль. Шел шаг за шагом. Шел час, второй...

Слава Богу, метель прекратилась. Высыпали на небо колючие звезды, стало светлее, и хвост Большой медведицы показывал путь. На минуту Андрей остановился перевести дух. Стояла невероятная, первозданная тишина: ни звука, ни шороха. Мир словно оцепенел от холода.

«Только дойти, только хватило бы сил!» – заклинал Андрей, шагая ледовой дорогой.

Рядом с дорогой меж чахлах болотных сосенок в свете звездного неба краем глаза заметил он неясные тени, которые будто бы двигались вместе с ним. Он не понял сразу, что это за тени, думал поблазнилось в глазах от боли и усталости. Но скоро тени стали все явственнее. Они скользили уже совсем рядом. Их было много. Очень много...

Теперь он слышал скрип снега под лапами, прерывистое дыхание и щелканье зубов. Огромные полярные волки шли рядом с ним, выбирая лишь момент для нападения.

«Вот и все! – подумал Андрюха с каким-то отчаянным спокойствием. – Сейчас вот этот ближний бросится на меня, собьет в снег и начнет рвать горло. И нечем оборониться, нечем отбиться... Наутро только окровавленные лохмотья будут валяться на снегу. Нечего будет и похоронить...».

Волки подступали все ближе. Андрей слышал уже их приглушенное рычанье. Одно резкое движение, и они бросятся в атаку.

Ноги его, то ли от усталости и боли, то ли от обреченности, ослабли и стали подгибаться. Он медленно опустился на дорогу.

«Зачем это все было? – горько свербело в мозгу. – Зачем родился, зачем жил? Ничего по за себе не оставил. Ни детей, ни дела... Родился, чтобы вина попить, что ли?..».

Он уже сидел на дороге, не чувствуя холода. Волки тоже остановились и сели, не сводя глаз со своей жертвы.

«А там, в болоте, пропадают сейчас друзья. Без помощи, без поддержки, – подумал Андрей. – Если бы они сейчас были рядом, так где была бы эта серая стая. Волчары. Только и могут нападать на одиночек».

И тут он почувствовал, что рука опирается на ствол дерева, расщепленного гусеницами. Это была береза. В руки попался большой кусок коры.

«Вот оно спасение! – обрадовался Андрей. – Теперь я не сдамся».

Он вытащил из кармана коробок со спичками и вздул огонек. Береста ярко занялась, сузив мир до расстояния вытянутой руки. Но теперь Андрей увидел то, что ему нужно.

Он стал отдиравать от дерева бересту целыми пластами, распахивая по карманам. Обломленная ветка согнулась на ручку берестяного факела. Андрей зажег его и поднял высоко над головой.

Он увидел, как волки, вспыхивая глазами в свете горячей бересты, стали отступать.

Андрей поднялся и пошел вперед. Ему казалось, что боль уже не была такой резкой, что силы его удвоились.

Через час он вышел к вагончикам будущей буровой, и тут силы оставили его. Залаявшие собаки разбудили монтажников, и Андрея на руках втащили в тепло, влили в обмороженный рот стакан спирту.

– Ребята! – прохрипел Андрей. – Гоните по трассе с тракторами. Буровой станок тонет в болоте. Там ждут!

...Станок общими усилиями втащили и скоро доставили на место.

Горячие будни

С каждым месяцем росла добыча нефти. На буровых разгоралось социалистическое соревнование за проходку в год на бригаду не менее 100 километров.

– Так мы и до Америки, того гляди, добуримся, – удивлялись нефтяники небывалым темпам.

За две недели буровики на Белоозере углубились на полтора километра. Ребята, сдав смену, хотя и валились от усталости с ног, уходить на отдых не спешили. Ждали со дня на день нефтяных проявлений.

Однажды Чекан, придя в балок, упал на постель, не имея сил снять сапоги. Так и уснул, не раздеваясь.

Проснулся на утро, словно вынырнув из глубокого омута. В балке за перегородкой кто-то был еще.

Молодой не окрепший еще голос восторженно докладывал:

– Бригадир Пирогов уже две смены не уходит с буровой. Глаза провалились, светятся, как уголья: «Ребята, говорит, нутром чувствую, будет фонтан! Ради этого момента готов работать день и ночь!».

– Дурак этот твой Пирогов, – отвечал ему грубый прокуренный голос. – Если бы за сверхурочные раза в два-три больше платили, я бы, может, пошел. А так я палец о палец не ударю. Мне эта мишура с обязательствами, барабанным боем – до фени.

Андрей узнал по голосу этого человека. Это был Иван Россомахин, угрюмый малый с тюремным прошлым, приехавший на Север за длинным рублем. В бригаде его не любили за леность и жадность, но избавиться от него не удавалось. Ждали: сам уйдет, не выдержит испытаний Севера.

Вторым был молодой парнишка Гришка Сычев, глядящий на мир восторженными глазами. С Иваном они были из одной деревни, и тот не упускал случая обратить земляка в свою веру.

– Так чего же ты работаешь. Уходи туда, где полегче! – отвечал ему Гришка.

– А где я еще столько зашибу. Вот придет весна, скоплю бабок и куда-нибудь к морю закачелюсь. Там со всего Союза телки пасутся. С деньгами-то любую завалю. А то тут полгода без баб. Что на зоне, что на буровой...

– Да, девчонок не хватает, – согласился Гришка.

– Ха-ха-ха! – зашелся надсадно Иван. – Девчонок. Ты хоть с бабой-то бывал? Давай-ка со мной махнем под пальмы юга. Я тебе покажу, как жить красиво...

– Пошли на смену-то! – звал Гришка земляка. –
Время.

– Я сегодня не пойду. Скажи там бригадиру, что болею.

– А как же ребята?

– Мне с этими лохами не детей крестить! И так тут полгода уже свету белого не видно. Мастер этот достал.

Андрей не выдержал, поднялся с постели, вышел за перегородку.

– Ты, друг, кончай филонить. Или работай, как все, или мотай отсюда на все четыре стороны.

Россомахин качнулся было навстречу Андрюхе, растопырив пальцы.

– Тебе-то чего надо, Чекан? Чего лезешь? Тебе тоже больше всех надо?

Андрей вызов принял и крепко ухватил Россомахина за плечо.

– Выходит, надо.

Глаза их встретились. У одного во взгляде было презрение, у другого – неприкрытая ненависть.

Иван первым не выдержал взгляд и, дернув плечом, вывернулся и вышел из балка, на ходу роняя угрозы.

Иван с Гришкой заступали на смену.

Станок работал на средних оборотах, ждали скорого выхода на нефть, поэтому бурили с осторожностью, опасаясь высокого нефтяного давления.

Однако Россомахин резко добавил оборота дизелям.

– Ты чего, Иван, – попытался остановить его Гришка. – Не велено гнать. Выбросить может.

– Отстань! – оборвал Россомахин. – Не то получишь по рогам. Мне деньги нужны...

...К вечеру на буровую приехал Курбан. Осмотрел образцы кернов, повеселел.

– Нефть рядом. И похоже нефти будет много.

Вечером пили чай в бригадном вагончике.

Курбан увидел на стенке цветной портрет заморской красавицы, кивнул на бумажную девицу:

– Скучаете по женскому теплу? Да в нашей профессии приходится о женщинах надолго забывать. Но скоро мы построим рядом со скважинами современные города и нефтяники, газовики, геологи не будут оторваны от семей.

– Скорей бы уж...

– А вот ты, Курбан Салманович, много где бывал. Как там за границей с женщинами? Говорят, там свободная любовь? – приступились к Курбану буровики.

– Это, смотря, где как. В Голландии, например, женщин покупают, как скот. Там у них специальный розовый квартал есть. Идешь, как по выставке, а девицы в стеклянных кабинках сидят... Плати деньги, и она твоя... На час.

– А ты, Курбан Салманович, не покупал?

– Я? Нет, – протестующе поднял руки Курбан. – Я человек. Я нэ могу пакупать женщину. Женщин надо любить. И хорошо, если тебя тоже любят.

А вот расскажу я вам лучше, как мы с Аюбом Тагиевым попали в одно горное селение в Непале.

Там горы, земли мало. Слыхали когда-нибудь о террасном земледелии? Так вот в горах расчищены от камней такие небольшие поля, с них непальцы и кормятся. Земля передается по наследству от матери старшей дочери. Там матриархат...

– Во как? Бабы командуют? – поразился кто-то. Но тут, другой, видимо, опытом умудренный, добавил:

– Ну этим нас не удивишь...

– Так вот, – продолжал Курбан, – попали мы в одно горное селение. Принимали нас шикарно. В доме был накрыт стол, в центре за ним на корточках сидела красивая женщина в шелках, и вокруг нее, как тени, сновали мужчины. Нам объяснили, что она и есть хозяйка дома, а прислуживают ей мужья.

– Не фига себе? – поразился молодой буровик. – Это бы батька мой... – он не договорил.

– У этой дамочки было четыре мужа. Они жили в маленьких клетушках рядом со скотом и справляли всю работу по хозяйству. И если кто-то начинал лениться, то хозяйка могла его тут же рассчитать: даст в качестве выходного пособия козленка – и на выход... Желающих жениться на ней хватает...

Мало того, к ней по пятницам еще и любовник из соседнего селения ходит. Придет, посох поставит у дверей с таким особым набалдашником – сигнал для мужей – занято... Они и не тревожат.

Приехавшие с Курбаном две каротажницы, женщины уже зрелого возраста, ахнули:

– Вот это жизнь!

– Э-э, дарагие, нэ спешите с выводами. Надо знать, что в таких правах только старшая дочь. Вторую отправляют в монастырь на случай болезни или смерти старшей, а все остальных девочек при рождении умерщвляют. А иначе нэ хватит земли. Не прокормиться будет!

Народ в вагончике ахнул.

– Ну это какая-то дичь!

– Потому-то в Непале мужчин больше, чем женщин. Мужчины, считаются лучшими воинами, готовыми отдать жизнь в любую минуту. У королевской семьи в Англии непальцы в охране.

– Да оно и понятно, кому такая жизнь дорога!

– А вот в Африке, – я слышал, – сказал Андрей, – есть такое племя, где женщины в присутствии мужчин могут находиться только стоя на коленях...

– Уважают!

Обсудить взаимоотношения полов в африканском племени не успели. В районе буровой раздался сначала тугой хлопок, словно выбило пробку гигантской бутылки с шампанским, а вслед за этим все пространство наполнил мощный гул, переходящий в рев, от которого стали сотрясаться стекла в вагончике.

Народ бросился на волю. Огромный черный, ревуций и грохочущий фонтан подпирал сумеречное небо.

Вокруг вышки метались растерянные люди. Андрей Чеканов вместе с Курбаном побежали к буровой. Андрей увидел, как в сторону леса убегал Иван Россомахин. А им навстречу выскочил Гришка Сычев и остановил, раскинув руки:

– Стойте! Туда нельзя! Может в любой момент рвануть.

– Что случилось! – схватил его за плечо Курбан.

– Давление! Сумасшедшее давление! Все выкинуло и долото и обсадные трубы...

– Пробовали перекрыть задвижку?

– Не получается. Не хватает сил.

– Пойдем вместе! – решительно махнул рукой Курбан.

– Я с вами! – Андрей Чеканов шагнул вслед за ними по направлению к ревущему фонтану.

– Срочно вызывайте аварийную службу! – крикнул Курбан своим каротажницам, и трое смельчаков шагнули в черный нефтяной водопад, извергающийся с небес.

Нефть шла с сопутствующим газом. Курбан видел, как на извергающемся фонтане бьется светящийся шарик статического напряжения, который вот-вот мог воспламенить газ, а вслед за ним и нефть. И тогда они стоят в этом, все пожирающем адском пламени в считанные минуты, и не останется от них даже обгорелых косточек.

Но страха не было. И видимо, не было страха за себя и у его товарищей. Был страх за буровую, за дело, которое потребовало уже столько сил.

Курбан видел краем глаза, как изо всех вагончиков бегут к буровой люди, презрев страх.

Они налегли втроем на вентиль задвижки, пытаясь повернуть ее, но руки и вентили были облиты нефтью, под ногами тоже была нефть, и невозможно было упереться и приналечь, поскольку ноги скользили... Еще чуть-чуть, еще минута-другая и прогремит взрыв. Но тут со всех сторон протянулись к вентилю руки друзей. Он шевельнулся и нехотя пошел, укрощая бушующий, вырвавшийся из подземелья фонтан дремлющего огня...

Фонтан удалось укротить. Расчеты показывали на гигантские запасы нефти. На геологов и буровиков посыпа-

лись правительственные награды. Вместе с ними ликовала и вся страна.

И только одного человека недосчиталась буровая. Вместе с вырвавшимся на волю необузданным фонтаном исчез Иван Россомахин. Исчез, как будто и не было его на буровой, растворился, как сон, как призрак...

Новый облик

На очередном заседании бюро райкома партии вне повестки дня выступил начальник милиции. Он был обеспокоен тем, что в районе лавинообразно растет число дорожно-транспортных происшествий.

Критика была направлена в адрес начальника строительства Караваяева. Именно его техника попадала в аварии.

Караваяев реагировал совершенно спокойно на выпады милиции.

– Как им не расти, если вы даете анализ в сравнении с прошлым годом, когда здесь кроме собак и оленей по тайге ничего не ездило... Если есть техника, есть и аварии. Не будет ее – и аварии прекратятся.

– Не шутите так, – остановил Караваяева секретарь, – аварийность на дорогах действительно высока.

– Это потому, что водители пьянствуют за рулем, – подсказал кто-то из членов бюро. – Нужно ставить решительный заслон пьянству.

Надо сказать, что на первых порах освоения Западной Сибири, когда вместе с теми, кто хотел испытать себя Сибирью и оставить по за себе добрый след, хлынул сюда девятый вал авантюристов, искателей легкой поживы, стремящихся зашибить большой рубль... Бывшие зеки, вербованные, «перекати-поле» слетались в Сибирь, словно мухи на мед.

Но мед оказался горек и труднодоступен. От этих искателей длинного рубля, прежде всего, и шло пьянство и пьяные разгулы, пресекать которые не всегда во время удавалось.

– Вчера в поселок нефтяников вернулся со строительства лежневки бензопильщик Пивкин, ранее судимый. Пили в вагончике с плотниками-бетонщиками. Заспорили. И кто-то, видимо, достал нож и показал Пивкину, угрожая, – продолжал начальник милиции. – Так этот Пивкин говорит: «Я сейчас со своим ножом приду».

Ушел, завел бензопилу. Плотники услышали, заперлись в вагончике. Так он, подлец, железную дверь бензопилой распилил и в вагончик проник. Правда, там уже никого не было, вылезли в форточки.

– Я своими глазами видел, как этот Пивкин из горлышка целый флакон одеколona выпил, потом схватил воробья на лету и закусил им. Прямо с перьями, – подлил масла в огонь Карavaев.

Бюро загудело.

– Прямо-таки вестерн какой-то! – воскликнул Богатырев. – Дикий Запад, понимаешь!

– Ну Запад не Запад, а Западная Сибирь! – опять встрял Карavaев.

– Ну а что же это ты, Василий Петрович, ерничаешь. Твои люди пьют, совершают правонарушения, дебоширят, а ты как-то отстраненно об этом говоришь: мол, я не я и лошадь не моя.

– Это я-то отстраненно? Да я с этой проблемой каждый день один на один бьюсь. Из-за этого пьянства у меня план под угрозой. Вы, конечно, правильно, товарищи, возмущаетесь, – поддержал собрание Карavaев. – Но что я могу поделать с таким контингентом. Их не перевоспитать. Но, помяните мое слово, скоро их не будет, они, как весенний снег, растают. Им наши условия не по нутру.

– Мы не можем, к сожалению, ждать, пока эти люди исчезнут с наших строительных площадок. Пока они тут, они могут наделать бед. Надо работать с кадрами, – поднялся первый. – И арсенал воспитательных средств у

нас для этого есть немалый. Давайте-ка вспомним о них, вспомним, что каждый человек нам интересен и дорог... Надо использовать и моральные, и материальные меры...

– Да уж, у нас так повелось, что мы ходим за каждым пьяницей и уговариваем его: Ванюша, золото, выйди на работу, отвяжись от стакана... – подал реплику Караваев.

– А вы слышали, как Пчеленко своих нефтяников от пьянства отучал? – спросил кто-то из членов бюро.

Все засмеялись. История эта действительно была на слуху у всей Сибири.

– У нас такого катера нет, как у Пчеленко, – заключил Королев.

...Пчеленко, главный нефтяник Тюмени, не признавал алкоголь ни под каким видом, хотя подчиненным своим выпить стопку-другую не запрещал. По крайней мере, смотрел вроде бы на это сквозь пальцы. Но и этого терпимого человека однажды допекло.

Владимир Иванович начал борьбу с пьянством собственными и весьма оригинальными методами. Однажды он возвращался со своими коллегами из Сургута с большого совещания по Оби на персональном скоростном катере. Катер был большой, комфортабельный, со многими каютами, кают-компанией и буфетом. Как не отдохнуть с коллегами и друзьями после тяжелых трудов, как не расслабиться, если тебя везут со всеми удобствами.

Послали парламентаров испросить у Пчеленко разрешения на чарку другую. Большой шеф не возражал. Но где же мера у русского человека. Нет ее. У русского человека – душа мера. И загудел, забурлил командирский катер... Кто и как спать по каютам распозлся – не помнят.

А Пчеленко тем временем, огорченный безудержным пьянством своих подчиненных, пошел по каютам и собрал у безмятежно отдыхающих всю одежду и обувь, отнес ее в кладовую и запер.

Наутро проснулись нефтяники с тяжелыми головами, потянулись за брюками – нет брюк, стали искать рубахи, и рубах нет. И носков нет, и ботинок...

Все каюты обшарили, весь катер – никаких признаков одежды не обнаружили.

Но как-то неудобно в одних трусах перед начальством, тем более, вот-вот город покажется, надо на берег сходить. А как в таком виде сойдешь?

Опять делегацию к Пчеленко отправляют. Он один трезвость хранил, все видел, все помнит.

Приходят к Владимиру Ивановичу. Докладывают: так, мол, и так, нет нигде одежды. Может он чего скажет.

И сказал: «Вы, говорит, вчера так накушались, что стали все с себя снимать, в узлы вязать и устраивать состязание стали: кто дальше в узле свою одежду с борта в воду бросит. Я хотел было остановить, но куда там! Так все и побросали».

Слушали нефтяники своего большого шефа и не знали, верить ему или нет. Кому это и в голову-то пришло? Хотя каких чудес по пьянке не бывает.

Но тут еще и подхалим объявился, поддержал начальника: «Точно, – говорит, – я видел, как бросали».

Закручинились мужики пуще прежнего.

«Чего же нам делать-то, Владимир Иванович?» – «Вот уж не знаю. Вы меня не слушали, когда бросали. Идите в рубку, связывайтесь с домашними, пусть они вам какую-нибудь одежку на причал принесут. А то и правда в трусах-то одних – позорище»...

Пошли в рубку стали вызывать домашних. Было смеху-то.

Потом уж на следующий день отдал Пчеленко одежду своему водителю, чтобы развез по адресам. С тех пор такого безудержного пьянства в ведомстве Пчеленко не было.

И вот на бюро Кондасского райкома партии искали решение назревавшей проблемы.

Поднялся Юралов:

– Один мой старый мудрый товарищ в свое время дал нам наказ: «Никогда не боритесь «против». Это пустое и вредное занятие. Бороться нужно только «за». Давайте будем бороться за трезвый образ жизни.

– Правильно, Василий! Откровенно говоря, все мы тут виноваты, – встал из за стола комсомольский секретарь района Дима Петров. – Поглядите, нечем молодежи после работы заняться. Ни тебе клуба, ни телевизора, в кино сходить некуда...

– Что верно, то верно, – вздохнул Богатырев. – Стыдно должно быть нам. Нефть стране добываем, нефтепроводы строим такими темпами, города возводим, контор понастроили, а о самом насущном позабыли.

– Есть предложение объединить усилия и своими силами построить настоящий Дворец культуры.

– И телевизионный центр! – Караваев при этих словах прихлопнул по столу ладонью, как припечатал.

Все обрадовано и взволнованно загудели. Но тут же нашлись и скептики.

– Где деньги на стройку возьмем? – засомневались финансисты. – Ни в одних титулах такой стройки нет. Ни у геологов, ни нефтяников, ни у газовиков, ни у нас, тем более... Тут же проверяющие и возьмут на жабры, потащат на чистую воду...

– А мы попросим поддержки в обкоме. Думаю, нас поймут. А потом мы используем метод народной стройки, мы поднимем людей на субботники и воскресники. Не забывайте, вместе мы сила! – поставил точку в дискуссии Богатырев.

Расходились в приподнятом настроении.

– А Вас, товарищ Караваев, я попросил бы остаться, – остановил Богатырев начальника «Нефтегазстроя».

– Слушай, Петрович, – перешел Богатырев сразу же на доверительный тон. – Слово-то не воробей. Как строить будем? Если у тебя какие-либо к этому ресурсы.

Караваев задумался.

– Все равно придется идти на нарушения. Там вверху, – он поднял палец к потолку, – им трудно что-либо объяснить. Весь упор на производство. Культура, говорят, не наша сфера. Нагоняй будет. Могут даже под суд отдать. Но ради общего дела можно и пострадать.

– Говори свои соображения...

– Если вместо склада построить Дворец культуры. А? Провести по документам, как склад, а построить ДК. Что склад? Одним больше, одним меньше. Это не имеет решающего значения. А вот ДК... Ну уж если что – прикройте!

– Прикроем, Петрович! Это я тебе гарантирую. Рядом с тобой на скамью сяду, если что, – засветился весь Богатырев.

– Ну и остальных нужно подключать. Геологов, дорожников, речников, сами люди выйдут на воскресники и субботники. К осени первый концерт смотреть будем. Лучших артистов из Москвы вызовем!

Главный строитель

Василий Петрович Караваев был человеком среди нефтяников легендарным. Высокого роста, крупный, почти квадратный лоб, густые брови, словно два глухариних крыла, из-под которых то весело, то насмешливо сверкали голубые глаза.

Вернее один глаз, потому что второй был у Караваева искусственным, стеклянным. Глаз Василий Петрович потерял в детстве. Мимо их села Пречистого, под Вологдой, во время войны нескончаемой чередой шли на Запад эшелоны с техникой, вооружением, боеприпасами и живой силой. Иные останавливались, и несмотря на охрану, бывали обследованы ребятишками. Потом врачи областной больницы дадут этому явлению исчерпывающее название Пречистенский фронт. На этом фронте, испытывая в поле противопехотную гранату, и пострадал Вася Караваев, лишившись глаза.

Но это обстоятельство, похоже, не смогло лишить его неистребимой жизнерадостности. Или это уж время такое было, время победителей, когда юный подросток, потерявший на войне родителей или близких, переживший нужду

и стужу стал в дальнейшей носителем кипучей дерзновенной энергии.

Как носитель деревенской традиции и культуры Василий Петрович Карavaев, когда в душе уж слишком много накапливалось негатива, когда не решались те или иные проблемы на производстве, брал гармонь:

*«А вот она и заиграла
Двадцать пять на двадцать пять!
Вот она и загуляла
Наша молодость опять!».*

При этом раскатистый голос его рычал медведем и подходить в такие минуты к Карavaеву было страшно:

*«Нас нигде не зажимали,
Не зажмут меня и тут.
А зажмут да похоронят,
По могиле не пройдут».*

Кто видел и помнит деревенские прежние гулянья, тот поймет, о чем идет в этой частушке речь.

Вот идет по дороге в соседнюю деревню ватага крепких, отчаянных ребят человек в пятьдесят, а может и сто. Под гармонь, с уханьем и гиканьем, боевыми частушками и присвистом. Железные тросточки их волочатся по камнеху, высекая искры, в руках цепочки играют, гирьки...

Очевидцы рассказывали, что во время второй мировой войны нередки были случаи, когда наши бойцы ходили в психическую атаку против немцев с гармошками. По флангам и в центре шли гармонисты, играя или вологодскую «под драку», или уральскую «мамочку» или тверскую «бузу». Говорят, на немцев эти атаки производили непреодолимый ужас.

Боевой дух в деревне был высок, и вряд ли мог появиться в пределах ее чужак и повести себя оскорбительно в отношении ее жителей. Расплата наступала мгновенно.

Массовый героизм, проявляемый нашими ребятами на всех фронтах, объяснялся вовсе не заградотрядами, про которые все пытаются рассказать правдолюбцы, а внутренней дерзновенной энергией народа...

У Караваяева все эти качества были, видимо, впитаны с молоком матери. Его дерзновенный характер, готовность дать отпор любому, невзирая на ранги, сочетались с добродушием, добросердечием и гостеприимством.

Отец его был профессиональным портным, обшивавшим всю округу. При колхозах его избрали первым председателем. Во время деревенских праздников он сам готовил пиво и еду на огромное количество гостей из других деревень. А на сеновале устилалась постель на полторы сотни человек. И спали там и парни, и девки, и дети, отцы и матери, старики и старухи. Какие веселые это были ночи, какое количество баек и историй было рассказано, какое великое чувство родства, одной великой семьи...

Независимый и дерзкий характер доставлял Караваяеву немало хлопот. Его то и дело куда-то вызвали, за что-то ругали. Понижали, переводили. Только вот на Севере он задержался, поскольку его талант строителя, когда требовалась самостоятельность и решительность, давал здесь наилучшие результаты.

Последний раз Василий Петрович расстался с должностью начальника треста два года назад, работая в соседнем районе.

В район приехала тогда целая группа руководящих товарищей во главе с отраслевым министром. Караваяев должен был организовать не только показ всего строительного комплекса, но и охоту на уток.

Стройка у начальства серьезных нареканий не вызвала, но начальству от Караваяева досталось за несогласованность поставок оборудования, просчеты финансирования.

И вот охота на утренней тяге. Министр стоял недалеко от Караваяева. Утки налетали с его стороны. Они шли плотными косяками. Министр стрелял и по одиночному, и дуэтом, но ни одной птицы не упало на воду. А утки, напу-

ганные выстрелами, ложились на правое крыло и уходили из-под выстрела Караваева.

Пропала охота, когда собрались у костра и выпили по случаю хорошей погоды, Караваев, более огорченный не охотой, а неувязками в строительном деле, тут и выдал безо всяких обиняков:

«Какой ты министр к хренам собачьим! Ты даже не охотник! Распугал нам всю дичь!».

У бывших рядом начальственных особ областного масштаба ложки изо ртов повыпадали от такого нахальства.

«Что? – побагровел министр. – Что ты сказал?».

«А вот то и сказал!» – отрезал Караваев. И ушел, закинув двустволку за плечо, ломая камыши.

Надо сказать, что несколько лет спустя Караваева вызовут в Москву и предложат работу в качестве заместителя министра.

– А сколько здесь часов в день нужно работать? – спросил он наивно. В Сибири он работал, не считаясь со временем. Сутками работал.

– По закону. Восьмичасовой рабочий день.

Караваев оглядел заваленный бумагами стол.

– Нет. Я соглашусь только на четырехчасовой.

– Как так? – удивились. – По закону восемь.

Тогда Караваев достал стеклянный глаз свой и положил на стол.

– Вот видите, – сказал он лощеному столичному управделами, – разве я с одним глазом смогу управиться с такой горой бумаги. Согласен только на четырехчасовой день!

С тем и уехал обратно в Сибирь.

Глухаринная охота

Весна проникала на Шаман-озеро теплыми ветрами, тучами перелетной птицы, гомоном гусиных стай, которые ждали в двух-трех перелетах вскрытия больших рек и

малых речушек. Однако метельный февраль столько набил снега в таежные закрома и суметы, что казалось не только ласковая весна, но и жаркое лето не в силах будут одолеть его полутораметровый спрессованный морозами покров.

Однако все жарче пригревало днями солнце. Около столетних кедров начали протаивать лунки, но морозные утренники снова подавляли всякое движение к жизни и намертво заковывали снежную целину, которая выдерживала не только человека, но и крупного зверя.

А на глухариных токовищах уже всюю начинались любовные баталии. Город нефтяников, рождавшийся, словно утренняя заря, быстро и неудержимо, наполненный днем и ночью звуками стройки, рычанием бульдозеров, гулом самолетов, звоном строительных кранов, этот неугомонный младенец цивилизации слышал в короткие минуты пересменок, как из таежных глубин пробивается немудреная любовная песня самой древней на земле птицы – глухаря.

В такой вот солнечный день, когда весна пыталась лишь робко заявлять о себе, Константина вызвал к себе Русов.

– Есть на кого оставить на два-три дня буровую? – спросил он с ходу. – Тут у нас необычные гости из посольства Западной Германии. Просят устроить им охоту на глухаря. Сможешь?

– Рыбка да рябки – потеряй деньки! Жалко оставлять буровую, но раз надо, так надо, – Костя развел руками и широко улыбнулся. – На охоту и самого тянет, чего лукавить.

– Вот и отправляйся в гостиницу. Самого главного у них зовут Лехеном. Он австрияк. Говорит, что в армии был капралом, способен выносить самые нечеловеческие нагрузки. Но если хочешь, то возьми гэтэску, а я думаю, пешком будет больше впечатлений, – наставлял Русов. – На всякий случай, сильно их не нагружай.

Костя согласно кивнул головой.

Иностранцев было двое. Лехен – рыжий, метра под два гигант лет тридцати пяти, по фигуре и повадкам человек

тренированный, и его напарник Курт – двадцатипятилетний спортивного телосложения молодой человек.

Переводчицу Лизу решили на охоту не брать: не женское это дело шататься по тайге, тем более что Лехен плохо, но что-то понимал по-русски, что-то говорил...

На ток выходили с вечера. Костя надел длинные бродовые сапоги с мягкими фланелевыми портянками, свитер, поверх его легкую и теплую фуфайку.

У немцев было прекрасное вооружение и снаряжение, но фирменная охотничья одежда, состоящая из кожаных курток и коротких кожаных брюк с сапогами, привела Константина в недоумение.

Пришлось собирать амуницию на месте, переодевать немецких охотников.

– Нужно будет довольно долго идти по тайге, – предупредил Костя. – Поэтому одежда должна быть соответствующая задаче. Такие штаны у нас даже летом на танцы не оденешь – комары сожрут.

– Сколько нужно идти? – уточнил Лехен.

– Я обычно прохожу это расстояние за два часа. С вами мы пройдем его, – Костя еще раз оценивающе оглядел гостей. – С вами – часа за четыре, пять...

Этот оценивающий взгляд не ускользнул от внимания Лехена.

Он, в свою очередь, критически глянул на поджарую Костину фигуру и заявил:

– Мы тоже пройдем за два. Курт – чемпион земли Северный Рейн Вестфалия по бегу, я бывший капрал австрийской армии. Нам знакомы большие нагрузки, – сказал самоуверенно Лехен. Курт улыбался и согласно кивал головой.

– А я бывший сержант срочной службы Советской Армии, – засмеялся Костя. – Получается, что наши возможности равны. За два так за два...

На глухариную охоту выходили с вечера. Тайга началась сразу за гостиницей. На западе ярко догорал закат, погода обещала выдаться ясной с морозным утренником.

Поэтому лыжи были совершенно лишними. Можно было по насту легко скрадывать дичь, и по насту же успеть вернуться в город.

Костя шел впереди, прокладывая дорогу. Шел легко и ходко, хотя растряпший за день снег держал уже плохо, и временами он проваливался едва ли не до пояса. У немцев, особенно у грузного Лехена, скорость, в сравнении с Костей, была значительно ниже. Они то и дело натыкались на деревья, путались в зарослях, долго выбирались из снежного плена, когда проваливались сквозь наст. Приходилось все время притормаживать, дожидаться гостей.

Скоро совсем стемнело, на небо высыпали крупные звезды, подморозило, и снег стал держать увереннее. Однако они шли уже два часа, а до тока оставалось еще столько же. Видно было, что немецкие друзья изрядно устали.

Костя решил сделать короткий привал. Он быстро наломал лапника и бросил его к сосне, чтобы можно было сидеть. Немцы с благодарным молчанием приняли приглашение к отдыху.

Над тайгой поднялась луна, огромная, словно медный начищенный поднос, она поднялась над вершинами сосен и зависла, словно живое существо, разглядывающее свои владения.

Трое охотников у костра привлекли было ее внимание, но скоро они наскучили ей, и медный поднос луны покотился дальше в темное, освещенное лишь россыпями звезд, поднебесье.

Костя прислушался. Удивительно, но тайга словно вымерла. Не было слышно ни единой птицы, ни бормотания косачей, ни пересвиста рябчиков, глухари, точившие без усталости свои древние песни, словно растворились бесследно. Костя глянул на луну и все понял. На сияющем ослепительно лунном диске образовалась сначала темная точка, которая на глазах стала стремительно расти, и скоро лунный лик скрылся за непроницаемой пеленой мрачной тучи, сра-

зу же накрывшей весь мир. Почти тотчас пошел крупный дождь. Первый дождь наступившей разом весны.

Немцы озабоченно посмотрели на Костю.

– Весна да осень, на дню перемен восемь, – сказал, скорее сам себе, Костя, потому что немцы из этой сложной конструкции поговорки вряд ли что поняли.

– Дождь может продлиться долго, но может скоро кончиться. Угадать трудно, – попытался он разъяснить немецким охотникам ситуацию, – нужно или идти вперед или возвращаться.

– Нет, мы готовы принять эти экстремальные условия, – возразил тотчас Лехен. Курт согласно кивал головой.

– Тогда идем, не теряя времени, – поднялся Костя.

И они снова тронулись в путь. Идти становилось труднее с каждым шагом. Резко сгустилась тьма, хорошо еще белый снег отсвечивал меж деревьями и охотники ориентировались меж деревьев. Но дождь, усилившийся с каждой минутой, превратил еще полчаса назад державший худо бедно человека наст, в сплошную кашу, которая тут же проваливалась, едва человек становил на нее ногу.

Костя, разогнув броды, словно трактор прокладывал в снежной целине дорогу. Немцы натужно пыхтели сзади.

За час прошли с километр. По расчетам Кости, до глухариного тока оставалось при таких темпах часа два ходьбы, но немцы, похоже совсем обессилели. Лехен дышал с хриплым присвистом и что-то бормотал себе под нос.

Костя решительно взял у него ружье и рюкзак. Снова, как бульдозер, принялся прокладывать путь в снежной каше. Скоро дождь промочил его насквозь, в сапогах тоже хлюпала вода, одну низинку пришлось преодолеть едва ли не вплавь. От Кости густо валил пар. Наверное, так же парили и его попутчики, но в темноте этого не было видно. Лишь слышно было, как с языка Лехена срываются проклятия. Скоро начал тяжело дышать и Курт, вторя проклятия в унисон Лехену.

– О, майн гот! – услышал Костя мольбу за спиной. – Нужен привал! Капут!

– Нельзя останавливаться! Нельзя садиться в снег, – начал горячо возражать Костя. – Тогда будет настоящий капут. Я бы сказал по-русски, но при гостях нельзя.

Но Лехен уже лежал спиной на снегу, из-под которого проступала ледяная вода.

– Скажи, Костя, что будет. По-русски скажи, – стонал Лехен.

Костя увидел, что и Курт изнеможенно опускается рядом с Лехеном в снег.

– Если хочешь, то по-русски это называется полный... кирдык! А ну вставайте, кипит твое молоко на моей керосинке! – заорал Костя на всю тайгу.

Крепкие русские выражения, кажется, подействовали. Немцы начали нехотя подниматься. Костя отобрал ружье и рюкзак у Курта, и, сгибаясь, под тяжестью трех ружей и трех рюкзаков снова врезался в снежную целину.

– Ну, Иваныч, – беззлобно ворчал он, – ну удружил, устроил охоту! Самого бы сейчас сюда!

А немцы пыхтели сзади, повторяя как заклинание:

– Полный кирдык! Полный кирдык!

Как ни тяжело было Косте, но все же он расхохотался.

...Потребовалось еще часа полтора, чтобы добраться до тока.

Костя быстро нарубил лапника, набросав его толстым слоем на снег, навалили сушняка, запалил костер, повесив над ним сразу два котелка: один для чая, другой для кулеша.

Пока закипала вода, заставил немцев снять с себя всю одежду и развесить ее на вешалах. Сушить пришлось все, вплоть до кальсон.

Когда закипел на костре кулеш из крупы и тушенки, бивуак уже был полностью Костей обустроен. Голый русский сержант носился, как призрак вокруг костра, наливая горячий кулеш в кружки и готовя таежный чай, который больше, чем на половину, состоял из чистейшего спирта.

– Что это? – со страхом спрашивал Лехен, держа дрожащими руками предложенную Костей кружку.

– Пей! Это русский пунш!

С первого глотка Лехена перекосило.

– Не могу!

– Пей, Лехен, одним махом. Пей, а то погибнешь здесь в тайге.

– И ты, Курт, пей! Мне не вынести вас!

Немцы выпили Костину адскую смесь и замерли в ожидании результата. Первым пришел в себя Лехен:

– Костя, почему елки качаются? Ветра нет.

После пунша Костя напоил любителей русского экстрима горячим кулешом, заставил надеть просохшую одежду и уложил их на лапник, укрыв сверху предусмотрительно захваченным с собой брезентом.

Через пять минут измученные гости уже храпели. Костя усмехнулся и принялся хлопотать по хозяйству, поправил костер, не спеша попил кулеша, чая, проверил снаряжение. Дождь прекратился. Часа через полтора уже нужно было выступать к току.

Константин, натянул на себя горячую одежду и тоже нырнул под брезент.

Рядом с ним мирно похрапывали люди, чьи отцы пришли в сорок первом на нашу землю, стараясь огнем и железом подчинить себе волю русских людей. В этом огне сгинул Костин отец. И тогда, в ту голодную и холодную зиму повзрослевший разом Костюшка дал клятву отомстить врагу за смерть отца.

Он трижды пытался сбежать на фронт. Он добирался до первой железнодорожной станции, пытался сесть в вагон, увозящий на фронт бойцов, но всякий раз его останавливали и возвращали домой.

Однажды через их село прогнали колонну немецких военнопленных. Изможденные лица, затравленные взоры, серые изодранные шинели...

Почти сразу за селом поставили столбы, обнесли территорию колючей проволокой, сколотили бараки.

Немцы работали на заготовке леса. Ребятишки, набрав камней, ходили к зоне мстить ненавистным фашистам, пуляя в них из рогаток. Но однажды Костя увидел, как большой рыжий немец, которого Костя, казалось, ненавидел больше всех, плакал, сидя на бревнах, разглядывая фотографию. Наверное, он вспоминал свою семью и своих детей.

И что-то вдруг разом изменилось в Костином сознании, вместо жгучей ненависти к этому рыжему конопатому врагу, он почувствовал ворохнувшуюся под сердцем жалость. Вечером он принес к колючей ограде несколько картошин, сэкономленных за столом, и окликнул рыжего немца, катавшего крючком тяжелые бревна.

Немец настороженно подошел к заграждению, Костя протянул завернутые в газету картошины и бросился со всех ног бежать, чтобы кто-либо из его сверстников не увидел костюшкиной слабости.

И вот сейчас он лежит рядом под одним брезентом с наследниками бывших врагов, доверивших свои жизни сыну убитого их отцами отца. Костя прислушался к своим чувствам, и кроме ответственности и сострадания к этим людям, привыкшим к комфорту и благам цивилизации, в своем сердце ничего не услышал.

Через час он уже был на ногах, готовил завтрак и чай, слушая рассветную тайгу.

Дождя не было совсем, но небо все еще хмурилось, облака тяжелым покрывалом укутывали небо. Чуть забрезжили серые сумерки, когда Костя стал поднимать охотников.

До десятка глухарей уже токовали на болоте, вышаркивая свою любовную песню.

Курт и Лехен, услышав диковинную песню, преобразились. Азарт охотников заставил их подняться от нагретых постелей в холодное сумрачное утро.

На скору руку перекусили и опять тронулись в путь. До глухарей было минут двадцать напряженной ходьбы.

Наконец Костя, шедший впереди, замер, вслушиваясь в глухариную песню.

– Кечи, кечи, кечи... – выщелкивал глухарь первое колено своей песни, при котором охотнику полагалось стоять недвижимо, чтобы не выдать себя осторожной птице.

Но вот глухарь начал вышаркивать второе колено, похожее на трение камня о камень – не зря, видимо, говорят, что птица эта пришла к нам из каменного века, – и вновь двинулся вперед. Пока выводит глухарь самозабвенно это колено, к нему можно хоть на танке подъезжать – не услышит.

Наконец на фоне сереющего неба четко прорезался профиль первой птицы. Костя пропустил вперед Лехена. Еще в гостинице Костя инструктировал немецких охотников, как нужно скрадывать глухаря, как замирать, когда закончится второе колено, забывая о том, что нога попала в колдобину, что ледяная вода заливает твои сапоги...

Лехен начинал подбираться на выстрел к таежной, красивой птице, расправляющей тяжелые крылья и вытягивающей шею, увенчанную гордой головой, на фоне утреннего неба.

Грохнул выстрел. Глухарь встрепенулся и тяжело нырнул с ветки, распластав крылья. В то же мгновение крылья подхватили его и понесли в сторону сосновой гривы.

Костя, шедший сзади, поднял ружье и тут же лопнувший над болотом второй выстрел, свалил огромную птицу на снег.

– Это полный кирдык! – возопил во все горло Лехен, и Костя подумал, что научил на свою голову немца ругаться, что теперь он будет к месту и не к месту применять эти неприличные слова в обиходе: «Вот, скажут, пообщался с русским, нахватался гадостей!»

Следующим был Курт. Ему тоже с помощью Константина удалось завалить глухаря и оба они, счастливые, сфотографировались с трофеями в уже набравшем силу свете.

Сам Костя не стал бить птицу. Лишних семь-восемь килограммов в рюкзаке были ни к чему. И точно, тяжелые тучи заволокли небо и снова пошел крупный прямой дождь, не оставляя надежды на ясную погоду.

— Костя? — с надеждой спрашивал Лехен. — Есть ли отсюда ближняя дорога?

— Увы, — отвечал расстроенный Костя, — до ближайшей буровой десять километров и этот путь, хочешь — не хочешь, нам предстоит пройти.

И снова, прежде чем тронуться в обратный путь, отобедали, отчаевничали, просушились у костра.

И снова Костя встал впереди, пробивая дорогу к дому. Снег совсем уже размяк, превратившись в ледяную кашу, каждый шаг давался с трудом.

За два часа пути они прошли не более двух километров. Костины спутники были уже без сил. Пришлось останавливаться, палить костер, пить крепкий сладкий чай, сушиться...

Еще через пару часов Лехен начал падать. Вода была и сверху, и снизу. Вновь останавливались, сушились. На этом привале Курт и Лехен вынули из рюкзаков трофейных глухарей и со слезами положили их под елку. Нести добычу более не было сил.

Скоро Константину пришлось забрать у немецких охотников ружья, которые они тоже были готовы оставить в тайге. Потом пришел черед рюкзакам.

Теперь немцы шли вперед, Костя, навьюченный словно верблюд, размеренно и, казалось, неустанно шел тяжелой поступью сзади.

И тут вспомнилось такое, отчего Костина усталость словно улетучилась. Бабка хранила в сундуке желтую вырезку из газеты и с нею три дедовых Георгиевских креста. Было это еще в первую мировую войну. Войну с германцем, как говаривала бабка. В заметке той было написано, что разведчик Селиван Пирогов, возвращаясь с задания из тыла противника, обнаружил на по-

ляне под стогом обедающих немцев числом в семь или восемь человек. Будучи человеком решительным и смелым, он вышел из леса и громким командным голосом отдал приказ: «Первый взвод с правого, второй с левого фланга, окружай. При сопротивлении – стрелять на поражение».

А сам подошел к немцам, скомандовал «хенде хох!», спинал в кучу оружие, чтобы врагу не дотянуться до него было, и приказал одному из немцев обрезать у товарищей пуговицы со штанов.

Так и привел в распоряжение своей части всех восьмерых или семерых. Те всю дорогу шли и держали руками штаны. Без штанов-то далеко не убежишь даже под страхом смерти...

...Прошли еще километра полтора. И снова немецкие охотники начали спотыкаться и падать со всего размаха прямо в воду. Ноги вовсе не держали их. И снова Костя рубил лапник, валил сушняк, кипятил чай.

До дому было уже недалеко. Слышен был лязг буровой, звон обсадных труб и долот, рычание тракторов. Однако немецкие охотники уже не в состоянии были подняться на ноги. Бедный австрийский капрал Лехен вытащил из нагрудного кармана фотографию жены и, глядя на нее полными слез глазами, повторял:

– О, моя Лизабет! Полный кирдык!

– Ждите меня здесь! Я скоро вернусь, – наказал им Константин и налегке отправился на шум города, рождающегося с лязганьем и скрежетом в таежной глухомани.

Немцы обморочно спали, когда сквозь мелкоколосье проломилась гусеничная танкетка, из которой выскочили веселые строители новой сибирской жизни, подхватили ружья и рюкзаки незадачливых охотников и самих их на руки и втащили под тент гусеничной машины. Гэтэска взревела и, разбрызгивая мокрый снег, понеслась к спасительному человеческому обиталищу.

Через час Костя уже парил немцев в бане. Ухала каменка, ахал веник, рыдали и взывали немецкие охотни-

ки, когда очередная порция пара упругой знойной волной окатывала тела и начинал трудиться веник.

Первым из бани вывалился Лехен, но далеко уйти он не смог, Костя остановил его и вылил на голову его ведро ледяной воды.

Лехен охнул и осел, а через несколько секунд блаженная улыбка озарила его лицо.

– Костя! Полный кирдык! Австрийский капрал против русского сержанта – ничто. Я побежден, я раздавлен. Но я счастлив.

В гостинице Константин после первого тоста за удачную охоту вышел в коридор и тут же появился со своим туго набитым рюкзаком.

– Это ваши трофеи, – сказал он, извлекая из мешка огромных птиц. – Жалко их было в тайге оставлять.

– Полный кирдык! – опять сказал Лехен. Больше, видимо, у него слов не осталось.

...Два дня немцы гостили у нефтяников, ездили по буровым, общались с геологами, летали с вертолетчиками над тайгой, садились в стойбищах к оленеводам. Открывающая панорама новостроек, преображающих тайгу, даже самого закоренелого скептика, не могла не впечатлить.

Рядом с буровыми, окруженными болотами и лесными гривами, словно в сказке, поднимались буквально из ничего новые города с широкими проспектами, площадями, школами, детскими садами, кинотеатрами, больницами...

Расцветенная огнями сварок, разбуженная рокотом моторов, задорными молодыми голосами Сибирь вступала в новую эру человеческих отношений, где побудительным мотивом трудового героизма, были в конечном счете не деньги, а человеческие взаимоотношения и стремление оставить по за себе совершенное во имя других дело...

В честь Лехен и Курта, по отъезду их, собрали небольшой дружеский банкет.

Лехен поднял бокал с вином:

– Мне кажется, что, по сравнению с вами, мы европейцы уже состарились, сидим перед камином в кресле и по-

тихонечку брюзжим, а вы молоды и полны сил. У вас все еще впереди.

Вы способны делать то, что цивилизованному европейцу и в голову не пришло бы. Вы строите города в условиях вечной мерзлоты, вы прокладываете дороги по болотам... Я видел, как ваши водители в полевых условиях чинили автомобиль с помощью консервной банки, из которой сделали сгоревший воздухозаборник, как чинили тормозную систему у огромного грузовика с помощью резиновых изделий интимного назначения. Я думаю, что все завоеватели, приходившие в Россию, были немножечко идиоты, потому что никакому народу, кроме русского, никогда и в голову не придет, что с помощью консервной банки можно восстановить карбюратор автомобиля, а с помощью резиновых изделий интимного назначения восстановить тормоза гигантского грузовика.

Такой народ не победим!

Как жить?

Юралова телеграмма не застала. Он был в это время далеко на Севере области, где вновь созданные совхозы готовились к заготовке кормов в условиях короткого северного лета. Если бы знал он, что Клава вместе с маленьким сыном, его кровиночкой, решила наконец на переезд и перелет, то ни что не удержало было бы его в комарином северном краю. Но телеграмма, увы, лежала на почте, а Юралов вместе с Пчеленко колесил по месторождениям, где под низким северным небом зарождались все новые и новые города, и поселки. Вернее сказать, не колесил, а плавал или даже ходил, потому что Пчеленко разъезжал по своей нефтяной епархии на судне, которое могло ходить не только по воде, но и по дорогам, болотам, лугам, и мелкому кустарнику... Это

судно было на воздушной подушке, о каком лет восемь назад мечтал капитан с колесного парохода.

Юралов с Пчеленко были в дорогах уже около недели. Бесчисленные реки и старица, поймы и болота, озера они преодолевали легко, сокращая тем самым расстояния, появляясь в самых труднодоступных местах, где, до начала освоения нефтяных месторождения, порой и не ступала нога человека....

Казалось бы, мягкий и деликатный Пчеленко учил Юралова быть непоколебимым, требовательным и даже жестким, когда этого требовало дело... Но никогда не опускаться при этом до таких мелочных и вредных чувств: обиды, мести, деспотизма в отношении к подчиненным.

Это была лучшая школа практической организации гигантского дела. И Юралов впоследствии часто будет вспоминать эти уроки и прибегать к опыту своего старшего товарища...

А решать им в той поездке приходилось массу вопросов, среди которых не было мелочей: от организации промышленной добычи нефти и ее транспортировки – Пчеленко, и заготовке на зиму дикорастущих ягод как источника витаминов и грибов, украшающих любой стол и разнообразящих меню нефтяников – Юралову.

Однажды, решив сократить расстояние, они выбрались на своем быстроходном катере на песчаную косу реки, поднимая пыльную бурю, потом катер выполз за заливной луг, поросший ивняком, и быстро побежал по луговине. И тут прорезиненная «юбка» катера опала, и судно опустилось без движения на какую-то невидимую преграду.

Капитан катера спрыгнул в траву и удивленно присвистнул. Весь заливной луг был завален, как противотанковыми надолбами-бревнами, которые выкинуло сюда во время паводка из разбитого непогодой плота. По такой дороге даже катеру на воздушной подушке было не пройти.

До буровой оставалось километров пятнадцать, и Пчеленко предложил Юралову пойти туда пешком... Капитан остался высвобождать катер из нежданного плена... Спу-

стя час по радиации передали сообщение Юралову о приезде семьи...

Клава с маленьким сынишкой приземлились в Кондасском аэропорту. Веселые бородатые геологи, летевшие вместе с ней, помогли молодой маме выгрузить коляску и вещи на траву аэродрома.

– Куда пробираетесь, красавица?

– На Шаман, к мужу Василию Юралову...

– О-о! – одобрительно воскликнули геологи. – Мы этого человека хорошо знаем. Повезло ему: такую красавицу в жены отхватил!

– Я думаю, что нам с Витюшкой тоже повезло! У нас замечательный папа! – отвечала, сияя счастливыми глазами, Клава.

– На Шамане сейчас хорошо стало. Населения уже под пятьдесят тысяч, а скоро город еще разрастется и не уступит областному центру... Квартыры благоустроенные людам дают... – наперебой рассказывали геологи о Шамане.

– На вырост квартиры. Трех-, четырехкомнатные, чтобы не забывали плодиться и заселять жилплощадь... Там сейчас средний возраст жителей около двадцати трех лет. Так что мы тридцатилетние для них уже глубокие старики...

– Скажи еще, что стоит вопрос о том, чтобы назвать растущий город Беловодском...

Так, за разговорами, дошли они до рубленной в лапу из огромных сосен конторы аэропорта.

– А мы поможем вам добраться до Шамана без проблем. Сегодня туда Надюшка, наша кассирша, должна ехать с зарплатой на машине. Сейчас мы позвоним, они прямо в аэропорт заедут и заберут вас...

Заботливые геологи побежали звонить в контору. Скоро на дороге показался крытый железом легковой «газик». Молодой русоволосый парнишка дружелюбного вида сам погрузил в машину Клавины пожитки. В кабине уже сидела улыбочивая женщина лет двадцати пяти с чемоданчиком на коленях – это, видимо, и была зарплата геологической партии.

– Надежда! – представилась она. – Не беспокойтесь, к вечеру будем на Шамане.

«Газик» бойко побежал по дороге к нарождающемуся в тайге городку. Клава во все глаза смотрела на это явившееся миру чудо – возникающее среди болот и тайги цивилизации.

Через полчаса погрузились на паром. Река была похожа на оживленную трассу. У причальных стенок разгружались суда, доставившие в этот глухой сибирский край технику, автомашины и трактора, огромные трубы, строительные материалы, целые блоки для домов. Нефтеналивные танкеры, полные черного сибирского топлива, сыто тянулись вверх по течению к нефтеперегонным заводам. Вверх по реке шли бесконечные плоты с лесом, рыбацьи лодки скользили легко, выметывая огромные невода. И всем здесь хватало дела, никто никому не мешал, а наоборот чувствовалась некая слаженная работа, имевшая одну общую цель... И над всей этой картиной созидательного труда гремела веселая, поднимающая настроение музыка:

*«Все выше, и выше, и выше,
Стремим мы полет наших птиц.
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ!».*

На сердце у Клавы стало радостно. Также и в их колхозе привыкли справлять трудную общую работу. С песней, на подъеме, с лихой удалью... Она уже чувствовала себя здесь, в тайге, своей. И от этих счастливых ощущений она крепче прижимала к груди сладко спавшего Витеньку...

Ей вспомнился школьный учитель литературы, пытавшийся объяснить, что такое счастье:

– Счастье, это когда человек чувствует себя частью большого, единого целого. Неотделимой частью...

Быть одному, самому по себе, жить только ради себя – это большая трагедия человека, которую он, может быть, не всегда осознает сразу. Некоторые лишь в конце жизни

понимают, какого счастья они лишились, счастья быть со всеми вместе...

...Река давно осталась позади. Козелок бежал по просыхающей после вчерашнего дождя грунтовке посреди величественной тайги. Невысокое солнце играло в чащах, пробиваясь лучами к дороге, птицы звенели на все голоса, и водитель тоже напевал что-то себе под нос. И ничто на этом прекрасном белом свете не предвещало беды.

Но на середине пути машина вдруг затормозила и встала. Посреди дороги валялось бревно, преграждая путь. Видимо его потерял какой-нибудь лесовоз.

Водитель выскочил на дорогу и скорехонько ухватил бревно за конец, пытаясь отодвинуть его в сторону. Кассирша Наденька отворила дверку и встала рядом с машиной, готовая придти на помощь. Но тут из-за деревьев шагнул высокий крепкий мужик в длинном негнущемся плаще.

– Пстой, парень, помогу, – напряженно сказал он.

Водитель поднял голову. Мужик подошел к бревну и нагнулся, но в тот же миг выхватил из-за полы обрез двустволки. Никто ничего не успел понять, как полыхнуло пламя и вслед за ним лопнул выстрел. Захватив руками русую голову, водитель рухнул на дорогу, из-под пальцев на песок хлынула кровь...

Еще выстрел, и, слабо охнув, осела около дверцы кассир Наденька.

Убийца, на ходу перезаряжая стволы, бросился к машине. Клава, оцепеневшая от ужаса, очнулась и одним движением спрятала за сидение одеяло с ребенком. В тот же миг тайгу оглушил новый выстрел, и, Клава, встрепетувшись птицей, упала на сидение. На ее голубой блузке, быстро пожирая голубое, заалело, растекаясь дымящееся кровью пятно...

Клава еще видела, как схватив чемоданчик с деньгами, убийца бросился в лес... Дальше ее накрыла ночь...

...За Юраловым прислали на буровую вертолет. Оглушенный известием, он торопил летчиков, не отходя от них

ни на минуту. Вместе с ним полетел и Пчеленко, пытаюсь хоть чем-то поддержать молодого коллегу.

Вертолет опустился на площадку рядом с больницей. Юралов бросился бегом в хирургию, перепрыгивая через несколько ступенек. В висках стучали набатом слова: «Не уберег! Не уберег!».

Его встречали. Главный хирург, взял Юралова за плечи, заглянул Василию в глаза:

– Она в памяти. Ждет вас. Но надежды нет ни какой. Еще не больше часа... Она умирает. Ранение несовместимое с жизнью...

Юралов качнулся, но устоял. Собирая в кулак волю, шагнул в палату и тут же встретился глазами с Клавой. Она лежала недвижимо, опутанная бинтами и капельницами...

– Любый мой, – прошептали ее губы.

Юралов опустился на колени и слезы потекли по его опаленным солнцем щекам...

– Я с тобой, друг мой, – шептал он. – Теперь все будет хорошо.

Но ее холодеющие пальцы сжали руку Юралова.

– Нет, – едва качнула она головой. – Я уйду. Вы с Витей остаетесь. Береги его. Он славный мальчик. И женись. Найди ему хорошую маму...

Эти слова были последними.

...Ивана Россомахина поймали через пару дней, на полях. Милиция опасалась, что народ совершит над ним самосуд, поэтому тотчас этапировала его в областной центр, где через месяц суд вынес ему расстрельную статью...

Часть четвертая СТРАНА ЖИВОГО ОГНЯ

Утро председателя

Город только еще просыпался. Улицы были пустынные, на асфальте блестела вода от поливочных машин, в скверах пели утренние птицы.

Юралов любил эти минуты перед началом рабочего дня. Он еще с работы в колхозе взял для себя за правило вставать в пять утра. Пока жена готовила завтрак, он делал силовую зарядку, обливался в ванной холодной водой. В шесть он уже шагал на работу утренним городом, вдыхая всей грудью свежий воздух, напоенный запахами цветущих лип, прохладой, веющей от реки.

Встречные прохожие были редки. Люди приветливо здоровались, узнавая в высоком статном мужчине Юралова, идущего по городу уверенной походкой заботливого хозяина.

По краям улиц стояли столетние липы, сквозь могучие кроны их косо падали на землю золотистые снопы солнца. Скоро улица поворачивала, и взору открывалась величественная панорама речной излучины.

Очнувшаяся от ночной дремы великая река все так же, как двадцать лет назад, несла на своих плечах могучий водный поток, окрашенный поднимающимся из-за таежных кражей солнцем, похожим на огромный медный поднос. Река еще дымила туманом, но на безмерной глади ее видны были и расходящиеся круги от всплесков жирующей рыбы, и бакены, с еще не потушенными огнями...

Но это была уже другая река. Это была река-труженица, день и ночь не прекращающая своей трудовой вахты. Гирлянды огней на проходящих пароходах медленно проплывали по водной глади, белые красавцы-суда неслышно

скользили по реке, над речным портом краны, похожие на длинноногих цапель, грузили суда...

Ну, вот и облисполком. Областной исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся...

Пожилой милиционер отдал Юралову честь. Василий Васильевич поздоровался с ним за руку.

– Должно быть, сегодня будет настоящее пекло! – сказал милиционер. – Сменяюсь сейчас, возьму жену, да поедем на дачу, там хоть накупаюсь, позагораю.

– Растет чего на даче-то? – заинтересованно спросил Юралов.

– Прет, как на дрожжах! – воодушевился постовой. – Уже огурцы по четвертому листу, помидоры цвет набирают. И картошка, и капуста... На всю зиму припасы делаем.

– И домик есть?

– И домик. Спасибо вам, Василий Васильевич!

– Мне-то за что? Сам ведь строил, – усмехнулся Юралов. Ну а земли помог выделить обком КПСС, лично Богин согласовал с Советом министров.

– Сам-то сам, а без Вашего участия, не видать бы нам ни домиков, ни участков... Я-то знаю, какие споры были, боялись, что перерождение произойдет, люди наши в куркулей превратятся...

– Не превратились? – засмеялся Юралов.

– Я так точно скажу, что нашему ведомству от этого одна польза – народ гораздо меньше пить стал. А то, что копейка лишняя в кармане завелась, так это тоже хорошо. Вон сколько легковых машин стало в городе. Очередь такая, что не на один год... А когда у человека машина, то у него и жизнь совершенно иная, я бы сказал – насыщенная. На природу выехать – пожалуйста, грибы, ягоды на зиму заготовить – без проблем, да хоть на Черное море съездить отдохнуть на своем авто – запросто. Автомашину человека поднимает...

...Юралов поднялся в свой кабинет, сел за стол и с удовольствием открыл папку с документами. Здесь не было пустых, формальных бумаг. Каждая – человеческие судь-

бы, в той или иной мере судьба города, региона. А теперь, когда нефтегазовый комплекс Западной Сибири стал реальностью, то в папках, лежащих на столе председателя облисполкома, обретались бумаги, без сомнения, влиявшие и на ход современной истории.

За несколько лет население области выросло в три раза, достигнув трех с половиной миллионов человек, в глухой тайге, среди безлюдных болот, возникли десятки современных городов, а Сибирь отвечала все новыми и новыми открытиями и разработками нефтеносных и газовых месторождений, строительный кран и буровая стали символом новой Сибири.

И все это возросшее население нужно было в первую очередь обеспечить жильем, напоить, накормить, создать нормальные условия для труда и отдыха, учебы и лечения...

И все эти задачи ложились на плечи народной власти...

День председателя облисполкома был расписан до минуты. Поэтому ранние утренние часы Юралов резервировал для спокойного, вдумчивого рассмотрения бумаг, стратегических размышлений... Но в работе чиновника такого ранга нет мелочей. Любая, казалось бы, незначительная деталь, нерешенный, мелкий вопрос, может потащить за собой клубок неразрешимых впоследствии противоречий...

Сверху в папке было письмо от колхозников из Бекетовского за подписью бригадира центральной бригады.

Начавшееся было с конфликта знакомство Юралова с бригадиром позже переросло в доверительные и даже задушевные отношения. За все время работы в колхозе он был первым помощником Юралова, работал, не считаясь со временем. Юралов знал, что там, где находится его боевой бригадир, все будет в порядке.

Они переписывались несколько лет, потом письма стали реже. Уже у самого Юралова времени на переписку не оставалось, но при каждом удобном случае он приворачивал в Бекетовское, ревниво знакомясь с состоянием дел.

Но особенно беспокоиться за колхоз «Заря» не приходилось. Год от года наращивали там производство молока и мяса, и это обстоятельство грело душу...

И вот письмо из колхоза:

«Здравствуй, дорогой Василий Васильевич! – писал ему Николай Иванович. – Спасибо тебе, дорогой, от всех наших колхозников за то, что отвоевал наше право ловить на озерах карася. А то ведь что получается: прадеды наши ловили и считали эти озера своими, деды и отцы ловили, мы ловили и вдруг – запрет... Может быть, за этим запретом и есть какая-то сиюминутная выгода, но беда в том, что такими запретами власть делает человека, испокон века живущего на берегу, вором в своем собственном доме, потому что он все равно пойдет ловить... А что может быть страшнее этого.

Спасибо, Василий Васильевич, за заступничество. Как и прежде запеченный в русской печи карась остается нашей традиционной едой... Приезжай. Ждем в любое время...».

Юралов улыбнулся этому доброму письму. А предыстория его была такова. Некоторое время назад на Союзном уровне было принято решение о передаче большинства внутренних водоемов и прудов Министерству рыбного хозяйства для рыборазведения и организации промышленного рыболовства.

Передали и сибирские озера, на которых испокон веку кормилось местное население. Теперь колхозник, пришедший на озеро поставить сеточку на карася, становился нарушителем и подвергался штрафу. Столь необдуманное решение вызвало массу конфликтов и жалоб. Юралов, изучив вопрос, на сессии областного Совета предложил депутатом принять свое постановление, разрешающее местному населению ловить в окрестных озерах рыбу, используя оговоренный размер ячеи...

Казалось бы, конфликт был благополучно разрешен... Но что-то подсказывало Юралову интуитивно, что этим дело не кончится:

«Ну, что ж, – сказал он сам себе, – будем решать проблемы по мере их поступления».

...В этот день в папке были документы по организации заготовок дикорастущих ягод и грибов, кедровой шишки, чем традиционно богата Сибирь. Юралов добивался, чтобы во всех столовых, ресторанах на столах стояли клюква, брусника, кедровые орехи, природные источники необходимых для северного человека витаминов – мощная профилактика всевозможных заболеваний. Потом это просто вкусно и красиво.

Вопросы с питанием сибиряков Юралову приходилось решать ежедневно. Под его патронажем недавно вошла в строй крупнейшая на Евразийском континенте птицефабрика, которая с лихвой способна была покрыть потребности области в яйце и мясе птицы.

Решая столь масштабные задачи, Юралов в каждом селении просил отвести его в столовую, чтобы понять, как там обстоит дело с быстрым питанием, он требовал, чтобы на улицах городов и поселков пахло печеными пирожками, чтобы в любое время можно было купить морс или квас...

Часы пробили девять. Вошла секретарь, принесла на подносе чай.

– Василий Васильевич! Там в приемной сидит представитель из Министерства рыбного хозяйства. Страшно злой. Порывался войти без доклада. Что прикажете делать? Пускать без очереди?

– Ну что же с ними поделаешь? Все-таки Министерство. Надо уважить. Скажи, пусть заходит.

Секретарша ушла, и почти тотчас отворилась дверь, и явила на пороге человека, облик которого показался Юралову знакомым.

Представитель рыбного министерства стремительно двинулся к столу Юралова, на ходу выкрикивая ругательства:

– Вы что тут творите! Изображаете из себя удельных князьков, игнорируете решения центра? Это вам дорого обойдется! Мы вам руки-то укоротим...

Глаза чиновника от рыболовства, полные яркой ненависти, уперлись в Юралова.

И тут Юралов понял, что перед ним стоит не кто иной, как Леонид Петрович Кропачев... Тот самый Леонид Кропачев... Ленька Клоп.

...Потрясенный трагической гибелью Клады, Юралов находил забытие в работе. Тогда он выписал маму, Надежду Петровну, в свою холостяцкую квартиру, в которой появилось маленькое незащитное существо трех месяцев от роду. Так и жили они втроем, не смея надеяться на скорое счастливое будущее.

Но тут из Ленинграда вернулся Николай Покачев. Весь покрытый инеем, румяный от мороза с сияющими глазами.

– Дорогой Вася! Ты не поверишь моим словам, но истинно тебе говорю: всего день назад я встречался с Ларисой Лебедевой.

– Как встречался? – краска прилила к щекам Юралова.

– А вот так! Она, оказывается, сейчас работает в нашем институте. Мы пошли с ней в кафе и целый вечер говорили.

– О чем? – севшим от волнения голосом спросил Юралов, – о чем говорили?

– Представляешь, говорили о тебе. И я открою тебе ее сердечную тайну. Она по-прежнему любит тебя. Всегда любила только тебя и продолжает любить.

Юралов опустил голову, зажав ее своими огромными ладонями.

– Говори, – пробормотал он.

– Но есть проблема. Ее много лет подряд преследует Кропачев и не перестает говорить о тебе всевозможные гадости. Это он виновник вашей многолетней разлуки, когда ее письма не находили тебя.

Юралов вскинул голову:

– Ну и что дальше? Говори всю правду.

– А правда, Вася, в том, что после твоей женитьбы, Кропачев сломил ее сопротивление, и она согласилась выйти за него замуж. Свадьба должна состояться через неделю...

– Что делать, Николай? Подскажи, что делать? – Юралов в тревоге заходил по комнате.

– Я думаю, срочно лететь в Ленинград. Я же говорю тебе, что она по-прежнему любит тебя...

– Правильно! Я еду! Я лечу! Мама, собери мне, пожалуйста, вещи!

...Юралову казалось, что самолет летит слишком медленно, продираясь сквозь пелену облаков. Едва автобус подвез их к дверям аэропорта, Юралов бросился к такси.

– Гони, друг, на канал Грибоедова! Двойную таксу плачу.

Через час они были уже в центре города. Юралов вышел на Невском, чувствуя сильное волнение. Тихо падал снег.

Здесь, в этом здании, облицованном серым гранитом, сидит она, девушка его детской мечты.

Коренники

События напоминали калейдоскоп. Едва закончил Юралов строительство сельскохозяйственного комплекса на севере, как новый поворот – Юралову предложили возглавить Чистовой райком партии.

Представлял его сам Богин. Вечером, уже после выборов, допоздна засиделись в гостинице. С Богиным был еще давно по-хорошему знакомый Юралова Геннадий Кузнецов, в недавнем прошлом директор научно-исследовательского нефтяного института, а сейчас второй секретарь обкома.

– Да, ребята, – говорил доверительно Богин. Жизнь наша схожа хождению по минным полям. Недалеко то время, когда мне придется отойти в сторону и уступить вам дорогу. Надеюсь на вас. Вы, как я вижу настоящие коренники. Потянете Сибирь-матушку.

Кузнецов с Юраловым переглянулись.

– А по минным полям надо учиться ходить. Я-то и по настоящим минным полям хаживал, был и в окружении.

Эту историю, по собственному признанию, он не рассказывал никому. И только вот сейчас открывал ее секретарю райкома Юралову и секретарю по промышленности обкома Геннадию Кузнецову.

Вместе со второй ударной армией Власова под Мясным Бором Богин попал в окружение. Он командовал тогда взводом. Немцы били по ним со всех калибров, с земли и с воздуха. И вдруг, среди этого крошечного ада, наступило затишье. Прибежал вестовой с приказом явиться в штаб то ли полка, то ли дивизии.

В лесу, под соснами, сидели за столом понурые офицеры. «Принято решение, – объявил старший, – о сдаче армии в плен. Приказ обсуждению не подлежит».

Офицеры еще ниже опустили головы.

И тут Богин взорвался: «Да вы что, такая мать! Охренели!»

Он выдал, казалось, все матюги, которые встречались ему в жизни, и ударил кулаком по столу: «Лично я сдаваться не собираюсь!»

Повисла напряженная тишина. Богин повернулся и пошел прочь по направлению к линии фронта.

– Я ждал, что вот-вот раздастся выстрел в затылок и все на этом будет кончено. Пять шагов. Десять. Нет выстрела. Двадцать...

И тут к Богину стали примыкать разрозненные бойцы. Выстрел так и не прозвучал...

И они ушли. Их, не согласных сдаваться в плен, становилось все больше и больше. Сто, двести, пятьсот...

Богин принял командование на себя, сформировал взводы и роты, назначил командиров... К Волхову их подошло уже более тысячи человек. Было тихо. Казалось, что фашистов нет и в помине. Только кружила над рекой немецкая рама – разведчик...

С вечера стали готовить плавсредства, а на рассвете в тумане начали переправу. И тут на них обрушился шквал огня...

Из тысячи человек в живых осталось около семидесяти. Но эти семьдесят упорно шли к своим. И вышли...

Два месяца Богина допрашивала контрразведка, шла проверка по всем каналам... Через два месяца ему вернули погоны и отправили на передовую...

«Кадры решают все!» – эта сталинская формулировка была для Богина ключевой на протяжении всей его жизни.

...Многих перспективных руководителей он, можно сказать, вел по жизни.

Большинство – министры и их заместители в Москве, связанные с добычей нефти, газа, обустройством месторождений, ответственной работой в ЦК КПСС и Советах Министров СССР и РСФСР, десятки Героев Социалистического Труда и лауреатов Государственных премий. Многие выдающиеся специалисты выросли в партийной организации, возглавляемой Борисом Павловичем Богиним.

Можно сказать – это золотой фонд кадров страны, связанных с поиском, добычей и транспортировкой нефти и газа, много лет формирующих бюджет страны и обеспечивающие перспективы развития народного хозяйства.

Однажды Богин объезжал с молодым секретарем Юрловым район. Беспреданно буксовали в ямах и колдобинах. Узик по кабину был залеплен грязью.

– Сколько ты уже тут? – спросил он Юрлова.

– Девять лет, Борис Павлович!

– Ну? – удивился Богин. – Вроде недавно и направляли?

– Так у нас здесь на востоке в условиях бездорожья год за три считается!

Богин захохотал так, что пришлось останавливать машину.

Он вышел, и долго еще его большое могучее тело сотрясалось от хохота.

– Вот дают! У нас на фронте год за два шел, а у них год за три!

Наверное, самым тяжелым и критическим для области временем было лето 1968 года. С весны зарядили дожди и шли с таким упорством, что в души людей начала закрадываться тревога.

Эта тревога поселилась и в душе первого секретаря Чистового райкома партии Василия Юралова. Он начал осаждать телефонными звонками председателя облпотребсоюза Сазонова:

– Завезите в район муку как можно раньше!

А потребности в муке были немалые. За год район съедал ее 10 тысяч тонн. Но облпотребсоюз не спешил. Юралов звонил снова и снова. Наконец, не выдержав, заявил, что если население района останется без хлеба, то, в первую голову, отвечать за это придется Сазонову.

Надо сказать, что Сазонов был лучшим другом Богина. И во всех его поездках по области Сазонов сопровождал Богина. Но угрозы Юралова похоже возымели действие, облпотребсоюз муку завез в полном объеме, прежде чем пали дороги. Самые худшие предчувствия оправдались.

На область обрушилось стихийное бедствие: все лето и осень шли бесконечные дожди.

В области было объявлено чрезвычайное положение. На поля можно было выйти только с косой в бродовых сапогах. Комбайны тонули тут же, будь они на резиновом и даже на гусеничном ходу, воинские подразделения выделили для связи с населенными пунктами бронетранспортеры, но и те с великим трудом пробивались по дорогам, превратившимся в сплошные грязевые болота.

Все мосты через речки были или снесены, или разбиты тяжелой техникой. Молоко с ферм в районы приходилось доставлять вертолетами...

Если бы не мука, доставленная во время по деревням, то был бы самый настоящий голод...

Богин каждую уборочную страду облетал или объезжал область. Прилетел и к Юралову. Ездили к утопающим

в воде полям, летали к отрезанным от мира бездорожьем деревням, смотрели строящиеся новые скотные дворы, мастерские, жилые...

Наконец Юралов вывез Богина на пятикилометровый отрезок дороги на областной центр, построенный партизанскими методами. Шоферы называли этот участок «три-четыре минуты радости». Дальше шли ямы, ухабы на четырехста с лишним километров...

Надо сказать, что строительство дороги на Чистовое чиновники год за годом вычеркивали из титульных списков на финансирование. Не хватало денег.

Теперь все зависело от благосклонности Богина.

И вот Борис Павлович вышел на первый Чистовский асфальт среди полного бездорожья и долго молчал, что-то обдумывая.

– Почему такая широкая? – спросил, наконец.

– Так, Борис Павлович, дорога-то республиканского значения. Уже нельзя!

Богин, ничего не сказав, сел в машину. Это означало, что дороге быть. Что денег для нее он найдет. Да и многое с того драматического года переменится в сельском хозяйстве. Будут строиться быстрыми темпами внутрихозяйственные дороги, и мелиорация придет на поля, сделав их доступными в самую непогоду, и новые технологии в заготовке сена, сенажа, силоса дадут возможность, невзирая на дожди, обеспечивать скотину полноценными кормами...

...В тот приезд в Чистовое вечером было совещание с руководителями близлежащих районов. Потом было небогатое застолье, в котором языки подразывались.

Неожиданно Сазонов поднялся за столом и стал рассказывать, что и его заслуги в борьбе со стихией немалые. Что он вовремя завез в район десять тысяч тонн муки.

Тут прорвало Юралова:

– Да чем вы похвалитесь! Я месяц у вас выбивал эту муку. И я не знаю, чем бы все кончилось, не прояви мы такой настойчивости!

Сазонов растерянно замолчал.

Юрлова всюю уже дергали за полы товарищи, шептали в страхе: «Остановись, на кого бочки катишь! Это же лучший друг Богина!».

И тут в тишине раздался голос Бориса Павловича:

– А ты, Сазонов, ему больше муки не давай!

Разошлись тихо. Богин с Сазоновым ночевали в райкоме. Юралов всю ночь не спал, переживал за свою резкость. Видел, что и в комнате у Богина почти не гас огонь. Чуть свет пришел в райком и застал у себя в приемной плачущего Сазонова.

Поверженный вид немолодого всесильного чиновника потряс Юрлова. Он бросился к нему, пытаясь хоть чем-то поддержать, но Сазонов остановил его:

– Оставь, Василий, я сам виноват. Мы не спали почти всю ночь. Он вломил мне по первое число!

Утром они улетали. Юралов был хмур и неразговорчив. Сели в самолет. Настроение у провожающих тоже было не на высоте. Самолет уже выруливал на взлетную полосу, как вдруг остановился. Откинулся трап и... на поле вышел Богин.

Он подошел к Юралову и крепко пожал руку:

– Держись, секретарь! Держись!

Богин улетел. Но Юралову казалось, что вместе с самолетом в небо взмыла и его душа.

А через год Богина провожали в Москву на очень ответственную работу. Пройдет еще немного времени, и он откажется от московской должности и вернется снова в Сибирь Первым секретарем обкома КПСС, а Юралов примет пост председателя облисполкома. Это были надежные, испытанные жизнью и Сибирью, коренники.

Беловодск в беде

Юрлова поднял среди ночи тревожный звонок. Он постарался быстрее схватить трубку, чтобы не разбудить домочадцев: Ларису с детьми.

Звонки среди ночи давно уже стали для Юралова нормой. Каждое чрезвычайное происшествие на огромных пространствах области тут же докладывалось председателю облисполкома.

Однако этот ночной звонок разбудил и Ларису, и она, ни слова ни говоря, встала и отправилась на кухню готовить кофе. Витька с Сашкой спали без задних ног, уработавшись за день: школа, кружки, спортивные секции...

Это была необычно суровая зима и для Богина и для Юралова. Во многих городах и поселках разморозило инженерные коммуникации – народ замерзал. Только теперь они по-настоящему стали понимать весь объем трудностей руководителя области, и ту гигантскую ответственность, которая лежала на их плечах, казалось, что это были люди иного сорта, отлитые из сверхпрочной стали. Однако ответственность за жизнь людей, весь нефте-газовый комплекс, был на них, приходилось делать невозможное.

К ноябрю, на Севере, мороз упал за пятидесятиградусную отметку и выше не поднимался. Но и в этих условиях люди работали, не снижая объемов добычи нефти и скорости бурения скважин.

Обустроивались нефте- и газохранилища, ремонтировались и строились города. Часто не выдерживало железо, иной раз рассыпаясь на морозе в прах. А люди, радовались жизни, веселились, рожали детей. Юралов добивался, чтобы квартиры молодоженам давали просторные, под большие семьи. И был прав. Три-четыре ребенка в семье стало нормой. Так что жизнь и при минусе пятидесяти не останавливалась. Тем более, Москва, министерства и ведомства держали под контролем каждый шаг сибиряков, требуя все больших и больших объемов добычи нефти и газа часто в честь очередного съезда, юбилея, праздника.

Юралов с Богиным пытались противиться кампанейщине, которая вела к большим потерям и тяжелым последствиям. Требуя победных рапортов, Москва не обращала внимания на то, что месторождения используются

неэффективно, что остается большое количество нефти, которую брать сложнее, строительство часто велось с нарушением нормативов – лишь бы отрапортовать. Многие поддались этой порочной практике в погоне за медалями и премиями, за звонкой, но пустой фразой.

Работа без оглядки на завтра становилась нормой. И молодые коренники на пленумах обкома и активах заговорили во весь голос об этой порочной практике.

Однако на верхах чиновники были далеки от реальности. Работать становилось все трудней. За любым пустяком приходилось ехать в Москву, которая день ото дня становилась все корыстнее. Без подарка в министерские кабинеты не стоило и ходить.

Юралов как-то на одном из собраний горько пошутил, что вместе с памятником первооткрывателям сибирских богатств нужно поставить памятник муксуну, который открывал двери министерств и главков. А потому авиарейсы из Сибири в Москву насквозь пропахли копченым муксунном.

Похоже, все больше серости и рутины, занятой лишь собственной карьерой, поднималось вверх, пока здесь в невероятных условиях настоящие, полные горения и долга люди творили чудо, преобразуя Сибирь, поднимая страну на новый недостижимый уровень, выдвигая ее на роль мирового лидера. Те самые рутинщики и серые карьеристы, о которых говорил незабвенный секретарь Зажигин, все решительнее отвоевывали себе теплые места.

Те, кто внизу сопротивлялся губительным починам сверху, защищая месторождения от хищнической эксплуатации, становились людьми неудобными.

Иван Тимофеевич Русов, не согласившийся ради красной даты и цифры, губить месторождение, был вызван на проработку в Москву к министру нефтяной промышленности. После проработки, беспочвенных обвинений и унижений в кабинете министра, этот заслуженный, беззаветный человек, отдавший всего себя безраздельно освоению си-

бирских месторождений, пришел в гостиничный номер и умер от сердечного приступа.

Пройдет еще несколько лет и от сердечного приступа, после проработки в кабинете министра, также в гостиничном номере умрет от обиды и Владимир Иванович Пчеленко, главный нефтяник Сибири. Юралову вспомнились наставления деда Лукьяна: «Кто оскорбит человека, тот Бога оскорбит. Потому как Бог запретил против человека согрешать и оскорблять...». И еще вспоминалось дедово наставление, словно провидцем он был, внушая ребятам мысли о божественном назначении человека: «Недостойн тот чести, кто ищет чести и начальства. Часто бывает, что честь и начальство человеку есть как безумному меч, которым и себя, и других убивает».

Вполне возможно, что и этот ночной звонок был следствием какой-либо вынужденной досрочной реляции.

Дежурный сообщил, что, по всей вероятности, в Беловодске в системе отопления и энергоснабжения произошел гидроудар, который вывел из строя большую часть отопительного оборудования. И теперь город стремительно остывает при пятидесятиградусном морозе без тепла и света...

Дежурный также сообщил, что Богин собирает срочное совещание, что машина уже вышла из гаража за Юраловым.

Сообщение болью и тревогой отозвалось в сердце Юралова.

В кабинете Богина уже собралась вся верхушка области.

– Последствия этого ЧП могут быть ужасными, если не принять срочных мер. Около двухсот тысяч человек: взрослые, старики, дети перед не знающей жалости сибирской природой. Угроза жизни людям настолько велика, что мы должны принимать меры решительные, стремительные и эффективные, – говорил жестко и страстно Богин. – Практически выведено из строя все отопление, а это сотни тонн труб батарей. В обычных условиях для восстановления системы потребовалось бы несколько месяцев. Мы должны это сделать за несколько дней.

Мы должны собрать специалистов со всех ведомств, сварщиков, сантехников, энергетиков, собрать все дизельные передвижные подстанции и перебросить их в Беловодск. Авиация, несмотря на затраты и трудности с посадкой, должна работать день и ночь.

– Но одной авиации не справиться с переброской грузов, – поднялся Юралов. – Нужны дополнительные, нестандартные решения.

...Как выяснилось позднее, к катастрофе привел пресловутый человеческий фактор, и опять же стремление отрапортовать поскорее о достижениях. Меняли отопительные котлы на ТЭЦ, заменили вентили на новые шаровые, эксплуатировать которые нужно было с большой осторожностью, поскольку они способны одновременно открывать полностью доступ воды в трубы. Так и случилось, дежурные поторопились, страшной разрушительной силы гидроудар с несколько секунд разрушил городскую отопительную систему. Полопались батареи в квартирах, на лестничных площадках, вода хлынула на свободу, в считанные минуты остывала и превращаясь в лед. Страшно было видеть размороженные жилые дома, школы, детские сады, больницы, превратившиеся в ледовые айсберги.

В эту ночь собирал у себя в кабинете и секретарь райкома Виктор Сергеевич Богатырев. В кабинете на полу можно было кататься на коньках, окна заросли толстым слоем льда. Секретарь поставила свечи. Они были единственным источником тепла. Первым к Богатыреву примчался Караваев. За ним вошли двое рабочих, тащивших на руках печь-буржуйку. Ни слова не говоря, они принялись устанавливать ее в кабинете.

– Срочно детей и стариков собираем в оставшемся деревянном фонде, в частном секторе, в бараках, – предложил с порога Караваев. Мои машины уже разъезжают по городу. Плотники сколачивают нары, чтобы как можно больше людей разместить в теплых помещениях.

– Больницу надо эвакуировать, – сказал отрешенно Богатырев. – Куда ума не приложу.

– В мое управление. Там у меня нет больших разрушений системы. Поставим дизельные генераторы на время, все электро- и газосварщики заняты изготовлением печей буржук, насколько хватит металла.

– Молодец, Василий Петрович! С тобой можно ходить в разведку! – похвалил Караваева Богатырев. – Нужно организовать заготовку дров. Поручим это нашим лесникам. А пока имеющийся сухой пиломатериал на складах приказываю пустить на дрова. Нужно устроить на улицах большие костры, чтобы люди могли обогреться, пищу готовить на всех в полевых кухнях. Из воинской части уже выехали наши друзья.

– Ханты прослышали про нашу беду, едут на собаках, оленьих упряжках, ставят на площадях чумы, отогревают людей, поят их и кормят.

– Что слышно из области? – спросил Караваев.

– Только что была связь с Богиным по радию. Создан штаб, – доложил Богатырев. – Просят подготовить посадочную площадку обозначить ее кострами. Пока все необходимое будут завозить вертолетами и самолетами.

– Но это капля в море. Нужны радикальные решения, – в голосе Караваева впервые Богатырев уловил тревогу.

– Нужны радикальные решения! – из-за стола поднялся Николай Покачев, заместитель председателя облисполкома по малым народам.

– Предлагай! – согласился Юралов.

– Я предлагаю срочно сформировать автоколонну с необходимыми грузами, специалистами и провести ее напрямую в Беловодск, – сказал уверенно Покачев.

– Автопоезд мы соберем, – сказал Богин, – но пройдет ли он сквозь тайгу, болота... Все-таки 500 километров целины, практического бездорожья.

– Опыт такой уже был, когда перетаскивали буровые. Пошлем впереди несколько бульдозеров, которые будут расчищать путь. Часть пути пройдем реками, лед выдержит, часть болотами, которые из-за бесснежья промерзли основательно, если тайга будет мешать, сделаем просеки, крутые откосы оврагов будем взрывать.

Ты помнишь, Василий Васильевич, мы с тобой уже проходили этим путем на Шаман-озеро? Поэтому я прошу назначить меня руководителем этой экспедиции, надеюсь, что за несколько дней мы доставим груз в Беловодск.

– Другого пути у нас нет, – подвел итог заседания Богин. – Мы согласны с предложением Николая Петровича. Формируй автопоезд и веди его, а мы все, как один, будем тебе помогать.

– Нужно запросить у Богатырева потребность в материалах, специалистах, технике, продовольствии, теплых вещах, зимних палатках, открыть все резервы и к середине дня снарядить экспедицию, – сказал Юралов. – Эту часть работы я готов взять на себя.

К концу следующего дня автопоезд в несколько сот машин и тракторов был готов к отправке. Впереди колонны шло несколько бульдозеров, прогребая дорогу для поезда. Провожать спасателей, казалось, вышел весь город. И каждый, будь на то его воля, готов был отправиться в этот рискованный, но такой необходимый поход.

Сияя огнями, сотрясая гулом моторов замороженный воздух, колонна выступила из областного центра. Покачев был в головном бульдозере, который прокладывал путь напрямую на Шаман. Сразу же отказались от мысли идти уже готовыми дорогами. И это было верное решение.

Сутки прошли без приключений, продвигаясь в час от пяти до десяти километров. Несколько машин встало по техническим причинам, но их тут же ремонтировали в пути или брали на буксир.

Утром следующего дня, преодолев несколько рек и промерзших болот, вступили в тайгу, прокладывая дорогу среди кедров и сосен. Покачев волновался. Где-то здесь был Белый Уймон, в котором гостили они детьми с Васькой Юраловым. Ему вспомнилась чудесная девочка Анюта в русском сарафане и ладных лапоточках, поившая их лосиным молоком.

Покачев долгие годы не мог избавиться от очарования этого образа, хотя понимал, что слишком разные ценности исповедуют они с Анюткой и ее общиной.

К середине дня скорость продвижения колонны упала. Бензопильщики с трелевочными тракторами ушли вперед, прокладывая коридор с тайге.

Вышли на связь по радиации Боголепов с Юраловым.

– Как там в Беловодске? – спросил тревожно Покачев.

– Вся страна соперживает и пытается хоть чем-то помочь. Почты завалены денежными переводами... Но в наших условиях деньги – ничто. Горы посылок с теплыми вещами идут со всей страны. Беловодск героически сопротивляется стуже. Все, как одна единая семья. Но вся надежда на вас.

– Идем, не останавливаясь ни на минуту. Ни днем, ни ночью, – отвечал Покачев дрогнувшим голосом. – Проходим рядом с Белым Уймоном. Далее путь на Лукьянов кордон. А там дорога уже нами была пройдена вместе с Русовым. Нам потребуются еще сутки-полторы.

– Бог вам в помощь! – забыв партийную этику, отвечал Юралов.

На этом сеанс закончился.

К бульдозеру прибежал молодой вальщик.

– Товарищ Покачев, на трассу вышли какие-то странные люди. Может быть, вы поговорите с ними. Это рядом.

Покачев легко покинул бульдозер и пошел вперед его по намечающейся трассе. Сердце его волновалось не зря.

На трассу вышли люди Белого Уймона. Николай бросился к ним, как к родным. Он узнал Анюткиного отца уже седого как лунь. Он бросился было к нему:

– Вы, должно быть, помните меня. Я Николай Покачев, лет двадцать назад мы были у вас в деревне.

Старик перекрестился и опустил глаза.

– Как не помнить, мил человек, – отвечал он кротко. – Звали мы вас оставаться. Не послушались.

И тут на дорогу выступила молодая женщина с малыши детьми, одетыми в шапки-ушанки и ладные овчинные полушубки.

– Это Анютка, – сказал седебородый. – А это детки ее. Бог дал.

Анютка взглянула ласково на Покачева и опустила глаза долу.

Покачев вспыхнул до корней волос и сердце его, казалось, вот-вот выскочит из груди. Он едва нашел силы в себе, чтобы справиться с чувствами и сдержать слезы.

— Мы теперь кое-что слышим и знаем. Дошла весть о беде на Шаман-озере. Возьмите в дорогу наши хлеба. — Анюткин отец протянул Покачеву пару тяжелых мешков. Здесь каравай и мороженое молоко лосиное, медвежий жир от обморожений. Бог вам в помощь! — поклонился он. — Не забывайте нас.

Покачев заскочил на гусеницу трактора, и ревушая грохочущая колонна скрылась в тайге.

А утром следующего дня к автопоезду вышел на лыжах сам Лукьян Северьянов.

Вот это была встреча! Деду Лукьяну было уже около девяноста. Но он был бодр и энергичен. Покачев перебрался с ним в вагончик, и они не могли наговориться до вечера.

Ночью, в дымных кострах, проявился Беловодск. Колонна вошла в замерзающий город около полуночи. На улицах и площадях стояли люди и кричали при появлении колонны: «Ура!».

Покачева встретил Богатырев вместе с Юраловым, прилетевшим сюда вертолетом. Буквально с колес приступила к работам. Затрещали движки передвижных станций, засверкали огни сварки, задымили полевые кухни.

Радостный подъем, несмотря на страшный холод царил во всем Беловодске. И в этом радостном подъеме как-то незаметно прошло событие, которое впоследствии станет знаменательным.

В палатке при свете керосинового фонаря и дымящей печурки медики принимали необычные роды: дежурная газонасосной станции Алефтина Русова принесла сразу троих мальчиков, которых назвали Геннадием, Василием и Николаем.

Встреча с врагом

И вот перед Юраловым, трясаясь от ненависти, стоит Ленька Кропачев. Кажется, дай ему волю и силы, он стер бы Юралова в порошок. Снова пересеклись их жизненные пути.

– Ну говори, чего пришел? – сдерживая себя, совсем негостеприимно спросил Юралов.

– Что за тон? – взвился Кропачев. – Это я должен задавать вам вопросы. И я заставлю вас отвечать на них. И тебя, Юралов, отвечать. Ты тут себя удельным князьком мнишь, но власти твоей, по большому счету, здесь нет. Понял?

– Нет, не понял. Меня на эту должность народ выбирал. И, по крайней мере, тебе я эту власть не отдам, – отвечал Юралов ровным голосом. – Мы тут как-нибудь без тебя разберемся...

– Нет, не разберетесь. Запомни, Юралов, командовать в этой жизни всегда буду я и люди моего склада, а не ты и тебе подобные. Вы – быки, вы – рабочие волы. Вас грузят, грузят, а вы и рады.

Юралов снова сдержался, чувствуя, что его откровенно провоцирует этот старый и не по-доброму знакомый из столичного рыбного ведомства.

Он понимал, что причина этой ярости лежит не столько в принятии областью самостоятельного решения, идущего вразрез с центром, сколько в самом Юралове, в их личных отношениях, где победителем стал Василий. И стал давно, с той самой драки у стен древнего храма.

– Но у каждого вола должен быть погонщик, запомни хорошенько это, Юралов. Так вот я – из погонщиков, ты – из волов, – Кропачев почти визжал, задыхаясь от ярости, – ...и скоро вашей власти здесь не будет. Вы сделаете свое дело и уйдете, а все плоды достанутся нам! И это будет очень скоро.

...И тут Юралов не сдержался. Он встал из-за стола во весь богатырский рост. Ухватил беснующегося Кропачева

за воротник, за штаны пониже пояса и легко поднял в воздух. Он пронес извивающегося московского чиновника через весь кабинет, ногой открыл двери, пронес через приемную и выбросил в коридор, по которому покатались визг и стоны повергнутого противника...

Буквально через пятнадцать минут позвонил Богин.

– Василий, ты чего там буйствуешь? Избил заместителя Министра рыбного хозяйства. Ты представляешь, какие последствия могут быть? Это ведь самое блатное министерство: в их руках все рыбные деликатесы, икра, столь любимая в высоких кабинетах.

– Понимаете, Борис Павлович, – твердо отвечал Юралов, – по-другому я не мог поступить. Подлецам надо в глаза говорить, что они подлецы, иначе они начинают слишком вольготно чувствовать себя в нашей жизни...

Богин долго молчал.

– Я понимаю тебя. Мы отстояли Сибирь. Плескалось бы сейчас, как много тысяч лет назад, Обское море. Мы отстроили ее, создали невиданный нефтегазовый комплекс. А серость, как волчьи стаи, злобствуя в ожидании добычи, следует за нами. Это так, и всюду она будет нашим врагом.

Видимо, придется звонить в Москву, чтобы ЦК своим авторитетом утихомирил этих рыбаков.

Я позвоню сам, а ты работай спокойно.

Эпилог

На душе Юралова был радостный подъем. Он собирался ехать в Сибирь. Он всегда с большой охотой возвращался на родину, поклониться земле предков, земле, которой безраздельно служил всю жизнь.

Юралов позвонил жене:

– Лариса, птаха моя, готовь походный чемодан. Еду в Сибирь.

– Когда?

– Завтра.

– Ну хорошо, что не сегодня. Я хоть успею Витьке пирожков испечь в гостинец.

– Да он там и без твоих пирожков не пропадет. Парень самостоятельный, – заулыбался Юралов, – а впрочем, давай, пеки. Я твои пирожки тоже уважаю. И друзья наши любят. Помнишь, как в Сургуте, все мужики по выходным к нам перлись твоих пирогов отведать. Не у всех жены согласны были в бараках мерзнуть...

Старший сын Юраловых Виктор к Москве так и не смог прирасти. Несколько раз срывался в Сибирь, а теперь, видимо, уже окончательно переселился туда. Выкупил из долгов пластом лежавший колхоз «Зарю» и принялся его поднимать. Днюет и ночует на фермах и в полях. Сказалась отцовская кровь.

И сам Юралов вслед за сыном все чаще и чаще ныряет в родные сибирские края, находя в деревне отдохновение своим истрепанным нервам и сердцу.

Вновь зазвонил телефон.

– Василий Васильевич! Здравствуйте, – припевал уважительный женский голос в трубке, – хочу вам напомнить, что завтра у министра консультационный совет. Министр очень надеется вас видеть.

Юралов на мгновение задумался. Поездку в Сибирь придется на день отложить. Значит, пока не до пирогов.

– Передайте министру, что я непременно буду, – согласно пророкотал в ответ Юралов и положил трубку. – Непременно буду, – сказал он уже сам себе, напирая на первое слово, будто закрепляя этим решимость идти по выбранной дороге до конца.

Новый министр сельского хозяйства России нравился Юралову. Был он довольно молод и энергичен, и, похоже, своими взглядами и действиями мало вписывался в компанию записных реформаторов, с авантюрной легкостью ввергавших страну в экономические потрясения. С первых шагов он заявил о себе, как о решительном защитнике ин-

тересов крестьянства, униженного и ограбленного за последнее десятилетие новой властью, и через это наживший себе немало врагов.

Юралов оперся на подлокотники кресла и встал. Кресло скрипнуло предательски под его могучим телом, но выстояло в очередной раз, не развалившись. Во всей богатырской фигуре Юралова чувствовалась сила и уверенная решительность. Василий Васильевич прошелся по кабинету, разминая затекшие ноги, остановился у широкого окна.

Отсюда, с высоты десятого этажа, хорошо была видна Москва, словно исполинский спрут, опутавшая улицами и проспектами, загроздившая домами и заводами, банками и магазинами землю.

Вот уже больше двадцати лет он в Москве, поработал министром сельского хозяйства, Первым заместителем Председателя Совмина, пока отъявленная серость не развалила страну. Настоящим москвичом он не стал, не почувствовал этот город своим. Кажется, что между ним и московской землей проложена полиэтиленовая пленка, которая не дает укорениться, прорасти в эту землю. И город ему чужой, и он чужой на этом асфальте.

А может быть, подобное чувство знакомо каждому потомственному крестьянину, заброшенному волею судеб в столицу либо другой какой город, накапливающий богатства, гордящийся техническим прогрессом, культурой и цивилизованным бытом и теряющий через это глубинный смысл жизни.

«Вот ведь какое дело, — размышлял Юралов, — похоже, что и в иные времена крестьянину редко когда светила счастливая звезда и слишком мало было у него единомышленников за пределами деревни. Все больше было тех, кто пытался за его счет поживиться».

Один крестьянский поэт писал в свое время:

*«На всей земле, во все века
Гребут и давят мужика,*

*Но все, что пьем мы и едим
Добыто не тобой, а им.
Чем ты живешь, чем мир велик,
Вскормил и выходил мужик...».*

Собирался ехать в родное хозяйство и младший сын Александр.

За пятнадцать лет в результате грабительской ценовой политики, равнодушия к селу, пренебрежения к его нуждам, потенциал сельскохозяйственной отрасли сократился вдвое. Техника, оставшаяся по деревням, давно выработала свой ресурс, скотные дворы и зерносушилки разваливаются, люди в поисках заработка разбегаются по городам...

Так на чьей же стороне быть Юралову вопроса не стоит.

...Консультационный совет министра человек около сорока, куда входят все бывшие министры агропромышленного комплекса России и Советского Союза, разные по возрасту и опыту люди, но чье сердце навсегда отдано селу, кто искренне желает ему добра, собрался в малом зале заседаний.

Речь министра на этот раз была наполнена оптимизмом: в результате настойчивой полемики во властных кабинетах, усилий местных органов власти, самих крестьян, поддержки авторитетных ученых и экономистов удалось добиться приоритетного финансирования сельского хозяйства.

Это была победа. Маленькая пока победа при огромном сопротивлении чиновников, так называемого либерально-демократического направления.

Хотя средств на развитие села было выделено не так много, как это требовалось, министр был озабочен тем, чтобы использовать их наиболее эффективно, чтобы на практике показать, что наше село имеет большой потенциал.

Кажется, прошло совсем немного времени, каких-то три пятилетки, а память наша оказалась погребена под глубоким слоем мусора и фальши, нанесенного лукавой свободой.

И с этой заботой он обратился к членам консультационного совета, людям, в свое время сделавшим немало для развития села. Нужно собрать весь лучший опыт прошлого, обобщить его и сделать доступным для нашего сельского хозяйства.

Юралов понимал, что это не пустая формальность, не знак внимания к заслуженным людям, это настоятельная потребность, поскольку без прошлого нет будущего.

— В конце восьмидесятых в сельском хозяйстве страны происходили решительные перемены к лучшему, — продолжал министр, — шло накопление материальных ресурсов, изменились методы оценки труда, еще немного и сельское хозяйство стало бы вровень с Западом...

— Я уверен, что именно так и было бы, — подтвердил высказывание министра Юралов.

— Не будем отчаиваться. Такая наша крестьянская доля: каждую весну начинать все с начала. И сеять будем, и помирать погодим.

Впереди много дел и там собрались обсудить настоящее горячие проблемы, и Юралов надеялся еще быть полезным стране, сельскому хозяйству, нефтегазовому комплексу.

...Первая встреча с народом была в областном центре. Юралов вышел к трибуне и окинул глазами зал.

Половина людей была знакома ему. Вот сидит постаревший, но улыбающийся радостно пенсионер Николай Петрович Покачев, вот сидят сотрудники его облисполкома и смотрят на него уважительно и с надеждой. Вот сидит его друг и коренник Борис Павлович Богин. Богину, человеку-легенде, более которого, наверное, никто не принес пользу Сибири и ее народу, пришлось уйти с партийной работы. Он построил в одном из сел домик и занялся выращиванием овощей.

Взоры собравшихся были обращены на Юралова, рядом с которым сидели в президиуме представители нового руководства области.

И тут раздался энергичный, задорный и даже радостный голос Богина:

– А ну, Василий, влупи им под первое число!

И Юралов заговорил, повернувшись к новым хозяевам жизни:

– Что пользы человеку от того, если даже он завоюет целый мир, если завладеет всеми богатствами земли и недрами, присвоит чужой труд, построит все для себя...

Литературно-художественное издание
Ехалов Анатолий Константинович
СТРАНА ЖИВОГО ОГНЯ

Оформление обложки: Фалин А.В.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Бумага №1.

Тираж 2000 экз. Сдано в печать: 10.05.2011.

Заказ 5596.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.оаомпк.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685